

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2023, Том 6, №4

Подписано к публикации: 14.07.2023

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна** (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентиновна Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

Е-mail: historical@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://hb-journal.ru>

© Исторический бюллетень, 2023

Содержание

Чжан Синьсинь

Оценки деятельности руководителей Советского Союза в обзоре китайских руководителей в 1988-1991 гг. 7-14

Гуреев М.С.

Белфастское Соглашение 10 апреля 1998 г. – 25-летие урегулирования кризиса в Северной Ирландии 15-18

Абдалла М.М.Э.

Советско-египетские политические отношения во взглядах журналиста и политика Евгения Примакова 19-23

Агафонов И.С.

Образ идеального государя в летописце Пафнутьево-Боровского монастыря и Повести о втором браке Василия III 24-30

Турдикулов О.Т.

Национальная модель высшего образования Республики Узбекистан: становление и развитие (1997-2016 гг.) 31-37

Вовк И.В., Шебалин И.А., Бисембаева М.А.

«Подбросили дрова в кровавую топку грядущей революции». Общественно-политическая дискуссия 20-х гг. XX в. о причинах и характере восстания 1916 г. в азиатской России 38-42

Волков А.С.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка методом астрономической хронологии взятия Трои – легендарного города из Гомеровского эпоса 43-50

Муртазаев А.О., Максудова Х.М.

Советско-египетские отношения во время правления Гамалы Абдель Насера (1950-1970-е гг.) 51-55

Пикалов Ю.В.

Основные проблемы исследования истории Дальнего Востока РСФСР в период 1922-1941 гг. 56-61

Иванов А.М., Ковалёва А.Е., Котова Э.А., Купченко К.В., Федоскин Н.Н.

О состоянии борьбы с хулиганством в Советском Союзе 1960-гг. на примере Смоленской области 62-65

Муртазаев А.О., Исаева А.М.

Основные направления политики противоборствовавших держав на Восточном Кавказе в начале XVIII века 66-72

Кирчанов М.В.

Образы Сухарто и режима «нового порядка» в современной культуре исторической памяти индонезийского ислама 73-84

Тугужекова В.Н., Ахремчик О.Г.

Союз театральных деятелей Хакасии в 1990-2023 гг. 85-92

Хизриев А.Х., Давудгаджиев Х.М.

Особенности британской системы «завуалированного протектората» как прототип современного неокOLONиализма 93-98

Тишков В.В.

Вклад братьев Нобель в технологическую модернизацию нефтяной промышленности Российской империи в конце XIX в. 99-104

Толчинская Т.И. История внедрения исламистского радикализма в Дагестане и Чечне. Последняя четверть 20 века	105-109
Антоновская Е.А., Худолеев А.Н. Образ Лжедмитрия I в отечественной дореволюционной классической историографии	110-115
Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. Особенности этнокультурного взаимодействия в этноконтактной зоне Восточного Крыма во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалу нашей археологических исследований в Аджиэльской балке)	116-128
Хронова И.А. Организация коллективного труда крестьянства Северо-Кавказского края в 1920-х годах	129-137
Беляева Е.В. Формирование культурных традиций в раннем палеолите и их проявление в раннеашельских индустриях Кавказа	138-149
Гусейнов Анвархан Асиф оглы Трудовой и фронтовой вклад Азербайджанской СССР в период Великой Отечественной войны	150-155
Дербасов М.В. Политические решения французского правительства в условиях оккупационного режима	156-160
Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад	161-167
Головинов А.В., Головинова Ю.В. «Сибирские вопросы» в актуальной политической публицистике Н.М. Ядринцева: опыт анализа материалов журнала «Дело» в 1870-е гг.	168-171
Скопа В.А. Историософские взгляды М.М. Щербатова в контексте русского Просвещения	172-175
Прищепа А.И., Усмонов А.Г. «Юганскфракмастер» – первое совместное предприятие нефтегазовой отрасли СССР в Ханты-Мансийском округе	176-180
Хаяров Д.Г., Сычева Т.Ю., Сотникова Е.В., Ступина Н.С. Молодежная террористическая деятельность в российском обществе во второй половине XIX века	181-184
Сотникова Е.В., Хаяров Д.Г., Макаренко Н.Н. Социокультурные аспекты освоения Сибири в XVII веке	185-189
Суровегина Е.С. Социалистическое соревнование в промышленности Горьковской области в годы восьмой пятилетки	190-195
Турченко Д.А., Худолеев А.Н. Анализ источников магистерской диссертации Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества»: к постановке проблемы	196-201

Contents

Zhang Xinxin

Assessments of the activities of the leaders of the Soviet Union
in the survey of Chinese Leaders in 1988-1991 7-14

Gureev M.S.

The Belfast Agreement of April 10, 1998 – the 25th anniversary
of the settlement of the crisis in Northern Ireland 15-18

Abdalla M.M.E.

Soviet-Egyptian political relations in the views of journalist and politician Yevgeny Primakov 19-23

Agafonov I.S.

Image of the ideal sovereign in the chronicler of the Paphnutievo-Borovsky
Monastery and the Tale of the Second Marriage of Vasily III 24-30

Turdikulov O.T.

National model of higher education of the Republic of
Uzbekistan: formation and development (1997-2016) 31-37

Vovk I.V., Shebalin I.A., Bisembayeva M.A.

“They threw firewood into the bloody furnace of the coming revolution”. Social and political discussion
of the 20s of the XX century on the causes and nature of the 1916 uprising in Asian Russia 38-42

Volkov A.S.

Historical and chronological study of documentary sources and dating by astronomical
chronology of the capture of Troy – the legendary city from the Homeric epic 43-50

Murtazaev A.O., Maksudova H.M.

Soviet-Egyptian relations during the reign of Gamal Abdel Nasser (1950s-1970s) 51-55

Pikalov Yu.V.

Main problems of studying the history of the Far East of the RSFSR in the period 1922-1941 56-61

Ivanov A.M., Kovaleva A.E., Kotova E.A., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N.

On the state of the fight against hooliganism in the Soviet
Union in the 1960s on the example of the Smolensk region 62-65

Murtazaev A.O., Isaeva A.M.

Main policy directions of the warring powers in the Eastern
Caucasus at the beginning of the XVIII century 66-72

Kirchanov M.V.

Images of Soeharto and the "new order" regime in the modern
culture of the historical memory of Indonesian Islam 73-84

Tuguzhekova V.N., Akhremchik O.G.

The Union of theater workers of Khakassia 1990-2023 85-92

Khizriyev A.Kh., Davudgadzhiev Kh.M.

Features of the British system of "veiled protectorate" as a prototype of modern neocolonialism 93-98

Tishkov V.V.

The Nobel brothers' contribution to the technological modernization
of the oil industry of the Russian Empire at the end of the XIX century 99-104

Tolchinskaya T.I. History of the implementation of Islamic radicalism in Dagestan and Chechnya. Last quarter of the 20th century	105-109
Antonovskaya E.A., Khudoleev A.N. The image of False Dmitry I in the Russian Pre-revolutionary classical historiography	110-115
Yartsev S.V., Shushunova E.V., Vnukov A.A. Features of ethno-cultural interaction in the ethnocontact zone of the Eastern Crimea in the second half of the 1 ST century BC – 1 ST century AD (based on the material of the latest archaeological research in the Adzhial gully)	116-128
Khronova I.A. Organization of collective labor of the peasantry of the North Caucasus Region in the 1920s	129-137
Belyaeva E.V. Forming of cultural traditions in the Early Paleolithic period and their manifestation in the Early Acheulian industries of the Caucasus	138-149
Guseynov Anvarkhan Asif ogly Labor and front contribution of the Azerbaijani SSR during the Great Patriotic War	150-155
Derbasov M.V. Political decisions of the French government under the occupation regime	156-160
Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the era of the Olympics	161-167
Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. "Siberian questions" in current political journalism of N.M. Yadrintsev: the experience of analyzing the materials of the journal "Delo" in the 1870s.	168-171
Skopa V.A. Historiosophical views of M.M. Shcherbatov in the context of Russian Enlightenment	172-175
Prishchepa A.I., Usmonov A.G. Yuganskframaster - the first joint venture of the USSR oil and gas industry in the Khanty-Mansiysk Okrug	176-180
Khayarov D.G., Sycheva T.Yu., Sotnikova E.V., Stupina N.S. Youth terrorist activities in Russian society in the second half of the 19th century	181-184
Sotnikova E.V., Khayarov D.G., Makarenko N.N. Sociocultural aspects of the exploration of Siberia in the XVII century	185-189
Surovegina E.S. Socialist competition in the industry of the Gorky region during the eighth five-year plan	190-195
Turchenko D.A., Khudoleev A.N. Analysis of the sources of D.I. Ilovaisky's Master's thesis "The History of the Ryazan Principality": towards the formulation of the problem	196-201

*Чжан Синьсинь, аспирант, научный сотрудник,
Цзилиньский педагогический университет, Китай*

**Оценки деятельности руководителей Советского
Союза в обзоре китайских руководителей в 1988-1991 гг.**

Аннотация: в статье предметом исследования является отражение кризиса советской политической системы. Советский Союз, как и Китайская Народная Республика (КНР), является многонациональными государствами, поскольку цель исследования – объяснить причины кризиса, приведшего к распаду советского государства. После кардинальных изменений в Советском Союзе и Восточной Европе, изучая уроки и ошибки советских руководителей, руководящие лица Коммунистической партии Китая (КПК) разработали основную государственную политику, направленную на обеспечение стабильного развития национальной экономики. Благодаря этой политике Китай достиг больших успехов во многих областях. Так как Анализ идеологических разногласий в политической системе между двумя правящими партиями страны представляют не только научный, но и актуальный для современной России и Китая.

Современная российская историография по истории перестройки накопила значительный пласт специальных исторических исследований. Вместе с тем среди них нет специальных работ, посвященных отражению перестройки в обзоре китайских руководителей и китайской центральной прессы, такие как газета «Жэньминь Жибао», «Газета Китайская Молодежь», журнал «Цюши», журнал «Ляо Вань» и т.д. Научная новизна заключается в том, что данная статья представляет возможность нового аспекта, посвященного данной проблемой. После 1989 г. отношения китайских руководителей и китайских СМИ к реформам в СССР претерпели серьезные изменения, можно сделать вывод, что проблемы в Советском Союзе возникли внутри КПСС: отход от марксизма-ленинизма и отказ от социалистической системы привели к полномасштабному кризису. Результаты данного исследования не только помогут раскрыть причины распада СССР и развала КПСС, а также предоставляют материалы российским и китайским исследователям для изучения особенности китайского пути осуществления реформ и открытости и модернизации по модели социализма с китайской спецификой.

Ключевые слова: политика, экономика, реформа, социализм, руководитель, Советский Союз, Китай, КПСС, КПК, распад СССР

Для цитирования: Чжан Синьсинь Оценки деятельности руководителей Советского Союза в обзоре китайских руководителей в 1988-1991 гг. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 7 – 14.

Поступила в редакцию: 12 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 7 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Введение

Советская история имеет особое значение для Китая. В историческом процессе модернизации Советский Союз оказал самое сильное и продолжительное влияние на Китай. Приход нового генерального секретаря ЦК КПСС вызвал повышенный интерес Китая к тем процессам, которые происходили в СССР. Уже с первых заявлений М.С. Горбачёва о переменах, Китай связывал с реформами Советского Союза большие надежды. В то время Китай находился в критическом периоде «реформ и открытости». Вследствие этого реформы М.С. Горбачева имели определённое значение для КНР, одновременно советские реформы и координатная международная ситуация сильно влияли внутреннюю политическую и общественную обстановку Китая.

**1. Обзор оценок китайских
руководителей к советской реформе**

Ещё до образования нового Китая Мао Цзэдун (26 декабря 1893 – 9 сентября 1976, главный основатель и руководитель КПК и КНР, главный основатель «идеи Мао Цзедуна») уделял большое внимание важному вопросу о том, как обеспечить, чтобы партия и режим никогда не деградировали, стремясь к тому, чтобы великое дело КПК никогда не ухудшилось. По его мнению, «КПК должна под воздействием великих ветров и волн воспитать тысячи преемников дела пролетарской революции. Высокопоставленные партийные кадры и руководители должны понимать марксизм-ленинизм... верно работать на благо народа, государства и партии. Именно такой характер и стиль должны иметь коммунисты, партийные кадры и лидеры» [1, с. 271-281].

В начале 1992 г., после трагического распада СССР и крушение КПСС, во время южного тура страны с инспекцией в Шэньчжэнь Дэн Сяопин (22 августа 1904 – 19 февраля 1997, великий архитектор экономических реформ и социалистической модернизации Китая, главный основатель «теории Дэн Сяопина») отметил: «Проблемы в Китае возникают не в другой области, а внутри компартии. Проблемы в Советском Союзе и Восточной Европе возникли внутри КПСС. Если в нашей партии возникают проблемы, то во всей стране, безусловно, большие проблемы. Такая сильная держава, как Советский Союз, рухнула за несколько месяцев. Если Китай не примет этот урок, не обратит внимания при появлении первых признаков, как М.С. Горбачёв не осознал последствия "нового мышления", начнутся массовые беспорядки и хаос» [2, с. 381].

Цзян Цзэминь (17 августа 1926 – 30 ноября 2022, с 1989 по 2002 – генеральный секретарь ЦК КПК, с 1993 по 2003 – председатель КНР, главный основатель теории трех представительств) глубоко отметил: «К распаду СССР привёл серьёзный отрыв от масс из-за проведения неправильной линии, курса и политики руководством Советского Союза» [3].

Ху Цзиньтао (родился 21 декабря 1942, с 2002 по 2012 занял пост генерального секретаря КПК, с 2003 по 2013 – председателя КНР, главный основатель «Научного взгляда на развитие») также отметил: «Причины краха КПСС и распада Советского Союза многообразны, среди которых одной из наиболее важных причин является возникновение теоретических и политических проблем» [4, с. 453-459].

Си Цзиньпин (родился 15 июня 1953, с 2012 занял пост генерального секретаря ЦК КПК, с 2013 – председателя КНР, главный основатель «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи») неоднократно обсуждал эту проблему. 5 января 2013 г. он указал: «Почему распался Советский Союз? Почему распалась Коммунистическая партия Советского Союза? Важная причина заключается в том, что борьба в идеологической сфере велась очень ожесточенно, полностью отрицая историю Советского Союза, история КПСС, В.И. Ленин, И.В. Сталин. Партийные организации всех уровней почти не играли роли, и армия больше не находилась под руководством партии. Наконец рухнула и партия, и держава. В этом честно есть определенная логика» [5, с. 4-5]. 5 января 2018 г. Си Цзиньпин опять подчеркнул: «Как только коммунистическая партия потеряет свои идеалы и убеждения, она потеряет свою духовную силу и духовную связь, превратится в сброд и не сможет избежать неудачи. В

том заключается логика распада СССР, развала КПСС и резкого изменения Восточной Европы. КПСС захватила власть с 200 тыс. членов, победила Гитлера с двумя миллионами членов и потеряла власть с почти 20 миллионами членов. В чем причина? Исчезли идеалы и убеждения» [6, с. 7-8].

Бывший министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин во время пребывания на своем посту опросил более 30 иностранных лидеров о причинах распада Советского Союза. Ответы были самые разные, начиная с коррупции в высшем руководстве страны, которая превратила советскую компартию в правящий класс, сосредоточенный исключительно на собственных материальных интересах, здесь и несовершенство правовой системы, законсервованность экономической системы, большой разрыв между богатыми и бедными, поражение в гонке вооружения с США и т.д. [7, с. 136].

Газета «Жэньминь Жибао», являющаяся самой влиятельной газетой в Китае и отражающая позицию и точку зрения китайского правительства, уделяла повышенное внимание преобразованию советского общества. В июле 1985 г. газета «Жэньминь Жибао» сделала 11 публикаций, посвященных перестройке в СССР. Согласно сообщениям, в начале основное внимание китайской прессы было обращено на перемещения в высшем государственном и партийном руководстве страны и другим кадровым вопросам, когда с расширением реформ, в центре внимания оказался более широкий круг проблем об оценке социальных аспектов перестройки: от действий советского правительства по искоренению пьянства и алкоголизма до изменений в области культуры и искусства, которые получили «одобрение и понимание» китайских специалистов и считались «одной из важных областей советской перестройки» [8, с. 71]. Анализ оценок китайскими средствами массовой информации перестроенных процессов в СССР присутствуют и в публикациях И.Ю. Зуенко [9, с. 58-57, 9, с. 226-235]. В центре внимания автора китайские реформы и то, в какой степени советская перестройка могла повлиять на политическую повестку КНР.

2. Идеологические разногласия по политическим реформам между руководителями КПСС и КПК

В 1978 г. в Китае начиналась экономическая реформа и проводилась политика «реформ и открытости». В период перестройки основная социальная и политическая тенденция Советского Союза и Китая была направлена на переход к рыночной экономике и приватизацию предприятий. Китайская пресса уделяла пристальное внимание советским реформам и широко информировала о них своих читателей. Но при углублении реформы в

Советском Союзе, между руководителями КПСС и КПК существовали серьезные разногласия по политическим реформам, которые отражаются в следующих аспектах:

1) Разные оценки по историческому отрицанию партии и открытой критике ошибок прежних руководителей государства.

В процессе размышления и критики, советские СМИ превратили ошибки великих руководителей в отрицание советской истории и сомнение в руководстве КПСС. «Демократия» и «гласность» считались ведением реализации реформы, в начале которой было проявлено большое сомнение к модели политической системы, и в обществе сложилось отрицание истории партии и Советского Союза. Открытая критика ошибок И. В. Сталина и недостатков прежних руководителей становилась отрицанием руководства КПСС и социализма, что привело к идеологическому кризису. Советский народ приходил к мнению, что социализм был хуже капитализма, теряли политическую уверенность и доверие к КПСС и СССР.

«Наиболее острую полемику вызывала оценка исторических лиц. В прошлом, все левацкие взгляды являлись отходом от социализма. Теперь, следовало отказаться от дополнения социалистической теории к марксизму и ленинизму в сталинский период», как отметил журнал «Ляо Вань» [10, с. 226-235]. «Дискуссия являлась обострением противоречия между силами реформаторов и консерваторов, и борьбой за сохранение или изменение старой модели между двумя фракциями. Объективное суждение о заслугах и ошибках этих исторических личностей могло бы исправить идеологию и ускорить процесс реформы. Однако, слишком сильное увлечение критикой отвлекли от направления реформы, вызвали общественные беспорядки, и, таким образом, воспрепятствовали реформе», как информировала газета «Жэньминь Жибао» [11, с. 7].

Здесь следует отметить, что компартия Китая и китайская пресса не согласились с практикой КПСС. После окончания десятилетней «культурной революции» в Китае, Дэн Сяопин полностью признавал достижения Мао Цзэдуна для развития истории государства и партии, и также отметил ошибки в последний период его жизни. «Культурная революция» и «идея Мао Цзэдуна» были отдельно рассмотрены, так КПК избежала от ошибки полного отрицания. «Проведение различие ошибок и заслуг Мао Цзэдуна помогло созданию правильной идеологической основы, что и способствовало успешному развитию политической реформы. «Мы должны отличить Маоизм от ошибки культурной революции, не только признать ошибки великих руководителей, но и нельзя полностью

отрицать их исторические заслуги. Это два разных понятия», отметил Дэн Сяопин [2, с. 297].

2) Существовали существенные различия в отношении к выбору политической системы между двумя партиями и странами.

В Советском Союзе открытая политическая система была в предпочтении к капиталистической. В 1989 г. Советский Союз был вынужден реформировать политическую систему. Несмотря на то, что китайские газеты высоко оценили XIX партийную конференцию, и согласились с тем, что эта конференция имела исторический статус и значение, XIX конференция КПСС заняла центральное место в публикациях китайских газет. «Конференция символизировала, что реформа в Советском Союзе вступила в важную революционную стадию», как печатала газета «Жэньминь Жибао» [12, с. 6].

Находившись в периоде «реформ и открытости», исключительно в критическом времени после подавления протестов на площади Тяньаньмэнь, Китай не мог воспринять и признать идею М. С. Горбачёва, кто выступал за право свободы и создание гуманного демократического социализма, фактически, сутью которого являлось отступление созданной В.И. Лениным идеологией КПСС, отказ руководящей росли партии. М.С. Горбачёв хотел оставить семидесятилетний социалистический режим, созданный после Октябрьской революции, и создать западную демократическую республику на территории Советского Союза.

Однако уже в 1982 г. на XXII съезде КПК Дэн Сяопин озвучил новую идею, «При осуществлении модернизации необходимо сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой – таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта» [2, с. 10].

Последующие поколения руководителей КПК и КНР продолжили эту линию. Цзян Цзэминь в 2002 г. на XVI Всекитайском съезде КПК заявил, «Китай не копировал западные политические модели... придерживается только однопартийной системы под управлением ЦК КПК» [13].

Ху Цзиньтао в 2012 г. на открытии XXVIII съезда КПК особо подчеркнул, «КНР не будет копировать западные политические системы, необходимо постоянно совершенствовать социалистическую систему» [4, с. 456].

Си Цзиньпин неоднократно глубоко отмечал, «Необходимо заимствовать полезные плоды политической культуры человечества, но не копировать западные модели демократизации» [14, с. 10]. «Модернизация в китайском стиле – это модернизация, которая идет по пути мирного развития,

глубоко укоренилась в превосходной традиционной китайской культуре... отражает новую картину, отличную от модернизации западной модели» [15].

3) Разногласие в распределения права руководства заключается в том, что советская политическая реформа привела к лишению права руководства КПСС, в Китае проведение реформы необходимо под руководством партии, нельзя ослабить руководство КПК.

М.С. Горбачёв не учитывал реформирование и совершенствование руководства КПСС, наоборот, он относил все ошибки и трудности к советским партийным и государственным органам. При этом руководящая идеология КПСС постепенно превращалась в препятствие в процессе проведения политической реформы. По сообщению газеты «Гуанмин Жибао»: «С мая по июнь 1989 г. первый созыв Съезда народных депутатов знаменовал смену структуры государственной власти в Советском Союзе, и первоначально сформировал структуру, похожую на разделение трех вида прав. Съезд народных депутатов был известен как высшей государственной властью, а Верховный Совет СССР являлся его постоянным органом – парламентом. С 12 по 24 декабря 1989 г. в Москве проходил второй Съезд народных депутатов. На съезде произошла горячая дискуссия по вопросу необходимости отмены 6-й статьи Конституции СССР, предмет которой не получил поддержки большинства членов депутатов» [16, с. 4]. КПСС начала постепенно отказываться от ее руководящей роли в политической системе, поскольку вся власть находилась в ведении Верховного Совета, Политбюро больше не являлось центром власти, руководящая роль КПСС была отменена. 15 марта 1990 г. на третьем Съезде народных депутатов было объявлено, что М.С. Горбачёв был избран первым президентом Советского Союза. Съезд учредил президентскую должность с широкими правами, как сообщала «Газета Китайской Молодежи» [17, с. 3].

Дэн Сяопин неоднократно отмечал, «Реформирование партийной руководящей системы проводится не для того, чтобы ослабить руководящую роль партии. В Китае, объединить идеи сотен миллионов населения и создать социализм, сможет только правящая партия с высокой сознательностью, дисциплинированностью и самопожертвованием. Если бы не было такого единого руководства, государство развалилось» [2, с. 178]. Провал советской политической реформа подтвердило рассуждение Дэн Сяопина по вопросу партийного руководства. Распад СССР показал, что КПСС сама разрушила себя и потеряла свое лидерство.

4) Во внешних условиях Советский Союз и Китай придерживались разных принципов, что и являлось важной причиной изменения оценок деятельности советских руководителей.

Исходя из внешних условий, с начала 1989 г. в Советском Союзе и странах Восточной Европы произошла геополитическая катастрофа. Вслед за преобразованиями в Восточной Европе и роспуском ОВД в самом СССР стали в полной мере проявляться национальные проблемы.

«Газета Китайская Молодежь» проанализировала: «В последние десятилетия советская национальная политика допускала ошибки. Недовольство жизненным положением и существенными различиями регионов привело к сильнее национальным кризисам. В связи с изменением внутренней и внешней ситуации Советского Союза, старые национальные проблемы всплыли на поверхность. Некоторые антисоциалистические силы и радикальные сепаратисты, пользуясь "демократизацией" и "гласностью", пытались возбуждать этнические противоречия, разрушить социальную систему и вести раскол государства. Кроме этого, западные СМИ сильно раскачивали антиправительственные митинги жителей на Балтийское побережье, что и способствовало национальным конфликтам в Советском Союзе» [18, с. 3].

В то же время страна сталкивалась с серьезным социальным и экономическим кризисом, доходы жителей продолжали снижаться, и проблемы средств к существованию народа не могли быть решены. Как отметил журнал «Ляо Вань», что в СССР существовали два нестабильных фактора, одним из которых являлось нарастание недовольства народа экономической ситуацией в стране, другим серьезным фактором считались национальные проблемы в Советском Союзе. Оба они разрушали уверенность народа в реформе, особенно в политической [19, с. 39-40].

Для решения национальных вопросов, реформатор Дэн Сяопин считает, что есть два пути: немирный и мирный. Решение вопросов немирным путем, то есть силой оружия, вообще нежелательно. Выбирая мирный способ, нужно полностью учитывать историческое прошлое, а также реальное состояние нации, что требует придерживаться реалистического подхода и во всем исходить из реальной действительности. В Советском Союзе вспыхивало немало вооруженных конфликтов, которые были разрешены немирными способами, если бы они пошли на разумные и рациональные меры, то СССР мог ликвидировать вспышки большинства национальных вопросов и стабилизировать внутреннюю обстановку [20, с. 65-66]. Дэн Сяопин считал, что Китай должен сохранить свою мощь, использовать все возможности для

развития. Перед лицом напряжённой международной ситуации, он в 1990 г. неоднократно подчёркивал: «Внешняя политика Китая последовательна, есть два предложения, первое – противостоять гегемонизму и политике силы, защищать мир во всем мире, второе – создать новый международный политический и экономический порядок» [21].

В то время Китай получил определенные успехи в экономических реформах, но под влияние национальных конфликтов в Советском Союзе и западной политики «мирной революции», китайские СМИ не давали подробную информацию внешней обстановки, которая могла дестабилизировать ситуацию и внести волнение в общество. Китай более твёрдо придерживается основной государственной политики «реформ и открытости», сознательно развивает отношение и сотрудничество с разными большими и маленькими странами.

5) Разные понятия к необходимости экономической реформы существовали руководящие лица между КПСС и КПК.

После трехлетней реформы Советский Союз преодолел застойное состояние в экономике, но острая проблема о сельском хозяйстве, как наиболее элементарные средства существования народа, не была решена. Вслед за углублением реформы экономической системы, нарастающий спрос на основные потребительские товары все более не соответствовал с недостатками земледельческой продукции. Как анализировала «Газета Китайская Молодежь», что причинами стагнации советского сельского хозяйства являлись ошибки как в системе, так и в управленческой политике. В 1980-е гг. сельское хозяйство находилось в спаде. С тех пор как М.С. Горбачёв вступил в должность, он реализовал много стратегий, чтобы стимулировать энтузиазм фермеров к производству, но эффект был не очевиден [22, с. 3]. 15 октября 1989 г. в своем выступлении Н.И. Рыжков отметил, что, экономическая ситуация в СССР была очень тяжелой и сложной, сельскохозяйственное и пищевое производство в настоящее время являлось тревожной проблемой. Чтобы устранить существующие проблемы в следующем году, правительство сделало приоритетным решение вопросов снабжения про-

дукции. Газета «Жэньминь Жибао» сообщала об этой речи и выразила свою обеспокоенность экономическому положению Советского Союза [23, с. 3].

Когда говорил о влиянии международной обстановки на Китай, Дэн Сяопин в марте 1990 г. отметил: «Самым фундаментальным фактором являются темпы экономического роста, и это должно отражаться в постепенном улучшении жизни народа... Народ смотрит на практику. Социализм и реформы приносят им существенную пользу, и наше дело будет вечным!» [21] В начале 1992 г. в ходе поездки по Югу Китая Дэн Сяопин ещё раз заявил, что проблемы СССР и Восточной Европы заключались в кризисе партии, а ключевым фактором было отсутствие экономического подъема. Развитие – наиважнейшая задача правящей партии в деле управления государством и подъема страны [24, с. 4].

Заключение

Процесс советских реформ был сложным. Распад КПСС и СССР является важнейшими событиями не только для России, но и для всего мира, но не является поражением самого социализма, а стал первым неудачным социалистическим испытанием в мире. Исследование данной проблемы позволило сделать вывод, что неудачная политическая реформа стала внутренней причиной распада СССР, потеря политической веры в социализм непосредственно привела к развалу партии. В стране реализация какой-то системы зависит от того, что эта система могла способствовать социально-экономическому развитию страны и повышать уровень жизни народа, путь развития страны смог решать только народ. С точки зрения выживания правящей марксистской политической партии, придерживание социального идеала является фундаментальной гарантией непобедимости партии и способности непрерывного подъема и развития, КПК должна твердо придерживаться марксистских убеждений, защищать центральное руководящее положение и авторитета партии. Китай, как социалистическая страна, должен извлечь уроки из практики советских реформ, решительно продолжать свой путь развития и совершенства социализма.

Литература

1. Мао Цзэдун Борьба за вовлечение многомиллионных масс в единый антияпонский национальный фронт // Мао Цзэдун сюаньцзи (Избранные произведения Мао Цзэдуна). Пекин.: Народное Изд-во, 2008. Т. 1. С. 271 – 281.
2. Дэн Сяопи Дэн Сяопин взньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина). Пекин: Народное Изд-во, 2001. Т. III. С. 10, 178, 297, 381.
3. Великая и славная жизнь Цзян Цзэминя. Источник: Центральное телевидение Китая. Официальный сайт. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1751109640150011803&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 02.12.2022)

4. Ху Цзиньтао Основа идейно-теоретического строительства партии – это теоретическое строительство // Сборник избранных произведений Ху Цзиньтао. Пекин.: Изд-во народа, 2016. Т. I. С. 453 – 459.
5. Си Цзиньпин Выступление Си Цзиньпина на семинаре по изучению и реализации духа XVIII партийного съезда для новых членов и кандидатов в члены Политбюро КПК КПК // Журнал Цюши. 2019. № 07. С. 4 – 5.
6. Си Цзиньпин Интенсивно продвигать партийное строительство как новую великую программу // Журнал Цюши. 2019. № 19. С. 7 – 8.
7. Ли Чжаосин По прошлому можно различить, что хорошо и плохо. Разум и долг – чтение «Большое партийное строительство Китая на фоне глобализации» // Рефераты Синьхуа. 2010. № 12. С. 136.
8. Артемьева О.С. Китайская пресса о социально-политическом аспекте перестройки в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 1. С. 71.
9. Зуенко И.Ю. Последний урок старшего брата: проблема политической реформы в Китае и перестройка в СССР // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 58 – 71; Он же. Изучение перестроечного опыта СССР в Китае // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 226 – 235.
10. Шэн Шилинь Продолжение дискуссии о реформы вокруг реформы в СССР // Журнал Ляо Вань. 1988. № 21. С. 41 – 42.
11. Фан Сюань Общественное мнение перед созывом XIX партийной конференции // Газета Жэньминь Жибао. 1988. 27 мая. С. 7.
12. Фань Жоньсюань Реформа переход к этапу поворота – впечатление от XIX партийной конференции КПСС // Газета Жэньминь Жибао. 1988. 3 июля. С. 6.
13. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК. Источ.: Информационное агентство «Синьхуа». Официальный сайт. URL: http://www.gov.cn/govweb/test/2008-08/01/content_1061490.htm (дата обращения: 01.08.2022)
14. Си Цзиньпин Выступление Си Цзиньпина на рабочей совещании ЦК КПК // Журнал Цюши. 2022. № 5. С. 10.
15. Важная речь Си Цзиньпина на церемонии открытия семинара по планированию работы по изучению, распространению и претворению в жизнь духа XX съезда КПК. Источник: Информационное агентство «Синьхуа». URL: <http://www.xinhuanet.com/nzzt/160/index.htm> (дата обращения: 02.15.2023)
16. Созыв второго Съезда народных депутатов // Газета Гуанмин Жибао. 1989. 13 дек. С. 4.
17. Горбачёв М.С. был избран первым президентом СССР // Газета Китайская Молодежь. 1990. 16 марта. С. 3.
18. Ван Сяньцзюй, Чжан Теган Национальные вопросы чинили препятствия Советскому Союзу, Кремль приспособлялся к изменившейся обстановке // Газета Китайская Молодежь. 1989. 10 окт. С. 3.
19. Тан Сюжэ Сунь Жуньюй Непокойное лето в Советском Союзе // Журнал Ляо Вань. 1989. № 36. С. 39 – 40.
20. Дэн Сяопин Идея «Одно государство – два строя» практически осуществима (Из беседы с министром иностранных дел Англии Джеффри Хау. 31 июля 1984) // Основные вопросы современного Китая. Пекин.: Изд-во литературы на иностранных языках КНР, 1987. С. 65 – 66.
21. Дэн Сяопин и важные исторические события Республики. Источ.: Газета Жэньминь Жибао онлайн. Официальный сайт. URL: <http://cps.people.com.cn/n1/2018/0223/c69113-29830674.html> (дата обращения: 23.02.2018)
22. Си Шугуан Советское сельское хозяйство могло избавиться от трудной проблемы? // Газета Китайская Молодежь. 1989. 14 апр. С. 3.
23. Рассказ Н.И. Рыжкова о советских экономических проблемах // Газета Жэньминь Жибао. 1989. 17 окт. С. 3.
24. Ван Чанцзян Как Дэн Сяопин видит проблемы СССР в Восточной Европе // Газета Пекин Жибао. 2007. 27 авг. С. 4.

References

1. Mao Czjedun Bor'ba za vovlechenie mnogomillionnyh mass v edinyj antijaponskij nacional'nyj front. Mao Czjedun sjuan'czi (Izbrannye proizvedenija Mao Czjeduna). Pekin.: Narodnoe Izd-vo, 2008. Т. 1. С. 271 – 281.
2. Djen Sjaopi Djen Sjaopin vjen'sjuan' (Izbrannye proizvedenija Djen Sjaopina). Pekin: Narodnoe Izd-vo, 2001. Т. III. С. 10, 178, 297, 381.
3. Velikaja i slavnaja zhizn' Czjan Czjeminja. Istochnik: Central'noe televidenie Kitaja. Oficial'nyj sajт. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1751109640150011803&wfr=spider&for=pc> (data ob-ashhenija: 02.12.2022)

4. Hu Czin'tao Osnova idejno-teoreticheskogo stroitel'stva partii – jeto teoreticheskoe stroitel'stvo. Sbornik izbrannyh proizvedenij Hu Czin'tao. Pekin.: Izd-vo naroda, 2016. T. I. S. 453 – 459.
5. Si Czin'pin Vystuplenie Si Czin'pina na seminare po izucheniju i realizacii duha XVIII partijnogogo s#ezda dlja novyh chlenov i kandidatov v chleny Politbjuro KPK KPK. Zhurnal Cjushi. 2019. № 07. S. 4 – 5.
6. Si Czin'pin Intensivno prodvigat' partijnoe stroitel'stvo kak novuju velikuju programmu. Zhurnal Cjushi. 2019. № 19. S. 7 – 8.
7. Li Chzhaosin Po proshlomu možno razlichit', čto horosho i ploho. Razum i dolg – čtenie «Bol'shoe partijnoe stroitel'stvo Kitaja na fone globalizacii». Referaty Sin'hua. 2010. № 12. S. 136.
8. Artem'eva O.S. Kitajskaja pressa o social'no-politicheskom aspekte perestrojki v SSSR. Problemy Dal'nego Vostoka. 1988. № 1. S. 71.
9. Zuenko I.Ju. Poslednij urok starshego brata: problema politicheskoj reformy v Kitae i perestrojka v SSSR. Rossiya i ATR. 2015. № 4. S. 58 – 71; On zhe. Izuchenie perestroechno go opyta SSSR v Kitae. V zerkale perestrojki: k osmysleniju rossijskoj transformacii: sb. nauch. st. Vladivo-stok: IIAJe DVO RAN, 2015. S. 226 – 235.
10. Shjen Shiljan' Prodolzhenie diskussii o reformy vokrug reformy v SSSR. Zhurnal Ljao Van'. 1988. № 21. S. 41 – 42.
11. Fan Sjuan' Obshhestvennoe mnenie pered sozyvom XIX partijnoj konferencii. Gazeta Zhjen'min' Zhibao. 1988. 27 maja. S. 7.
12. Fan' Zhon'sjuan' Reforma perehod k jetapu povorota – vpečatlenie ot XIX partijnoj konferencii KPSS. Gazeta Zhjen'min' Zhibao. 1988. 3 ijulja. S. 6.
13. Doklad Czjan Czjeminja na XVI Vsekitajskom s#ezde KPK. Istoch.: Informacionnoe agentstvo «Sin'hua». Oficial'nyj sajt. URL: http://www.gov.cn/govweb/test/2008-08/01/content_1061490.htm (data obrashhenija: 01.08.2022)
14. Si Czin'pin Vystuplenie Si Czin'pina na rabochej soveshhanii CK KPK. Zhurnal Cjushi. 2022. № 5. S. 10.
15. Vazhnaja rech' Si Czin'pina na ceremonii otkrytija seminaru po planirovaniju raboty po izucheniju, rasprostraneniju i pretvoreniju v zhizn' duha XX s#ezda KPK. Istochnik: Informacionnoe agentstvo «Sin'hua». URL: <http://www.xinhuanet.com/nzzt/160/index.htm> (data obrashhenija: 02.15.2023)
16. Sozyv vtorogo S#ezda narodnyh deputatov. Gazeta Guanmin Zhibao. 1989. 13 dek. S. 4.
17. Gorbachjov M.S. byl izbran pervym prezidentom SSSR. Gazeta Kitajskaja Molodezh'. 1990. 16 marta. S. 3.
18. Van Sjan'czjuz, Chzhan Tegan Nacional'nye voprosy chinili prepjatstvija Sovetskomu Sojuze, Kreml' prisposablivalsja k izmenivshejsja obstanovke. Gazeta Kitajskaja Molodezh'. 1989. 10 okt. S. 3.
19. Tan Sjuchzhje Sun' Zhun'juj Nespokojnoe leto v Sovetskom Sojuze. Zhurnal Ljao Van'. 1989. № 36. S. 39 – 40.
20. Djen Sjaopin Ideja «Oдно gosudarstvo – dva stroja» praktičeski osušhestvima (Iz besedy s ministrom inostrannyh del Anglii Dzheffri Hau. 31 ijulja 1984). Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaja. Pekin.: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah KNR, 1987. S. 65 – 66.
21. Djen Sjaopin i vazhnye istoričeskie sobytija Respubliki. Istoch.: Gazeta Zhjen'min' Zhibao onlajn. Oficial'nyj sajt. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0223/c69113-29830674.html> (data obrashhenija: 23.02.2018)
22. Si Shuguan Sovetskoe sel'skoe hozjajstvo moglo izbavit'sja ot trudnoj problemy? Gazeta Kitajskaja Molodezh'. 1989. 14 apr. S. 3.
23. Rasskaz N.I. Ryzhkova o sovetskih jekonomičeskikh problemah. Gazeta Zhjen'min' Zhibao. 1989. 17 okt. S. 3.
24. Van Chanczjan Kak Djen Sjaopin vidit problemy SSSR v Vostočnoj Evrope. Gazeta Pekin Zhibao. 2007. 27 avg. S. 4.

*Zhang Xinxin, Postgraduate, Research Officer,
Jilin Normal University, China*

**Assessments of the activities of the leaders of the Soviet Union
in the survey of Chinese Leaders in 1988-1991**

Abstract: in the article, the subject of the study is the reflection of the crisis of the Soviet political system. The USSR, like the People's Republic of China (PRC), are multinational states, since the purpose of the study was to explain the causes of the crisis that led to the collapse of the Soviet state. After the drastic changes in the Soviet Union and Eastern Europe, studying the lessons and mistakes of Soviet leaders, the leaders of the Communist Party of China (CPC) developed a basic state policy aimed at ensuring the stable development of the national economy. In this regard, China has achieved great success in many areas. The analysis of ideological differences in the political system between the two ruling parties of the country is not only scientific, but also relevant for Russia and China.

Modern Russian historiography on the history of perestroika has accumulated a significant layer of special historical research. At the same time, there are no special works among them devoted to the reflection of perestroika in the review of Chinese leaders and the Chinese central press, such as People's Daily newspaper, Chinese Youth Newspaper, Qiushi Magazine, Liao Wan Magazine, etc. The scientific novelty lies in the fact that this article presents the possibility of a new aspect devoted to this problem. After 1989, the attitudes of Chinese leaders and Chinese media towards reforms in the USSR underwent serious changes. It can be concluded that the problems in the Soviet Union arose within the CPSU: the departure from Marxism-Leninism and the rejection of the socialist system led to a full-scale crisis. The results of this study will not only help to uncover the causes of the collapse of the USSR and the collapse of the CPSU, but also provide materials to Russian and Chinese researchers to study the specifics of the Chinese way of implementing reforms and openness and modernization according to the model of socialism with Chinese specifics.

Keywords: politics, economy, reform, socialism, leader, soviet union, China, CPSU, CPC, collapse of the USSR

For citation: Zhang Xinxin Assessments of the activities of the leaders of the Soviet Union in the Survey of Chinese Leaders in 1988-1991. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 7 – 14.

Received: May 12, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: July 14, 2023

*Гуреев М.С., кандидат исторических наук, доцент,
Тульский филиал Финансового университета при Правительстве РФ*

Белфастское Соглашение 10 апреля 1998 г. – 25-летие урегулирования кризиса в Северной Ирландии

Аннотация: процесс дипломатического урегулирования североирландских противоречий – один из наиболее известных примеров формирования модели мирного урегулирования этнополитического противостояния, имеющего давнюю историю и отягощенного террористической борьбой. Поскольку с подобного рода кризисами сталкивается ряд стран современной Европы, то целью данного исследования станет изучение ключевого документа мирных переговоров – Соглашения Страстной Пятницы. Это представляет особую значимость, поскольку при условности и ограниченности попыток перенесения анализа одной международной проблемы на другую или ряд других, мирный процесс в Ольстере может стать своеобразной моделью изучения конфликтов в странах, где проживают разделенные границами народности.

Методы: в процессе данного исследования были применены методы системного и факторного анализов с целью характеристики взаимоотношений Великобритании и Республики Ирландия в процессе политических переговоров и одновременного разоружения террористических группировок. Метод причинно-следственного анализа позволил проследить эволюцию постконфликтной реальности на территории Северной Ирландии.

Результаты: по результатам исследования был сформулирован вывод о необходимости укрепления положений Соглашения с целью выхода мирного взаимодействия на новый уровень и недопущения нового витка конфликта между территориями.

Ключевые слова: многопартийные переговоры, разоружение, имплементация, прямое правление, разделение власти

Для цитирования: Гуреев М.С. Белфастское Соглашение 10 апреля 1998 г. – 25-летие урегулирования кризиса в Северной Ирландии // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 15 – 18.

Поступила в редакцию: 20 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Введение

Конец 80-х-начало 90-х годов прошлого века стали переломным этапом в истории кризиса на территории Северной Ирландии. Один из крупнейших межэтнических конфликтов Европы вылился в вооружённую борьбу террористических группировок, представлявших интересы противоборствующих общин – католического меньшинства, где преобладали националистические настроения, связанные с возвращением в состав Республики Ирландии, и юнионистского большинства, выступавшего за сохранение союза с Великобританией.

В XX веке, а именно в его последние десятилетия, население Северной Ирландии претерпело некоторые изменения. История, знавшая период конфликта и массового кровопролития, могла наблюдать их с течением времени. В связи с развитием кризисной ситуации в обществе появлялся разлад в виде отказа от прежних национальных традиций, а также устоявшихся общественных идеалов в форме единой республики [5, с. 178]. Более молодое поколение населения страны сравнивает Ирландию тех времён с патриотизмом и чрезмерной замкнутостью, в то время как именно

оно подвергалось мыслям, присущим интегрированной Европе. Согласно данным тенденциям очень многие поддерживали ведение процесса переговоров, происходившего совместно с интеграционными процессами в европейском сообществе.

Ещё в январе 1988 г. произошли первые контакты по линии представителей националистического течения – переговорный раунд провели лидеры партий Шинн Фейн и СДЛП Джерри Адамс и Джон Хьюм. Именно эти встречи и стали прологом десятилетнего переговорного процесса, завершившегося подписанием главного документа мирного процесса – Соглашения Страстной Пятницы (Белфастского Соглашения).

Основным методом разрешения конфликта в Северной Ирландии стал дипломатический подход, основанный на максимальном достижении интересов всех участвующих сторон и одновременном отказе от насильственных форм борьбы за свои права.

На протяжении 90-х годов участниками переговорного процесса становились все новые силы более высокого представительства вплоть до лидеров Соединённого Королевства Энтони Блэра и Республики Ирландии Берти Ахерна. Медиатором

переговоров стали США – страна с самой большой эмигрантской ирландской диаспорой. Президент Билл Клинтон активно включился в процесс мирного урегулирования на завершающем этапе, совершив несколько визитов в регион, где провел серию переговоров со всеми вовлечёнными в процесс сторонами.

Всем сторонам удалось согласовать рамочный документ, который попытался бы свести воедино диаметрально противоположные точки зрения политических сил региона. Но из-за проходящей параллельно уличной войны, в которой участвовали террористические группировки как республиканского, так и юнионистского толка, риск срыва переговоров был достаточно велик, так как в ответ на включение в них Шинн Фейн, процесс покинули крупнейшие представители юнионизма – Демократическая юнионистская партия Яна Пэйсли.

Переговоры возглавлял Джордж Митчелл, который занимал должность сенатора Америки. Он поставил ограничение в переговорах в виде конкретной даты. Согласно данным условиям, после даты 9 апреля 1998 г., любые переговоры останавливаются на том этапе, котором находились до этого. По мнению сенатора, при отсутствии конкретной даты завершения любые переговоры обречены на неудачу [6, с. 91]. В итоге 10 апреля Митчелл сделал заявление о том, что соглашение принято.

Главным пунктом первого раздела Соглашения стало избрание законодательной Ассамблеи Северной Ирландии. По мнению Д. Хоровитца это могло быть инструментом, который позволил бы предоставить равные преимущества той или иной стороне при выборе депутатов [5, с. 90]. В чём заключался принцип автономии и равенства? Во-первых, это официальное закрепление идентичностей разных представителей общин. Во-вторых, это недопущение дискриминации на официальном уровне. В-третьих, это присяга министерству вместо устоявшихся традиций приношения клятвы верности. На основе этого можно прийти к выводу о том, что принцип равенства в учете мнений и требований всех заинтересованных сторон, а также формирование принципа нетерпимости к ущемлению сторон по принципу их убеждений стали краеугольными камнями переговорного процесса.

Второй раздел данного Соглашения ввёл обязательства по созданию Министерского Совета Север-Юг. Согласно данному разделу, в Совете государства должны состоять первые лица региона, такие как Первый Министр, его Заместитель, а также министры, занятые координацией вынесенных вопросов. Со стороны правительства Ирландии обязан находиться премьер-министр и про-

фильные министры [7, с. 10]. Согласно положениям Соглашения Страстной Пятницы был учрежден Британо-Ирландского Совет. Он отвечал за сохранение связи с Лондоном и был создан по инициативе юнионистов в качестве зеркального ответа Министерскому совету, предложенного католической общиной.

В четвёртом разделе отражались права каждого гражданина без какой-либо зависимости от религии, а именно: право на свободу выражения мнения о политике, свобода мысли, достижение целей мирным путём, право на свободный выбор места жительства, и не менее главное: равенство каждого гражданина вне зависимости от уровня в обществе, принадлежности к той или иной религии или этническому классу, и др. [7, с. 13-15].

Важную перспективную роль играли и два приложения к принятому Соглашению. Первое из них подтверждало намерение Великобритании сохранить союз с регионом, если на то будет воля большинства жителей. Если же население Северной Ирландии выберет путь к интеграции с Республикой Ирландия, то методика этого процесса также была определена. Приложение В сообщало об аннулировании Республикой статей Конституции, закреплявшей историческую претензию на эти территории [7, с. 3].

Все деятели, принимавшие участие в данных переговорах, выразили доверие Независимой Международной Комиссии по Разоружению. Вопрос декомиссии действительно был одним из самых важных для развития региона, в котором на протяжении всего процесса дипломатического урегулирования конфликта не стихали выстрелы. Независимый и действенный арбитраж в этом процессе был очень важен. Для решения проблемы реформирования полицейской системы создавалась Независимая Полицейская комиссия. Основной и наиболее главной задачей этой комиссии являлось то, что она представляла полицию с положительных сторон, чтобы внедрить её в жизнь общества без негативных последствий. Напомним, что неравный доступ к службе для католиков и протестантов, которых было в разы больше, был одной из причин вспыхнувшей смуты в конце 60-х годов.

Процесс имплементации положений Соглашения происходил весьма тяжело и всем сторонам, участвовавшим в его подготовке, приходилось держать ситуацию под своим непосредственным контролем. Теракт в г. Ома, совершённый 16 августа 1998 г. боевиками Ирландской Республиканской Армии, мог подорвать процесс передачи власти и ее распределение среди враждующих общин региона. В следующем году Т. Блэр и Б. Ахерн провели новый раунд переговоров с партиями, в

ходе которых пытались добиться вхождения юнионистов и республиканцев во вновь созданные властные учреждения. Одновременно была поставлена четкая дата завершения процесса сдачи оружия боевыми группами.

Передача власти (то есть ликвидация прямого правления из Лондона) в руки североирландской власти состоялась в полночь 1 декабря 1999 г. Утром 2 декабря на встрече в Дублине приступили к своей работе Министерский совет между Севером и Югом и Британо-ирландский министерский совет.

К сожалению, уже в 2000-м году прямое правление вновь будет восстановлено. А.М. Коновалов и А.И. Ландабасо Ангуло в статье «Урегулирование североирландского конфликта» говорят о том, что миротворческий процесс, переживший массу соглашений, перемирий, их нарушений, как видно из развития дальнейших событий, был пущен «по кругу» [3, с. 75]. Вновь в переговорный процесс пришлось вступать высшим руководящим лицам, но, тем не менее, дальнейшая турбулентность продолжалась целых семь лет, пока в 2007-м наконец-то два главных политических противника – лидеры Шинн Фейн Джерри Адамс и ДЮП Ян Пэйсли, не договорились о формировании системы исполнительной власти.

Преемники Блэра – лейбористы Гордон Браун и консерваторы Дэвид Кэмерон продолжали курс, заданный архитекторами мирного процесса, направленный на поддержание мира и стабильности в регионе. События 11 сентября 2001 г. очевидно показали всю пагубность террористической борьбы, поэтому еще в 2005 г. ИРА объявила о своем разоружении, а после за ней последовали и другие группировки националистов. Конечно, вооружённая активность в провинции продолжала существовать и в дальнейшем, но накала 90-х годов она не достигала.

В наше время основной фокус взаимоотношений между Соединённым Королевством и Республикой Ирландия сместился к проблеме межгосударственного сообщения. Данный вопрос вышел на повестку дня в связи с выходом Британии из Евросоюза. Дело в том, что Республика ещё 1 января 1973 года стала членом Союза, в 1999-м ввела одной из первых на своей территории в качестве ос-

новной валюты евро, поэтому экономические интересы Дублина шли в фарватере проводимой Брюсселем политики.

Британия и Ирландия, будучи в границах внутреннего Евросоюза, создали Общее иммиграционное пространство. Согласно ему, граждане и первого, и второго государства имели право на жизнь, работу и социальные выплаты, а также право голоса на выборах, не имея для этого каких-либо особых разрешений. Поэтому жители региона просто не привыкли к границам. Поэтому, учитывая и без того не пережитый синдром разделенности, возведение нового барьера будет воспринято очень болезненно с обеих сторон. Сейчас уже бывший ирландский премьер-министр Берти Ахерн заявил, что физической границы в Ирландии не будет. Если её поставить, то «люди просто физически убегут ее» [1, с. 1].

По мнению специалистов, возведение границ будет символом разделённости острова и законной мишенью для националистически настроенной молодёжи, более восприимчивой к пропаганде насилия, которую ведут оставшиеся диссидентские группы республиканцев, например, Новая ИРА.

Безусловно, одним из главных достоинств переговоров, завершившихся подписанием Соглашения Страстной Пятницы, было то, что его создатели окончательной версии были нацелены на внедрение мира среди всех политических деятелей, затрагивая и некоторые боевые организации, которые решили поддержать перемирие. Таким образом, Соглашение – это результат совмещения полярных точек зрения. Замена этнически-религиозных противоречий традиционными спорами по политическим, экономическим, социальным и иным вопросам виделась архитекторам Соглашения задачей максимум в реформировании жизни Северной Ирландии [2, с. 208]. Процесс реализации документа затянулся на долгое время, но важно, что жители региона выбрали надежду на мир взамен тяжёлого прошлого [4, с.890]. Основной задачей в наши дни является поддержание того баланса, сложившегося 25 лет назад и который, претерпев ряд кризисов, тем не менее является основой стабильного будущего для новых поколений общин региона.

Литература

1. Вендик Ю. 50 лет с начала ольстерской Смуты. Как Северная Ирландия теперь переживает «брексит»? // Русская служба Би-би-си. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49313684> (дата обращения: 08.06.2023).
2. Громыко А.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: Весь Мир, 2007. 344 с.
3. Коновалов А.М., Ландабасо Ангуло А. И. Урегулирование североирландского конфликта // Глобальное измерение терроризма. М., 2004. С. 68 – 97.
4. Клинтон Б. Моя жизнь. М.: Альпина Бизнес Бук, 2005. 1087 с.

5. Макгэрри Д. Северная Ирландия и разделенный мир: конфликт в Северной Ирландии и соглашение Страстной пятницы в сравнительной перспективе. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2007. 376 с.

6.. Эллиот М. Долгий путь к миру в Северной Ирландии. Великобритания: Издательство Ливерпульского университета, 2007. 317 с.

7. The Agreement reached in the multi-party negotiations URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/agreement.html> (дата обращения: 07.06.2023)

References

1. Vendik Ju. 50 let s nachala ol'sterskoj Smuty. Kak Severnaja Irlandija teper' perezhit «breksit»? Russkaja sluzhba Bi-bi-si. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49313684> (data obrashhenija: 08.06.2023).

2. Gromyko A.A. Modernizacija partijnoj sistemy Velikobritanii. M.: Ves' Mir, 2007. 344 s.

3. Konovalov A.M., Landabaso Angulo A. I. Uregulirovanie severoirlandского konflikta». Global'noe izmerenie terrorizma. M., 2004. S. 68 – 97.

4. Klinton B. Moja zhizn'. M.: Al'pina Biznes Buk, 2005. 1087 s.

5. Makgjerri D. Severnaja Irlandija i razdelennyj mir: konflikt v Severnoj Irlandii i soglasenie Strastnoj pjatnicy v sravnitel'noj perspektive. Oksford: Izdatel'stvo Oksfordского univer-siteta, 2007. 376 s.

6.. Jelliot M. Dolgij put' k miru v Severnoj Irlandii. Velikobritanija: Izdatel'stvo Liverpul'skogo universiteta, 2007. 317 s.

7. The Agreement reached in the multi-party negotiations URL: <http://cain.ulst.ac.uk/events/peace/docs/agreement.html> (data obrashhenija: 07.06.2023)

*Gureev M.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tula branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation*

The Belfast Agreement of April 10, 1998 – the 25th anniversary of the settlement of the crisis in Northern Ireland

Abstract: the process of diplomatic settlement of the Northern Irish contradictions is one of the most well-known examples of the formation of a model for the peaceful settlement of an ethno-political confrontation that has a long history and is burdened by the terrorist struggle. Since a number of countries in modern Europe are facing such crises, the purpose of this study will be to study the key document of the peace negotiations – the Good Friday Agreement. This is of particular importance, because with the conditionality and limitations of attempts to transfer the analysis of one international problem to another or a number of others, the peace process in Ulster can become a kind of model for studying conflicts in countries where nationalities live separated by borders.

Methods: in the course of this study, methods of systemic and factor analysis were applied in order to characterize the relationship between the United Kingdom and the Republic of Ireland in the process of political negotiations and the simultaneous disarmament of terrorist groups. The method of causal analysis allowed us to trace the evolution of post-conflict reality in Northern Ireland.

Results: according to the results of the study, a conclusion was formulated about the need to strengthen the provisions of the Agreement in order to bring peaceful interaction to a new level and prevent a new round of conflict between the territories.

Keywords: multiparty negotiations; disarmament; implementation; direct rule; separation of powers

For citation: Gureev M.S. The Belfast Agreement of April 10, 1998 – the 25th anniversary of the settlement of the crisis in Northern Ireland. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 15 – 18.

Received: May 20, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Абдалла М.М.Э., аспирант,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Советско-египетские политические отношения во взглядах журналиста и политика Евгения Примакова

Аннотация: советско-египетские отношения были свидетелями многих последовательных событий в своей истории, наиболее заметным из которых было оказание политической и военной поддержки СССР Египту в его войнах против Израиля, а также оказание поддержки египетской экономике. В данной статье автор стремился осветить точку зрения советского журналиста, ученого и политика Евгения Максимовича Примакова, на важнейшие исторические этапы, которые прошли советско-египетские политические отношения во второй половине XX в., посредством анализа трудов Примакова и написания комментариев к ним. Многие из своих трудов Примаков посвятил Ближнему Востоку благодаря своему пребыванию в Египте в качестве корреспондента советской газеты «Правда», а затем ТАСС в течение нескольких лет, а также благодаря своим близким связям и встречам со многими египетскими и арабскими лидерами. Поэтому его труды содержат уникальные и интересные сведения очевидца периода советско-египетской дружбы. Новизна статьи заключается в том, что впервые точно освещены взгляды Примакова на характер отношений между Египтом и СССР. Он будучи аналитиком развития отношений между двумя странами и свидетелем того времени изложил мнения и написал труды, которые могут представлять интерес для исследователей российско-египетских отношений в целом и проблемы арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке в частности.

Ключевые слова: Египет, СССР, Примаков, Насер, Садат, арабо-израильский конфликт, Ближний Восток

Для цитирования: Абдалла М.М.Э. Советско-египетские политические отношения во взглядах журналиста и политика Евгения Примакова // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 19 – 23.

Поступила в редакцию: 10 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 31 мая 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Начало советско-египетских отношений в оценке Примакова

Согласно книге «Египет Время президента Насера», Е.М. Примаков считает, что начало советско-египетским отношениям положили события Второй мировой войны, когда египтяне были вдохновлены успехами Советского Союза в его борьбе против нацистской Германии и фашистской Италии, что, в свою очередь, привело к советско-египетскому сближению, эти отношения были установлены с 1943 года [1, с. 51].

Советско-египетские отношения также прошли через множество этапов и станций, но точка отсчета в отношениях между двумя странами, по словам Примакова, относится к середине 1950-х годов, когда президент Египта Г.А. Насер искал решение двух сложных проблем, первой из которых была покупка оружия из-за первой конфронтации, произошедшей между его страной и Израилем в войне 1948 года, а второй было строительство Асуанской плотины, чтобы Египет мог контролировать разрушительный разлив реки Нил и увеличить свои сельскохозяйственные угодья. Поскольку эти два вопроса считались жизненно важными для Каира, Египет попросил США о постав-

ках оружия и финансировании строительства плотины, но получили отказ. Примаков утверждал, что именно тогда Египет пришел к СССР, после получения разочаровывающего ответа. Москва решила согласиться на просьбу Египта. В сентябре 1955 года Насер объявил всему миру о его соглашении с СССР и Чехословакией о закупке советского оружия для страны [8, с. 42-44].

Что касается антиимпериализма, Примаков считал, что советско-египетское сближение было явным началом широкой атаки на позиции иностранного капитала в Египте, что, в свою очередь, создало политический характер прямого антиимпериализма. и это стало очевидным, когда 26 июля 1956 г. египетское правительство объявило о решении национализировать компанию Суэцкого канала, поскольку эта национализация была естественным шагом для Египта, который встал на свой путь к политической и экономической независимости. Но реакция на этот шаг пришла жестоко, и мир стал свидетелем одного из наиболее преступных в истории заговоров. Когда Великобритания, Франция и Израиль начали агрессию против Египта в октябре 1956 г. для того, чтобы заставить

египтян отступить от национализации Суэцкого канала [1, с. 84; 4, с. 3].

Советский Союз не остался в стороне от этих событий, и Николай Александрович Булганин, премьер-министр СССР, пригрозил нанести удар по странам-агрессорам против Египта советскими ракетами, если они не выведут свои войска с египетской территории. По мнению Примакова, эта угроза не могла быть осуществлена, и Примаков объяснил, что Никита Сергеевич Хрущев, генеральный секретарь ЦК КПСС, сказал президенту Египта Насеру перед агрессией против Египта. Речь шла о том, что СССР не начинал мировую войну из-за Суэца. Было совершенно ясно, что Насер очень хорошо это понимал. Мнение Примакова на этот счет весьма прозрачно, он считал, что страна-агрессор была вынуждена уйти с египетской территории в результате влияния внешних сил. Насер также осознал слабые стороны своей армии и степень прогресса армии своего израильского врага, что, в свою очередь, заставило его рассмотреть вопрос об увеличении вооружений более остро, чем когда-либо. Советская военная помощь Египту началась с 1956 года [8, с. 49]. Что касается экономической стороны, СССР позволил Египту выдержать экономическую блокаду, введенную западными странами после агрессии в период 1956-1957 гг., с другой стороны, Египет подписал соглашение с СССР о сотрудничестве в строительстве Асуанской плотины [1, с. 84].

Роль СССР в Шестидневной войне 1967 г.

Примаков считает шестидневную войну, разразившуюся между Израилем против Египта и некоторых арабских стран в 5 июня 1967 года, переломным моментом в истории арабского мира, поскольку эта война привела к оккупации Израилем Восточного Иерусалима (Аль-Кудс), Западного берега реки Иордан, Сектора Газа, Голанских высот и Синайского полуострова. Важно отметить, что арабы проиграли битву, в египетской и сирийской армиях были советские специалисты и советники [8, с. 110]. С другой стороны Примаков считал, что поражение Египта в войне обернулось серьезными экономическими проблемами из-за закрытия Суэцкого канала, потери Египтом нефтяных скважин на Синайском полуострове. Когда Москва решила встать на сторону арабов и разорвать дипломатические отношения с Израилем, Примаков почувствовал, насколько египтяне благодарны Советскому Союзу и что этот шаг усилил влияние Советского Союза в третьем мире и на Ближнем Востоке [3, с. 80].

Когда 5 июня 1967 года произошла израильская агрессия против Египта, советское и американское правительства совместно попытались достичь резолюции Совета Безопасности ООН о прекраще-

нии огня. Но Израиль проигнорировал резолюцию и продолжил свою агрессию. Тогда СССР проинформировал США по горячей линии, что примет односторонние решения, если Израиль не прекратит свою агрессию, что заставило Израиль немедленно свернуть действия [8, с. 122].

На специальной чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая начала свою работу в июле 1967 года, советский премьер-министр Косыгин выдвинул программу поддержки Египта и арабских стран с целью ликвидации последствий агрессии 1967 года и срочного и безоговорочного вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий за пределы границ до 5 июня. А также полную компенсацию за ущерб, причиненный Израилем Египту, Сирии и Иордании [2, с. 84]. Но арабы выразили недовольство речью Косыгина, поскольку в ней говорилось о праве Израиля на существование. В 13 июля латиноамериканские страны распространили среди членов Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, важным пунктом в этой резолюции была необходимость ухода Израиля со всех оккупированных арабских территорий до границ, существовавших до его действий 5 июня 1967 года. Однако арабские страны отклонили проект резолюции. По мнению Примакова, это решение могло бы доказать необходимость ухода Израиля с оккупированных арабских территорий, а также было более конкретным в отношении ухода Израиля с арабских территорий, чем резолюция №242 Совета Безопасности, опубликованная несколькими месяцами позже. Советский Союз все еще искал решение текущей ситуации в регионе, и, как итог, резолюция все же была принята при поддержке США и СССР [8, с. 126].

Примаков считал, что явное стремление СССР к миру на Ближнем Востоке из-за того, что данный регион непосредственно примыкает к южным границам страны. Конечно, нестабильность и риск взрыва в этом регионе прямо противоречат интересам Советского Союза. Позиция СССР по отношению к ближневосточному конфликту сводится к разрядке международной напряженности и исключению войн как средства решения спорных вопросов между государствами. Это могло быть достигнуто только путем устранения последствий агрессии Израиля против арабских стран в 1967 году [5, с. 347]. С другой стороны, Примаков считает, что СССР проводил активную политику противодействия израильской агрессии, помощи арабским странам в укреплении их обороноспособности и экономики. Главным результатом такой политики можно считать тот факт, что правящим кругам США и Израиля не удалось ликвидировать анти-империалистические режимы в

арабском мире. За это же время были усилены военные позиции СССР в районе Средиземного моря [9].

Советский Союз продолжал вносить реалистичные и конструктивные предложения по урегулированию кризиса на протяжении всего 1969 года. Он представил план после трезвого анализа ситуации на Ближнем Востоке с учетом позиций сторон конфликта. В связи с этим Примаков считает, что все советские предложения по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта, предложенные в 1969 году, были не просто добрыми пожеланиями мира, но развитая система мер по достижению и обеспечению мира. Советский план урегулирования 1969 года содержал предложения о конкретных мерах и сроках вывода израильских войск при условии установления новых мирных отношений между Израилем и его арабскими соседями, при условии, что вывод будет осуществляться в два этапа после принятия конкретных обязательств с обеих сторон, среди этих обязательств было соглашение о создании демилитаризованных зон по обе стороны границы между сторонами с учетом недопущения предоставления преимуществ ни одной из сторон. Режим этих зон также будет основываться на ограничениях чисто военного характера; размещении сил ООН в ряде пунктов; получении прямых гарантий от четырех держав – постоянных членов Совета Безопасности или гарантий от Совета Безопасности в целом. Примаков считал, что принятие советского плана могло бы избавить народы этого региона от многих жертв и привести их к мирному сосуществованию, но, к сожалению, этот план не удался и встретил сильное противодействие со стороны Израиля, который надеялся, что сможет сохранить позицию «ни войны, ни мира» [5, с. 351].

Советско-египетские отношения после Насера в оценке Примакова

За некоторое время до смерти Насера Мохамед, Анвар Садат был вице-президентом, поэтому, когда Насер умер в сентябре 1970 года, Анвар Садат занял его пост в Египте согласно египетской конституции. По словам Примакова политика Садата состояла из двух частей: с одной стороны, он направлялся к Соединенным Штатам Америки, с другой все еще желал оставаться в хороших отношениях с Советским Союзом. Его также сдерживали две фундаментальные вещи: во-первых, Советский Союз СССР оставался единственным незаменимым поставщиком оружия в Египет, а во-вторых, еще США не предпринимали попыток давления на Израиль с целью урегулирования арабо-израильского конфликта [7, с. 24]. Однако в некоторых своих переписках с руководством СССР Примаков подчеркивал необходимость поддержки

Египта, усиления давления на правящие круги Израиля путем отправки в Египет наступательных вооружений. А также невозможности советских отношений с Израилем, поскольку по его мнению, возврат этих отношений нанесет ущерб отношениям СССР с арабскими странами и не поможет в деле урегулирования ближневосточного конфликта на справедливой основе [10].

Когда в 1973 г. разразилась война Судного дня, Совет Безопасности ООН принял резолюцию №338 о прекращении огня на Ближнем Востоке 22 октября 1973 г. Отличительной чертой этой резолюции, по мнению Примакова, было соединение прекращения боевых действий с началом пути политического урегулирования. В резолюции также содержится призыв к скорейшей подготовке Женевской конференции, целью которой является решение комплекса вопросов, связанных с урегулированием конфликта на Ближнем Востоке и установлением справедливого и прочного мира в регионе [7, с. 57]. Однако Израиль проигнорировал резолюцию и продолжил пытаться продвинуть свои вооруженные силы, это разозлило Садата из-за пренебрежения Израилем резолюцией. Он позвонил советским лидерам в Москву, чтобы рассказать им о бесчинствах Израиля, тогда многие в советском руководстве подумали, что Израиль не может бросить вызов всем и игнорировать решение без ведома Соединенных Штатов Америки. Министр обороны СССР А. А. Гречко предложил парад советских войск в Египте, но генеральный секретарь Леонид Брежнев отверг участие советских войск в этой войне, и, в конце концов, советское руководство выступило с телеграммой в США с предложением направить советско-американские войска в Египет с целью заставить Израиль прекратить военные действия. Примаков считает, что эта телеграмма не была направлена на прямое советское военное вмешательство в сражение, а была направлена на то, чтобы угрожать Израилю и заставить его прекратить военные действия. Но американский ответ на это письмо был отрицательным. Президент США Никсон также выразил серьезную озабоченность по поводу возможности осуществления Советским Союзом односторонних действий, поэтому Израиль прекратил огонь. Война официально закончилась, начался процесс мирного урегулирования на Ближнем Востоке [8, с. 161].

Октябрьская война 1973 года была, по оценке Примакова, славной страницей в истории борьбы арабских стран против агрессивной политики Израиля. Доблесть вооруженных египетских и сирийских военных беспрецедентно большие потери Израиля, особенно в танках и авиации, крах израильской военной доктрины, утверждающей, что

Израиль имеет возможность выбирать время и место и определять размер военных действий против арабских стран всех времен [7, с. 54].

После войны, в октябре 1973 года, в сложившихся условиях на Ближнем Востоке, Советский Союз выдвинул и твердо отстаивал идею созыва Женевской мирной конференции для решения вопросов всеобъемлющего урегулирования. Эта конференция начала свою работу в декабре 1973 года, затем прекратилась. СССР постоянно настаивал на возобновлении ее работы, и, по словам Примакова, лидеры СССР считали, что это наиболее подходящая площадка для решения проблем урегулирования арабо-израильского конфликта. Эта идея была еще раз всесторонне подчеркнута в предложениях СССР по урегулированию на Ближнем Востоке, представленных правительствам Соединенных Штатов, Египта, Сирии, Иордании, Израиля и руководству ООП в начале октября 1976 года. В связи с этим Примаков утверждает, что Советский Союз, согласно заявлениям своего руководства и конкретным мерам, не только всегда придавал большое значение проблеме урегулирования конфликта на Ближнем Востоке, но и исходил из убеждения, что необходимо устранить его причины и достичь всеобъемлюще-

го соглашения об установлении справедливого и прочного мира в этом беспокойном и многострадальном регионе – Ближний Восток [5, с. 351-352].

Садат хотел решить проблему арабо-израильского конфликта, подписав соглашение с Израилем, при этом связав урегулирование с проблемой Западного берега вдали от Женевской конференции и советских предложений. В итоге, как известно, в 1978 году между Египтом и Израилем был подписан сепаратный мирный договор. На это Примаков говорит, что договор не только создал благоприятные условия для всеобъемлющего урегулирования конфликта на Ближнем Востоке, но и наоборот затруднил его в тот период и не положил конец череде войн и вооруженных столкновений. В 1982 году произошла израильская интервенция в Ливане. Также можно сравнить масштабы вооруженных столкновений и жертвы сторон в предыдущих войнах на Ближнем Востоке до сегодняшнего дня. А также многочисленных ракет, взрывов бомб, вооруженных столкновений и актов агрессии против Ливана, Газы и Восточного Иерусалима. После Кэмп-Дэвида в течение двадцати лет не происходило реальных изменений в мирном процессе на Ближнем Востоке [6, с. 371].

Литература

1. Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: Время президента Насера. 2-е изд. М: Мысль, 1981.
2. Беляев И.П., Колесниченко Т.А., Примаков Е.М. Голубь спущен. М: Молодая гвардия, 1968.
3. Млечин Л.М. Евгений Примаков: Человек, который спас разведку. М: Алгоритм, 2018.
4. Примаков Е.М., Арутюнов Р.А. Поучительный урок: вооруженная агрессия против Египта. М: Госполитиздат, 1957.
5. Примаков Е.М. анатомия ближневосточного конфликта. М: Мысль, 1978.
6. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М: Совершенно секретно, 1999.
7. Примаков Е.М. История одного сговора: Ближневосточная политика США в 1970-е – начале 1980-х годов. М: Политической Литературы, 1985.
8. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М: Российская газета, 2006.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 604. Л. 50.
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 604. Л. 54.

References

1. Beljaev I.P., Primakov E.M. Egipet: Vremja prezidenta Nasera. 2-e izd. M: Mysl', 1981.
2. Beljaev I.P., Kolesnichenko T.A., Primakov E.M. Golub' spushhen. M: Molodaja gvardija, 1968.
3. Mlechin L.M. Evgenij Primakov: Chelovek, kotoryj spas razvedku. M: Algoritm, 2018.
4. Primakov E.M., Arutjunov R.A. Pouchitel'nyj urok: vooruzhennaja agressija protiv Egipta. M: Gospolitizdat, 1957.
5. Primakov E.M. anatomija blizhnevostochnogo konfliktka. M: Mysl', 1978.
6. Primakov E.M. Gody v bol'shoj politike. M: Sovershenno sekretno, 1999.
7. Primakov E.M. Istorija odnogo sgovora: Blizhnevostochnaja politika SShA v 1970-e – nachale 1980-h godov. M: Politicheskoy Literatury, 1985.
8. Primakov E.M. Konfidencial'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami. M: Rossijskaja gazeta, 2006.
9. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 80. Op. 1. D. 604. L. 50.
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 80. Op. 1. D. 604. L. 54.

*Abdalla M.M.E., Postgraduate,
Ural Humanitarian Institute,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

Soviet-Egyptian political relations in the views of journalist and politician Yevgeny Primakov

Abstract: the Soviet-Egyptian relations witnessed many successive developments since the beginning of the second half of the twentieth century. The most prominent of which was the political and military support provided by the Soviet Union to Egypt in its wars against Israel as well as support for the Egyptian economy. In this article, the author sought to shed light on the viewpoint of the journalist and the scientist. The Soviet politician Yevgeny Maksimovich Primakov on the most important historical stages that passed through the Soviet-Egyptian political relations in the second half of the twentieth century by analyzing and commenting on a number of Primakov's books. Many of which dealt with the Middle East region thanks to his stay in Egypt as a correspondent for the Soviet newspaper Pravda and then TASS for several years. As well as his close relations and meetings with many Egyptian and Arab leaders in general. Therefore, his books contain unique and interesting eyewitness information about the period of Soviet-Egyptian friendship. The novelty of the article lies in the fact that for the first time Primakov's views on the nature of relations between Egypt and the Soviet Union are highlighted accurately, and given that he is an analyst of the development of relations between the two countries and a witness to the era, it may be considered His views and writings are of interest to scholars of Russian-Egyptian relations in general, and the issue of the Arab-Israeli conflict in the Middle East in particular.

Keywords: Egypt, USSR, Primakov, Nasser, Sadat, Arab-Israeli conflict, Middle East

For citation: Abdalla M.M.E. Soviet-Egyptian political relations in the views of journalist and politician Yevgeny Primakov. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 19 – 23.

Received: May 10, 2023; Revised: May 31, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Агафонов И.С., аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет*

Образ идеального государя в летописце Пафнутьево-Боровского монастыря и Повести о втором браке Василия III

Аннотация: исторические исследования в области политической идеологии Средневековья и Нового времени представляют особую ценность для ученых при обращении к интеллектуальным основаниям светской власти. Обращение исследователей к образам власти правителей определяется интересом к теоретическому осмыслению полномочий, прав и обязанностей государей. В отечественной историографии внимание ученых к великокняжеским и царским властным канонам появлялось преимущественно в связи с интересом к центральным памятникам историописания XVI в. и публицистическим произведениям эпохи. Одним из памятников, оставшихся на периферии внимания исследователей, является Повесть о втором браке Василия III, выделенная из состава летописца Пафнутьево-Боровского монастыря, чей локальный характер сделал невозможным ассоциировать текст повести с источником. В статье рассматривается комплекс образов власти, нацеленных на представление фигуры великого князя Василия III как идеального правителя, с целью уточнить сложившийся в России идеологический инструментарий и способы его применения к светскому государю на локальном уровне. На материалах памятника местного летописания и публицистической повести первой трети XVI в. рассматриваются властные каноны, определяющие черты и качества великого князя, как идеального правителя.

Ключевые слова: Россия, XVI век, местное летописание, политическая идеология, Василий III, Пафнутьево-Боровский монастырь, Повесть о втором браке Василия III, великое княжество Московское

Для цитирования: Агафонов И.С. Образ идеального государя в летописце Пафнутьево-Боровского монастыря и Повести о втором браке Василия III // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 24 – 30.

Поступила в редакцию: 7 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 31 мая 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Вопрос о положении Российского государства в XVI в. является объектом дискуссии ряда ученых, рассматривающих данный период как переходное состояние между эпохами Средневековья и раннего Нового времени. Во внутренней и внешней политике России исследователи усматривают ряд прогрессивных тенденций к изменению структуры управления государством, проведению реформ и организации социально-экономической жизни страны. Вместе с тем сохраняются традиционные для древнерусской культуры установки, определяющие статус правителя, его деятельность в качестве руководителя страны и подход к преобразованиям. Дискуссия о степени проникновения в российскую действительность XVI в. модернистских и рационалистских тенденций делает эпоху правления Василия III, Ивана IV и Федора Иоанновича приоритетной при изучении процессов трансформации российских политической, социальных и культурных сюжетов в данный период.

Историография последних тридцати лет характеризуется повышением внимания исследователей, изучающих время правления Василия III и Ивана IV, к вопросам русской культуры и её основным элементам – архитектуре, изобразительному искусству, книжности, политической идеологии. Связанные с духовной жизнью людей явле-

ния рассматриваются как основные факторы, определяющие поведение и мышление людей.

Одним из элементов построения нового государства является развитие её идеологических нарративов, связанных с конструированием идеальных образов страны и её правителя. В конце XV – первой трети XVI вв. в России создается ряд проектов, развивающих идею богоизбранности московских великих князей, их царственного статуса и положения России в мировой истории. Вопросы, связанные с развитием политической идеологии России в XVI в. подробно изучены отечественными историками с опорой на тексты Русского Хронографа редакции 1512 г., посланий Филофея Псковского, послания о Мономаховом венце Спиридона-Саввы и Сказания о князьях Владимирских [2, 9]. Исследовательский интерес ученых к данным памятникам связан с включением ряда властных канонов, появившихся в XVI в., в идеологический нарратив Российского царства (происхождение русских князей от Пруса), а также последующим развитием некоторых образов в историографии и публицистике XIX в. («Москва – Третий Рим»).

В то же время ряд менее крупных и известных памятников первой трети XVI в., в которых также происходило развитие образов власти, изучен

меньше, по сравнению с крупными произведениями эпохи. Такие произведения, как летописец Пафнутьево-Боровского монастыря и Повесть о втором браке Василия III, не попавшие в основное русло политического нарратива эпохи, подробно изучены отечественными исследователями с позиций источниковедческого и археографического анализа материалов [1, 6, 7, 11, 12]. Однако попыток рассмотреть их в качестве памятников политической идеологии, в отечественной исторической науке не предпринималось.

Ниже на материале летописца Пафнутьево-Боровского монастыря и Повести о втором браке Василия III будет предпринята попытка охарактеризовать властные каноны и идеальные образы, включенные в состав памятников, тем самым подготовив почву для последующего специального изучения этих произведений как памятника политической идеологии XVI в. и включения в контекст общего развития идеологических нарративов страны.

Летописец Пафнутьево-Боровского монастыря был обнаружен М.Н. Тихомировым в собрании Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Опубликованный ученым летописец из состава рукописи, названной Софийской I летописью, охватывал период 1518-1526 гг., фокусируясь преимущественно на событиях внешнеполитического характера [12]. Уникальные сведения памятника, отмеченные М.Н. Тихомировым, касались казанской и крымской политики Василия III, а также борьбы великого князя с ересями. И хотя большинство сведений летописца находили пересечение с другими источниками, исследователь обратил внимание на «яркую политическую тенденцию» летописца, подборка событий была направлена на восхваление внутренней и внешней политики Василию III.

Особый интерес ученых при изучении летописца Пафнутьево-Боровского монастыря вызывала двухчастная Повесть о втором браке Василия III, рассказывающая о пострижении Соломонии Сабуровой в монастырь и женитьбе князя на Елене Глинской. Данная повесть не была отделена в свое время от основного текста летописца М.Н. Тихомировым [16], который приписал её создание монаху Иннокентию – ученику Пафнутия Боровского. Другой памятник первой половины XVI в., освещавший развод и второй брак Василия III – это «Выпись из государевой грамоты ... о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради», подробно изученная в отечественной историографии М.Н. Тихомировым, С.О. Шмидтом, Н.А. Казаковой и А.А. Зиминим [3, 6, 10, 13].

На Повесть, в связи с обращением к проблематике московского летописания 1520-х гг. и развитии московской книжности обращали внимание А.Н. Насонов, А.А. Зимин и Н.А. Казакова [4, 6, 7], однако наиболее подробное исследование содержания, состава и общего тона источника было проведено Ю.К. Бегуновым [1].

Исследователи А.Н. Насонов и А.А. Зимин обратили внимание на сюжет о пострижении Соломонии Сабуровой, сравнив его с аналогичными сюжетами из Типографской летописи и сделав предположения о происхождении памятника из канцелярии митрополита Даниила и участия в создании архиепископа Новгородского Макария соответственно [4, 7]. Вместе с тем А.А. Зимин признавал правдоподобность предположений М.Н. Тихомирова об участии в создании Пафнутьево-Боровского летописца монастырского инок [4].

В свою очередь Ю.К. Бегунов выделил три вида «Повести», созданной, по его мнению, в 1526-1528 гг. – Троицкий (Угличский), Пафнутьево-Боровский (Волоколамский) и Ростовский, доказывая, через сравнение стиля летописных погодных записей и «Повести», самостоятельный характер памятника и его внелетописное назначение [1]. Принимая во внимание существование разночтений между наиболее полным списком «Повести» из Пафнутьево-Боровского летописца и другими, ученый сделал вывод о существовании архетипа Повести, в дальнейшем включенного в состав разных летописных произведений. Обратив внимание на начитанность автора «Повести» в области Священного писания, юридической и патристической литературы, использовавшего в тексте выдержки из Аввы Дорофея, Новелл Юстиниана и Кормчих книг, ученый также называет и вероятных авторов апологического сочинения Василию III, делая акцент на ближнем круге великого князя, осведомленного о его передвижениях и планах. В список предполагаемых авторов Повести включены епископ Сарский Досифей, архимандрит Чудовского монастыря Иона Собина, Досифей и Вассиан Топорковы [1].

Соглашаясь с М.Н. Тихомировым, Ю.К. Бегунов отмечал четко выраженную политическую тенденцию памятника, а также сюжетное сходство с другим апологетическим произведением эпохи Василия III – «Словом похвальным великому князю Василию» [1]. Отдельного внимания ученого удостоились яркие эпистолярные характеристики, употреблявшиеся в отношении Василия III и его внешних врагов, и образы власти, развивавшие мысль о Василии III как «идеальном самодержце». Апогеем восхваления великого князя Ю.К. Бегунов считает сравнение того с ангелом – «стратигом силы небесной» [1].

Специальное рассмотрение Повести о втором браке Василия III определило выход содержания самого Пафнutyево-Боровского летописца на периферию исследовательского интереса ученых. В отношении самого летописца не было сделано выводов, способных опровергнуть предположения М.Н. Тихомирова об авторе памятника [12]. Вывод исследователя о создании летописца монахом Иннокентием был подвергнут Ю.К. Бегуновым сомнению лишь в связи с обсуждением «Повести», а образы власти, активно использующиеся в памятнике, стали второстепенным доказательством роли «Повести» в развитии политической идеологии России XVI в. и комплекса «идеальных образов Степенной книги Никоновской летописи» [1].

Вопрос о степени предвосхищения «Повестью» модели восхваления правителей Москвы в Степенной книге и Никоновской летописи остаётся открытым в связи с существованием в русской письменной традиции большого числа апологетических сочинений, использующих схожие схемы при построении образов идеального правителя через гиперболизацию его позитивных качеств, на что указывает сам Ю.К. Бегунов, перечисляя различных правителей Руси, представляемых в схожих чертах: Владимир Мономах, Александр Невский, Мстислав Великий, Дмитрий Донской и пр. [1]. Такого же уточнения требует вывод Ю.К. Бегунова о связи между развитием абсолютистских тенденций в России и сравнением Василия III с ангелом [1].

В этой связи представляется необходимым подробнее рассмотреть сведения летописца Пафнutyево-Боровского монастыря с позиции политической имагологии, уточнив образы власти, создаваемые автором для описания Василия III и конструирования образа «идеального самодержца», исходя из приписываемых ему качеств и функций. Отдельного изучения заслуживает эпизод о пострижении Василием III головы, усов и бороды из текста «Повести о втором браке», поставленный большинством исследователей в один ряд с другими схожими сюжетами, развивающими самодержавный образ великого князя.

При изучении политической идеологии России необходимо учитывать, что её развитие в рамках письменной традиции предполагало, помимо глубоко христианских образов власти, проникновение отдельных властных канонов из Византийской империи, культурные связи с которой определяли многочисленные заимствование и обращение русских книжников к греческим источникам. Отсюда представляется вполне обоснованным использование при изучении русских политических сюжетов обращение к условным «функциям», выделенным А.П. Казданом при изучении образов идеального

правителя в Византийской империи: репрезентативной, исполнительной, судебно-административной и традиционалистской [5]. Каждая из этих функций определяла набор личных качеств, характеристик и обязательств к исполнению действий для идеального правителя.

Основные сюжеты, на которые обращает внимание автор Пафнutyево-Боровского летописца, связаны с внешней политикой Василия III, лишь частично касаясь его деятельности в духовной и церковной сфере. При этом в рамках борьбы с Казанью, Крымом и Литвой особое значение приобретают те качества Василия III, что определяют и объясняют его верховенство над татарскими «царями» и другими врагами Московского государства. При этом реальное число христианских качеств, акцентирующих внимание на милосердии великого князя, оказывается достаточно мало – Василий III один раз «умилосердился», два – «поверова» и один «показал милость» [12].

В первом случае князь реагировал на челобитье казанцев, просящих у него нового государя. При этом книжник делает акцент на том, что Василий III «не вспомянув их прежние измены», указывая на терпимость князя по отношению к своим подданным и присущее ему всепрощение, как одного из элементов образа идеального правителя. Этот образ находит своё развитие в отношениях Москвы с Саап-Гиреем, занявшим Казань и пославшим, по сведениям летописца, «ложное челобитье» Василию с просьбой подтвердить его статус как нового правителя Казани, и крымским Ахмед (Мехмед)-Гиреем, пообещавшим «ложное братство» князю перед своим походом 1521 г. [12]. Василий III, в свою очередь, принимает крымские и казанские челобитья и посольства, «сохраняя правду в сердце, а не ложь», что подчеркивает миролюбие князя и его христианскую добродетель.

Более ярко в тексте обозначены важность клятвы, даваемой великому князю, что летописец иллюстрирует на примере казанского – Шаха-Али («Шигаля») и крымского – Мехмед-Гирея – царей, судьба которых оказывается напрямую связана с верностью их клятв, данных Василию III. Так свергнутого казанского царя Шаха-Али «бог злыя смерти избавил», послав ему навстречу отряд касимовских казаков после бегства Шаха-Али из Казани. Летописец комментирует спасение казанского царевича фразой «праве живущих любит Бог», подчеркивая необходимость подчинения и верной службы своему законному государю [12].

Мехмед-Гирей – напротив – «обольстил орды государя Василия», после чего совершил поход к Коломне, где убил двух княжеских воевод – Якова и Юрия Замятиных и пленив Федора Лопатина-Оболенского [12]. Действия великого князя слож-

но назвать сообразными, так как он ответил лишь выдвижением к Оке основных сил, однако автор летописца находит способ донести Божий гнев до крымского царя. Спустя три года Мехмед-Гирей погибает в битве с ногайцами, что автор определяет, как «преступление его шертопийства» и следствие его «законопреступления» и пролитие православной крови. Более того, для «усугубления» вины Мехмед-Гирея летописец вставляет в текст сюжет о захвате крымским царем Астрахани в союзе с ногайским мурзой Агишем, которого тот потом предаёт. Историческая справка о войне Крыма с Астраханью указывает на то, что ногайские мурзы Агиш и Мамай участвовали вместе с Гиреем в походе на Астрахань, но стали опасаться его усиления и убили, выманив из города с малым отрядом. В летописце же «Ахмет-Гирей» обещает Агишу посадить того править в Астрахани, после чего «с смехом нача поносити ему», оставив ни с чем [12].

Противопоставление Василия III и его врагов автор летописца подчеркивает и с помощью многочисленных уничижительных эпитетов, применяемых к казанским и крымским царевичам: традиционные эпитеты «злокозненный», «окаянный» и «беззаконный» дополняют «льстец», «волк», «хищник», «закону поругатель» [12]. Отдельного комплекса негативных характеристик удостоивается атаман Войска Запорожского Евстафий Дашкович, по сообщениям летописца участвовавший в походе крымчаков 1521 г.: «сатанин угодник, иудин спрестольник, поругатель веры, отметник православия, изменник крестного целования» [12]. Подобная характеристика вполне подходит, по мнению автора летописца, Дашковичу, как предателю веры и союзнику «измаильтян». Нарушение основ христианства или же преступление против единоверцев в политической идеологии Московской Руси традиционно оценивалось негативно, исходя из комплекса качеств идеального христианина, в связи с чем выступления против единоверцев трактуется как впадение в ересь и отказ от веры.

Сюжет о проведении Московского собора 1525 г. стоит особняком среди прочих известий внешнеполитического характера. Автор летописца оказывается хорошо знаком с содержанием претензий к обвиняемым, перечисляет их по именам и оказывается осведомлен о судьбе осужденных: Максима и Савву Греков, их келейника Афанасия, Ивана Берсень-Беклемишева Петра Карпова и Федора Жареного [12]. При этом обвинения, выдвинутые, по сведениям автора летописца, были связаны не с ересью, а с «изменой» подсудимых обвиняли в спонсировании похода турецкого султана на великокняжеские «украины». Особенно замет-

ной становится политическая ориентация летописца, не раскрывающая подноготную конфликта Максима Грека с митрополитом Даниилом и Василием III в связи с предстоящим разводом и вторым браком. Великий князь, в свою очередь, сам «доводит измену», а потом «показывает милость» осужденным, в связи с чем Максим отправляется в монастырь, а некоторые его «товарищи» теряют глаза, язык или голову.

На тот факт, что в летописце Пафнутьево-Боровского монастыря все действия Василия III преувеличено благочестивые и обосновываются его милосердием и добротой обращал внимание еще М.Н. Тихомиров, тогда как Ю.К. Бегунов отметил обилие эпитетов, по-разному характеризующих великого князя и его врагов [1, 12]. Что осталось на периферии исследовательских интересов ученых так это мотив верного служения князю, как законному государю. Измена великому князю, в тексте летописца карается Богом, а милосердие, применяемое князем, не отменяет кары, как в случае Петра Карпова и Федора Жареного.

Если же рассматривать сугубо христианские качества, отраженные в летописце, то их набор – милосердие и смиренность – является традиционным для реализации репрезентативной, церемониальной функции идеального правителя [4]. Качества, приписываемые Василию III, с тем же успехом могли быть применены к любому другому правителю Средневековой Руси – Владимиру Мономаху, Роману Мстиславичу, Даниилу Галицкому, Дмитрию Донскому. Поскольку образ идеального князя в своем христианском воплощении не подвергался трансформации в русской политической мысли, князь стабильно должен был демонстрировать различные христианские качества для подачи примера своим подданным, поскольку именно он несет ответственность за них и их поступки перед Богом. Причем набор светских качеств идеального правителя, с которым на Руси были знакомы и периодически применяли в отношении наиболее выдающихся князей (мудрость, хитрость, военное мастерство) – к Василию III оказывается неприменим, что формирует образ отличный от идеальной модели правителя-полководца – правителя-христианина.

Экзекутивная функция идеального правителя, в данном случае – Василия III – реализуется на примере осужденных Поместным собором 1525 г., при этом великий князь остаётся в полном праве казнить и миловать, несмотря на декларируемые терпение и всепрощение. Он выполняет вполне конкретную задачу – сохранение своей законной, дарованной ему Богом, власти от «изменников», в отношении которых он может себе позволить любые действия, т.к. они оказываются направлены не

только против самого правителя, но и против Бога, что связывает борьбу с изменниками с другой обязанностью идеального государя – охранением христианской веры.

В случае же со смертью Мехмед-Гирея и великокняжеской «верой» в его челобитья и советы, находит отражение и другая сторона этой функции. В отличие от Византийской империи, где широкое исполнительное право василевса было связано с абсолютной властью императора над жизнью его подданных, на Руси долгое время такая практика не была доступна большинству князей, в связи с чем на передний план и выходят терпение и всепрощение врагов, что становится куда лучшим показателем добродетели правителя, подчеркивающим его справедливый суд и нежелание отнимать жизнь даже опасным для него или его державы людям [4, 12]. Поэтому Василий III по замыслу летописца не просто раз за разом прощает «окаянного» крымского «царя», но даёт ему возможность соблюсти клятву или испытать же последствия от её нарушения – Божьей кары в виде смерти за клятвопреступление и пролитие крови православных.

Если же обращаться к Повести о втором браке Василия III, текст которой следует за оригинальным летописцем Пафнутьево-Боровского монастыря, то среди прочих сюжетов особняком стоит эпизод об «оголении» Василием III своего лица и головы – князь побрился налысо, сбрил свои усы и бороду. Ученые М.Н. Тихомиров и Ю.К. Бегунов отмечали этот сюжет, указывая на его уникальное содержание при описании событий подготовки ко второму браку великого князя [1, 12]. Что в этом случае отличает «Повесть» от большинства других литературных памятников как XVI в., так и предшествующих столетий – так это обращение к светской составляющей образа идеального правителя и, в частности, к внешнему виду правителя, на который в русской политической идеологии обычно не обращали внимания при конструировании властных канонов.

Высказанные Ю.К. Бегуновым предположения о круге чтения автора «Повести» и выделенные им аргументы, которые тот приводит для обоснования права Василия III менять стиль собственной прически позволяют говорить о попытке создателя памятника дать конкретное объяснение такому поведению князя и, что самое главное, свести на нет его критику со стороны политической и интеллектуальной элиты [1]. Символическое значение пострижения головы и бороды было вероятно, связано с идеей обновлением человека после первого брака, однако нарушение устоявшихся традиций определило недовольство многих представителей политической и церковной элиты.

В «Повести» обосновывается право Василия III не столько на изменение прически, сколько на изменение традиции, поддержание которой также является обязательным условием для большинства «идеальных» правителей в рамках византийской и, как следствие, русской политической идеологии. Внешний вид Василия III – способ доказать необходимость обновления для «царя» и подчеркнуть, почему нарушение устоявшегося канона не является грехом или отражением негативных черт великого князя: «царем подобает обновляться и украшаться всячески», а, следовательно, «осуженно царь и государь несть повинен» [12]. Как отмечал В.В. Пенской, еще одним из возможных элементов нового образа Василия III в соответствии с задумкой панегириста, должно было стать воспроизведение христианских образцов поведения и уподобления архангелу Михаилу, воеводе Небесных сил, который в ромейской и древнерусской иконографии изображался без бороды: «Також де царь и государь всея Русии страшен явися иноплемеником взора ради стратижского» [8, 12].

Поскольку отступление от традиций что в византийской, что в русской политической культуре осуждалось, сюжет «Повести» позволяет говорить об оригинальной и уникальной попытке обосновать право идеального царя на изменение устоявшихся порядков, исходя из своего статуса. Впоследствии царь Иван IV будет критиковаться князем А.М. Курбским за нарушение «старых порядков» и устоявшегося согласия, в ответ на что царь будет отвечать, что он остаётся в своем праве как раз благодаря своему царскому статусу. В Повести о втором браке Василия III можно наблюдать попытку отдельной части церковной интеллектуальной элиты, приближенной к московскому двору, дать обоснование поведению и действиям правителя, выходящим за рамки устоявшихся норм и правил. Отсутствие этого эпизода в большинстве поздних летописей XVI в. указывает на то, что предложенная интерпретация действий Василия III не была поддержана большинством книжников, хотя сама идея частично нашла отражение в публицистических сочинениях Ивана IV.

Если оценивать летописец Пафнутьево-Боровского монастыря как образец политической литературы, цель которого состояла в создании определенного идеального образа Василия III, то, исходя из дальнейшей судьбы текста летописца, можно сказать, что с поставленной задачей автор текста не справился. Совокупность идеальных качеств и характеристик, приписываемых великому князю, не выбивается из общего ряда властных канонов, имевших хождение на Руси еще с XI в. Осуждение клятвопреступников, вкупе с идеалами князя-христолюбца имели место быть в других

литературных и летописных произведениях Средневековья. Образ Василия III как защитника христианской веры реализуется куда менее ярко, чем в других произведениях, эксплуатирующих эту тему. В этой связи появляется вопрос о том, насколько политически мотивированным было создание данного памятника и не было ли создание этих тенденциозно обработанных летописных заметок частью более крупного политического проекта, направленного лишь на оправдание второго брака московского князя. Не меньшего внимания заслуживает также и изучение употребляемой автором или авторами летописца Пафнутьево-Боровского монастыря и Повести о втором браке Василия III титулатуры при обращении к великому князю. Так в основном тексте летописца книжник придерживается традиционного именованья Василия III великим князе, тогда как в Повести тот именуется не иначе, как «царь и государь всеа Руси» [12].

Повесть о втором браке Василия III, как доказывал Ю.К. Бегунов, действительно выделяется на

фоне других произведений своего времени, добавляя к комплексу прав идеального государя новую возможность – нарушение традиций. Внелетописная повесть о князе, готовым жертвовать своими интересами и идущего на грех второго брака лишь под давлением бояр, родственников и церковного клира, является одним из ярких примеров политического проекта, созданного для развития и обоснования действий Василия III в 1526 г. при женитьбе на Елене Глинской.

При этом говорить о систематическом развитии данного права и «обновленческой» функции-обязанности идеального правителя пока не представляется возможным, поскольку в более поздних политических проектах XVI в. эта идея не найдет своего воплощения. Однако в рамках дальнейшего развития темы представляется вполне обоснованным поиск обращений к практике обновления как обязательному качеству идеального правителя в других памятниках древнерусской письменной традиции.

Литература

1. Бегунов Ю.К. Повесть о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Памятники русской литературы X-XVII вв. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 105 – 118.
2. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 214 с.
3. Зимин А.А. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 132 – 148.
4. Зимин А.А. Русские летописи и хронографы конца XV-XVI в. М., 1960. 36 с.
5. Каждан А.П. Византийская культура М.: Наука, 1968. 232 с.
6. Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 363 с.
7. Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 248 – 249.
8. Пенской В.В. «Яко блудницам обычай есть...»: казус с бородой Василия III // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3 (15). С. 119 – 128.
9. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М.: Академический Проект, 2020. 481 с.
10. Тихомиров М.Н. К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1928. С. 21 – 94.
11. Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI века // Московский край в его прошлом. М., 1930. С. 105 – 114.
12. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 384 с.
13. Шмидт С.О. О времени составления «выписи» о втором браке Василия III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 110 – 122.

References

1. Begunov Ju.K. Povest' o vtorom brake Vasilija III. TODRL. Pamjatniki russkoj literatury X-XVII vv. M.; L., 1970. T. 25. S. 105 – 118.
2. Dmitrieva R.P. Skazanie o knjaz'jah vladimirskih. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. 214 s.
3. Zimin A.A. Vypis' o vtorom brake Vasilija III. TODRL. L., 1976. T. 30. S. 132 – 148.
4. Zimin A.A. Russkie letopisi i hronografy konca XV-XVI v. M., 1960. 36 s.
5. Kazhdan A.P. Vizantijskaja kul'tura M.: Nauka, 1968. 232 s.
6. Kazakova N.A. Vassian Patrikeev i ego sochinenija. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 363 s.
7. Nasonov A.N. Materialy i issledovanija po istorii russkogo letopisanija. Problemy istochnikovedenija. M., 1958. T. 6. S. 248 – 249.

8. Penskoj V.V. «Jako bludnicam obyčaj est'...»: kazus s borodoj Vasilija III. Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2017. № 3 (15). S. 119 – 128.
9. Sinicya N.V. Tretij Rim. Istoki i jevoljucija russkoj srednevekovoj koncepcii (XV-XVI vv.). M.: Akademicheskij Proekt, 2020. 481 s.
10. Tihomirov M.N. K voprosu o Vypisi o vtorom brake carja Vasilija III. Sbornik statej v chest' akademika A.I. Sobolevskogo. L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1928. S. 21 – 94.
11. Tihomirov M.N. Novyj pamjatnik moskovskoj politicheskoi literatury XVI veka. Moskovskij kraj v ego proshlom. M., 1930. S. 105 – 114.
12. Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie. M.: Nauka, 1979. 384 s.
13. Shmidt S.O. O vremeni sostavlenija «vypisi» o vtorom brake Vasilija III. Novoe o proshlom nashej strany. M., 1967. S. 110 – 122.

*Agafonov I.S., Postgraduate,
Russian State University for the Humanities*

Image of the ideal sovereign in the chronicler of the Paphnutievo-Borovsky Monastery and the Tale of the Second Marriage of Vasily III

Abstract: historical studies in the field of political ideology of the Middle Ages and Modern times are of particular value to scientists when referring to the intellectual foundations of secular power. The appeal of researchers to the images of the power of rulers is determined by their interest in the theoretical understanding of the powers, rights and duties of sovereigns. In Russian historiography, the attention of scientists to the grand ducal and royal canons of power appeared mainly in connection with the interest in the central monuments of historical writing of the 16th century and publicistic works of the era. One of the monuments that remained on the periphery of the attention of researchers is the Tale of the Second Marriage of Vasily III, isolated from the composition of the chronicler of the Pafnutievo-Borovsky Monastery, whose local nature made it impossible to associate the text of the story with the source. The article considers a set of images of power aimed at presenting the figure of Grand Prince Vasily III as an ideal ruler, in order to clarify the ideological tools that have developed in Russia and how it can be applied to a secular sovereign at the local level. Based on the materials of the monument of local chronicle writing and journalistic story of the first third of the 16th century. authoritative canons are considered that define the features and qualities of the Grand Prince as an ideal ruler.

Keywords: Russia, the 16th century, local chronicle, political ideology, Vasily III, Pafnutievo-Borovsky Monastery, Tale of the Second Marriage of Vasily III, Grand Duchy of Moscow

For citation: Agafonov I.S. Image of the ideal sovereign in the chronicler of the Paphnutievo-Borovsky Monastery and the Tale of the Second Marriage of Vasily III. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 24 – 30.

Received: May 7, 2023; Revised: May 31, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Турдикулов О.Т., аспирант,
Томский государственный университет*

Национальная модель высшего образования Республики Узбекистан: становление и развитие (1997-2016 гг.)

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию становления и развития национальной модели высшего образования в период правления Президента Республики Узбекистан И. Каримова. Автор рассматривает ключевые аспекты национальной модели высшего образования, такие как формирование и развитие, система управления, доступность и качество образования, финансирование. Также в статье рассматриваются некоторые проблемы формирования национальной модели высшего образования в Узбекистане (1997-2016 гг.) и на основе анализа представлены заключение об этом периоде. Целью исследования является выявление изменения национальной модели высшего образования Узбекистана в рассматриваемый период, факторов этих изменений и их результаты. В рамках таких факторов в ходе исследования изучаются стратегия развития государства, запросы общества на определенные типы образования, с ориентацией на определенную занятость, запрос рынка, научный потенциал преподавателей вузов и государственное финансирование.

Для достижения цели исследования, автор использует различные исторические методы исследования. В частности, автор проводит анализ законодательных и нормативных актов, связанных с образованием, а также анализ материалов научных исследований, опросов общественного мнения и статистических данных. Исторический метод исследования, используемый в данной статье, предполагает изучение и анализ исторических фактов, событий, процессов и явлений, связанных с темой исследования. В рамках данного метода исследования автор рассматривает процессы формирования и развития национальной модели высшего образования в Узбекистане, анализирует их особенности, причины и последствия. Таким образом, исторический метод исследования, позволяет более полно и объективно охарактеризовать историю формирования и развития национальной модели высшего образования в Узбекистане, выявить ее особенности и проблемы и предложить возможные пути их решения.

В 1997 году была создана национальная модель образования Узбекистана в результате принятия Закона «Об образовании» и «Национальной программы подготовки кадров». В рамках этой модели высшее образование перешло на двухуровневую систему (бакалавриат, магистратура), полностью отказавшись от специалитета. Прием студентов на платной основе стал распространенным явлением. Национальная модель образования сделала обязательным общее и среднее специальное образование, при этом высшее образование стало уделять больше внимания подготовке педагогов и развитию педагогических наук. В результате, вектор подготовки кадров сменился с технического на педагогический.

Ключевые слова: Узбекистан, национальная модель, подготовка кадров, доступность высшего образования, качество образования

Для цитирования: Турдикулов О.Т. Национальная модель высшего образования Республики Узбекистан: становление и развитие (1997-2016 гг.) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 31 – 37.

Поступила в редакцию: 10 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 31 мая 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Политика развитие страны, проводимых государством, во многих случаях напрямую зависит от качества реформ и кадров. Поэтому каждая страна старается создать национальную модель подготовки кадров на основе имеющегося опыта и национальных традиций. В 1991 году, после обретения независимости, Республика Узбекистан приступила к реализации государственной политики по подготовке кадров. Если в первые годы независимости был процесс переход от советской модели, то с принятием в 1997 г. Национальной программы подготовки

кадров была создана национальная модель образования Узбекистана.

Период создания и развития национальной модели высшего образования в Узбекистане (1997/2016 гг.) является объектом данного исследования. Изучение этого периода помогает представить общее состояние системы высшего образования Узбекистана в последние годы и изучить причины существования актуальных проблем на сегодняшний день. В 2016 году, к момент избрания Шавката Мирзиёева Президентом Республики Узбекистан и перехода системы высшего образования на новый этап

развития, в системе высшего образования Узбекистана накопился ряд проблем. Например, проблема качества образования; гиперцентрализованное управление; нехватка выпускников с высшим образованием для различных отраслей экономики; огромный дефицит мест в вузах страны, интернационализация высшего образования и др. Актуальность статьи заключается в том, что большинство из этих проблем существуют и сегодня в сфере высшего образования Узбекистана, и результаты данного исследования могут быть рекомендованы для производства в качестве решения этих проблем.

Хронологический период исследования начинается с 1997 года с принятием Национальной программы обучения и нового Закона об образовании и заканчивается в 2016 году с избранием Шавката Мирзиёева Президентом Республики Узбекистан. В этот период главной целью образовательной системы Узбекистана был полный отказ от прежней советской модели и создание современной системы высшего образования, отвечающей требованиям новой времени. В данном исследовании этот период условно назван периодом Национальной модели развития образования Узбекистана.

Этот этап реформы высшего образования в Узбекистане изучен недостаточно, и от исследователей требуется уделять этому периоду особое внимание. В существующих исследованиях в основном анализируются достигнутые достижения и дается мало критической оценки. Предложения по решению существующих проблем также редки, но встречаются в исследовательской литературе. Например, аналитическая статья Э.З. Имамова, Ш.А. Сафаровой, О.С. Бутаерова посвящена образовательным реформам и стратегии развития, проводимым в системе высшего образования Узбекистана [1]. В статье Б. Кобилова, посвященной проблемам приема абитуриентов в вузы, автор критикует крайне низкий уровень охвата молодежи в высшие учебные заведения Узбекистана [2]. Автор дает критическую оценку ситуации, сравнивая показатели охвата молодежи с высшим образованием в соседних странах, России и в странах ОЭСР с показателями Узбекистана. Также выявляются существующие проблемы и даются предложения по их устранению. В статье Д.М. Касымовой анализируется сотрудничество высших учебных заведений Узбекистана с производственным сектором. Основное внимание в статье сосредоточено на вопросе трудоустройства выпускников высших учебных заведений Узбекистана, а также обозначены существующие основные проблемы и даны предложения по их решению [3].

Аналитическое исследование Х. Брунера и Э. Тиллета изучает общее положение высшего образования Узбекистана и стран Центральной Азии после обретения независимости [5]. Статья Е.Ф. Троицкого и С.М. Юна «Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования» представляет исследовательский интерес как современная статья, где комплексно изученная данная тема. [4].

Кроме того, информацию по теме можно найти в документах местных и международных организаций. Например, можно встретить много информации по этому вопросу в базах данных и периодических отчетах ЮНЕСКО, ПРООН, Всемирного банка, ЈСА, Erasmus, Государственного комитета по статистике Республики Узбекистана. Факты, предоставленные этими организациями, носят информативный характер и нуждаются в анализе.

В период правления первого президента Республики Узбекистан И. Каримова (1991-2016 гг.) основы, принципы и задачи Национальной модели образования хотя и были определены, но не были реализованы в полной мере. В рамках национальной образовательной модели акцент на системе высшего образования не был высоким и оставался на уровне общего образования или среднего специального образования. В результате в Узбекистане, где демографические показатели постоянно растут, показатель охвата молодежи высшим образованием до 2017 г. оставался ниже, чем в 1991 г. (соответственно 297,7 тыс. чел. против 337,4 тыс.) [2, 5]. Однако за этот период население Узбекистана увеличилось с 23,4 млн. до 31,1 млн. Человек [14].

Характерные особенности социально-экономического развития Узбекистана к моменту начала коренных реформ в системе подготовки кадров заключались в следующем: за 1996-1997 годы удалось обеспечить макроэкономическую стабилизацию, рост экономики и благосостояния населения. Возрос объем ВВП в 1997 г. на 5,2%, объем капитальных вложений на 7%, промышленной продукции на 6%, платных услуг населению на 10%. Завершено формирование хозяйственно-правовой основы рыночной экономики [1]. Экономическая и финансовая стабильность привела к укреплению политической власти в Узбекистане.

Национальная программа по подготовки кадров была сформирована по принципу «личность – государство и общество – непрерывное образование – наука - производство» и реализовался в три этапа:

- Первый этап (1997-2001 гг.) – были созданы правовые, кадровые, научно-методические, финансово-материальные условия

для ее реформирования и развития на основе сохранения позитивного потенциала существующей системы подготовки кадров.

- Второй этап (2001-2005 гг.) – полномасштабная реализация Национальной программы, ее корректировка с учетом накопленного опыта выполнения, развития рынка труда и реальных социально-экономических условий.

- Третий этап (2005-2016 гг.) – совершенствование и дальнейшее развитие системы подготовки кадров на основе анализа и обобщения накопленного опыта, в соответствии с перспективами социально-экономического развития страны [1].

С начала реализации реформ, количество вузов возросло с 60 в 1997 г. до 77 в 2016 г. с контингентом с 158,2 до 268,3 тыс. человек [5, 6]. Однако показатель количества студентов на 10 тыс. населения в стране оставалась низким – около 108 человек. Несмотря на увеличения контингента студентов, данный показатель все еще оставался низким по сравнению с аналогичным показателем, например, в 2007 году в Казахстане – 497, Кыргызстане – 426, Молдове – 338, Грузии – 355 [7]. Учитывая, что население Узбекистана значительно превышает население указанных выше стран, по показателю количества студентов в вузах, в среднем на 10 тыс. населения, Узбекистан находился в группе аутсайдеров.

По общему охвату системой высшего образования, составляющему около 9%, Узбекистан все еще оставался на последних местах в мире и про-

игрывал при этом собственному более высокому показателю на 1990 г., составлявшему 17%. Для сравнения, охват системой высшего образования в соседних странах – в Казахстане и Кыргызстане составлял, соответственно – 40 и 49% (2012 г.) в то время как в России и стран ОЭСР с высоким уровнем доходов, этот показатель составляет около 75% [8]. При том уровне ВВП на душу населения, что имеет Узбекистан, охват должен составлять не менее 20%.

После создания национальной модели в сфере образования в Узбекистане можно наблюдать увеличение квот приема и количества студентов в высших учебных заведениях. Однако если проанализировать эти показатели на фоне числа поступающих, которое выросло в соответствии с демографическим ростом населения Узбекистана, то можно увидеть, что относительные показатели приема снизились с 28,4% (1997 г.) до 8,5% (2016 г.). По данным Всемирного банка и ЮНЕСКО, за этот период уровень охвата молодежи системой высшего образования в Узбекистане снизился с 13% (2000 г.) до 8,4% (2016 г.). Эти показатели свидетельствуют о том, что ежегодная уровень охвата населения высшим образованием в Узбекистане сохранился на элитном уровне (в соответствии с классификацией уровней охвата молодежи высшим образованием, предложенной ЮНЕСКО до 15% – элитный, до 50% – массовый, свыше 50% – всеобщий [13].) после перехода на национальную модель образования (табл. 1).

Таблица 1

Охват молодежи системой высшего образования в Республике Узбекистан за 1997-2016 гг. [5, 6]

	1997	2000	2004	2011	2012	2015	2016
Охват высшим образованием (19-24 лет), в %	н/д	13,0	14,2	8,8	8,0	8,2	8,4
Абитуриенты (тыс. чел)	123,4	214	256,8	423,7	436,4	616,2	672,6
Принято:	Количество (тыс. чел.)	35,1	44,7	59,3	58,2	56,9	58,3
	в %	28,4	20,8	23,0	13,7	13,0	9,4
Численность студентов (тыс. чел)	158,2	183,7	263,8	253,0	258,3	264,2	268,2

Одним из методов управления качеством высшего образования являлся конкурсный приём профессорско-преподавательского состава на работу. В вузах Узбекистана работали в этом периоде от 17,4 до 23,9 тысяч преподавателей, в том числе из них имели учёную степень от 7736 до 8038 чел., что вместе составляет примерно 32%-46% [6, 1]. (рис. 1) При сравнительно внешнем благополучии кадрового обеспечения высшего образования начал вырисовываться дефицит наиболее квалифицированной части педагогов. Из-за низкого притока в сферу высшего образования докторов наук, количество студентов на них

увеличилась с 20 (1997 г.) до 35 (2016 г.) человек. (табл. 2, рис. 1.) Нагрузка для профессорско-преподавательского состава вузов республики не претерпела изменений [5]. Однако переход от 5-летних к 4-х летним программам высшего образования обернулся большей нагрузкой для студентов, так как существующий учебные планы того времени вынуждал студентов проходить больше предметов при том же количестве академических часов (например, пятилетний план обучения включал 38-40 предметов, а четырехлетний план обучения бакалавра содержал в среднем 50 предметов).

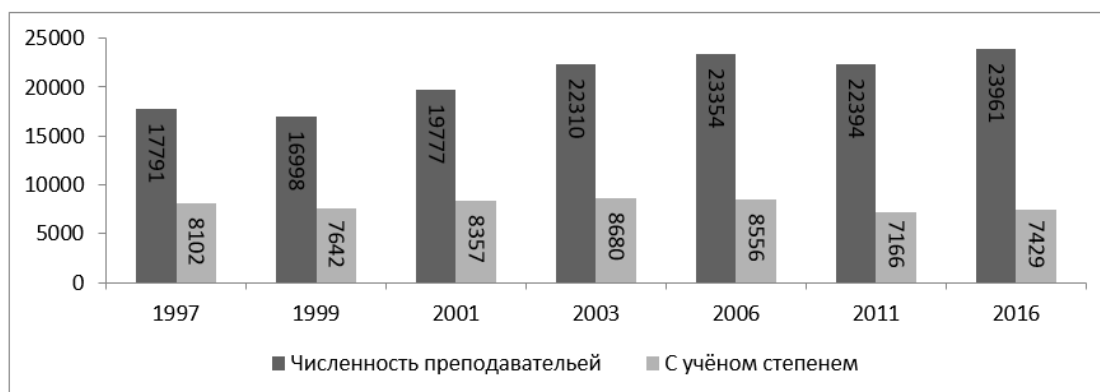

Рис. 1. Динамика изменения количества и качества преподавателей вузов Узбекистана в 1997-2016 гг. [6, 1, 9, 10, 8]

Финансовые ресурсы вузов страны складывались из двух источников: государственного бюджета и внебюджетных источников. Правительство Узбекистана придавало приоритетное значение сфере образования. Ежегодные государственные расходы на образование составляли 10-12% ВВП [11]. Согласно данным Всемирного Банка, в Узбекистане расходы на образование в виде доли от ВВП составляли около 8%, что являлось самым высоким показателем в Центральной Азии. Доля высшего образования в общем объеме бюджетных средств, выделяемых на образование, снизилась с 10% в 1990 г. примерно до 5% в 2013 г. Это достаточно низкий показатель по сравнению с большинством стран мира, где около 20% бюджета об-

разования обычно используется для нужд высшего образования [8]. В 2011 году размер государственного финансирования высшего образования в Узбекистане составлял 0,39% от ВВП (табл. 2.) Такой низкий уровень финансирования, составляющий приблизительно 5% от общего бюджета сектора образования, резко контрастировал с более высоким уровнем финансирования в большинстве сопоставимых стран. Например, в России и странах с высоким уровнем доходов ОЭСР государственное финансирование высшего образования составляло 0,9 и 1,2% от ВВП соответственно, и в обоих случаях на высшее образование выделялось 23% общего бюджета сектора образования.

Таблица 2

Динамика изменения государственных расходов на образование и высшее образование, % к ВВП (1998-2016 гг.) [10, 8, 12]

	1998	2000	2005	2011	2014	2015	2016
Государственные расходы на образование, % от общих расходов	24,4	36	н/д	н/д	22,8	22,4	23,9
Государственные расходы на образование, % от ВВП	7,8	9,6	8,8	5,2	8	5,49	5,38
Госрасходы на высшее образование, % от ВВП	0,55	0,48	0,4	0,39	0,4	н/д	н/д

Низкий уровень государственного финансирования высшего образования в Узбекистане связан с низкими показателями зачисления студентов в этом секторе. Тот факт, что в Узбекистане показатель зачисления в вузы в восемь раз ниже, чем в России и в странах ОЭСР, и в четыре раза ниже, чем в Казахстане, частично объясняет, почему расходы на одного студента в Республике Узбекистан так высоки по отношению к показателям ВВП на душу населения.

В результате проделанной работы можно сделать следующие выводы.

В 1997 году в результате принятия Закона «Об образовании» и «Национальной программы подготовки кадров» и проведенной на их основе образо-

вательной реформы сформировалась национальная модель образования Узбекистана. Национальная модель высшего образования достигла своих основных целей, с 1997 года высшее образование полностью отказалось от специалитета и было переведено на двухуровневую (бакалавриат, магистратура) систему. Практика приема студентов на основе платного договора увеличилась в размерах. Правительство, осуществляя Национальную модель образования, сделало обязательным общее и среднее специальное образование и заявило, что приоритет в образовании сосредоточен на этих двух направлениях. Соответственно, высшее образование Узбекистана в исследуемый период характе-

ризуется основным упором на подготовку педагогов и развитие педагогических наук. Вектор подготовки кадров сменился с технического на педагогический.

Количество вузов увеличилось на 28% за счет государственных и филиалов зарубежных вузов. При этом количество государственных вузов в этот период выросло за счет открытия филиалов вузов столицы и центральных городов в регионах. Ограничение образовательной, административной и финансовой автономии университетов и строгий контроль со стороны Минвуза привели к формированию гиперцентрализованной системы управ-

ления. Из-за строгого определения государством квот приема в стране сформировалось элитное высшее образование, что в конечном итоге привело к дефициту высшего образования в стране. Также, появились проблемы в качестве высшего образования страны, причинами которыми являлись: во-первых, финансовые проблемы - низкий по международным меркам уровень государственного финансирования высшего образования; во-вторых, снижение мотивации и соответственно, заинтересованности в получении ученой степени у молодых ученых; в-третьих, износ материально-технической базы в вузах и др.

Литература

1. Имамов Э.З., Сафарова Ш.А., Бутаеров О.С. Республика Узбекистан: результаты реформ и дальнейшая стратегия развития высшего образования. Астана: ЮНЕСКО. С. 1 – 3. URL: www.unesco.kz/education/he/uzbek/uzbnat_ru.doc (дата обращения: 12.12.2022 г.)
2. Кобиллов Б. Дефицитное Высшее Образование [Электронный ресурс]. Газета.uz, 28 мая 2018 г. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/05/28/education/> (дата обращения: 12.12.2022 г.)
3. Касымова Д.М. Улучшение взаимодействия образовательных учреждений и предприятий с целью трудоустройства выпускников // Молодой ученый. 2016. № 17 (121). С. 406 – 409. URL: <https://moluch.ru/archive/121/33413/> (дата обращения: 28.03.2022)
4. Троицкий Е.Ф., Юн С.М. Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 157 – 168.
5. Брунер Х.Х., Тиллет Э. Высшее образование в Центральной Азии: задачи модернизации / Отчет Всемирного банка – №68926. Всемирный банк, 2007. 214 с.
6. Государственный комитет по статистике Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/social-protection> (дата обращения: 20.09.2022)
7. Высшее образование в Узбекистане: состояние и рекомендации. Аналитическая записка. ПРООН. 2009. № 1 (12). С. 3. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/uz/un_uzb_PB_education_rus.pdf (дата обращения: 20.09.2022)
8. Узбекистан: Модернизация системы высшего образования: документ Всемирного банка – №88606-UZ. Всемирный банк, 2014. 156 с. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/es/737161501483080910/pdf/88606-28-7-2017-14-44-29-UzbekistanHigherEducationReportru.pdf> (дата обращения: 20.09.2022)
9. Образование в Узбекистане 2017-2020: Сборник / Государственный комитет по статистике Республики Узбекистан. Ташкент. 2021. 189 с.
10. Образование в Узбекистане: баланс спроса и предложения. Национальный доклад о человеческом развитии. ПРООН Узбекистан. Ташкент. 2007/2008. 204 с.
11. Узбекистан: обзор системы высшего образования. Erasmus+. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.erasmusplus.uz/images/shared/RUUzbekistancountryficheRusFinal182016.pdf> (дата обращения: 08.01.2023)
12. Узбекистан: Расходы на образование, процент ВВП. GlobalEconomy.com [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Uzbekistan/Education_spending/ (дата обращения: 08.01.2023)
13. Высшее образование в Центральной Азии. Аналитическая записка. Бюро ЮНЕСКО в Алматы. АТА-2021/PI/2. 2021. С. 2. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377911_rus (дата обращения: 09.01.2023)
14. Countrymeters. [Электронный ресурс] Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://countrymeters.info/ru/Uzbekistan> (дата обращения: 25.01.2023)

References

1. Imamov Je.Z., Safarova Sh.A., Butaerov O.S. Respublika Uzbekistan: rezul'taty reform i dal'nejshaja strategija razvitija vysshego obrazovanija. Astana: JuNESKO. S. 1 – 3. URL: www.unesco.kz/education/he/uzbek/uzbnat_ru.doc (data obrashhenija: 12.12.2022 g.)
2. Kobilov B. Deficitnoe Vysshee Obrazovanie [Jelektronnyj resurs]. Gazeta.uz, 28 maja 2018 g. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/05/28/education/> (data obrashhenija: 12.12.2022 g.)
3. Kasymova D.M. Uluchshenie vzaimodejstvija obrazovatel'nyh uchrezhdenij i predpriyatij s cel'ju trudoustrojstva vypusknikov. Molodoj uchenyj. 2016. № 17 (121). S. 406 – 409. URL: <https://moluch.ru/archive/121/33413/> (data obrashhenija: 28.03.2022)
4. Troickij E.F., Jun S.M. Uzbekistan: novyj jetap internacionalizacii vysshego obrazovanija. Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. T. 30. № 10. S. 157 – 168.
5. Bruner H.H., Tillet Je. Vysshee obrazovanie v Central'noj Azii: zadachi modernizacii. Otchet Vsemirnogo banka – №68926. Vsemirnyj bank, 2007. 214 s.
6. Gosudarstvennyj komitet po statistike Respubliki Uzbekistan [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/social-protection> (data obrashhenija: 20.09.2022)
7. Vysshee obrazovanie v Uzbekistane: sostojanie i rekomendacii. Analiticheskaja zapiska. PROON. 2009. № 1 (12). S. 3. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/uz/un_uzb_PB_education_rus.pdf (data obrashhenija: 20.09.2022)
8. Uzbekistan: Modernizacija sistemy vysshego obrazovanija: dokument Vsemirnogo banka – №88606-UZ. Vsemirnyj bank, 2014. 156 s. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/es/737161501483080910/pdf/88606-28-7-2017-14-44-29-UzbekistanHigherEducationReportru.pdf> (data obrashhenija: 20.09.2022)
9. Obrazovanie v Uzbekistane 2017-2020: Sbornik. Gosudarstvennyj komitet po statistike Respubliki Uzbekistan. Tashkent. 2021. 189 s.
10. Obrazovanie v Uzbekistane: balans sprosa i predlozhenija. Nacional'nyj doklad o chelovecheskom razvitii. PROON Uzbekistan. Tashkent. 2007/2008. 204 s.
11. Uzbekistan: obzor sistemy vysshego obrazovanija. Erasmus+. 2016. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.erasmusplus.uz/images/shared/RUUzbekistancountryficheRusFinal182016.pdf> (data obrashhenija: 08.01.2023)
12. Uzbekistan: Rashody na obrazovanie, procent VVP. GlobalEconomy.com [Jelektronnyj resurs]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Uzbekistan/Education_spending/ (data obrashhenija: 08.01.2023)
13. Vysshee obrazovanie v Central'noj Azii. Analiticheskaja zapiska. Bjuro JuNESKO v Almaty. ATA-2021/PI/2. 2021. S. 2. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377911_rus (data obrashhenija: 09.01.2023)
14. Countrymeters. [Jelektronnyj resurs] Otdela narodonaselenija pri Departamente po jekonomicheskim i social'nym voprosam OON. URL: <https://countrymeters.info/ru/Uzbekistan> (data obrashhenija: 25.01.2023)

*Turdikulov O.T., Postgraduate,
Tomsk State University*

**National model of higher education of the Republic of
Uzbekistan: formation and development (1997-2016)**

Abstract: the article is dedicated to a comprehensive study of the formation and development of the national model of higher education during the presidency of President of the Republic of Uzbekistan I. Karimov. The author examines key aspects of the national model of higher education, such as its formation and development, management system, accessibility and quality of education, and financing. The article also discusses some of the problems in forming a national model of higher education in Uzbekistan from 1997 to 2016 and presents conclusions based on the analysis of this period. The aim of the research is to identify changes in the national model of higher education in Uzbekistan during the period under consideration, the factors behind these changes, and their results. Within these factors, the study examines the state's development strategy, society's demands for certain types of education geared towards specific employment, market demands, the scientific potential of university lecturers, and state funding.

To achieve the research goal, the author uses various historical research methods. In particular, the author analyzes legislative and regulatory acts related to education, as well as scientific research materials, public opinion surveys, and statistical data. The historical research method used in this article involves the study and analysis of historical facts, events, processes, and phenomena related to the research topic. Within this research method, the author examines the processes of forming and developing the national model of higher education in Uzbekistan, analyzes their features, causes, and consequences. Thus, the historical research method allows for a more complete and objective characterization of the history of the formation and development of the national model of higher education in Uzbekistan, identifies its features and problems, and offers possible ways to solve them.

In 1997, the national model of education in Uzbekistan was created as a result of the adoption of the Law "On Education" and the "National Program for Personnel Training." Within this model, higher education moved to a two-level system (bachelor's and master's degrees), completely abandoning specialist training. Admission of students on a fee-paying basis became a common phenomenon. The national model of education made general and specialized secondary education mandatory, with more attention paid to teacher training and the development of pedagogical sciences in higher education. As a result, the vector of personnel training shifted from technical to pedagogical.

Keywords: Uzbekistan, national model, personnel training, accessibility of higher education, quality of education

For citation: Turdikulov O.T. National model of higher education of the Republic of Uzbekistan: formation and development (1997-2016). Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 31 – 37.

Received: May 10, 2023; Revised: May 31, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Вовк И.В., доцент,
Шебалин И.А.,
Бисембаева М.А.,*

*Орский гуманитарно-технологический институт,
филиал Оренбургского государственного университета*

«Подбросили дрова в кровавую топку грядущей революции». Общественно-политическая дискуссия 20-х гг. XX в. о причинах и характере восстания 1916 г. в азиатской России

Аннотация: предметом данной статьи является важная общественно-политическая дискуссия, развернувшаяся в СССР в 20-е гг. XX в., посвященная причинам восстания 1916 г. в Азиатской России. В дискуссии приняло участие большое количество общественно-политических деятелей Туркестана, внесших значительный вклад в развитие революционного движения в регионе. В современных исследованных традиционно выделяются работы Бройдо Григория Исаковича и Рыскулова Тура Рыскуловича, которые выдвинули интересные концепции о причинах восстания 1916 года в Средней Азии. В отечественной историографии за ними даже закрепились персональные названия: «теория провокаций» и «концепция плацдарма». Своего рода «ответом» на работы данных авторов и явились промежуточные исследования региональных историков и московских специалистов по данному вопросу. На примере работ историков и политических деятелей И.А. Чеканинского, Е.Г. Федорова, П.Г. Галузо, А.В. Шестакова дается общая оценка их представлений о движущих силах и глубинных причинах восстания 1916 г., которые стали своего рода интеллектуальными основами для последующих дискуссий 30-х годов XX века. Историография восстания 1916 года в Средней Азии очень обширна, и научные дискуссии по этой теме являются достаточно частым явлением. Зачастую их закономерным итогом становятся серьезные научные монографии и сборники международных конференций. В целом в работах авторов 20-х гг. XX в., посвященных событиям 1916 г. в Среднеазиатском регионе еще не оформилась единая марксистско-ленинская парадигма о причинах, движущих силах и характере самого движения. Это произойдет в 30-е гг., когда изменится сам подход большевистского руководства к проблеме государственного строительства на национальных окраинах СССР.

Ключевые слова: дискуссия, национально-освободительное движение, нации, империя, революция, кризис, экономика

Для цитирования: Вовк И.В., Шебалин И.А., Бисембаева М.А. «Подбросили дрова в кровавую топку грядущей революции». Общественно-политическая дискуссия 20-х гг. XX в. о причинах и характере восстания 1916 г. в азиатской России // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 38 – 42.

Поступила в редакцию: 16 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Восстание 1916 г. в Средней Азии в последнее десятилетие XXI века вызывает большой интерес как со стороны российских ученых, так и со стороны целого ряда исследователей постсоветских государств. Связано это, с одной стороны, с форсированной политизацией этничности в таких странах, как Казахстан и Узбекистан, которая проявилась еще в позднем СССР в эпоху «перестройки», когда свою активность стали проявлять многочисленные этнонациональные движения. С другой стороны, на первые десятилетия XXI века приходится целый ряд важных памятных дат, связанных с Первой мировой войной, с событиями Великой русской революции 1917 года и с событиями 1916 года в Азиатской России.

Историография восстания 1916 года в Средней Азии очень обширна, и научные дискуссии по этой теме являются достаточно частым явлением. Зачастую их закономерным итогом становятся се-

рьезные научные монографии и сборники международных конференций.

Первые попытки осмысления событий 1916 года в Средней Азии принято относить к 20-м гг. XX века. В этот период появляются полемические работы активных участников и свидетелей восстания 1916 г. в Туркестане – Г.И. Бройдо и Т.Р. Рыскулова [1, 3]. Их взгляды на события в регионе имеют много общего в понимании причин и последствий восстания, но в то же время авторы по-разному интерпретируют исторические обстоятельства, на фоне которых произошло восстание. Если для Г.И. Бройдо восстание явилось следствием «провокационной политики» имперской и местной бюрократии с целью зачистки земельных угодий от местного населения [1], то Рыскулов видит восстание как этап в геополитической борьбе самодержавной Российской империи и Британии на Востоке «с целью исполнить заветную мечту рус-

ских царей еще со времен Петра Великого о «завладении» богатейшей Индией [3]. В целом выше-названные авторы придерживаются идеи о социальном угнетении коренного населения региона со стороны местных и российских чиновников различных уровней как главной причины восстания 1916 года в Средней Азии.

В 20-е гг. XX в. появляются работы, посвященные восстанию в Азиатской России, И.А. Чеканинского, в прошлом действительного члена Императорского Русского географического общества, выдающегося историка и этнографа. И.А. Чеканинский в отличие от Бройдо и Рыскулова не имел никакого отношения к восстанию 1916 г. и даже не участвовал в политической борьбе до и после российской революции 1917 года, не занимал крупных административных должностей [5, с. 473]. В своих работах [5, с. 474] автор подходит к изучению событий 1916 г. как ученый, а не как политик, стремящийся оправдать свои практические действия в прошлом или настоящем.

Несомненной научной заслугой И.А. Чеканинского является тот факт, что он пытается обосновать название [имя] описываемых событий. В своей статье «Восстание киргиз-казахов и кара-киргиз в Джетысуйском Семиреченском крае в июле-сентябре 1916 года» автор пишет о том, что «киргизское выступление было в большей части организованным, одновременным восстанием ...», охватывающим собой «более широкие этнографические границы, включающие всю территорию с населением определенной национальности, в данном случае, киргиз-казахов и кара-киргиз всего Туркестана и южных степей Западной Сибири [5, с. 77]. Таким образом, автор пытается охарактеризовать события в Семиреченском крае, считая, что они являются «национальным восстанием всего киргизского народа». Особых доказательств этого автор не приводит (за исключением того факта, что «выступления не ограничиваются рамками административных делений» [5, с. 100]), но сам подход вполне соответствовал идеологии раннего советского национал-строительства, при котором утверждалось наличие полноценных наций уже в родоплеменных кочевых обществах.

И.А. Чеканинский выступает серьезным критиком своих предшественников по изучению причин восстания в Азиатской России 1916 года. В частности, историк, критикуя концепцию Г.И. Бройдо о «провокационной политике» царской администрации в отношении местного («инородческого») населения, указывает на тот факт, что его оппонент не придает значения таким важным причинам восстания, как «национальная вражда, панисламистское религиозное движение», поражение рус-

ской армии на Западном фронте и даже контрабанда наркотиков из Синьцзяна в Семиречье.

Таким образом, И.А. Чеканинский считает, что не только экономические причины лежат в основе событий 1916 г. Автор указывает и на целый ряд политических факторов, сыгравших важную роль катализатора протестных действий коренного населения региона. Наряду с выше-названным, Чеканинский приводит в качестве примера противоречивые действия местной администрации, борьбу разных группировок внутри кочевой родовой знати, разведывательную деятельность Османской империи в регионе.

Значительный вклад в рассмотрение причин восстания 1916 г. в Средней Азии вносит историк, член Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), популяризатор марксизма Е.Г. Федоров. В 1925 г. в Ташкенте издаются его «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии». Автор одним из первых советских исследователей 20-х годов XX века пытается рассмотреть события 1916 г. в регионе в контексте экономической политики имперского правительства с конца XIX века и вплоть до 1917 года [4, с. 70]. При этом предметом исследования являются различного рода «протестные движения» в Туркестане, облачаемые в различные «формы национально-освободительной борьбы местных народов против царизма» [4, с. 85].

В своей работе Е.Г. Федоров основной упор делает на становление общегосударственной капиталистической экономики Казахской степи и Туркестана. Саму причину проникновения России в регион автор связывает с кризисом 1863 г. «в текстильной промышленности России, вызванным прекращением ввоза хлопка из Америки (там шла гражданская война) ...» [4, 3]. Со временем это привело, по его мнению, к созданию «масштабных хлопковых латифундий» и массовому разорению местных аграриев-производителей: «Лодзинские и московские текстильно-промышленные фирмы еще с 80-х годов пустили в ход систему выдачи населению задатков под хлопок. Система эта заключается в следующем: осенью фабриканты раздавали деньги крупным скупщикам хлопка, те отдавали их мелким, а последние дехканам, ... с тем условием, чтобы весь урожай переходил к ним по цене более дешевой, чем существовала на рынке» [4, 4]. Федоров считает, что успеху экономической политики имперских чиновников и местной знати способствовала «религиозная косность» местного населения «воспитанная в течение нескольких (с XIV века) столетий в условиях феодального регресса, сменившего собой торговый век Средней Азии – XIII столетия ...» [4, 8]. При этом автор также обстоятельно критикует представления о

причинах восстания 1916 г., высказанные Г.И. Бройдо и Т.Р. Рыскуловым: «Указ» царя о реквизиции рабочих не провокация с целью вызвать восстание и уничтожить во время подавления его население и тем самым освободить землю для русских переселенцев» [4, с. 56]. По его мнению, главная причина введения царского Указа – это необходимость дешевых рабочих рук для помощи фронту.

Несмотря на активное использование понятий «нация», «национально-освободительное движение», Е. Федоров не дает четкого представления о характере протестных движений в регионе летом-осенью 1916 г. По его мнению, восстание было «массовое, в котором приняли участие наиболее обездоленные трудящиеся: туркмены, кыргызы, таджики, узбеки не только против русского правительства ..., но и помимо, через голову, а иногда и против баев, манапов, без активного руководящего участия со стороны туземной интеллигенции» [4, с. 60].

Таким образом, автор настаивает на стихийном, неорганизованном характере восстания 1916 г., в котором практически отсутствовало руководство со стороны правящих сословных групп и фактически не ощущалось влияние «национальных идеологий сопротивления».

Обоснования многих социально значимых вопросов, сформировавшихся в ходе восстания, дали дополнительную почву для последующих исследований. Аграрная политика Российской империи начинает рассматриваться как основная причина начала восстания 1916 года в Центральной Азии. Систематизация источников не привела к существенным изменениям при рассмотрении данной проблемы. Так или иначе, во второй четверти 20-х гг. среди научного сообщества наметилась тенденция внедрения новых подходов при исследовании причинно-следственных связей. В целом, все они ставили задачу изучения законодательной базы региона, проследив динамику развития правового поля в Туркестане.

Одним из сторонников данного подхода стал заведующий кафедрой истории Центрально-Азиатского Коммунистического университета г. Ташкента П.Г. Галузо, написавший в 1926 году историческую работу «Вооружение русских переселенцев. Исторический очерк» [2]. По мнению автора, колонист, воспользовавшись номинальным правом ношения оружия в целях самообороны, начал изымать дополнительные земли для собственного обогащения. Следовательно, легализация огнестрельных средств стала одной из значимых задач России в данном регионе [2, с. 66]. Таким образом, администрация предоставляла русскому крестьянину широкие возможности для

освоения края. Более того, военное министерство и администрация Туркестана были заинтересованы в сохранении своей власти и в пресечении недовольства туземного населения. Исследователь считает, что с помощью оружия крестьяне интенсивно вытесняли с исконных земель местное население, учиняя расправы под предлогом самозащиты [2, с. 67]. Следовательно, радикальные действия крестьян сопровождались преступным бездействием исполнительной власти. Следуя строящейся парадигме советской науки 20-х гг., П.Г. Галузо писал о представителях туземной знати как о главной социальной группе, решавшей все важные экономические вопросы, касающиеся распределения всех ресурсов среди местного населения. Движимые «классовой ненавистью» к баям и волостным управителям, туземцы стремительно политизировались и превращались в важную движущую силу национально-освободительного движения. П.Г. Галузо отмечает, что классовая сплоченность местных дехкан и номадов была развита достаточно слабо и они не являлись сплоченной группой для решения социально-экономических проблем [2, с. 75].

В 1926 году концептуально новое видение по данному вопросу представил известный специалист по аграрной истории, историк А.В. Шестаков, написавший работу «Восстание в Средней Азии в 1916 году (к десятилетию событий)» [6]. Особенность данной работы заключалась в более подробном изучении экономических аспектов, повлиявших на жизнь местного населения в Туркестане. В частности, аграрная сфера рассматривается автором с учетом региональных особенностей Центральной Азии:

1. Самаркандская область (Котпла, Курган) – центры выращивания хлопка;

2. Самарканд, Джизак – центры выращивания винограда и разведения рогатого скота;

3. Во всей туркестанской области основной упор делался на посадке и обработке хлопка в ущерб зерновым культурам [6, с. 86].

По мнению Шестакова, усиление влияния банковского капитала в Центральной Азии подвергло серьезному социально-экономическому изменению жизнь многих местных земледельцев. Развитие кредитно-денежных отношений среди местного крестьянства ускорило процесс социального расслоения, который повлек за собой появление обезземеленных дехкан (свыше 60%). Следовательно, участие этой группы населения в восстании 1916 года становится решающим фактором его развития. При этом правящие социальные группы и местная аристократия были наименее заинтересованы в этом и пытались избежать расправы, прислуживая имперскому правительству [6, с. 87]. В целом, распространение капиталисти-

ческих отношений сказалось на социальном положении всего региона. В ходе объявления призыва на тыловые работы в 1916 году имущие слои откупались от него и тем самым становились объектом всеобщего негодования туземцев. При этом местная администрация не препятствовала этому, стремясь угодить родовой аристократии с целью получения земельных и денежных преференций. По мнению автора, коррупционная деятельность была напрямую связана с биржевыми и банковскими отраслями, имеющими свой коммерческий интерес [6, с. 89]. Более того, во время восстания в Ферганской области генерал-губернатор А.И. Гишпиус издал распоряжение о переносе реквизиции до 15 сентября. Автор указывает на экономи-

ческое влияние московских биржевых кампаний, имевших свой коммерческий интерес в Центральной Азии [6, с. 90-91]. Так или иначе, значение финансовых структур и банков было настолько велико, что региональные власти зачастую принимали решения в ущерб интересам имперского правительства.

В целом в работах авторов 20-х гг. XX в., посвященных событиям 1916 г. в Среднеазиатском регионе еще не оформилась единая марксистско-ленинская парадигма о причинах, движущих силах и характере самого движения. Это произойдет в 30-е гг., когда изменится сам подход большевистского руководства к проблеме государственного строительства на национальных окраинах СССР.

Литература

1. Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 г.: (мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.). М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 28 с.
2. Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент: Коммунистический университет им. В.И. Ленина, 1926. 94 с.
3. Рыскулов Т.Р. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 г.: в 2 ч. Кызыл-Орда: Гос. изд-во КССР, 1927. 124 с.
4. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии // Комиссия по проведению 20-летия революции 1905 г. при Уз ЦИКе. Истпарт Средне-Аз. бюро ЦК РКП(б). Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1925. 102 с.
5. Чеканинский И. Восстание киргиз-казахов и кара-киргиз в Джетысуйском Семиреченском крае в июле-сентябре 1916 года: (к материалам по истории этого восстания). Кызыл-Орда, 1926. 64 с.
6. Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии в 1916 году (к десятилетию событий). М.; Л.: Огиз Гос. соц.-экон. изд-во, 1926. 40 с.

References

1. Brojdo G.I. Vosstanie kirgiz v 1916 g.: (moe pokazanie prokuroru Tashkentskoj sudebnoj palaty, dannoe 3-go sentjabrja 1916 g.). M.: Nauchnaja asociacija vostokovedenija pri CIK SSSR, 1925. 28 s.
2. Galuzo P.G. Vooruzhenie russkih pereselencev v Srednej Azii. Tashkent: Kommunisticheskij universitet im. V.I. Lenina, 1926. 94 s.
3. Ryskulov T.R. Vosstanie tuzemcev Srednej Azii v 1916 g.: v 2 ch. Kyzyl-Orda: Gos. izd-vo KSSR, 1927. 124 s.
4. Fedorov E. Ocherki nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija v Srednej Azii. Komissija po provedeniju 20-letija revoljucii 1905 g. pri Uz CIKe. Istpart Sredne-Az. bjuro CK RKP(b). Tashkent: Gosizdat Uzbekskoj SSR, 1925. 102 s.
5. Chekaninskij I. Vosstanie kirgiz-kazahov i kara-kirgiz v Dzhetysujskom Semirechenskom krae v ijule-sentjabre 1916 goda: (k materialam po istorii jetogo vosstaniya). Kzyl-Orda, 1926. 64 s.
6. Shestakov A.V. Vosstanie v Srednej Azii v 1916 godu (k desjatiletiju sobytij). M.; L.: Ogiz Gos. soc.-jekon. izd-vo, 1926. 40 s.

Vovk I.V., Associate Professor,
Shebalin I.A.,
Bisembayeva M.A.,

Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) of Orenburg State University

“They threw firewood into the bloody furnace of the coming revolution”. Social and political discussion of the 20s of the XX century on the causes and nature of the 1916 uprising in Asian Russia

Abstract: the subject of this article is an important socio-political discussion that unfolded in the USSR in the 1920s of the XX century, dedicated to the causes of the uprising of 1916 in Asian Russia. The discussion was attended by a large number of public and political figures of Turkestan, who made a significant contribution to the development of the revolutionary movement in the region. In modern research, the works of Broido Grigory Isakovich and Ryskulov Turar Ryskulovich are traditionally distinguished, who put forward interesting concepts about the causes of the 1916 uprising in Central Asia. In Russian historiography, they even got personal names: “the theory of provocations” and “the concept of a bridgehead”. A kind of “response” to the work of these authors were intermediate studies of regional historians and Moscow specialists on this issue. On the example of the works of historians and politicians I.A. Chekaninsky, E.G. Fedorova, P.G. Galuzo, A.V. Shestakov gives a general assessment of their ideas about the driving forces and underlying causes of the 1916 uprising, which became a kind of intellectual basis for subsequent discussions of the 30s of the twentieth century. The historiography of the 1916 uprising in Central Asia is very extensive, and scientific discussions on this topic are quite common. Often, serious scientific monographs and collections of international conferences become their natural result. In general, in the works of the authors of the 20s. In the 20th century, dedicated to the events of 1916 in the Central Asian region, a unified Marxist-Leninist paradigm about the causes, driving forces and nature of the movement itself has not yet taken shape. This will happen in the 1930s, when the very approach of the Bolshevik leadership to the problem of state building on the national outskirts of the USSR will change.

Keywords: discussion, national liberation movement, nations, empire, revolution, crisis, economy

For citation: Vovk I.V., Shebalin I.A., Bisembayeva M.A. “They threw firewood into the bloody furnace of the coming Revolution”. Social and political discussion of the 20s of the XX century on the causes and nature of the 1916 uprising in Asian Russia. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 38 – 42.

Received: May 16, 2023; Revised: June 5, 2023; Accepted: July 14, 2023.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка методом астрономической хронологии взятия Трои – легендарного города из Гомеровского эпоса

Аннотация: в статье проводится комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников, описывающих периоды времени Троянской войны и непосредственно после её окончания. Целью исследования, в котором применяются специальные методы исторического исследования и датировки является установление подлинной даты взятия Трои – легендарного города из Гомеровского эпоса «Илиада» и «Одиссея», Ахейскими (Греческими) войсками в ходе Троянской войны.

Сохранившиеся документы, описывающие завершающий период Троянской войны и в частности год взятия и разрушения Трои, практически не содержат хронологически точной информации, позволяющей осуществить датировку этого события древней истории. Современные историки относят датировку Троянской войны к концу XIII началу XII вв. до н.э. Однако, проведённое комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием инструментов астрономической хронологии позволили определить подлинную дату взятия «Трои» – легендарного города из Гомеровского эпоса, Греческими войсками в ходе Троянской войны, а именно 12 января 1197 года н.э. Эта дата не согласуется со всеми вариантами принятыми, в современной исторической науке, но соответствует по времени и событиям с определёнными в предыдущих исследованиях автора датировками «Паросской хроники», «Затмения Фалеса» и трагедий Эсхила.

Ключевые слова: история, хронология, Троянская война, Гомер, «Илиада», «Одиссея»

Для цитирования: Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка методом астрономической хронологии взятия Трои – легендарного города из Гомеровского эпоса // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 43 – 50.

Поступила в редакцию: 13 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Актуальность

Троянская война и её герои с наибольшими подробностями описаны в двух эпических поэмах Гомера – «Илиаде» и «Одиссее». Поводом к войне величайший поэт Древней Греции считал факт похищения Парисом, сыном царя Трои Приама, жены царя Спарты Менелая, Елены Прекрасной. Война завершилась взятием и сожжением Древнего Илиона. Историки, с зарождения этой науки, пытались установить датировку падения Трои. Например, Геродот считал, что, Илион был разрушен в конце 13-го, а Эратосфен в конце 12-го века до н.э. Большинство современных хронологов, несмотря на существующие разногласия, относят датировку Троянской войны к рубежу XIII – XII вв. до н.э. Однако все древние и современные датировки взятия «Трои» не согласуются по времени с, определёнными автором датировками «Затмения Фалеса» [1] и «Паросской хроники» [6].

Актуальность данного историко-хронологического исследования обусловлена тем, что позволяет установить подлинную дату взятия «Трои» – легендарного города из Гомеровского эпоса, Ахейскими (Греческими) войсками, согласующуюся с полученными ранее автором датировками «Затмения Фалеса» [1] и «Паросской хроники» [6]. Нахождение подлинной даты взятия

«Трои», с учётом датировок полученных в проведённых ранее историко-хронологических исследованиях автора [2, 3, 4, 5] будет способствовать определению дат исторических событий того и последующих периодов времени в Древней Греции, Малой Азии и Древнем Риме.

Методология

Методологической основой данного исследования являются принципы историзма, научной объективности, критического изучения документальных источников и системности. В работе применяются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы исследования. Использование данных методов исторического исследования обеспечивает всесторонний анализ хронологии событий периода времени Троянской войны и непосредственно после её окончания и позволяет установить подлинную дату взятия Трои. Кроме того, в работе будет использована авторская методика исследования символики планет и созвездий в литературе Древней Греции [5], для установления абсолютных дат создания произведений Древнегреческой литературы, которая была успешно применена в историко-хронологических исследованиях и датировках «Затмения Фалеса» [1] и «Паросской хроники» [6].

Цель исследования

Целью историко-хронологического исследования является установление, путём комплексного анализа документальных источников, описывающих периоды времени Троянской войны и непосредственно после её окончания, подлинной даты взятия Трои - легендарного города из Гомеровского эпоса «Илиада» и «Одиссея», Ахейскими (Греческими) войсками. Для достижения цели будут привлечены результаты историко-хронологических исследований, выполненных автором с применением «Метода астрономической хронологии».

Задачи исследования

Данное историко-хронологическое исследование предполагает решение следующих задач:

Провести хронологическое исследование документальных источников, позволяющие определить промежуток времени в течение, которого Гераклиды могли вернуться в Пелопоннес и могла быть взята Троя.

Провести датировку, с использованием «Метода астрономической хронологии», взятия Трои.

Провести визуальное компьютерное сопоставление полученной даты взятия «Трои», с реально существовавшим положением Солнца, Сатурна и Луны для региона, где проходили военные действия между Ахейцами и Троянами.

Введение

Царь Агамемнон, один из главных героев «Илиады», был женат на дочери царя Тиндарея Клитемнестре, а его брат Менелай на её сестре Елене Прекрасной. Разрушив Илион, царь Микен вернулся в Грецию, где был убит двоюродным братом Эгисфом вместе женой царя. Эгисф правил в Микенах до своей смерти, от руки Ореста, сына Агамемнона. После Ореста в Микенах царствовал его сын Тисамен, которого свергли с престола Гераклиды, во главе с Теменом и Кресфонтом, возвратившиеся в Пелопоннес, по предсказанию Дельфийского Оракула. Документальные источники, описывающие этот период истории Древней Греции, свидетельствуют, что между разрушением Трои и возвращением в Пелопоннес потомков Геракла минуло менее восьмидесяти лет. Эти же источники свидетельствуют о том, что возвращение Гераклидов произошло во время правления в Коринфе тирана Кипсела.

1. Хронологическое исследование документальных источников, позволяющие определить промежуток времени в течение, которого Гераклиды могли вернуться в Пелопоннес и могла быть взята Троя.

Гай Веллей Патеркул сообщает о возвращении потомков Геракла так:

«II. Тогда, почти через восемьдесят лет после взятия Трои (или через сто двадцать лет после ухода Геркулеса к богам), потомство Пелопса, владевшее Пелопоннесом все это время после изгнания Гераклидов, было изгнано потомками Геркулеса. Предводителями, восстановившими былую власть, были Темен, Кресфонт, Аристодем, коим Геркулес был прадедом» [9, с. 11].

Исаак Ньютон упоминает о тиране Кипселе и возвращении потомков Геракла в Пелопоннес следующее:

«Диодор, в начале своей Истории сообщает, ...но что со времён Троянской войны, согласно расчётам Аполлодора, которым он следовал, прошло восемьдесят лет до возвращения Гераклидов в Пелопоннес;

<...>

Аполлодор следовал Эратосфену, и оба они следовали Фукидиду, насчитывая восемьдесят лет от Троянской войны до возвращения Гераклидов;» [10, с. 92]

«Царствование Кипсела началось во 2 год 31-й Олимпиады, согласно хронологам ...» [10, с. 110]

«... что совпадает с мнением Фукидида и древних о том, что Троя была взята за 75 или восемьдесят лет до возвращения Гераклидов в Пелопоннес» [10, с. 111],

«От взятия Трои до возвращения Гераклидов едва ли может быть более восьмидесяти лет, поскольку Орест, сын Агамемнона, во время взятия Трои был юношей, а его сыновья Пенфил и Тисамен дожили до возвращения Гераклидов» [10, с. 112].

«При Кипселе Гераклиды вернулись в Пелопоннес...» [10, с. 230].

Павсаний свидетельствует о возвращении Гераклидов при Кипселе, правителе Аркадии и Коринфа, следующее:

«4. ... При возвращении Гераклидов в царствование Тисамена, сына Ореста, Мессена и Аргос достались на их долю, первая – Темену, второй – Кресфону» [11, III, I, с. 195].

«3. Когда война против Илиона уже закончилась и когда Нестор, по возвращении домой, уже умер, когда два поколения спустя состоялся поход Гераклидов и их возвращение в Пелопоннес, тогда потомки Нелея были изгнаны из Мессении.

...

Кресфонт был женат на Меропе, дочери Кипсела, царствовавшего тогда в Аркадии, от которой он имел нескольких детей, из которых младшим был Эпит» [11, IV, III, с. 253-254]

«4. Когда после смерти Эпита воцарился его сын Кипсел, то произошло вторжение дорян в Пелопоннес не через коринфский Истм, как три поколения тому назад, но на кораблях у так называ-

емого (мыса) Риона. Узнав об их прибытии, Кипсел выдал свою дочь замуж за того из сыновей Аристомаха, который, по полученным им сведениям, не имел еще жены, и, породнившись с (домом) Кресфонта, он и себя и аркадян уберег от (грозившей им) опасности» [11, VIII, V, с. 181].

Согласно «Хроники» историка Аполлодора:

Возвращение Гераклидов в Пелопоннес произошло через 80 лет после падения Трои [14, с. 77].

Оксфордский фрагмент «Паросской хроники» [12] свидетельствует о следующем:

Согласно [12, п. 42] Кир – царь Персии взял столицу Лидии Сарды и пленил царя Креза за 277 лет до создания «Паросской хроники», а согласно исследованию [6] это событие произошло в 1350 году н.э.

Согласно [12, п. 32] ежегодное архонтство в Афинах началось за 420 лет до создания «Паросской хроники», а согласно исследованию [6] это событие произошло в 1207 году н.э.

Исаак Ньютон отмечает о Кире, царе Персии, следующее:

«...Кир взял Вавилон, согласно канону Птолемея, за девять лет до своей смерти, в 209 году Набонассара или во 2-ом году 60-й Олимпиады; и взял Сарды немногим ранее, а именно в 1-ом году 59-й Олимпиады, как заключает Скалигер из Сосикрата. Крез был тогда царём Сард и правил четырнадцать лет и, значит, начал царствовать в 3-й год 55-й Олимпиады» [10, с. 200].

Расчёт промежутка времени между взятием Сард Киром в 1-й год 59 Олимпиады и началом царствования Кипсела во 2-й год 31 Олимпиады. Количество Олимпиад между этими событиями вычисляется по формуле: 59 минус 31 равно 28. Число лет в 28 Олимпиадах вычисляется по формуле 28 умножить на 4 (частота проведения) равно 112 лет. Из получившегося числа лет вычитаем один год, как разность между 1-м и 2-м годами соответствующих Олимпиад. Таким образом между началом царствования Кипсела и взятием Сард Киром прошло 111 лет. Согласно [6] Кир взял Сарды в 1350 году н.э., значит Кипсел начал царствовать в 1239 году н.э. Самое раннее, когда могла быть взята Троя вычисляется так: 1239 вычесть 80 лет равно 1159 г. н.э.

Геродот в «Истории» рассказывает о царе Кипселе, следующее:

«... А Кипсел, воцарившись в Коринфе, был жестоким правителем: многих коринфян он изгнал, а других лишил имущества, а больше казнил. После 35-летнего царствования он благополучно окончил свои дни» [8, V, с. 92].

Год смерти Кипсела вычисляется по формуле: 1239 (год начала царствования) прибавить 35 (число лет царствования) равно 1274 год н.э.

Выводы по пункту 1:

Взятие Трои Греческими войсками произошло не более чем за 80 лет, до возвращения потомков Геракла в Пелопоннес.

Гераклиды вернулись в Пелопоннес между 1239 и 1274 годами н.э., когда царь Кипсел правил в Коринфе.

Троя была взята не ранее 1159 года н.э. и не позднее 1207 года н.э. – (первая запись в «Паросской хронике» [6] Оксфордский фрагмент).

Троя была взята в промежутке времени между 1159 и 1207 года н.э.

2. Датировка с использованием «Метода астрономической хронологии», взятия Трои.

Гелланик Лесбосский так пишет о взятии Трои.

Текст на языке оригинала:

«...Μήνα δὲ ἤδη ἔρειω ἡμάρ τ' ἡδέ τε ὥρη
Οἰκτροτάτε λυκάβαντος, ὅς ἀλγεα θήκατο Τροίῃ.
770 Δωδεκάτῃ μὲν ἦν μηνός Θαρρηλιώνος,
Τόν ρ' Αἰωνάριον κικλήσκει μὲν Λογγίνος,
Ἰανουάριον δ' ἔρες πάντες, καλέουσι.
Νύξ δ' ἄρ' ἦν μέσση, λαμπρή δ' ἐπέτελλε σελήνη,
Παρθένου εισελάσασα δρόμον μέγалоισιν ἐν
ἀστροῖς,

775 Ἡελίου ἀμφ' Αἰγόκερον Κρόνου οἶκον ἑόντος.
Καλλιστώ δ' ἱέρεια κλειναῖς ἦν ἐν Αθήναις
Οἰκτροτάτου μεγάλου λυκάβαντος. Κεῖνῃ ἐν ὥρῃ,
Κεῖνῃ νυκτί ὁ Λέσβιος Ἑλλάνικος αἰεῖδει
Σύν τῷ καὶ Δούρις Τροίην ἔλειν Παναχαϊούς,
780 Οἶκαδε δ' ἐλθέμενα λυγρόν τὸν νόστον
ιδόντας» [13, с. 175-176].

Перевод на русский язык:

«144. ... Более того я назову день и месяц того плачевного года который принёс такое горе Трое.

Это был месяц Таргелион, 12-е число.

Этот месяц Лонгин называет Эонарием,

но всему миру он известен, как январь.

Это было в середине ночи, яркая луна на небе и

вступает на путь Дева среди крупных звезд;

Козерог был в доме Крона вокруг Солнца.

Жрица Каллисто была в знаменитых Афинах

в этот ужасный год. О конкретном часе

этой ночи Гелланик Лесбосский, он сообщил также о

Дорисе, о том как ахейцы захватили Трою и рассказал об их скорбном возвращении на обратном пути» [7, 144, 768-780].

Проведённое исследование астрономической символики, содержащейся в тексте Гелланика Лесбосского позволило выявить следующие элементы карты звёздного неба, согласующиеся с датой взятия Трои Греческими войсками. В соответ-

ствии с Методикой астрономической хронологии, бог Крон персонифицирует планету Сатурн. Кроме того, Солнце и Сатурн находились в созвездии Козерог (соответствует календарному месяцу Январь), а Луна в созвездии Дева. В тексте указано точное число месяца взятия Трои – 12 января.

Расчёты

На основании проведённого исследования документальных источников была выявлена конфигурация звёздного неба и составлены исходные данные программы «Noros» для математико-астрономических расчётов – табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные компьютерной программы «Noros» для расчёта астрономической даты взятия Трои Ахейскими войсками

ЮПИТЕР - не определён
ЛУНА - в Деве
МАРС - не определён
САТУРН - в Козероге
ВЕНЕРА - не определена
СОЛНЦЕ - в Козероге
МЕРКУРИЙ - не определён

САТУРН ЛУНА СОЛНЦЕ МЕРКУРИЙ ВЕНЕРА МАРС ЮПИТЕР
ОТ: -----
9.0 5.0 9.0 0.0 0.0 0.0 0.0
ДО: -----
10.0 6.0 10.0 12.0 12.0 12.0 12.0

Aries	Taurus	Gemini	Cancer	Leo	Virgo	Libra	Scorpio	Sagittarius	Capricorn	Aquarius	Pisces
Овен	Телец	Близнецы	Рак	Лев	Дева	Весы	Скорпион	Стрелец	Козерог	Водолей	Рыбы
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12/0

Для математических расчётов даты взятия Трои, с использованием астрономических данных по положению Солнца, Луны и Сатурна в созвездиях, был определён промежуток времени между 1145 и 1210 годами н.э. (расширен от вычисленно-

го в историко-хронологическом исследовании документальных источников). В табл. 2 представлены результаты расчёта программы «Noros» только для заявленного промежутка времени и даты 12 января.

Таблица 2

Результаты расчёта астрономической даты взятия Трои Ахейскими войсками PLANETS FIT THE HOROSCOPE AT JD: 2147316

SUN	MOON	SARURN	JUPITER	MARS	VENUS	MERCURY
310.6	191.2	307.0	310.7	21.7	270.3	303.2
0.0	****	-3.5	0.2	****	-40.3	-7.3
9.5	5.4	9.3	9.5	11.8	8.1	9.2

/DAY/MONTH/YEAR = 12/ 1/ 1167/

PLANETS FIT THE HOROSCOPE AT JD: 2158274

SUN	MOON	SARURN	JUPITER	MARS	VENUS	MERCURY
310.9	218.9	312.9	153.7	7.3	329.7	309.9
0.0	-92.0	2.0	****	****	18.8	-1.0
9.5	6.1	9.5	4.5	11.4	10.1	9.4

/DAY/MONTH/YEAR = 12/ 1/ 1197/

В результате проведения расчётов, по исходным астрономическим данным, записанным в тексте Гелланика Лесбосского, было получено два возможных решения: 12 января 1167 года и 1197

года н.э., которые были проверены, на визуальное соответствие месту наблюдения, Измир Турция. В результате было определено единственное полное решение 12 января 1197 года н.э. рис. 1, 2.

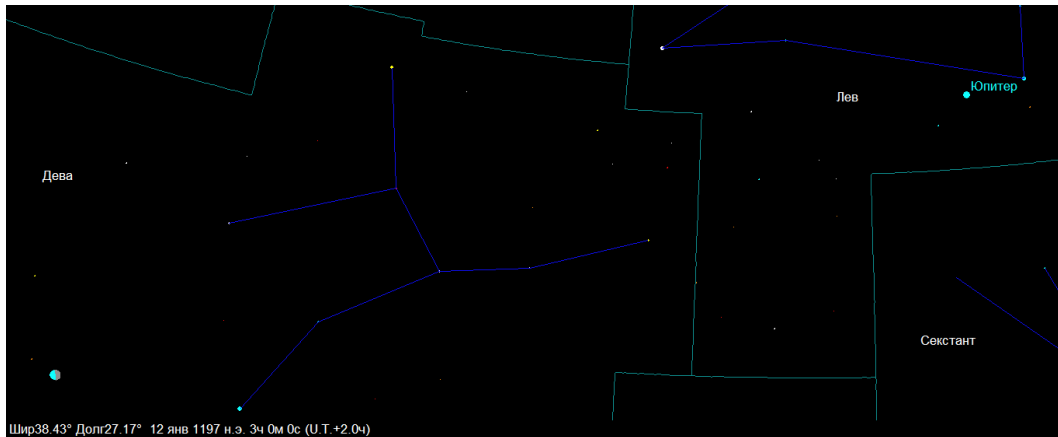

Рис. 1. Положение планет 12 января 1197 года в 03.00.00

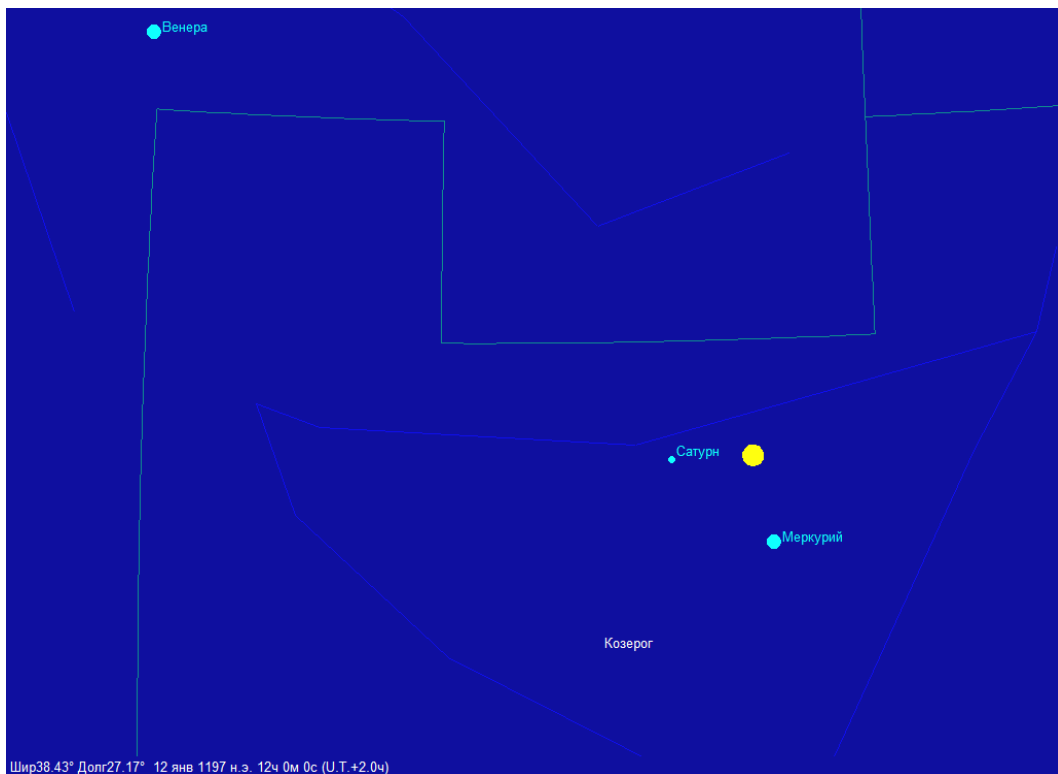

Рис. 2. Положение планет 12 января 1197 года в 12.00.00

Дата 12 января 1167 года н.э. не подходит, так как в этот день в созвездии Козерог, кроме Солнца и Сатурна, находился ещё и Юпитер, о котором Гелланик Лесбосский не упоминает. Более того в этот день происходило очень яркое астрономическое событие, а именно сближение Юпитера с

Солнцем рис. 3. Такое небесное событие обязательно должно было быть описано древними астрономами, современниками взятия Трои, данные которых использовал в своих трудах Гелланик Лесбосский.

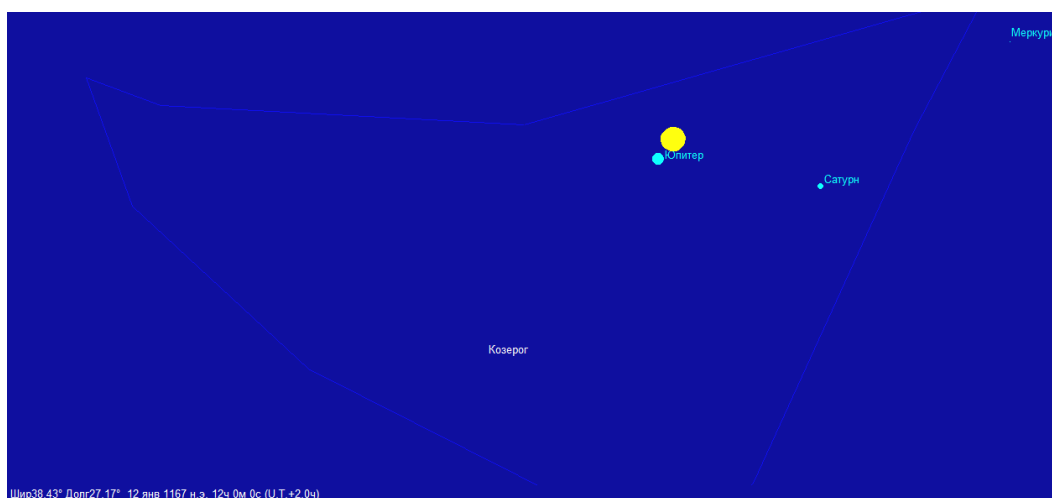

Рис. 3. Положение планет 12 января 1167 года в 12.00.00

Заключение

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка с использованием инструментов астрономической хронологии дали возможность вычислить подлинную дату взятия «Трои» – легендарного города из Гомеровского эпоса, Греческими войсками а именно 12 января 1197 года н.э. Полученная в исследовании датировка не соответствует всем принятым, в совре-

менной истории, вариантам но согласуется по времени с полученными автором ранее датировками «Затмения Фалеса», «Паросской хроники» и трагедий Эсхила. Нахождение подлинной даты взятия «Трои», с учётом датировок полученных в проведённых ранее историко-хронологических исследованиях автора будет способствовать определению дат исторических событий того и последующих периодов времени в Древней Греции, Малой Азии и Древнем Риме.

Литература

1. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 2. С. 171 – 177. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Эвмениды» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 2. С. 58 – 64. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (дата обращения: 10.05.2023)
3. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Жертва у гроба» («Хоэфоры») // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 1. С. 86 – 93. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/03/istor.-bjul.-tom-6-1-2023.pdf> (дата обращения: 08.03.2023)
4. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Агамемнон» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2022. Т. 5. № 5. С. 154 – 162. URL: <https://hb-journal.ru/archives/9611> (дата обращения: 03.01.2023)
5. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Персы» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 6. С. 21 – 46. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-6-2018/a229700> (дата обращения: 19.10.2022)
6. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 21.10.2022)
7. Гелланик Лессбосский. Троица. / Сост.: Б. Маслов. URL: <http://simposium.ru/node/12476> (дата обращения: 03.03.2023)
8. Геродот. История: пер. и прим. Г.А. Стратановского. Статья В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. 600 с.
9. Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжка: пер. с лат. / Изд. подгот. А. Немировским. М.: Ладомир, 1995. 387 с.

10. Ньютон Исаак. Исправленная хронология древних царств. М.: Издательство «РИМИС», 2007. 656 с.
11. Павсаний. Описание Эллады. М.: Ладомир, 2002. Т. 1-2. 139 с.
12. «Паросский мрамор» Оксфордская часть: пер. Ю.П. Митина. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/marble/part2-f.htm> (дата обращения: 03.03.2023)
13. Ioannis Tzetzae «Antehomerica, HomERICA et PosthomERICA» / E codicibus ed. et comment. instruxit Friedericus Jacobs. Leipsiae: Weidmann, 1793. XXXII. 185 с.
14. Jacoby F. Apollodors Chronik. Eine Sammlung der Fragmente, Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1902. 416 p.

References

1. Volkov A.S. Istoriko-hronologicheskoe issledovanie dokumental'nyh istochnikov i datirovka «Zatmenija Falesa» // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2023. T. 6. № 2. S. 171 – 177. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (data obrashhenija: 10.05.2023)
2. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Jevmenidy». Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2023. T. 6. № 2. S. 58 – 64. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (data obrashhenija: 10.05.2023)
3. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Zhertva u groba» («Hojefony»). Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2023. T. 6. № 1. S. 86 – 93. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/03/istor.-bjul.-tom-6-1-2023.pdf> (data obrashhenija: 08.03.2023)
4. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Agamemnon». Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2022. T. 5. № 5. S. 154 – 162. URL: <https://hb-journal.ru/archives/9611> (data obrashhenija: 03.01.2023)
5. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simvoliki personazhej tragedii Jeshila «Persy» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 6. S. 21 – 46. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-6-2018/a229700> (data obrashhenija: 19.10.2022)
6. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Parosskoj hroniki». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 2. S. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashhenija: 21.10.2022)
7. Gellanik Lessboskij. Troika. Sost.: B. Maslov. URL: <http://simposium.ru/node/12476> (data obrashhenija: 03.03.2023)
8. Gerodot. Istorija: per. i prim. G.A. Stratanovskogo. Stat'ja V.G. Boruhovicha. L.: Nauka, 1972. 600 s.
9. Malye rimskie istoriki. Vellej Paterkul. Rimskaja istorija. Annej Flor. Dve knigi Rimskih vojn. Lucij Ampe-lij. Pamjatnaja knizhica: per. s lat. Izd. podgot. A. Nemirovskim. M.: Lodomir, 1995. 387 s.
10. N'juton Isaak. Ispravlennaja hronologija drevnih carstv. M.: Izdatel'stvo «RIMIS», 2007. 656 s.
11. Pavsanij. Opisanie Jellady. M.: Lodomir, 2002. Т. 1-2. 139 с.
12. «Paroskij mramor» Oksfordskaja chast': per. Ju.P. Mitina. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/marble/part2-f.htm> (data obrashhenija: 03.03.2023)
13. Ioannis Tzetzae «Antehomerica, HomERICA et PosthomERICA». E codicibus ed. et comment. instruxit Friedericus Jacobs. Leipsiae: Weidmann, 1793. XXXII. 185 s.
14. Jacoby F. Apollodors Chronik. Eine Sammlung der Fragmente, Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1902. 416 p.

Historical and chronological study of documentary sources and dating by astronomical chronology of the capture of Troy – the legendary city from the Homeric epic

Abstract: the article provides a comprehensive historical and chronological study of the surviving documentary sources relating to the period of the Trojan War and immediately after its end. The purpose of the study, which uses special methods of historical research and dating, is to establish the true date of the capture of Troy - the legendary city from the Homeric epic «Iliad» and «Odyssey», by the Achaean (Greek) troops during the Trojan War.

The surviving documents describing the final period of the Trojan War and, in particular, the year of the capture and destruction of Troy, practically do not contain chronologically accurate information that allows dating this event of ancient history. Modern historians attribute the dating of the Trojan War to the end of the 13th and beginning of the 12th centuries BC. However, a comprehensive historical and chronological study of documentary sources and dating using the tools of astronomical chronology made it possible to determine the true date of the capture of «Troy» – the legendary city from the Homeric epic, by the Greek troops during the Trojan War, namely January 12, 1197 AD. This date does not agree with all the options accepted in modern historical science, but corresponds in time and events to the dating of the Parian Chronicle, the Eclipse of Thales and the tragedies of Aeschylus, determined in the author's previous studies.

Keywords: history, chronology, Trojan War, Homer, «Iliad», «Odyssey»

For citation: Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating by astronomical chronology the capture of Troy – the legendary city from the Homeric Epic. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 43 – 50.

Received: May 13, 2023; Revised: June 5, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Муртазаев А.О., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Максудова Х.М.,
Дагестанский государственный университет*

Советско-египетские отношения во время правления Гамаль Абдель Насера (1950-1970-е гг.)

Аннотация: в данной статье на основе историографического материала рассматривается история развития отношений между Советским Союзом и Арабской Республикой Египет, когда президентский пост занимал Гамаль Абдель Насер. Период с 1953-1970 год имеет решающее значение, для понимания отношений между двумя государствами, так как это время было зарождением дружественных отношений и временем, когда обе страны испытали изменения в своей внутренней и внешней политике. Результаты авторов исследования показывают, что политические отношения с Советским Союзом имели особое значение для египетских руководителей. Это было очевидно во время кризиса Суэцкого канала в 1956 г. По мнению авторов, важнейшим вопросом внешней политики Египта была борьба с Израилем, и это оказало большое влияние на установление дружественных отношений с Советским Союзом. Соединенные Штаты Америки и Запад поддерживали Израиль, а арабы считали, что Советский Союз был их единственным помощником и сторонником. Отношения между ними развивались динамично. В понимании авторов, они охватывали такие сферы как военное и экономическое сотрудничество. Советско-египетские отношения обеспечили также внутреннее развитие Египта и развитие СССР на международной арене.

Ключевые слова: Насер, советско-египетские отношения, Суэцкий кризис, «шестидневная война», Асуанская плотина, арабо-израильские войны

Для цитирования: Муртазаев А.О., Максудова Х.М. Советско-египетские отношения во время правления Гамаль Абдель Насера (1950-1970-е гг.) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 51 – 55.

Поступила в редакцию: 15 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Как мы знаем по истории, между Россией и Египтом почти не было взаимных контактов, но все изменилось после военного переворота 1952 г., когда президентский пост Египта занял Гамаль Абдель Насер. После того, как власть перешла в руки Насера, Египет начал уничтожать последствия колониального режима и расширять свою экономику. В период правления Насера отношения между двумя странами были довольно расширены. Сложились тесные дипломатические отношения, которые связали судьбы двух стран. Каждая страна относилась друг другу с большим уважением. Есть много причин, почему Советский Союз был заинтересованным в развитии близких отношений с Египтом. Эти причины варьируются от стратегического значения Египта до его культурной известности, в первую очередь в арабском мире. Взаимодействие двух стран привело к тому, что объем торговли вырос почти в двадцать раз (период с 1951-1970 г). Советский импорт из Египта также увеличился несколько раз. Советское руководство рассматривало Египет как главную и крупнейшую арабскую страну. Египет бросил вызов Западу и начал строительство социально слаженного общества. Эта причина предоставила ему помощь в политике, экономике и

войне со стороны Советского Союза. Когда Египет вступил в войну с Израилем, Советский Союз три раза спас Египет от полного поражения, предоставив ему оружие [1, с. 14].

Внешняя политика, проводимая Каиром, соответствовала действительно национальным интересам египетского народа, и она обнаружила яркое выражение в установлении дружественных отношений с СССР. Важной вехой в усовершенствовании и укреплении советско-египетских дружественных связей было подписание 27 марта 1954 года в Каире соглашения о торговле между СССР и Египтом (в соответствии с пополнением договора о платеже 18 августа 1953 года). В марте 1954 года руководство Советского Союза и АРЕ реконструировали свои дипломатические поручения в консульства [2, с. 27].

По предположениям Насера большая вероятность того, что противостояние двух мировых систем, а именно «социалистической» и «капиталистической», страны, которые находились в процессе развития, могли получить политическую независимость, но только с условием, что они не присоединятся к военным блокам. И в дальнейшем Насер понял, что эти государства должны держаться вместе, чтобы в случае чего они могли

положиться в своей борьбе на СССР и на другие страны социализма [3, с. 141].

Египет и Советский Союз, как отмечалось ранее, выработали свои взаимоотношения, благодаря сотрудничеству на базе экономического и военного сотрудничества.

В 1953 Египет на три года установил дипломатические и торговые отношения с Чехословакией, Румынией, Польшей и Китайской Народной Республикой. Эти торговые отношения показали Египту, что они могут уничтожить монополии Запада на поставку важного товара. Самым удачным шагом для Египта было заключение соглашения с Чехословакией, Польшей и СССР в обмен на то, что они предоставят им хлопок и рис. Также это решение оказалось удачным потому, что оно укрепило суверенитет и обороноспособность Египта. В середине 1950-х гг. начали усердно развиваться экономические отношения со странами социалистического содружества. Торговля сильно увеличилась. С 1956 года СССР занимал первое место в товарообороте Египта [4].

Основными причинами, которые подтолкнули Насера к союзу с СССР – это, в первую очередь, было противостояние с Израилем и сооружение Асуанской плотины.

Начав реконструкцию плотины, Насер поставил перед собой краткосрочные цели. Он хотел увеличить площадь пахотных земель в Египте, сделать Нил на юге судоходным, и упорядочить производство электроэнергии для нужд в целях развития экономики. Сумма, предназначенная для строительства плотины, была немаленькой. Проект реконструкции плотины должны были взять на себя США и Великобритания, но в самый последний момент они отказались выделить средства [5]. Со странами шли переговоры, но они не увенчались успехом. В итоге помощь с проектом была оказана Советским Союзом. Египет и СССР подписали договор о том, что с их стороны будет оказана техническая помощь [6].

Асуанский комплекс в состав, которого входит огромное искусственное водохранилище, позволяет регулировать течение Нила, спасая страну, как от засух, так и от наводнений. Создание Асуанского комплекса позволило значительно увеличить площадь обрабатываемых земель, а также перевести значительные площади земель на круглогодичное орошение.

Асуанская плотина, как отмечал президент Г. Насер, является символом дружбы между арабами и Советским Союзом.

С помощью СССР были построены также алюминиевый завод в Наг-Хаммади, крупнейшая верфь в Александрии, радиотехнический завод в Каире, химико-фармацевтический завод и завод по

производству антибиотиков в Абу-Заабале, два нефтеперерабатывающих завода.

В 60-70-е годы после создания крупнейшего территориально-производственного комплекса – Асуанского гидротехнического энергетического комплекса был создан и Хелуанский металлургический комплекс, который увеличивал его мощность [2, с. 37-38].

США предполагали, что их отказ финансировать проект Асуанской плотины приведет к ответным мерам египетского руководства. Но реакция Египта была сдержанной. Г. Насер объявил, что он в один из ближайших дней выступит с важным заявлением.

Г.А. Насер на закрытом совещании 20 июля 1956 г. впервые упомянул о национализации Суэцкого канала. Президент считал, это решение является единственной возможностью построить плотину на собственные средства, которое можно было получить от эксплуатации канала.

Заявление, сделанное Г.А. Насером, явно не понравилось западным державам. На Египет шло жесткое давление с их стороны, чтобы они отказались от этой идеи. Они были убеждены, что им удастся отговорить Египет, заключив с ними военное соглашение, но те ошиблись в расчетах. Началась война вокруг Суэцкого канала [7].

Следует отметить, что западные державы использовали Турцию против борьбы с арабскими странами за свое развитие. Уже весной 1955 г. турецкая армия под напором американской дипломатии выступила против Египта. Чтобы не дать расширяться борьбе арабского народа на самостоятельное развитие, Соединенные Штаты вместе с Англией и Францией усугубляли обстановку на Востоке.

Западные страны в своей захватнической политике пользовались арабо-израильскими противоречиями, направляя Израиль на выступления против Объединенной Арабской Республики Египет [8, с. 17].

5 июня 1955 года Израиль совершил нападение на ОАР. Арабские страны заняли сторону Каира. Вступив в войну, войска Франции и Великобритании уничтожили военно-воздушные силы Египта. Египет также потерпел множество крушений на суше и на море. Война шла к поражению Египта, но мировое сообщество критиковало действия западных держав. Собственно активные нападения были приостановлены после того, как СССР встал на сторону Египта. За народ арабских стран и за уничтожение опасности, которая надвигалась на Ближний и Средний Восток, подняло выступление Советский Союз. Москва и Каир подписали соглашение о поставке советского оружия. Хрущев предупредил стран Запада, что он нанесет ядер-

ный удар по их территориям, если те не выведут свои войска из ОАР. После требования Советского Союза стороны решили уладить спорный вопрос мирным путем. Решение Египта обратиться за помощью к Советскому Союзу, можно считать, просто спасло его от крупномасштабной войны [9].

Советский Союз снова показал свое намерение достичь сброса существующего напряжения в этом разделе земного шара. В то же время было особенно подчеркнуто, что СССР не намерен внести вклад во враждебность арабских стран к любым западным державам. Также во время переговоров было отмечено увеличение международной власти Египта.

Советский Союз помог Египту в укреплении национальной обороны. Помощь, оказанная Египту в подготовке к империалистической экспансии, помог египетскому народу отстоять и укрепить революционные завоевания.

В Каире 1956 г. было подписано соглашение между СССР и Египтом об использовании атомной энергии в мирных целях [10].

С 1956 года СССР и другие социалистические страны стали крупными торговыми агентами Египта. Торговые отношения с Японией, Индией, Индонезией и другими азиатскими странами также были расширены. Развитие торговых отношений с СССР и другими социалистическими государствами помогло Египту преодолеть экономическую блокаду [2, с. 27].

Закрепив политическую независимость, египетское правительство направилось к ликвидации позиций иностранного капитала и к достижению экономической независимости страны.

Далее, в январе 1958 г. был подписан первый советско-египетский договор об экономическом и техническом сотрудничестве. На основе этого и других соглашений в 1960-1970-х годах Советский Союз оказал помощь ОАР в проектировании и строительстве более 100 промышленных и других объектов, имеющих первостепенное значение для развития страны. Около 40 важных объектов были построены другими социалистическими странами. Их кредиты сыграли важную роль в финансировании экономического развития Египта. Так, за период выполнения первой пятилетки на долю социалистических стран пришлось 25,7% валовых капитальных вложений в промышленность (56,3% внешнего финансирования развития промышленности), только советские кредиты дали более 15% капитальных вложений в промышленность [11, с. 434].

5 июня 1967 года началась новая агрессия Израиля. Израильские силы нанесли удар по территориям Сирии и Иордании. После наступила оче-

редь и Египта. Позиции страны были на тот момент не подготовлены. Мир снова оказался на грани войны. Война длилась шесть дней и получила название «шестидневной». Сирия потеряла Голанские высоты, а Иордания западное побережье реки Иордан. Что касается Египта, то он потерял Газу, Синайский полуостров и Восточный Иерусалим [5, с. 476-477].

После войны национальное вооружение Египта сильно пострадало и с целью восстановления, страна обратилась за помощью к Советскому Союзу. Через несколько дней они отправили в столицу военную делегацию во главе с М.В. Захаровым. Вместе с советскими усилиями провели анализ действий, чтобы осуществить меры по устранению недостатков в армии Египта. После переговоров сразу в Египет начали поставлять мощную военную технику из СССР.

Египет получил от Советского Союза такое оружие, которое смогло им возместить не только потери, но и позволило обеспечить страну современным оружием. Арабам было трудно привыкнуть к новому оружию, но советские военные оперативно их подготавливали. Уже осенью арабская армия показала свои успехи и в столкновении с израильскими войсками они смогли потопить ракетные катера.

После июньской войны в Египте распространилась информация о том, что СССР снабдил их некачественной техникой. Началось напряжение между отношениями Египта и СССР. Тем не менее, противоборство со стороны Израиля и напряженные отношения с Западом толкали Насера к сближению с Советским Союзом.

В экстренной обстановке среди борьбы с Израилем в 1969 г. Насер пошел на шаг, который не понравился Советскому Союзу. Он попросил, чтоб выслали советские части противовоздушной обороны. Эта просьба двигало их к непосредственному участию войск Советского Союза к военным действиям против Израиля. Однако Советский Союз дал свое согласие, решив, что это поможет защитить страну.

Новый уровень боеспособности национальной армии позволил руководству занять лидирующую роль в борьбе арабского мира государства против Израиля [4].

Отношения между Египтом и Советским союзом были выгодны обеим сторонам. Анализируя позицию этих двух стран (Египет – одна из самых важных стран на Ближнем Востоке, СССР – одна из сверхдержав), можно сказать, что советско-египетские отношения определяли политику и историю мира и ближневосточного региона на протяжении двух десятилетий [12, с. 26-28].

Литература

1. Князев А.Г. Египет после Насера. 1970-1981. М., 1986. 301 с.
2. Новейшая история арабских стран Африки. 1917-1987 / отв. ред. В.В. Наумкин. М., 1990. 472 с.
3. Агарышев А.А. Гамаль Абдель Насер. М., 1979. 93с.
4. Сближение с Советским Союзом. Демократические преобразования [Электронный режим] URL: https://mobile.studbooks.net/734617/istoriya/sblizhenie_sovetskim_soyuzom (дата обращения: 15.01.2023)
5. Телеграмма посланника СССР в Египте С.П.Козырева в МИД СССР от 13.10.1953 // АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 4. Л. 42-43.
6. Египет при Насере [Электронный режим] URL: <https://znzn.ru/vsemirnaya-istoriya/yegipet-pri-nasere> (дата обращения: 15.01.2023)
7. Газета «Правда». 16.05.1966 г
8. G.F. Hudson. The Great Catastrophe. 1957. 96 с.
9. Суэцкий кризис. Причины, ход, итоги событий [Электронный режим] URL: <https://faktrus.ru/суэцкий-кризис/> (дата обращения: 16.01.2023)
10. Журнал Международная жизнь – Архив. 2012. № 12. Военное сотрудничество СССР и Египта: ретроспектива [Электронный режим] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/798> (дата обращения: 16.01.2023)
11. Новейшая история арабских стран (1917-1966) / отв. ред. Д.Р. Бобликов. М., 1968. 655 с.
12. Зубко А.И., студ. II к. БГУ, науч. рук. Саллум Ф.С., канд. ист., ст. преп. наук. преп. Батухтин А.В. Советско-египетские отношения (1952-1970 гг.). 28 с.

References

1. Knjazev A.G. Egipet posle Nasera. 1970-1981. M., 1986. 301 s.
2. Novejshaja istorija arabskih stran Afriki. 1917-1987. otv. red. V.V. Naumkin. M., 1990. 472 s.
3. Agaryshev A.A. Gamal' Abdel' Naser. M., 1979. 93с.
4. Sblizhenie s Sovetskim Sojuzom. Demokraticheskie preobrazovanija [Jelektronnyj rezhim] URL: https://mobile.studbooks.net/734617/istoriya/sblizhenie_sovetskim_soyuzom (data obrashhenija: 15.01.2023)
5. Telegramma poslannika SSSR v Egipte S.P.Kozyreva v MID SSSR ot 13.10.1953. AVP RF. F. 059a. Op. 7. P. 13. D. 4. L. 42-43.
6. Egipet pri Nasere [Jelektronnyj rezhim] URL: <https://znzn.ru/vsemirnaya-istoriya/yegipet-pri-nasere> (data obrashhenija: 15.01.2023)
7. Gazeta «Pravda». 16.05.1966 g
8. G.F. Hudson. The Great Catastrophe. 1957. 96 s.
9. Sujeckij krizis. Prichiny, hod, itogi sobytij [Jelektronnyj rezhim] URL: <https://faktrus.ru/sujeckij-krizis/> (data obrashhenija: 16.01.2023)
10. Zhurnal Mezhdunarodnaja zhizn' – Arhiv. 2012. № 12. Voennoe sotrudnichestvo SSSR i Egipta: retrospektiva [Jelektronnyj rezhim] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/798> (data obrashhenija: 16.01.2023)
11. Novejshaja istorija arabskih stran (1917-1966). otv. red. D.R. Boblikov. M., 1968. 655 s.
12. Zubko A.I., stud. II k. BGU, nauch. ruk. Sallum F.S., kand. ist., st. prep. nauk. prep. Batuhitin A.V. Sovetsko-egipetskie otnoshenija (1952-1970 gg.). 28 s.

*Murtazaev A.O., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Maksudova H.M.,
Dagestan State University*

Soviet-Egyptian relations during the reign of Gamal Abdel Nasser (1950s-1970s)

Abstract: this article, on the basis of historiographical material, examines the history of the development of relations between the Soviet Union and the Arab Republic of Egypt, when Gamal Abdel Nasser held the presidency. The period from 1953-1970 is crucial to understanding the relationship between the two states, as this was the time when friendly relations were born and the time when both countries experienced changes in their domestic and foreign policies. The results of the authors of the study show that political relations with the Soviet Union were of particular importance to the Egyptian leaders. This was evident during the crisis of the Suez Canal in 1956. According to the authors, the most important issue of Egypt's foreign policy was the fight against Israel, and this had a great influence on the establishment of friendly relations with the Soviet Union. The United States of America and the West supported Israel, while the Arabs believed that the Soviet Union was their only helper and supporter. Relations between them developed dynamically. In the understanding of the authors, they covered such areas as military and economic cooperation. Soviet-Egyptian relations also ensured the internal development of Egypt and the development of the USSR in the international arena.

Keywords: Nasser, Soviet-Egyptian relations, Suez crisis, "six-day war", Aswan dam, Arab-Israeli wars

For citation: Murtazaev A.O., Maksudova H.M. Soviet-Egyptian relations during the reign of Gamal Abdel Nasser (1950s-1970s). Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 51 – 55.

Received: May 15, 2023; Revised: June 5, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Пикалов Ю.В., доктор исторических наук, профессор,
Тихоокеанский государственный университет*

Основные проблемы исследования истории Дальнего Востока РСФСР в период 1922-1941 гг.

Аннотация: в данной статье рассматривается процесс исторического развития Дальнего Востока периода 1922-1941 гг., когда дальневосточный регион подлежал коренной модернизации жизни, советизации, а также смене идеологического базиса. Используется широкий спектр исторических источников, чтобы описать социально-демографическое, экономическое и политическое положение внутри региона и определить ключевые события, периодизацию, этапы и последствия трансформации Дальнего Востока в один из субъектов Советского Союза. Автором рассматривается причинно-следственная связь ключевых исторических процессов дальневосточного региона и истории смежных географических объектов, проводится анализ и систематизация изменений в социальной, политической и экономической жизни Дальнего Востока в указанный период. Описывается специфика политической и социально-экономической обстановки региона в 1922–1941 гг. и определяется его значение в экономической структуре СССР с учетом проблематики, вызванной изменениями в ряде сфер общественной жизни. В заключение статьи автором предложены дальнейшие темы для исследования исторических процессов дальневосточного региона в составе СССР, а именно экономическое и социально-демографическое положение в период начала 1920-х – начала 1940-х гг.

Ключевые слова: Дальний Восток, РСФСР, СССР, ДВР, ДВК, Япония, НЭП, военный коммунизм

Для цитирования: Пикалов Ю.В. Основные проблемы исследования истории Дальнего Востока РСФСР в период 1922-1941 гг. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 56 – 61.

Поступила в редакцию: 11 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 5 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

В силу отдаленного и уникального экономико-географического положения одной из наиболее научно интересных тем современной российской историографии до сих пор остается Дальний Восток, его история и процесс развития. Значимость данного исследования обуславливается актуализированным, широким и разносторонним описанием исторических процессов на территории дальневосточного региона в период 1920-х – начала 1940-х гг., а также выявлением неисследованных аспектов в современной российской региональной историографии.

Разобшение истории Дальнего Востока и других регионов советской России наблюдается уже в периоде проведения новой экономической политики (НЭПа) двадцатых годов прошлого века [5] – именно поэтому рассмотрение особенностей исторических процессов в дальневосточном регионе имеет смысл для сегодняшнего дня.

Как указано выше, положение Дальнего Востока внутри страны и во внешних связях обретали иной характер по сравнению с другими советскими субъектами. В частности, это проявилось в существовании Дальневосточной республики (ДВР) в период апреля 1920 – ноября 1922 гг., которая приняла роль «буферного государства» – особой зоны, подконтрольной советским властям, провозглашавшейся независимой демократической единицей [12, 16]. В то же время интересна и эконо-

мическая составляющая республики, поскольку и она выбивалась из общей ситуации в соседнем советском государстве: изначально в ДВР провозглашалась свобода торговли и частной предпринимательской деятельности, а некоторые инструменты плановой экономики не были применены на практике [9, 17]. При этом оставалась умеренно-нейтральной и политическая деятельность внутри государства, так как на момент, когда в РСФСР, а немного позднее – в Советском Союзе часть партий была охарактеризована как враги народа, а иная часть даже попала под каток так называемого «красного террора» [1], в ДВР все еще сохранялся институт многопартийности. Здесь наравне с большевиками существовали и вели свою деятельность политические партии меньшевиков, эсеров и т.п., учитывая, что их представители частично входили в состав органов местного самоуправления [15].

Тем не менее, 15 ноября 1922 г. декретом ВЦИК ДВР была объявлена частью РСФСР в составе Дальневосточной области (ДВО), разбитой на Прибайкальскую, Забайкальскую, Амурскую, Приамурскую, Приморскую и Камчатскую губернии. Так было положено начало процесса советизации дальневосточного региона, который встретил определенные трудности, такие как окраинное положение, протяженную морскую линию, а также слабо заселенную, инфраструктурно отсталую

территорию с неравномерно развитой промышленностью.

Руководством страны было, в первую очередь, принято решение о политическом переустройстве региона после Гражданской войны. По этой причине в 1923 г. на Дальнем Востоке прошли выборы в Советы депутатов, которые сопровождались активной классово-идеологической борьбой. Так, например, части населения удалось даже выдвинуть кандидатов из зажиточного крестьянства [16], однако большинство все же встало на сторону советской власти.

В то же время дальневосточному региону удалось избежать практики «военного коммунизма», так как к моменту его включения в РСФСР, в жизнь вступала «новая экономическая политика». В регионе основную роль в экономике играли частные предприниматели. По состоянию на 1923 г. рекордный процент частного капитала принадлежал Приморской губернии с показателем около 80 пунктов [20]. Экономическая обстановка была осложнена тем, что за время Гражданской войны, будучи не столько производителем, сколько потребителем продукции, регион прервал связи и разладил логистические коридоры с центральными районами страны. Из-за этого рынок промышленной продукции был почти монополизирован японскими производителями, а Дальний Восток в целом не мог обойтись без внешнеэкономической деятельности, поскольку интервенты и белая армия разрушили большую часть добывающих и обрабатывающих предприятий [4; 13, с. 134]. Тогда для восстановления региональной промышленности советское правительство национализировало ряд фирм, не затронув важные сельскохозяйственные отрасли [13, с. 137].

С другой стороны, правительство понимало удобство использования концессионной политики на Дальнем Востоке, в силу чего в регион привлекался иностранный капитал. За 1920–1930 гг. было зафиксировано существование 24 концессий, организаторами которых были предприниматели как из стран Европы: Финляндии, Норвегии, Великобритании – так и из США и Японии [7].

Тем не менее, уже к середине 1920-х гг. удалось частично наладить инфраструктурную ситуацию в сельскохозяйственной отрасли и повысить объем межрегиональной торговли. Так, в 1925 г. на территории Дальнего Востока была установлена монополия внешней торговли – эксклюзивное внешнеторговое государственное право, что укрепило положение государственных производителей на рынке; однако все еще актуальной оставалась проблема контрабанды [2, 6] только к концу 1920-х гг. нелегальный провоз товаров из-за границы был по большей мере подавлен органами ОГПУ

СССР [13, с. 144]. Впоследствии внешнеторговое сальдо Дальнего Востока стало положительным, объем экспорта превысил объем импорта. В это же время выросла производительность труда в промышленном секторе.

При этом в дальнейшем проявилась проблема неэффективного территориального управления регионом, в связи с чем возникла необходимость проведения районирования Дальнего Востока: перейти от системы небольших губерний к более удобной системе областей. Данный процесс завершился к 1926 г., в результате чего был сформирован новый экономико-географический субъект – Дальневосточный край (ДВК), разбитый на округа, районы и сельсоветы [18].

Также во время территориальной реорганизации обнаружились недостаточные темпы урбанизации региона: соотношение городского населения к сельскому на Дальнем Востоке составляло около 37% [10]. Условия дополнительно усугублялись сложным социальным положением, в особенности, деревенского населения: по окончании боевых действий в деревню возвратились представители ранее противоположных сторон – красноармейцы, солдаты белой армии, бывшие мятежники и т.д.

В оппозицию советской власти выступала местная буржуазия, попытавшаяся укрепить позиции внутри страны и в эмиграции. При введении НЭПа круг лиц – представителей этого экономического класса – значительно расширился: в дополнение к крестьянам, использовавшим наемный труд, на Дальнем Востоке появились владельцы промышленных предприятий, рантье, биржевые спекулянты и торговцы. Стремясь поддержать свое социально-экономическое положение в регионе, буржуазия была заинтересована в политической деятельности: для этого активно создавались общественные организации, защищавшие политические права класса.

Часть буржуазии – так называемая сельская буржуазия или кулаки – стремилась подчинить бедняков и середняков, захватив власть в деревнях. Однако уже в декабре 1929 г. И.В. Сталин провозгласил политику классовой ликвидации кулачества с введением альтернативы – колхозов и совхозов, а в апреле 1930 г. колхозы были объявлены средством, дающим крестьянам «выход из нужды и темноты» [17].

Как следствие, 26 районов Дальнего Востока были объявлены субъектами «сплошной коллективизации» в январе 1930 года, а 18 февраля того же года местные власти получили директиву Далькрайкома ВКП(б) с пояснениями процесса ликвидации кулачества. Основные силы во время «раскулачивания» были брошены на высылку ответственных лиц и их семей [11, 22].

В то же время при коллективизации крестьянских хозяйств иногда нарушались принципы добровольного вступления в колхозы, что привело к социальному напряжению в деревнях. Чтобы отстоять свои права, некоторые крестьяне объединялись с дислоцировавшимися за границей белогвардейскими отрядами и участвовали в локальных набегах. В феврале 1930 г. прошли 12 антиколхозных выступлений, а количество участников составило 1300 человек, в этом же году прошли восстания в Малете, а 12 апреля начался знаменитый Зейский мятеж [15]. Проводимая такими мерами социалистическая перестройка коренным образом влияла на социально-демографический состав и экономико-политическую обстановку в регионе: за 1930 г. было выслаано около 3500 кулацких семей, так как именно это население отличалась особо стойким и активным антисоветским настроением [13, с. 220].

В свою очередь, государство пыталось продвигать идею коллективного хозяйства, финансируя деятельность новообразованных колхозов, что позволяло наращивать их материально-техническое оснащение, повысив производительность труда и улучшив хозяйственную работу деревень на Дальнем Востоке. Ближе к 1937 г. – в конце второй пятилетки – процесс коллективизация дальневосточного сельского хозяйства подошел к концу: так, около 95% крестьянских хозяйств были объединены в колхозы, что существенно изменило жизнь дальневосточных села и деревни [15].

Однако еще во время проведения коллективизации снова встал вопрос нерационального районирования дальневосточного региона. На этот раз правительство запланировало дробление ранее крупных субъектов на более мелкие, что позволило бы более эффективно проводить экономическую и социальную политику. Вследствие этого 23 июля 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР был провозглашен процесс разукрупнения регионов, обусловленный ликвидацией округов. Таким образом, в октябре 1932 г. на Дальнем Востоке были сформированы 4 области: Амурская, Камчатская, Приморская и Сахалинская. Двумя годами позднее – в составе Дальнего Востока появились Зейская, Нижне-Амурская, Уссурийская и Хабаровская области, а Читинская область была выделена из состава ДВК. Итак, в середине 1930 – 1940 гг. в Дальневосточном крае числились 8 областей, 1 автономная область и 3 национальных округа.

К лету 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) рассмотрел так называемый «корейский вопрос», обострившийся в начале 1930 гг. Так, власти приняли постановление №1428-326сс «О выселении

корейского населения пограничных районов Дальневосточного края», согласно которому планировалось выселение всего корейского населения с территории пограничных районов Дальнего Востока. Для этого власти ДВК предприняли перемещение корейцев на территорию Казахской и Узбекской ССР, однако отдельной части населения, согласной на такую меру, был разрешен и выезд за территорию страны.

Особое значение представляет милитаризация и военное обеспечение дальневосточного региона в период 1930-х гг. Так как действия японской армии у границ СССР создали угрозу суверенитету советского государства, было необходимо принять соответствующие меры обороны границ Дальнего Востока. В связи с этим, по решению ЦК ВКП(б), началось создание Дальневосточного (Тихоокеанского) флота. Кроме того, было развернуто активное региональное оборонное строительство; так, всего за 5 лет (с 1930 по 1935 гг.) в ДВК начали функционировать и были модернизированы около 20 оборонно-промышленных предприятий. Разница между затратами региона на развитие тяжелой промышленности, в которую входили предприятия оборонно-промышленного комплекса, для первой и второй пятилеток составила почти десять раз [8; 14]. Также в 1936 г. было инициировано строительство железнодорожных путей для нужд Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) [3].

Ближе к 1940-м годам (октябрь 1938 г.) Дальний Восток опять ждала реструктуризация территорий. ДВК был разделен на Приморский и Хабаровский края. В первый вошли Приморская и Уссурийская области. В составе Хабаровского края остались Амурская, Камчатская, Нижне-Амурская, Сахалинская, а также Еврейская АО.

В 1941 г. были завершены важные инфраструктурные проекты региона, сказавшиеся как на обороноспособности, так и на развитости Дальнего Востока. В этом году было закончено строительство крупнейшего на то время в мире авиационного завода, а также выполнена большая часть работ по созданию города Комсомольска-на-Амуре.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специфика политической, социальной и экономической обстановки на территории Дальнего Востока в период 1922-1941 гг. была определена важным значением самого региона для правительства, а также приграничным положением с капиталистическими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Также можно отметить, что на Дальнем Востоке имели место противоречивый характер советизации региона, особенности национально-демографического состава населения, его антисоветская настроенность, социальные

противоречия (в частности, вызванные предыдущими конфликтами и Гражданской войной), а также трудное экономическое положение. Таким образом, на протяжении 1920-х – начала 1940-х гг. Дальний Восток представлял собой ряд проблем, которые правительству необходимо было эффективно разрешать для своевременного и качественного политического контроля, а также стабильного экономико-политического положения в регионе.

Уникальность дальневосточного региона, продиктованная, с одной стороны, экономико-географическим положением, а с другой стороны

– разобщенной историей с РСФСР и центральной частью СССР в начале, определяют исследования развития данного региона в период 1920-х – 1940-х гг. актуальными, научно важными и интересными с точки зрения современной историографии. Таким образом, особо важное значение обретают работы по аналитике экономического и социального-демографического положения Дальнего Востока в указанном временном промежутке, поскольку данные аспекты еще не до конца рассмотрены современным научным сообществом и могут представлять актуальность при обобщении региональной истории.

Литература

1. Бабенко О.В., Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Эксмо, 2017. 320 с.
2. Власов С.А. Китайская торговля на Дальнем Востоке в 1920-е гг. В контексте советской социальной политики // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2019. С. 64.
3. Галактионов Е.Н. Нарастание оборонного потенциала на Дальнем Востоке СССР во второй половине 30-х гг. XX в. // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 290 – 296.
4. Галлямова Л.И. Гражданская война и военная интервенция в России в региональном измерении: Дальний Восток // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. С. 9 – 22.
5. Галлямова Л.И. Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 55 – 71.
6. Дударь Л.А. Роль Дальгосторга в развитии государственной торговли на Дальнем Востоке в 1920-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 4. С. 33 – 42.
7. Иващенко В.А. Исторический опыт деятельности органов ОГПУ по защите экономической безопасности советского государства в области концессионной политики на Дальнем Востоке в 1923-1930-е гг. // Вестник ТОГУ. 2011. № 4 (23). С. 289 – 298.
8. Исаев А.А. Дальний Восток в политике Советского государства. Экономическая характеристика региона в 1930-е годы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2015. С. 36 – 40.
9. Колесников М.С., Мордовцев А.Ю. Особенности финансово-налоговой системы Дальневосточной республики (1920-1923 г.): историко-правовое исследование // Право и практика. 2019. № 3. С. 26 – 33.
10. Копытин М.П. Что сделала Советская власть ДВО за год: краткий отчет Дальревкома за 1923-1924 гг. Хабаровск: Книжное дело, 1924. С. 127.
11. Кужина Н.И. Политика органов государственной власти по ликвидации кулачества как класса в начале 1930-х гг. (на примере Дальнего Востока СССР) // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2019. № 6. С. 112 – 125.
12. Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194 – 208.
13. Ларина В.Л., Галлямова Л.И. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года: монография. Владивосток: Дальнаука, 2018. 655 с.
14. Проскурина Л.И. Сталинская коллективизация: дальневосточное крестьянство в первой половине 30-х гг. XX в. // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 131–142.
15. Рябов Н.И. Дальревком: первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке, 1922-1926 гг. // Архивный отдел УВД при Хабаровском крайисполкоме. Хабаровск: Кн. изд-во, 1957. 286 с.
16. Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 471 с.
17. Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы. 1949. Т. 12. С. 202 – 228.
18. Стариков И.В. Исторический опыт конституционного строительства непризнанного государства (на примере Конституции ДВР 1921 г.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 18 – 30.

19. Ткачева Г.А. Административно-территориальные преобразования Дальневосточного региона в условиях модернизации СССР 1922-1941 гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. 2017. С. 612.

20. Целищев М.И. Экономическая жизнь Дальнего Востока: ежемесячный журнал // Дальневосточное краевое экономическое совещание. 1924. № 3. С. 6.

References

1. Babenko O.V., Rat'kovskij I.S. Hronika krasnogo terrora VChK. Karajushhij mech revoljucii. M.: Jeksmo, 2017. 320 s.
2. Vlasov S.A. Kitajskaja trgovlja na Dal'nem Vostoke v 1920-e gg. V kontekste sovetskoj social'noj politiki. Rossiya i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva. Blagoveshhensk, 2019. S. 64.
3. Galaktionov E.N. Narashhivanie oboronnoho potentsiala na Dal'nem Vostoke SSSR vo vtoroj polovine 30-h gg. HX v. Prepodavatel' NHI vek. 2013. № 3. S. 290 – 296.
4. Galljamova L.I. Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v Rossii v regional'nom izmerenii: Dal'nij Vostok. Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN. 2018. № 19. S. 9 – 22.
5. Galljamova L.I. Dal'nij Vostok SSSR v gody njepa: tendencii i osobennosti sovremennoj istoriografii. Rossiya i ATR. 2012. № 3. S. 55 – 71.
6. Dudar' L.A. Rol' Dal'gostorga v razvitii gosudarstvennoj trgovli na Dal'nem Vostoke v 1920-e gg. Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2021. № 4. S. 33 – 42.
7. Ivashhenko V.A. Istoricheskij opyt dejatel'nosti organov OGPU po zashhite jekonomicheskoi bezopasnosti sovetskogo gosudarstva v oblasti koncessionnoj politiki na Dal'nem Vostoke v 1923-1930-e gg. Vestnik TOGU. 2011. № 4 (23). S. 289 – 298.
8. Isaev A.A. Dal'nij Vostok v politike Sovetskogo gosudarstva. Jekonomicheskaja harakteristika regiona v 1930-e gody. Rossiya i Kitaj: istorija i perspektivy sotrudnichestva. Blagoveshhensk, 2015. S. 36 – 40.
9. Kolesnikov M.S., Mordovcev A.Ju. Osobennosti finansovo-nalоговой sistemy Dal'nevostochnoj respubliki (1920-1923 g.): istoriko-pravovoe issledovanie. Pravo i praktika. 2019. № 3. S. 26 – 33.
10. Kopytin M.P. Chto sdelala Sovetskaja vlast' DVO za god: kratkij otchet Dal'revkoma za 1923-1924 gg. Habarovsk: Knizhnoe delo, 1924. S. 127.
11. Kuzhina N.I. Politika organov gosudarstvennoj vlasti po likvidacii kulachestva kak klassa v nachale 1930-h gg. (na primere Dal'nego Vostoka SSSR). Chtenija pamjati professora Aleksandra Aleksandrovicha Sidorenko. 2019. № 6. S. 112 – 125.
12. Kuras L.V., Cybenov B.D. Dal'nevostochnaja respublika: ot «konspirativnoj kvartiry» do «kolybeli» Mongol'skoj revoljucii. Rossiya i ATR. 2021. № 1. S. 194 – 208.
13. Larina V.L., Galljamova L.I. Dal'nij Vostok Rossii v jepohu sovetskoj modernizacii: 1922 – nachalo 1941 goda: monografija. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. 655 s.
14. Proskurina L.I. Stalinskaja kollektivizacija: dal'nevostochnoe krest'janstvo v pervoj polovine 30-h gg. XX v. Rossiya i ATR. 2022. № 1. С. 131–142.
15. Rjabov N.I. Dal'revkom: pervyj jetap mirnogo sovetskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke, 1922-1926 gg. Arhivnyj otdel UVD pri Habarovskom krajispolkome. Habarovsk: Kn. izd-vo, 1957. 286 s.
16. Sablin I. Dal'nevostochnaja respublika: ot idei do likvidacii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 471 s.
17. Stalin I.V. Sochinenija. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1949. T. 12. S. 202 – 228.
18. Starikov I.V. Istoricheskij opyt konstitucionnogo stroitel'stva nepriznannogo gosudarstva (na primere Konstitucii DVR 1921 g.). Genesis: istoricheskie issledovanija. 2017. № 1. S. 18 – 30.
19. Tkacheva G.A. Administrativno-territorial'nye preobrazovanija Dal'nevostochnogo regiona v uslovijah modernizacii SSSR 1922-1941 gg. Jepoha socialisticheskoi rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij. 2017. S. 612.
20. Celishhev M.I. Jekonomicheskaja zhizn' Dal'nego Vostoka: ezhemesjachnyj zhurnal. Dal'nevostochnoe kraevoe jekonomicheskoe soveshhanie. 1924. № 3. S. 6.

*Pikalov Yu.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Pacific State University*

Main problems of studying the history of the Far East of the RSFSR in the period 1922-1941

Abstract: this article discusses the process of the historical development of the Far East in the period 1922–1941, when the Far Eastern region was subject to a radical modernization of life, Sovietization, as well as a change in the ideological basis. A wide range of historical sources are used to describe the socio-demographic, economic and political situation within the region and to identify key events, periods, stages and consequences of the transformation of the Far East into one of the subjects of the Soviet Union. The author examines the cause-and-effect relationship between the key historical processes of the Far East region and the history of adjacent geographical objects, analyzes and systematizes changes in the social, political and economic life of the Far East during this period. The specifics of the political and socio-economic situation in the region in 1922–1941 are described, and its significance in the economic structure of the USSR is determined, taking into account the problems caused by changes in a number of spheres of public life. In conclusion of the article, the author proposes further topics for researching the historical processes of the Far Eastern region within the USSR, namely the economic and social-demographic situation in the period of the early 1920s – early 1940s.

Keywords: Far East, RSFSR, USSR, Far East, Far East, Japan, NEP, war communism

For citation: Pikalov Yu.V. Main problems of studying the history of the Far East of the RSFSR in the period of 1922-1941. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 56 – 61.

Received: May 11, 2023; Revised: June 5, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент,
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Ковалёва А.Е., кандидат экономических наук, доцент,
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия,
Котова Э.А.,
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Купченко К.В., кандидат исторических наук, доцент,
Федоскин Н.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия*

О состоянии борьбы с хулиганством в Советском Союзе 1960-гг. на примере Смоленской области

Аннотация: данная статья рассматривает мало освоенную, но не менее актуальную тему жизни советского общества – изменения уголовного судопроизводства в 1960-х годах. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», для повышения эффективности борьбы с преступностью, в частности с хулиганством, которое носило распространенный характер в стране, предусматривалось два вида ответственности – административная и уголовная. На примере Смоленской области показываются меры по борьбе с хулиганством, раскрывая проблемы с которыми сталкивались сотрудники правоохранительных органов. Для исследования авторами был привлечены материалы Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО), ранее не введенные в научный оборот.

Ключевые слова: милиция, народные суды, несовершеннолетние, Совет народных депутатов, хулиганство

Для цитирования: Иванов А.М., Ковалёва А.Е., Котова Э.А., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. О состоянии борьбы с хулиганством в Советском Союзе 1960-гг. на примере Смоленской области // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 62 – 65.

Поступила в редакцию: 22 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

В 1958 г. в советском уголовном праве происходят серьезные изменения, принимаются Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые предусматривали усиленное наказание для рецидивистов и опасных антиобщественных элементов, хулиганов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. устанавливаются сокращенные сроки рассмотрения материалов о мелком хулиганстве, допускается арест хулиганов, расширяются права сотрудников милиции по наложению штрафов. [3, с. 148] Так, например, в СССР за первое полугодие 1967 г. по сравнению со вторым полугодием 1966 г. уголовно-наказуемое хулиганство снизилось на 20,2%, мелкое хулиганство уменьшилось на 24,1% [2, с. 144].

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», правоохранительные и административные

органы Смоленской области обязаны были провести ряд мероприятий по организации борьбы с хулиганскими проявлениями.

Содержание данных важнейших законов доводилось до сведения трудящихся Смоленской области, для чего в городах и районах, на предприятиях, в совхозах и колхозах было организовано чтение лекций, проведение бесед, вечеров вопросов и ответов. О наиболее важных судебных процессах по делам о хулиганстве население информировалось путем публикации соответствующих статей в печати и выступлений по местному радиовещанию. В Смоленске, Ярцевском, Рославльском, Вяземском, Починковском и других районах проводились проверки исполнения законов об усилении борьбы с хулиганством и пьянством [1, л. 18].

Регулярно анализировалась работа по борьбе с хулиганством и другими преступлениями, и результаты обсуждались на межведомственных совещаниях работников административных органов. Итоги деятельности прокурорско-

следственных и судебных органов Смоленской области по исполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об усилении борьбы с преступностью за 1966 г. обсуждались на совещаниях прокуроров районов, народных судей и начальников органов милиции.

В январе – феврале 1967 г. прокуратурой Смоленской области совместно с областным судом была изучена следственная и судебная практика по делам о хулиганстве за 4 квартал 1966 г. Проведенные мероприятия способствовали повышению активности административных органов в борьбе с хулиганством и нарушениями общественного порядка, усилению профилактической работы по предупреждению преступлений, укреплению связей с общественностью.

Анализ уголовных дел о хулиганстве, рассмотренных судами Смоленской области в 4 квартале 1966 г., показывал, что следственные и судебные органы стали острее реагировать на хулиганские проявления, повысилась активность широких масс трудящихся по пресечению нарушений правил социалистического общежития и фактов недостойного поведения в быту. Если в 1 квартале 1966 г. за хулиганство в семье было привлечено к уголовной ответственности лишь 18 человек (такие лица, как правило, привлекались к административной ответственности), то в 4 квартале – уже 98 человек. В ходе обобщения было изучено 295 уголовных дел, по ним было осуждено 319 человек, в том числе: рабочих предприятий и строок – 201; рабочих совхозов – 49; колхозников – 23; служащих – 9; учащихся – 7, пенсионеров – 9; лиц без определенных занятий. По возрасту осужденные распределялись следующим образом: до 18 лет – 34 человека, от 18 до 25 лет – 60 человек, от 26 до 30 лет – 75 человек, от 31 до 40 лет – 104 человека, свыше 40 лет – 46 человек [1, л. 19].

Из приведенных данных видно, что наибольший процент привлеченных к уголовной ответственности составляли рабочие промышленных предприятий и строок (63%), а также молодежь до 30 лет (53%). Это свидетельствовало о серьезных недостатках в проведении политико-воспитательной работы на предприятиях и среди молодежи. Обращал на себя внимание такой факт, что из 319 человек осужденных за хулиганство, 291 человек (91%) имели начальное (163 чел.) и неполное среднее образование (128 чел.), остальные – среднее (26 чел.) и высшее (2 чел.). Эти показатели позволяют сделать вывод о том, что хулиганские действия совершают, как правило, лица, имевшие слабую общеобразовательную подготовку, низкий уровень культуры. Вместе с тем, они говорили о существенных недостатках в исполнении органами народного образования и местными

Советами закона о всеобщем. Из 319 лиц, осужденных по 295 делам о хулиганстве, 34 являлись несовершеннолетними, в том числе 24 – рабочими, 7 – учащимися и 3 – без определенных занятий.

Совершение подростками хулиганских проявлений объяснялось, слабым надзором за ними родителей и отсутствием должного контроля за их поведением со стороны коллективов предприятий, комсомольских организаций, преподавателей школ и училищ. Так, например, обвинение несовершеннолетних Котёлкина и Лукьянова, рассмотренное Заднепровским народным судом г. Смоленска. Оба эти подростка работали на заводе торгового оборудования. Отец Котёлкина ранее судимый, за сыном, никакого надзора не осуществлял. Лукьянов отца не имел, проживал с матерью, из-под влияния которой вышел. Котёлкин и Лукьянов на работе систематически допускали прогулы, в общественных местах вели себя недостойно, на заводе для проведения с ними воспитательной работы был закреплен бригадир смены Козырев, который глубоко их поведением не интересовался, ограничивался беседами. Это, в конце концов, привело к тому, что подростки совершали злостное хулиганство. Материалы обобщения показывали, что органы милиции, суда и прокуратуры, обеспечивали выполнение требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. о быстром реагировании на хулиганские проявления, обеспечении надлежащего качества следствия и своевременном судебном рассмотрении дел этой категории. Лицам, совершившим хулиганство, за редкими исключениями в качестве меры пресечения избиралось содержание под стражей [1, л. 20].

Народные суды Смоленской области усилили карательную практику в отношении злостных хулиганов. Из 215 осужденных по части 2 и 3 ст. 206 УПК РСФСР 188 человек (87,4%) были приговорены к лишению свободы, в том числе на срок 3 года и выше – 125 человек (66,4%), а в 1 квартале 1966 г. – 46,5%. Усиление борьбы с нарушителями общественного порядка создавало реальные предпосылки для снижения таких опасных преступлений, как разбой, грабежи, изнасилования, кражи государственного и общественного имущества. В целом по Смоленской области за январь-февраль 1967 г. по сравнению с тем же периодом 1966 г. преступность снизилась на 11%. Так, например, из спецсообщения Председателю исполкома Смоленского областного Совета народных депутатов Гнездову А.Т. из Управления охраны общественного порядка. 10 августа 1967 г. на территории совхоза «Прогресс» Угранского района группой молодёжи в составе: Полюгаева И.И., 1938 г. р., проживавшего в городе Ленинграде, находивше-

гося в отпуске у своей матери в д. Коротыново; Суренкова М.Я., 1948 г. р., члена ВЛКСМ, тракториста совхоза; Полюгаева М.И., 1951 г. р., члена ВЛКСМ, учащегося 9 класса Восточной средней школы; Московского И.Д., 1948 г. р., члена ВЛКСМ, учащегося Вяземской автошколы; Московского А.Н., 1949 г. р., члена ВЛКСМ, учащегося ГПТУ №2 города Смоленска и Савкина А.М., 1959 г.р., окончившего в 1967 г. среднюю школу, нигде не работавшего, совершила хулиганские действия в отношении семи студентов второго курса Смоленского медицинского института, находившихся в совхозе «Прогресс» на сельскохозяйственных работах и причинившая студентам телесные повреждения. Данная группа хулиганов, вооружившись колями, кастетами, беспричинно избивала вначале студента Руденко, затем студентов Матюшенкова и Зуйкова. После этого были избиты студенты Пикатов, Куприянов, Мальцев и Игнатов. Организатором преступной группы являлся Полюгаев Иван Иванович. По данному факту хулиганских действий данной группы было возбуждено уголовное дело, все виновные арестованы и наказаны в соответствии с советским законодательством. Начальником ГОМ, РОМ Смоленской области было предложено провести предупредительную работу по недопущению подобных случаев [1, л. 36].

Однако деятельности прокурорско-следственных и судебных органов по борьбе с хулиганством имелись серьёзные недостатки. В ряде случаев работники милиции несвоевременно реагировали на заявления и сообщения о хулиганстве, допускали волокиту с возбуждением дел. 15% изученных уголовных дел было возбуждено с нарушениями установленного законом срока. Имелись факты, когда отдельные сотрудники милиции при наличии признаков уголовно-наказуемого хулиганства оформляли протоколы о мелком хулиганстве, в результате чего злостные нарушители общественного порядка не привлекались к заслуженной ответственности. Некоторые следователи и дознаватели нарушали сроки расследования по делам о хулиганстве, предусмотренные законом. Так, например, следователь УООП по Демидовскому району т. Якушев – 3,5 месяца расследовал несложное дело о хулиганстве (ст. 206 ч. 2 УК РСФСР), совершенное Телешневым [1, л. 21].

В ряде случаев следователи при расследовании дел о хулиганстве не выясняли причин и условий совершения преступлений и не принимали должных мер по их устранению, слабо использовали силы и возможности общественности, коллективов трудящихся в борьбе с хулиганами. Данные замечания в полной мере относились и к народ-

ным судам, которые в 4 квартале 1966 г. по делам о хулиганстве вынесли всего лишь 18 частных определений об устранении причин и условий совершения преступления.

В выездных сессиях судами за 1966 г. было рассмотрено 35% дел, общественные обвинители приняли участие по 47 делам, а общественные защитники – по 12 делам. Отдельные народные суды вообще снизили свою активность в проведении выездных сессий по уголовным делам и привлечению общественности к их рассмотрению. Так, например, народный суд г. Вязьмы из 35 дел в выездных сессиях рассмотрел лишь 6 дел (17%). Но по одному делу не участвовали представители общественности.

Народными судами Смоленской области допускались нарушения сроков рассмотрения дел о хулиганстве, из поступивших в суды 208 дел о злостном хулиганстве – 44 были рассмотрены в срок свыше 10 дней. Из 87 дел о хулиганстве, предусмотренном ч. 1. ст. 206 УК РСФСР, с нарушением установленного законом 5-дневного срока было рассмотрено 22 дела [1, л. 23].

Районные и городские прокуроры еще не осуществляли должного надзора за исполнением законов об усилении борьбы с хулиганством, в некоторых случаях не арестовывали злостных хулиганов, не принимали достаточных мер по пресечению волокиты при разрешении органами милиции заявлений и сообщений граждан, при расследовании и судебном рассмотрении дел о хулиганстве, не опротестовывали отдельные либеральные приговоры судов.

В целях устранения выявленных в процессе обобщения недостатков прокуратурой Смоленской области и областным судом был принят ряд необходимых мер. Результаты обобщения обсуждались на совещаниях прокуроров и следователей, на заседаниях Президиума областного суда и семинаре народных судей. Всем районным и городскими прокурорам было направлено информационное письмо с предложениями об устранении отмеченных в обобщении недостатков. Кроме того, было проведено межведомственное совещание работников прокуратуры Смоленской области, областного суда и управления охраны общественного порядка.

Таким образом, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. впервые в истории советского уголовного законодательства устанавливал уголовную ответственность за хулиганство [2, с. 143]. Изменения, коснулись и Смоленскую область, не смотря на относительное спокойствие, примеры нарушений действующего законодательства, свидетельствовали о качественной и добросовестной работе правоохранительных и административных органов региона.

Литература

1. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф-р. 2361. Оп. 9. Д. 655. Переписка с Областным управлением общественного порядка о состоянии борьбы с хулиганством в области, по обеспечению сохранности семенного фонда и урожая, о мерах пожарной безопасности и другим вопросам. Л. 18-24.
2. Купченко К.В., Иванов А.М., Лаврова Е.В., Муrowицкий А.И., Тимофеева И.Ю., Федоскин Н.Н. История государственности России: с древнейших времен до современности. Смоленск, 2021. 193 с.
3. Федоскин Н.Н. История отечественного государства и права. Смоленск, 2011. Ч. 2. 224 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (dalee GASO). F-r. 2361. Op. 9. D. 655. Perepiska s Oblastnym upravleniem obshhestvennogo porjadka o sostojanii bor'by s huliganstvom v oblasti, po obespecheniju sohrannosti semennogo fonda i urozhaja, o merah pozharnoj bezopasnosti i drugim voprosam. L. 18-24.
2. Kupchenko K.V., Ivanov A.M., Lavrova E.V., Murovickij A.I., Timofeeva I.Ju., Fedoskin N.N. Istorija gosudarstvennosti Rossii: s drevnejshih vremen do sovremennosti. Smolensk, 2021. 193 s.
3. Fedoskin N.N. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. Smolensk, 2011. Ch. 2. 224 s.

*Ivanov A.M., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Smolensk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Kovaleva A.E., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Smolensk State Agricultural Academy,
Kotova E.A.,
Smolensk branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
Kupchenko K.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Fedoskin N.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Smolensk State Agricultural Academy*

On the state of the fight against hooliganism in the Soviet Union in the 1960s on the example of the Smolensk region

Abstract: this article examines a little-covered but no less relevant topic of the life of Soviet society – changes in criminal proceedings in the 1960s. The Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 26, 1966 "On strengthening responsibility for hooliganism", to increase the effectiveness of the fight against crime, in particular with hooliganism, which was widespread in the country, provided for two types of responsibility – administrative and criminal. On the example of the Smolensk region, measures to combat hooliganism are shown, revealing the problems faced by law enforcement officers. For the study, the authors attracted the materials of the State Archives of the Smolensk Region (hereinafter referred to as the SASO), previously not introduced into scientific circulation.

Keywords: police, people's courts, minors, The Council of People's Deputies, hooliganism

For citation: Ivanov A.M., Kovaleva A.E., Kotova E.A., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N. On the state of the fight against hooliganism in the Soviet Union in the 1960s on the example of the Smolensk region. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 62 – 65.

Received: May 22, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Муртазаев А.О., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Исаева А.М.,
Дагестанский государственный университет*

**Основные направления политики противоборствовавших
держав на Восточном Кавказе в начале XVIII века**

Аннотация: в работе рассматривается период первой половины XVIII в. занимавшее ключевое место в борьбе за освоение Восточного Кавказа между Ираном, Турцией и Россией. Стратегическое и географическое месторасположение данного региона сталкивало интересы указанных держав становясь местом действий за господство между ними. Важный этап в этом состязании наступил в XVIII веке, когда кавказская проблема, став частью восточного вопроса, приобрела международный характер. Регион занял важное место в политике противоборствовавших сторон особенно после Турецко-персидского договора 1639 года. Также Серьезный кризис, охвативший сефевидскую страну, привел к резкому обострению национально-освободительной борьбы поработенного народа. Россия и Турция решили использовать это для начала широкого наступления на Иран. С начала 1720-х годов в кавказской политике этих двух государств выделялись Ширван, Лезгистан и Дагестан. Переломным моментом в военно-политической и дипломатической деятельности противоборствующих держав в регионе стал поход Петра I на Каспийское море и подписание русско-иранского договора в 1723 года и русско-турецкого договора в 1724 года, что привело к разделу Восточного Кавказа в сферу влияния между Россией и Турцией и оказали решающее влияние на дальнейшее развитие событий, связанных с освободительным движением народов Восточного Кавказа против иностранного господства.

Ключевые слова: Кавказ, Иран, Турция, Россия, противоборствующие державы, народно-освободительные восстания, Хаджи-Давуд, Петр I, Персидский поход, Каспийское море, договор

Для цитирования: Муртазаев А.О., Исаева А.М. Основные направления политики противоборствовавших держав на Восточном Кавказе в начале XVIII века // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 66 – 72.

Поступила в редакцию: 20 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

В конец XVII в начале XVIII века государство Сефевидов, великая империя Ближнего Востока, вступило в фазу экономического кризиса, за которым последовал политический упадок. Углубляющаяся политическое положение в государстве Сефевидов, конечно же, была фоном для реализации оккупационных намерений соседних империй. Проводя решительную политику на Кавказе, российское правительство пыталось захватить кавказские земли. Турция, потерявшая большие территории на Западе, также хотела воспользоваться тяжелым положением государства Сефевидов. Таким образом, интересы России в рассматриваемом регионе противоречили интересам Османской империи. Страны начали стремиться к утверждению своего авторитета на данной территории [16, с. 38].

Российское правительство стремилось создать благоприятные условия для торговцев из прикаспийских стран, чтобы изменить направление торговых отношений Европы со странами Ближнего Востока через Турцию и Персидский залив на

Волго-Каспийский маршрут. В целом она уделяла большое внимание политике экономической экспансии.

В начале века Каспий был единственным южным морем, из которого Россия могла иметь свободный выход. Петр Великий прилагал большие усилия, чтобы поставить Россию на позицию государства-посредника в торговле Восток-Запад. Русский историк А.Комаров писал, что развитие торговли через Каспийское море со странами Востока послужит обогащению России, развитию промышленных зон, поэтому Петр Великий, воспользовавшись всеми этими благоприятными условиями, попытается превратить Каспий в «русское море» [17, с. 21]. Петр I не просто заботился о берегах Каспия исключительно из экономических интересов, он стремился связать эти территории с Россией.

В соответствии, Петр I планировал вторгнуться в империю Сефевидов в последнее десятилетие XVII века, а точнее в 1694 году. Определение экономических интересов России и политических от-

ношений с Сефевидским государством выявило необходимость более глубокого изучения русским правительством природно-географических условий восточного и западного побережий Каспия.

В начале XVIII века, посланные в Бухару и Хиву делегации под руководством Бековича-Черкасского, потерпели неудачу. Но Петр не оставлял надежды достичь поставленных целей. На Восточный Кавказ с миссией для развития взаимоотношений он отправляет Мусина-Пушкина военачальника из Астрахани для того, чтобы они склонились к царскому величеству [5, с. 45].

Османская Империя во главе с султаном Ахмедом III оживила политику по направлению к Кавказу. Она хотела обеспечить себя не только защитой, но и получить доминирующее положение на Кавказе. И. Хаммер известный австрийский востоковед также писал, что для Турции было важным получить господство в Каспии и на Черном море [10, с. 5].

Турция, желая отыграться за неудачи Азовских походов Петра I, в ноябре 1710 году заявляет о войне. Заключён Прутский мирный договор по которому Азов возвращался к Османской Империи. В 1713 году Адрианопольский мирный договор завершил русско-турецкую войну и нормализовал отношения двух держав на время. Основные положения соглашения 1713 года повторяли условия Прутского мирного договора 1711 года.

Касаемо политики Сефевидского шаха Султан-Хусейна на Кавказе, то она скорее стремилась сохранить свои позиции. Страна была охвачена кризисом, а подчиненный народ повсеместно выступал. Мятежи недовольных поднимались, перерастая в освободительные движения не исключая Восточный Кавказ.

Повстанцы совершали набеги на города региона под предводительством Хаджи Дауда, Сурхай-хана и Ахмет-хана Кайтагского. Конечно, то, что Хаджи Дауд хотел провозгласить независимость, разрушив государство Сефевидов, полностью противоречило восточной политике Петра Великого. Российское правительство решило обратиться к Хаджи Дауду с просьбой привлечь повстанцев на свою сторону.

Для Османской Империи создававшаяся ситуация была благоприятной. Она хотя и была ослаблена войнами и внутренним разладом. Стремясь утвердить поставленные задачи подчинённый Турции Крымский хан отправляет своих послов на Кавказ. Вассал требовал подчинения и покорности от шамхала Адиль-Гирея тарковского и владельца Султан-Махмуда [16, с. 41]. Держава также направляла своих послов в Иран для разведки. 1721 году в апреле в Сефевидском государстве

находились два посла А. Дюри-эфенди и агент Бедреддинзаде Алибей.

Для ознакомления с районами западного побережья Каспия Петр Великий отправил полковника А. Волынского послом в государство Сефевидов. В качестве служебной обязанности А. Волынского было поручено заключить торговый договор с правительством Сефевидов. Кроме того, посол во время пребывания имел поручение разузнать и собрать экономическую и военно-политическую информацию, делегация подготовила интересный отчет. Сложившаяся сложная ситуация в Иране требовала решений и А. Волынский советовал Петру Великому занять сначала Шемаху и Дербент [2, с. 23].

Положение в Иране в начале 20-х годов XVIII века была на пределе повсюду полыхали народные движения. Восставшие выступая вместе с Хаджи-Давудом добились свержения власти сефевидов. Также к концу 1721 года после 8-месячной осады, Мир Махмуд, являвшийся главой афганцев, захватил Исфахан. Политическая ситуация в Сефевидском государстве стала крайне напряженной. А выгодное положение Ширвана, Лезгистана и Дагестана окончательно привлекают внимание противостоящих сил.

Державы стремились заполучить руководителя народных движений. Хаджи Давуд будучи не только влиятельным князем, но и военным предводителем мог сыграть значимую роль в интересах политики России или Турции.

А. Волынский в 1721 написал письмо лидеру народных движений по поручению Петра Великого и предложил войти в подданные. На письмо Хаджи Давуд положительно откликнулся. Он знал об интересах России на Восточном Кавказе, но условия за его служение русскому правительству дипломат, охарактеризовал как невозможные. Объяснив свои идеи Петру Великому ответном письме А. Волынский писал, что князь желает служить царю, но взамен просит прислать не только войско, но и большое количество пушек. С этой армией и оружием желает захватить города государство Савефи, что в этих городах есть то, что они хотят, а остальное отдадут царю [14, с. 171].

Несмотря на неудачу попыток воспользоваться помощью подстанцев, Россия продолжала подготовку к походу против государства Сефевидов. В августе 1721 года Шемахи был оккупирован и разграблен восставшими под председательством Хаджи Дауда. Это событие привело к тяжелым потерям для российской торговли.

Турция стремилась использовать антисефевидские восстания, хотела господствовать на Каспийском и на Черном море. Она открыто выражала

стремления получить Закавказье. Во второй половине XVI века и до начала XVII века данные территории входили в состав Османской Империи. Также она отказала, когда Иранское правительство пыталась заключить союз против стремлений России. Причиной отклонения служила вера так как Турция не хотела воевать против лезгин и афганцев.

Пётр I придавал огромное значение прикаспийским землям, стремился не дать Турции утвердиться на Кавказе. Каспийскому морю придавалось экономически огромное значение. Территория могла дать сырьё, развить мануфактурную промышленность и изменить направление торговых сношений Европы со странами Ближнего Востока через Турцию и Персидский залив на Волго-Каспийский путь.

Волинский будучи сведущим в делах Кавказа и боясь турецкой интервенции советовал русскому царю завладеть прикаспийскими территориями. Поводом должны были стать события Шемахи, которые были связаны с русскими купцами. При этом для России было важным не усложнить отношения держав. До похода некоторые дагестанские феодалы приняли Русское подданство. «Мы идем к Шемахе не для войны с Персией, – говорилось в инструкции Петра I русскому консулу в Иране С.Аврамову от 25 июня 1722 года, – но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали...» [12, с. 371].

1722 году русская армия во главе с Петром Великим высадилась в Аграханском бухте и быстро передвигалась по направлению к реке Милукент. Связано было это с тем, что многие местные феодалы стремились поддержать русское войско.

Промедления быть не могло, ибо турки могли воспользоваться распадом Сефевидской империи и укрепиться в Прикаспии. Петр I считал эти территории более нужными для России. Ведь на повестке дня стоял план захвата сефевидских земель в правящих кругах Турции. Хотя Карловицкий мирный договор (1699 г.) был первым пунктом постепенного распада Османской империи, в дальнейшем этот процесс несколько ослаб. Османская империя, достаточно сильная при Петре Великом, не отказалась от планов по вторжению в западные провинции.

Османская империя требовала отказа от похода и грозила расторгнуть вечный союз.

Слухи, подогреваемые западноевропейскими послами о намерениях Петра Великого, вызывали тревогу в правящих кругах.

Противоречия, возникающие между Турцией и Россией, представляли интерес для стран запада. Планы Петра Великого касательно закрепления в Прикаспийском районе правительство Англии

считали преградой для своей торговой монополии. А французский кардинал Дюбуа писал о том, что турки выступят против похода если она окажется неудачной [11, с. 83].

Царская армия, захватившая Дербент в августе не встречая сопротивления, готовилась вторгнуться в Шемахи и в Баку. Однако возникающие трудности заставляют отказаться от продолжения похода. Петр I понимает, что нет необходимости в большой армии чтобы завоевать прикаспийские территории. Кроме того, были и другие обстоятельства. Петр I ушёл с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией [5, с. 45].

Поход Петра Великого к каспийским берегам позволивший за короткий срок занять Прикаспийские территории вызвали бурный рост османско-русских и османско-сефевидских конфликтов во всех западных землях Сефевидской империи, особенно на Южном Кавказе. Таким исходом не были довольны турецкие власти. В начале ноября 1722 г. султан заявил русскому резиденту И. Неплюеву, что нет мира турецкому народу, когда русские войска вступят на территорию Персии [5, с. 46].

Османское государство после отречения шаха Хусейна заявила, что весь Восточный Кавказ после распада Сефевидского государства переходит к ним. Требуется от России прекращения военных действий против лезгин, намереваются поднять восстания в Дербенте. Отправляет с помощью своего подобного Крымского хана письма Шамхалу и дербентскому наибу. В послание требовалось от правителей выйти из подданства России [6, с. 11].

Ослабление влияния Хаджи-Дауда в Ширване вызывало беспокойство правящих кругов России. Понимая, что в конфликте с Россией он потерпит поражение, Хаджи Давуд в конце 1722 года обратился за помощью к Турции, враждебно настроенной к России и Сефевидскому государству, чтобы защитить свою независимость.

Турция считала, что переход Хаджи Давуда повысить шансы на господство в Кавказе и поможет добиться быстрых результатов. Она рвалась к захвату сефевидских владений в Закавказье и на Каспийском море [16, с. 62-63].

Целью намеченного русским царем похода было не только объединение провинций Прикаспия в состав России. Она также готовилась к интервенции в другие провинции империи Сефевидов. Перед походом, во время подготовки к войне, а затем и в ходе военно-политических событий на Каспийском побережье Петр I также определил свою программу для Кавказа. Царь стремился расширить сферу влияния России.

Русский историк XVIII века И.И.Голиков объясняя цели русской армии во время похода писал, что надо захватить Баку, продвигнуться к реке Ку-

ре и заложить основу крупного торгового центра там, где течет река. А затем идти на Тебриз [1, с. 28].

Такие действия политики Петра I не остались незамеченными некоторыми европейскими государствами. Стремление России на Восточном Кавказе и дальнейшее усиление возможных позиций в Каспийском море влекли последствия. Франция и Англия опасались, что такие итоги будут нести угрозы для их интересов в торговле с Востоком. Англия, как ранее отмечалось, не хотела терять свои торговые позиции, а также не хотела усиления военной и морской мощи Российской империи.

Правительство Франции настороженно относилось к возникающей русско-турецкой войне. Компания могла нести невыгодные для нее союзы, Россия могла заключить соглашение с Габсбургами. Мариус де Бонаку посол Франции в Турции имел миссию предотвратить возникающий конфликт. Неопределенно к ситуации относилась и Австрийское государство. Война с Россией могла не только ослабить ее врага Турцию, но и привести к беспокойству о Балтийском море и польском вопросе [8, с. 167].

27 июля 1722 года войско под командованием Петра Великого подошло к месту впадения реки Кайсу, а дальше армия движется к Дербенту. Однако неожиданно напряженная обстановка помешала реализации некоторых планов по оккупации Баку и Шемахи. В результате стихийного бедствия на Каспийском море, под Дербентом, русская армия потеряла запасы продовольствия. Кроме того, иноземная природа Кавказа неблагоприятно сказывалась на состоянии здоровья русских воинов. Все эти неблагоприятные обстоятельства заставили Петра Великого вернуться, но от планов присоединения прикаспийских районов он не отказался.

Тем временем политическая ситуация в Сефевидском государстве стала крайне напряженной. 23 октября 1722 года, после 8-месячной осады, Мир Махмуд, являвшийся главой афганцев, захватил Исфахан. Шах Султан Хусейн отрекся от престола в пользу Махмуда. Тахмасп, сын султана Хусейна, покинул столицу в июне и бежал.

Поход Петра Великого к каспийским берегам вызвал бурный рост османско-русских и османско-сефевидских конфликтов во всех западных землях Сефевидской империи, особенно на Южном Кавказе. Правительство Османской империи заявило, что оно жестко отреагировало на эти события с самого начала марша, и назвало поход Петра против государства Сефевидов неправильным шагом. В планы Петра не входила война с Османской империей. Кроме того, Россия не желала выполнить требование османского прави-

тельства, то есть оставить прикаспийские приморские провинции, которые она занимала. Поэтому российское правительство прибегло к тактике дипломатического маневрирования. Хотя дипломатические инициативы русского посла в Стамбуле Неплюева не устранили полностью опасности войны с Турцией, они могли временно отсрочить начало военных действий. Возвращение Петра из Дербента и вывод его основных войск из провинций Прикаспийского побережья несколько успокоили османское правительство и ослабили напряженность в османско-русском конфликте.

Османская империя, не имевшая возможности напрямую начать военные действия на Южном Кавказе, другими методами пыталась укрепиться в этом регионе. Воспользовавшись уходом царя Петра с Кавказа, турецкое правительство решило помочь Хаджи-Давуду. Он провозгласил свою власть над Ширваном в октябре 1722 г. [1, с. 34]. Позже, указом, отправленным из Стамбула, Хаджи Давут был назначен правителем Ширвана, а Сары Мустафа-паша был послан ему на помощь с армией.

Выжидая благоприятных условий для оккупации региона и собирая солдат на южно-кавказском направлении Турция, обвинила тбилисцев в оскорблении турецких подданных, приказало главнокомандующему вооруженными силами атаковать Грузию. Турецкая армия без сопротивления захватила Тбилиси.

Ускорение процесса военной подготовки Османской империи и забота о выходе на Каспийское побережье обострили положение России в прикаспийских районах. Известие о том, что османская армия наступает в направлении Каспийского моря, заставило Петра действовать поспешно. Царь просил генерала Матюшкина ускорить подготовку Бакинской экспедиции. Русский флот, вышедший из Эйдерахана 20 июня 1723 года, 6 июля достиг Баку. Видя, что требование о сдаче Баку без сопротивления было отклонено, русская армия 21 июля осадила Бакинскую крепость. 26 июля русская армия вошла в Баку [4, с. 217].

Возникшая ситуация между державами вынуждала сына султана Хусейна Тахмаспа подчиниться Турции или России [7, с. 305]. Россия обещала ему предоставить помощь, но взамен требовала от него северные территории которыми он владел. В Петербурге между шахом и Российским правительством было заключено соглашение. Документ больше затрагивал интересы России. Она получала не только прикаспийские территории, но и иранские провинции, создавала выгодные условия для продвижения армии [5, с. 48].

Султан Ахмед III после соглашения Тахмаспа с Россией отдает приказ готовиться к войне и объ-

являет, что Кавказ и Иран часть Османской Империи.

Оккупация Баку русскими также вызвала тревогу в высших кругах Османской империи. Понимая, что уже поздно, османское правительство решило применить максимальную силу для оккупации других земель империи Сефевидов. Анализ сложившейся ситуации к концу 1723 года показывает, что соперничающие Российская и Османская империи фактически поделили между собой Южный Кавказ, особенно Азербайджан, путем завоевания. Вышеупомянутые государства также урегулировали конфликты между собой через французскую дипломатию.

Послы стремились внушить турецкому султану, что Петр Великий хочет овладеть не только персидской, но и всею восточной торговлей. Турция оружием должна остановить успехи русских на востоке и если объявит России войну, то получит денежное вознаграждение не только от короля Англии, но и от народа [13, с. 390-391]. И.Неплюев писал о отношении дипломата из Франции, который будучи посредником между противоборствующими державами требовал от России отступление от турецких границ [5, с. 49].

Турция была ослаблена войнами в Европе, а вооружение было в плохом состоянии желала. Она не стремилась воевать с Россией. Важнейшей чертой стали усилия по нормализации отношений с основными противниками империи – Австрией и Россией [9, с. 188].

Подписанное соглашение в Стамбуле 12 июня 1724 г. определило территории на Кавказе между державами. Россия получала прибрежные районы Восточного Кавказа, а также Гилян, Мазандеран и Астрабат. Вся восточная часть Южного Кавказа и Южный Азербайджан отдавались Османской империи.

В Стамбульском мирном договоре также была статья о Ширване, северо-восточной части Азербайджана. По договору этой губернии предостав-

лялось право автономии в своих внутренних делах. Турция сможет ввести войска в Ширван только тогда, когда в регионе будет царить беззаконие, с одобрения российского правительства. Как видно, этот договор имел большое значение для независимости Ширвана, и за это боролся Хаджи Давуд. Хотя в мае 1728 года турки свергнут Хаджи-Давуда, а это приведет к установлению в регионе полного правления Турции и России.

Это соглашение явилось одним из величайших достижений русской дипломатии. Хотя Россия приняла оккупацию османами значительной части Южного Кавказа, но договор гарантировал, что провинции Каспийского побережья оказались в их руках. Дипломатическими средствами Россия временно спасла свои юго-восточные границы от опасности османской оккупации и обеспечила доступ к Каспийскому торговому пути, имеющий большое значение.

В самом деле, некоторые статьи в договоре были составлены таким образом, чтобы оставлять место для различных толкований каждой стороной в свою пользу и сохраняли почву для возбуждения русско-турецкого конфликта. Это соглашение, разделившее Кавказ по его периметру между Россией и Турцией, открывает перспективы для реализации их планов в ущерб интересам народов региона [15, с. 69].

Константинопольский договор имеет огромное значение как для России, так и для Турции. Соглашение предотвратила столкновение стран и дало им возможность расшириться. Россия укрепила свои позиции на Каспии [3, с. 70], а Турция сняла угрозу вторжения российских войск в Грузию и Армению, тем самым обезопасив их восточные границы.

Таковы основные направления политики противостоящих держав в начале XVIII века. Приведенный анализ показывает, что напряженная обстановка на Восточном Кавказе между странами продолжает сохраняться.

Литература

1. Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях Турции, России и Ирана в первой половине XVIII в. Баку.: Изд. Акад. наук Азерб. ССР, 1964. С. 79.
2. Абдурахманов А.А. Указ. соч. С. 23.
3. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века. Баку: Элм, 1975. С. 299.
4. Ашурбейли С. История города Баку. Период средневековья. Баку, 1992. С. 400.
5. Бутаев А.А. Народн-освободительное движение на Восточном Кавказе под руководством Хаджи-Давуда Мюшкурского (первая треть XVIII в.). Мх.: Изд. Мавел, 2006. С. 160.
6. ГАРД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 1; Лысцов В.П. Указ. соч. С.133; Ихиллов М.М. Значение Персидского похода Петра I для Дагестана. Мх: Изд. тип. Даг. ФАН СССР. С. 1954.
7. История Азербайджана. Т. I. С. 312 – 313; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 384.
8. История России с начала XVIII до конца XIX в. С. 578.
9. Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991. С. 261.

10. Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в.: Сб. документов. М.: Наука, 1988. С. 357.
11. Сборник императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1885. Т. 49. С. 427.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: соц-эконом. лит-ра, 1963. Кн. IX. Т. 17-18. С. 816.
13. Соловьев С.М. История России. С. 708. Кн. IX. Т.17-18.
14. Соловьев С.М. Петр Великий в Каспийском море // Вестник Европы. М., 1868. Кн. 3. С. 202.
15. Сотавов Н.А. «Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане». Мх.: Изд «Эпоха», 2013. С. 304.
16. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. С. 221.
17. Юнусова Л. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII века. Баку.: Элм, 1988. С. 158.

References

1. Abdurahmanov A.A. Azerbajdzhan vo vzaimootnoshenijah Turcii, Rossii i Irana v pervoj polovine XVIII v. Baku: Izd. Akad. nauk Azerb. SSR, 1964. S. 79.
2. Abdurahmanov A.A. Ukaz. soch. S. 23.
3. Aliev F.M. Antiranske vystuplenija i bor'ba protiv tureckoj okkupacii v Azerbajdzhane v pervoj polovine HVIII veka. Baku: Jelm, 1975. S. 299.
4. Ashurbejli S. Istorija goroda Baku. Period srednevekov'ja. Baku, 1992. S. 400.
5. Butaev A.A. Narodnosvoboditel'noe dvizhenie na Vostochnom Kavkaze pod rukovodstvom Hadzhi-Davuda Mjushkurskogo (pervaja tret' XVIII v.). Mh.: Izd. Mavel, 2006. S. 160.
6. GARD. F.150. Op. 1. D. 18. L. 1; Lyscov V.P. Ukaz. soch. S.133; Ihilov M.M. Znachenie Persidskogo pohoda Petra I dlja Dagestana. Mh: Izd. tip. Dag. FAN SSSR. S. 1954.
7. Istorija Azerbajdzhana. T.I. S. 312 – 313; Ramazanov H.H., Shihsaidov A.R. Ukaz. soch. S. 384.
8. Istorija Rossii s nachala XVIII do konca XIX v. S. 578.
9. Mejer M.S. Osmanskaja imperija v HVIII v. Cherty strukturnogo krizisa. M.: Nauka, 1991. S. 261.
10. Russko-dagestanske otnoshenija v XVIII – nach. XIX v.: Sb. dokumentov. M.: Nauka, 1988. S. 357.
11. Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. SPb.: Tip. M. Stasjulevicha, 1885. T. 49. S. 427.
12. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih времен. M.: socjekonom. lit-ra, 1963. Кн. IX. Т. 17-18. S. 816.
13. Solov'ev S.M. Istorija Rossii. S. 708. Кн. IX. Т.17-18.
14. Solov'ev S.M. Petr Velikij v Kaspijskom more. Vestnik Evropy. М., 1868. Кн. 3. S. 202.
15. Sotavov N.A. «Krah «Grozy Vselennoj» v Dagestane». Mh.: Izd «Jepoha», 2013. S. 304.
16. Sotavov N.A. Severnyj Kavkaz v russko-iranskih i russko-tureckih otnoshenijah v XVIII v. М.: Nauka, 1991. S. 221.
17. Junusova L. Torgovaja jekspansija Anglii v bassejne Kaspija v pervoj polovine XVIII veka. Baku.: Jelm, 1988. S. 158.

*Murtazaev A.O., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Isaeva A.M.,
Dagestan State university*

**Main policy directions of the warring powers in the Eastern
Caucasus at the beginning of the XVIII century**

Abstract: the paper considers the period of the first half of the XVIII century, which occupied a key place in the struggle for the development of the Eastern Caucasus between Iran, Turkey and Russia. The strategic and geographical location of this region clashed the interests of these powers, becoming a place of action for dominance between them. An important stage in this competition came in the XVIII century, when the Caucasian problem, having become part of the Eastern question, acquired an international character. The region took an important place in the politics of the warring parties, especially after the Turkish-Persian Treaty of 1639. Also, the serious crisis that engulfed the Safavid country led to a sharp aggravation of the national liberation struggle of the enslaved people. Russia and Türkiye decided to use this to launch a broad offensive against Iran. From the beginning of the 1720s, Shirvan, Lezgistan and Dagestan stood out in the Caucasian policy of these two states. The turning point in the military-political and diplomatic activities of the opposing powers in the region was the campaign of Peter I to the Caspian Sea and the signing of the Russian-Iranian treaty in 1723 and the Russian-Turkish treaty in 1724, which led to the division of the Eastern Caucasus into a sphere of influence between Russia and Turkey and had a decisive influence on the further development of events related to the liberation movement of the peoples of the Eastern Caucasus against foreign domination.

Keywords: Caucasus, Iran, Turkey, Russia, opposing powers, popular liberation uprisings, Hadji Dawood, Peter I, Persian campaign, Caspian Sea, agreement

For citation: Murtazaev A.O., Isaeva A.M. Main policy directions of the warring powers in the Eastern Caucasus at the beginning of the XVIII century. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 67 – 72.

Received: May 20, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Кирчанов М.В., доктор исторических наук,
Воронежский государственный университет*

Образы Сухарто и режима «нового порядка» в современной культуре исторической памяти индонезийского ислама

Аннотация: целью исследования является анализ современной мусульманской политики памяти в Индонезии, формирующей образы президента Сухарто. Автор анализирует роль и место мусульманской мемориальной культуры как фактора развития исторической политики. Новизна исследования заключается в изучении современного этапа в развитии исторической политики индонезийского социума в контексте объективного дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур Юго-Восточной Азии. В статье показано, что 1) общественные мусульманские активисты как агенты политики памяти современного индонезийского общества вносят значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик мусульманских интеллектуалов варьируется от формирования умеренно негативного образа Сухарто до попыток суверенизации исламской коллективной памяти, 3) участие мусульманских авторов в мемориальной политике содействует параллельному соразвитию различных конкурирующих форм исторической памяти и версий мемориальной культуры, основанных на актуализации исторического и травматического опыта в коллективной исторической памяти, который конструируется через призму восприятия наследия Сухарто. Предполагается, что роль уммы как участника исторической политики и агента развития коллективной памяти в современной Индонезии будет возрастать, а политически активная часть сообщества мусульманских интеллектуалов будет использовать механизмы политики коллективной исторической памяти для актуализации роли ислама как в истории Индонезии, так и в современной политической жизни.

Ключевые слова: Индонезия, Сухарто, «новый порядок», коллективная память, мусульманские интеллектуалы, историческая политика, мемориальная культура

Для цитирования: Кирчанов М.В. Образы Сухарто и режима «нового порядка» в современной культуре исторической памяти индонезийского ислама // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 73 – 84.

Поступила в редакцию: 19 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Введение

Современная Индонезия является не только самым крупным и густонаселенным мусульманским государством в современной Юго-Восточной Азии, но и может быть отнесена к числу тех стран, где политические элиты проводят наиболее активную политику исторической памяти. Историческая политика или политика памяти, направленная на формирование мемориальной культуры как инструмента культивирования и поддержания национальной идентичности – политической, гражданской и этнической – стала универсальным ресурсом, который применяется элитами. Правящие круги при проведении исторической политики могут преследовать различные цели, включая усиление собственной власти, укрепление легитимности созданного ими политического режима. В рамках такой модели политика памяти проводится и реализуется как для контроля общества, так и для его консолидации. Индонезия вошла в число активных участников исторической политики в начале 21 века, что было связано с демократическими реформами, которые начались в стране в 1998 году после отставки президента Сухарто.

В центре авторского внимания в представленной статье – проблемы трансформации и развития образов Сухарто и соотносимого с ним режима «нового порядка» в современной индонезийской исторической политике в той ее версии, которая проводится мусульманскими интеллектуалами. Задачами автора являются 1) изучение основных направлений формирования образа президента Сухарто в мемориальной культуре уммы современной Индонезии, 2) анализ особенностей восприятия режима «нового порядка» со стороны мусульманских активистов, который практически полностью ассоциируется с фигурой второго президента Индонезии, 3) изучение перспектив трансформации и развития образа Сухарто в современной политике коллективной исторической памяти мусульманской уммы и сложившейся на ее основе актуальной мемориальной культуре.

Эти факторы придают дополнительную актуальность изучению и анализу политики исторической памяти в современной Индонезии. К другим факторам, которые содействуют необходимости исследования вопросов политики памяти Индонезии через призму формирования, функционирова-

ния и развития образов президента Сухарто, мы можем отнести следующие. В современном мире наблюдаются тенденции к установлению авторитарных режимов или тех политических систем, которые с большим или меньшим успехом имитируют формы демократии и демократической модели развития, склоняясь к авторитарным моделям политической культуры. В этой ситуации постколониальные в прошлом социумы активно рефлексировали относительно собственного исторического опыта, который был связан с попытками установления национальных форм авторитаризма.

Современная Индонезия не является исключением из этого правила. Индонезийские политические элиты несмотря на то, что страна с конца 1990-х гг. развивается в рамках демократической модели, периодически выражает озабоченность угрозами авторитаризма – реальными и воображаемыми. Большинство представителей светских политических элит склонны видеть угрозы светскому политическому режиму со стороны радикального ислама, связывая именно с внесистемными исламистскими группами как угрозы демократии, так и установления авторитарного режима клерикального типа. Тем не менее, в современной Индонезии присутствует проблема дефицита демократии и демократических отношений в рамках сложившихся политических и общественных институтов. Например, до настоящего времени в стране запрещена деятельность Коммунистической партии. Кроме этого, не решена проблема национальных меньшинств, в первую очередь – китайцев.

В этой ситуации индонезийские интеллектуалы, представители либерального политического сообщества актуализируют в коллективной исторической памяти проблемы угроз и вызовов авторитаризма. В подобной ситуации актуализируется и многократно возрастает как роль коллективной исторической памяти, так и гражданская ответственность общественных активистов, которые выступают в качестве агентов исторической политики. Поэтому обращение в рамках политики памяти к образу президента Сухарто фактически становится неизбежным.

Во внимание следует принимать и то, что в современном российском востоковедении описанные выше проблемы, связанные с функционированием образов Сухарто и его авторитарного наследия, исследованы в незначительной степени. Впрочем, автор представленной статьи вынужден признать, что аналогичная ситуация сложилась с изучением индонезийской политики памяти в целом. В современной российской историографии вопросы исторической политики и развития коллективной памяти, проблемы участия политических элит в

реализации исторической политики, активность, место, значение и роль разного рода общественных активистов как агентов и форматоров мемориальной культуры – все эти вопросы относятся к числу малоизученных. Современными российскими историками, к сожалению, не проводятся регулярные исследования как исторической политики в Индонезии, так и тех мемориальных культур, которые формируются в рамках различных манипуляций с фактами прошлого, происходящих как со стороны политических элит, так и общественных активистов, светских и мусульманских интеллектуалов как основных участников, вовлеченных в проведение политики коллективной памяти.

Политика памяти в Индонезии

Индонезийская историческая политика коллективной памяти характеризуется целым рядом особенностей, которые позволяют выделять стратегии «проработки прошлого», применяемые индонезийскими политическими элитами и общественными активистами. В рамках исторической политики прошлое подвергается политизации и идеологизации, что содействует его инструментализации – превращению в эффективный мобилизационный ресурс. Если, как полагает австрийский историк Р. Линднер, «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [10 с. 21], то коллективная память представляет в еще большей степени зависимый конструкт.

Поэтому формирование мемориального канона в результате проведения политики памяти в современной Индонезии в значительной степени протекало отлично от аналогичных практик и стратегии, которые реализуются правящими элитами в других странах мира. Индонезийская политика памяти не имеет институциональных оснований, что превращает различного рода активистов, общественные движения как светской, так и мусульманской направленности в основных участников исторической политики. В целом, мы можем констатировать множественность участников мемориальной политики, что актуализирует параллельное соразвитие различных памятей, представленных как светскими, так и мусульманскими коллективными видениями прошлого. В Индонезии до демократизации конца 1990-х гг. две эти формы памяти развивались в разных условиях.

Светский канон был направлен на воспроизведение легитимности правящих элит в то время, как мусульманские версии истории были объектами маргинализации, не имея официального статуса. В этом отношении Индонезия в определенной степени актуализировала общие особенности в своем политическом развитии с другими недемократическими обществами, в которых «за пределами официального дискурса возникали неформальные

объединения, которые влияли на написание и изучение истории» [15, с. 364]. В Индонезии такой группой были мусульманские интеллектуалы, которые воспользовались демократизацией для легитимации собственной исторической памяти. В подобной ситуации, как и в других государствах, основная ответственность за проведение политики памяти ложится на средства массовой информации, которые в современном обществе аккумулируют представления о прошлом, ассимилируя достижения истории как науки, что позволяет формировать, развивать и изменять основные представления о прошлом и национальном историческом опыте Индонезии в коллективной памяти.

В подобной ситуации средства массовой информации не только превратились в форматора исторической памяти в создателя мемориального канона, но и принимают самое непосредственное участие в таком процессе как изобретение традиций. Изобретение традиций невозможно без создания пантеона отцов-основателей нации, что предусматривает периодическое или регулярное обращение к образу и опыту тех исторических деятелей, наследие которых, по мнению правящих элит или активистов исторической политики, необходимо для поддержания как гражданской идентичности, так и для развития коллективной памяти того или иного общества. Современная Индонезия не является исключением из этой универсальной логики как развития национализма, так как и инструментализации истории, ее интеграции в механизмы контроля над обществом в форме исторической политики.

Сухарто как объект исторической политики

Значительную роль в истории Индонезии второй половины XX века сыграл второй президент страны Сухарто, пришедший к власти в результате отстранения своего предшественника Сукарно, что позволило ему установить в стране авторитарный режим, основанный на борьбе с политической оппозицией, критиками и противниками формируемого нового авторитарного режима. На раннем этапе собственной истории «новый порядок», политический режим Сухарто, делал ставку на борьбу с коммунистами и левыми силами, используя энергию и политическую активность сторонников радикального ислама.

К концу своего существования политический режим Сухарто был вынужден пересмотреть свое отношение к исламу, интегрировав последний в механизм принятия и реализации решений, ответственный за воспроизводство лояльности и легитимности в рамках политической культуры. Тем не менее история отношений между политическим режимом Сухарто и исламом отличается значительными противоречиями. В Индонезии, как

стране со значительно ролью ислама в политической жизни, мусульманские интеллектуалы играют особую роль в формировании коллективной памяти и проведении исторической политики. Участие различных акторов в проведении мемориальной политики указывает на то, что историческая память в современном мире, включая Индонезию, функционирует как «многоуровневая информационная система, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надындивидуальной памяти» [11, с. 8], формируемые не только светскими игроками, но и мусульманскими интеллектуалами.

Комментируя особенности отношения интеллектуалов и власти, украинский историк И. Колэсник подчеркивает, что «историк всегда находится в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы... другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые... отстраняется от власти и государственных институтов, ведь настоящий интеллектуал всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму» [6, с. 9]. Мусульманские интеллектуалы в Индонезии вполне успешно использовали все три эти стратегии для проведения политики коллективной исторической памяти, в рамках реализации которой они не могут обойти вниманием фигуру второго президента Индонезии Сухарто.

В исторической памяти мусульманских интеллектуалов наследие и политика Сухарто получает самые различные оценки. С одной стороны, сторонники радикального ислама ставят в вину президенту преследование исламистов, фактическое подчинение мусульманских партий светским политическим группам, борьбу с мусульманскими критиками и противниками «нового порядка». С другой, умеренными исламистами в современной Индонезии признается то, что начиная с 1990-х гг., политический режим Сухарто подвергался постепенной и медленной, в значительной степени формальной, исламизации. К 1998 году, последнему году пребывания Сухарто у власти, взаимоотношения между исламистами и правящими политическими элитами в определенной степени были стабилизированы, что позволяет определять поздний индонезийский авторитаризм как умеренно происламский.

Тем не менее, в современной исторической политике фигура Сухарто остается крайне противоречивой. Особую роль в функционировании именно такого образа второго индонезийского президента играют мусульманские интеллектуалы. В этой ситуации версии исторической политики, выстраиваемые вокруг ислама, и те стратегии и так-

тики, которые используются мусульманскими интеллектуалами для проведения собственной политики коллективной памяти, нуждаются в изучении.

Негативизация образа Сухарто в современной мусульманской мысли

Несмотря на то, что современные общества «от прошлого хотят избавиться, что справедливо, так как в его тени жить невозможно» [16, р. 91], на актуальном этапе развития мемориальной культуры Индонезии в ее рамках сосуществуют и софункционируют различные образы Сухарто и проводимой им политики. Исходным моментом для ряда мусульманских интеллектуалов, которые активно принимают участие в исторической политике, формируя образы президента Сухарто, является озабоченность возможным кризисом индонезийской идентичности и коллективной памяти. Вероятно, руководствуясь тем, что в западной историографии редуцируется до «постколониальной перспективы», индонезийские агенты исторической политики склонны воспринимать историю как «лишь один из многих подходов к прошлому, осознавая, что существует много различных измерений прошлого вне истории» [4, с. 131], связанных, в том числе, и с ее персонификацией, которая в коллективной памяти Индонезии в отношении истории середины 1960-х – конца 1990-х гг. ограничена фигурой Сухарто.

Поэтому активистами политики памяти, которые вовлечены как в формирование, так и воспроизводство образов бывшего президента в мемориальной культуре, признается опасность ситуации, при которой основные ориентиры исторического образования ограничены «удовлетворением потребностей капиталистической индустрии, а не построением идентичности нации» [33]. Поэтому в мемориальной культуре образ Сухарто актуализируется регулярно, так как бывший президент, несмотря на противоречивость как его политики, так и наследия, относится к числу центральных фигур в истории Индонезии XX века, что делает невозможным функционирование коллективной исторической памяти без него. Мусульманские СМИ умеренно либеральной ориентации стремятся дистанцироваться от идеализации бывшего лидера, предпочитая не менее категоричные оценки, формирующие негативное восприятие Сухарто. Прошлое, как универсальный символический ресурс, подвержено инструментализации со стороны самых разных групп.

Индонезийские мусульманские интеллектуалы используют аналогичные стратегии манипуляции с прошлым, что превращает историю в относительно эффективный ресурс для «легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими

группами» [35, р. 470], чем и занимаются исторические активисты уммы, формируя образ Сухарто, который является приемлемым преимуществом для их собственного сообщества. Поэтому универсальной стратегией функционирования образа Сухарто в современной мемориальной культуре либеральной части уммы становится его деконструкция из исторической памяти, что проявилось и в попытке ревизии официальных торжеств в связи с 50-летием независимости в 1995 г. [18], что современными агентами политики памяти воспринимается как совокупность идеологических конструкций, направленных на актуализацию лояльности. Аирланга Прибади Кусман в связи с этим указывает, что в индонезийском обществе сохраняется ностальгия по периоду пребывания Сухарто у власти, чем пользуются его политические и идеологические наследники [26].

Рофи Али Маджид, например, категорически утверждает, что «история экономической жизни эпохи Нового порядка (1966-1998) началась и закончилась кризисом» [27]. Поэтому в вину Сухарто ставится то, что им была создана модель развития, определяемая в рамках современного либерального ислама как закрытая, авторитарная и хищническая [26], что содействует регулярному воспроизводству нарратива о коррупции [20] как системной особенности «нового порядка» в современной индонезийской исторической памяти.

Подобные нарративы в мемориальной культуре могли быть актуализированы только после падения режима Сухарто, демонтаж которого, как и других подобных ему авторитарных проектов, «представлял собой также дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» [2. С. 29], представленных в Индонезии мусульманскими версиями мемориальности. В исторической памяти Сухарто ассоциируется именно с авторитарными тенденциями, но и в этом контексте его образ воспринимается карикатурно, так как «в сравнении с Муссолини, Гитлером, Сталиным и предыдущими европейскими правителями его можно считать ребенком, так как он только подражал» [23]. В такой ситуации в мемориальной культуре «клановый капитализм, милитаризм, религиозное и этническое сектантство» [24] определяются как основные элементы наследия режима «нового порядка».

Образ Сухарто как антимусульманского лидера

Агенты современной исторической политики, формируя негативный образ Сухарто, указывают на то, что его политические стратегии не отличались оригинальностью. В частности, подчеркивается, что репрессивные меры «нового порядка» генетически коренились в инициативах Сукарно,

связанных, например, с внедрением принципов панчалисы, которые Сухарто стал применять против исламистов [25]. В современной политике памяти, проводимой либеральными мусульманскими интеллектуалами, симпатии в оценке отношений между «новым порядком» и исламистами явно оказываются на стороне последних. Мухаммад Икбал, например, связывает рост недовольства мусульман с решением Сухарто, принятым им в 1973 г., объединить все мусульманские группы и движения в одну Объединенную партию развития, что, по мнению современных активистов политики памяти, содействовала архаизации политического пространства, приближая его к временам доминирования Машуми [22] в качестве «зонтичной» организации сторонников политического ислама.

Активисты исторической политики в ее умеренной либеральной мусульманской версии указывают на опасность излишней позитивной идеализации Сухарто и времени «нового порядка». Подобные стратегии исторической политики, реализуемые мусульманскими интеллектуалами, указывают на то, что практически все группы современного общества «определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [1, с. 44]. В частности, Винду Юсуф, комментируя подобные публикации средств массовой информации, которые активно используют ресурс ностальгии, формулирует вопрос: «Где история?», отвечая на который вынужден признавать, что «в эпоху постправды прошлое легко реконструируется из фантазий, слухов, воспоминаний, полагаясь на эфемерную, лабильную, гибкую и эмоциональную память» [23].

По мнению В. Юсуфа коллективная память в этой ситуации оказалась очень выборочной, а культура памяти подвержена социальной и культурной амнезии. Поэтому индонезийцы предпочитают помнить, что Сухарто был «мусульманским героем», который не только «построил мечеть в Боснии», но и во время правления которого «мусульман защищали», игнорируя при этом то, «как стреляли по мусульманам во время инцидента в Танджунг Приок в 1984 г., как их заживо сжигали в Таланг Сари в 1991 г., как их убивали, пытали и насиловали в Ачехе с 1988 по 1998 год» [23]. В обществах подобных индонезийскому «обращение к прошлому является результатом стремления к терапевтической коррекции» [8, с. 419] коллективной исторической памяти, содержащей вынужденные воспоминания о насилии, что содействует виктимизации носителей подобной мемориальной культуры.

В мусульманской версии исторической памяти в связи с интерпретацией этих событий распространен нарратив, согласно которому «находившийся в то время у власти президент Республики Индонезия Сухарто, видимо, никогда не сожалел об инциденте в Танджунг Приок в 1984 году» [29]. Доминирование именно таких нарративов содействует формированию и воспроизводству негативного образа Сухарто, так как «режим “нового порядка” был свирепым, заставляя его политических противников замолчать навсегда» [17].

Развитие коллективной исторической памяти уммы именно в такой системе координат указывает на то, что «образ прошлого основан на непосредственном личностном опыте пережитого события» [12. С. 180], актуализация которого в мемориальной культуре индонезийских мусульман содействует виктимизации коллективной памяти. в рамках подобной модели развития исторической памяти прошлое может «восприниматься как нечто негативное, как тяжесть и отклонение от "нормального" пути», что ставит перед активистами мемориальной политики «задачу прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» [9, с. 37], чем фактически и занимаются мусульманские интеллектуалы, формирующие образы Сухарто, которые в большей степени соотносятся не с национальной памятью, но с мемориальной культуры верующей части уммы.

Антикоммунизм Сухарто в современной мемориальной культуре как попытка смягчения антимусульманской политики «нового порядка»

Негативизация отношения к Сухарто в мусульманской мемориальной культуре следует связывать с тем, что режим «нового порядка» запустил механизмы социальной и культурной модернизации, которая стимулировала постепенный отход от традиций ислама в условиях углубляющегося конфликта культурами [36]. Вместе с тем позитивные восприятия образа Сухарто в современной исторической памяти коренятся в особенностях идентичности Индонезии и той роли, которая принадлежит армии.

Легитимирующим и явно позитивным фактором для функционирования положительного образа Сухарто стало то, что он был выходцем не партийной, но военной среды. Такая ситуация в мемориальной культуре стала следствием того, что «политику и армию в Индонезии трудно разделить... лозунг о возвращении в казармы не является правильным лозунгом для военных в силу того, что армия родилась не от правительства, а от народа» [32], что и придает дополнительную легитимность наследию Сухарто в исторической памяти. Кроме этого, в мемориальной культуре Индо-

незии внимание акцентируется и на том, что приход к власти Сухарто, по мнению мусульманских интеллектуалов, был не только неизбежен, но и исторически прогрессивен.

Бамбанг Галих Сетиаван и вовсе объясняет установление «нового порядка» действием «Божественной силы», которая стимулировала «политические изменения, приведшие к падению режима “старого порядка” в результате конфликта, развязанного коммунистами, которые убили многих генералов» [36]. В такой ситуации фигура Сухарто в историческом воображении актуализирует почти мессианские функции, так как ему приписывается спасения Индонезии от коммунизма в силу того, что «политические амбиции и преступления “старого порядка” нанесли большой вред обществу и государству» [36]. Мусульманские интеллектуалы, используя в подобной ситуации, универсальные стратегии «вспоминание или забывания определенных мест, событий, участников истории» фактически делают «выбор героический или травматический памяти, который может определить не только отношения в обществе, но и наметить механизмы его модернизации» [5, с. 12], включая мемориальную культуру.

«Виктимизация ислама» как универсалия мусульманской мемориальной культуры

Поэтому современные либеральные мусульманские интеллектуалы в рамках своей мемориальной культуры воспринимают ислам как жертву политики «нового порядка». Изменения политики Сухарто в отношении ислама в начале 1990-х гг. объясняются не его верой, а исключительно рациональными политическими соображениями, так как лидер Индонезии осознал то, что «у мусульманской общины есть большой потенциал стать дополнительной силой для сохранения власти, отвлекая общество от предыдущих инцидентов, которые сделали группы сантри и улемов врагами государства» [30].

Несмотря на то, что на позднем этапе пребывания у власти Сухарто «решил, что в будущем ислам может стать более прочной политической основой. Это то, что заставило его изменить направление, чтобы быть более дружественным к исламу» [28], мусульманские интеллектуалы склонны продолжать воспринимать его наследие негативно, оценивая его через призму противостояния ислама и авторитарного режима. В подобной ситуации «историческая память помогает в создании общего прошлого и идеи единства, которая особенно важна в новых обществах, которые еще продолжают развивать политическое сообщество» [19, р. 426]. Последнее осознается и мусульманскими интеллектуалами, которые не в полной мере преодолели травмы коллективной маргинализации в период

«нового порядка» и, поэтому, заинтересованы в визуализации собственной роли в индонезийском обществе, включая суверенизацию истории ислама.

Комментируя особенности мемориальной культуры современных обществ, белорусский историк Г. Саганович подчёркивает, что «для развития исторической науки нужны, прежде всего открытость и демократические структуры, в которых наличие инакомыслия – явление естественное. Свободный и открытый обмен мнениями – основополагающее условие полноценного историографического процесса» [13, с. 186]. В Индонезии возможностями «открытости» воспользовались не только светские историки, но и мусульманские интеллектуалы, заинтересованные в пересмотре мемориальной культуры, включая – отношение к Сухарто. По мнению российского историка Н. Копосова, в западных социумах «модернизация привела к радикальным изменениям социальной структуры и исчезновению групп – носителей естественной памяти... прежде всего крестьянства – класса-памяти по преимуществу» [7, с. 61].

Индонезия, в свою очередь, имела несколько иной опыт модернизации, которая не разрушила мусульманскую основу общества, обеспечив последнее стабильными институтами передачи и воспроизводства коллективной памяти, сфокусированной, в том числе, и на формировании образов Сухарто. Последние в исторической памяти оказались чрезвычайно подверженным влиянию со стороны идеологической конъюнктуры. Поэтому бывшего президента от негативных оценок мусульманских авторов не спасает даже то, что он руководствовался в своей политике антикоммунистическими принципами, включающими «антимарксизм» и «антиленинизм» [21]. Кроме этого, позитивный образ Сухарто формируется в рамках стратегии его противостояния с индонезийскими левыми, которые в историческом воображении политического ислама воспринимаются в качестве той силы, которая взяла под контроль Сукарно.

В рамках такой мемориальной культуры воспроизводится положительный образ Сухарто как «спасителя» Индонезии от коммунизма. В связи с этим Бегги Ризкиянся противопоставляет Сукарно и главу КПИ Айдита, программа которого, направленная на борьбу против «семи деревенских демонов», включавших «злых помещиков, ростовщиков, долговых кабал, бюрократов-капиталистов, злых посредников, деревенских бандитов и злых правителей» [31], в силу ее идеологической аморфности воспринимается как антимусульманская. По мнению современных исследователей коллективной памяти, «мышление стереотипами боится демократизации и открыто-

сти» [14, с. 111], так как последние могут стимулировать пересмотр истории, что ведет к изменению мемориальных культур.

Комментируя особенности актуальной социальной и культурной ситуации, белорусский историк П. Барковски указывает на важность «продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [3, с. 95]. В Индонезии этим фактически занялись мусульманские интеллектуалы, поставив подобные тенденции в зависимость от решения их собственных задач, связанных с суверенизацией истории уммы путем ревизии образов Сухарто.

Образ Сухарто как проводника принудительной модернизации в мемориальной культуре уммы

Поэтому в современной политике памяти Индонезии заметны попытки отойти от идеологически мотивированного восприятия образа Сухарто, создав ему имидж технократа и управленца: «поскольку Сухарто удалось завладеть верховной властью и начал формироваться режим Нового порядка, его основной задачей стало восстановление экономики и развитие страны за счет краткосрочных и долгосрочных программ» [27].

В вину Сухарто ставится не только его спорная политика в сфере экономики, но и непоследовательность в отношении мусульман. Если на раннем этапе пребывания Сухарто у власти, как полагает Бегги Ризкиянса, мусульманские организации в период «нового порядка» пережили «огромные потрясения», хотя ранее они могли «приветствовать приход Сухарто, так как видели в нем надежду, антикоммунистического лидера, который избавил, например, Махаммадию от подавления со стороны “старого порядка”... но, к сожалению, Сухарто быстро изменился, у него появилась аллергия на политический ислам. Исламская политика в начале “нового порядка” сильно пострадала» [34]. В рамках такой мемориальной культуры мусульманские агенты исторической политики категорически несогласны с тем, что Сухарто стремился заставить верующих мусульман принять положения панчасилы, в чем они видят покусения на веру в единого Бога как основной принцип ислама. Критика Сухарто не протекает исключительно в рамках религиозного нарратива.

Мусульманские интеллектуалы в формировании негативного образа второго президента Индонезии могут применять и вполне рациональные, светские аргументы, связанные с экономикой. Экономические программы в современной политике памяти получают негативную оценку, вос-

принимаясь как неэффективные в силу того, что они гарантировали неравномерную «интеграцию Индонезии в глобальный капитализм и процветание альянса, состоящего из деловых, военных и политических кругов», что привело к росту противоречий внутри режима Сухарто между экономистами-технократами, которые стремились проводить «политику дерегулирования и отделения экономики от политической сферы» и профессиональными политиками, вовлеченными в «разграбление экономических ресурсов со стороны бизнеса и политических группы» [26], ассоциируемых в коллективной памяти непосредственно с Сухарто.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые в современной исторической политике коллективной памяти и формируемой в ее рамках мемориальной культуре определяют основные векторы и траектории функционирования образов Сухарто и ассоциируемого с ним режима «нового порядка».

Для функционирования образа Сухарто в исторической памяти современной Индонезии характерна определенная динамика. Начиная с конца 1990-х гг., на волне процессов политической демократизации и деконструкции институтов «нового порядка», по мере проведения демократических выборов и развития электоральной и политической культуры отношение к Сухарто носило в определенной степени негативный характер. В этом период основной тенденцией была деконструкция авторитарного наследия из пространств коллективной исторической памяти и политической идентичности индонезийского общества. Вместе с тем, признавались его заслуги в развитии экономики страны, хотя в вину бывшему президенту регулярно вменялось создание коррупционной системы и свертывание демократических свобод. В подобном восприятии были солидарны как светские, так и мусульманские интеллектуалы, активно вовлеченные в проведение исторической политики. Начиная с середины 2000-х гг. отношение со стороны светских и мусульманских интеллектуалов к фигуре Сухарто постепенно начинает меняться. Если светские авторы предпочитали формировать и продвигать в исторической памяти и мемориальной культуре умеренно негативный образ Сухарто, признавая его заслуги в развитии индонезийской экономики, но указывая на авторитарные и антидемократические тенденции, то отношение мусульманских авторов становится более разнообразным.

Интеллектуалы, связанные с уммой, подобно светским агентами исторической политики, ставили в вину Сухарто преследования гражданских и политических активистов, предпочитая, правда,

писать о том, что жертвами «нового порядка» могли становиться сторонники политического ислама. При этом мусульманские интеллектуалы предпочитали умалчивать то, что многие жертвы репрессивной политики были сторонниками радикального ислама и практиковали радикальные методы в борьбе против режима Сухарто. Кроме этого, мусульманские авторы стремились использовать образ Сухарто для решения своих собственных задач, применяя его для формирования, консолидации и укрепления собственной мусульманской мемориальной культуры, что, по их мнению, должно было содействовать суверенизации истории ислама в более широких исторических контекстах политического опыта Индонезии XX века. Поэтому мусульманские авторы, формируя и продвигая умеренно негативный образ Сухарто, стремились позиционировать его как преимущественно противника независимого политического ислама.

Вместе с тем, по мере изменения самой политики «нового порядка» в отношении мусульман и менялось восприятие образа Сухарто со стороны более поздних мусульманских интеллектуалов, которые в 2000-2020-е гг. рефлексировали относительно опыта своих предшественников в период «нового порядка». Если в условиях активной демократизации конца 1990-х – начала 2000-х гг. политическая тактика Сухарто в отношении мусульман могла определяться как преимущественно неправильная, то последующие попытки сближения «улыбающегося диктатора» со сторонниками политического ислама, инициирование создания новых мусульманских организаций, совершение Сухарто хаджа, его попытки собственного позиционирования в обществе в качестве верующего мусульманина – все эти меры в исторической памяти воспринимались как позитивные факторы, которые содействовали пересмотру более раннего негативного образа президента Сухарто, который сложился среди индонезийских сторонников политического ислама.

Таким образом, в истории развития образов Сухарто в мусульманской исторической политике мы можем выделить два этапа, ознаменованных, с

одной стороны, определенной весьма умеренной демонизацией и доминированием негативного восприятия, а, с другой, попытками ревизии наследия Сухарто в направлении исламизации. В целом восприятие Сухарто в индонезийской исторической политике носит конъюнктурный и ситуативный характер, завися от идеологической динамики, характерной для индонезийского общества. Не представляется возможным исключать, что политические активисты, вовлеченные в реализацию политики памяти, будут и в дальнейшем периодически актуализировать как образ Сухарто, так и созданного им режима «нового порядка».

Подобные манипуляции с коллективной памятью будут проводиться не для консолидации исторической памяти и не для развития мемориальной культуры, но для решения конъюнктурных политических задач, которые будут стоять перед теми или иными силами и группами индонезийского общества. В этой ситуации фигура Сухарто в политической памяти Индонезии фактически разделяет судьбу других лидеров XX века, которые установили авторитарные политические режимы, что содействует множественному восприятию их политического и идеологического наследия в обществах-наследниках и политических культурах, сложившихся в результате демократизации. Поэтому периодическое обращение к образу Сухарто в мемориальной культуре Индонезии свидетельствует о достаточно стабильной коллективной памяти, которая сложилась в обществе.

Вместе с тем, рефлексии агентов политики исторической памяти в отношении Сухарто стимулируют процессы внутренней политической и идеологической фрагментации в силу того, что наследие «нового порядка» воспринимается крайне различно светскими политиками и мусульманскими интеллектуалами. Сохранение подобной дихотомии в будущем будет сохраняться в мемориальной культуре Индонезии, что автоматически превращает фигуру Сухарто и его наследие не только в объект интеллектуальных дискуссий и рефлексий, но и в причину мемориальных фрагментаций и конфронтаций индонезийского общества.

Литература

1. Акудовіч А., Казакевіч А. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 44 – 48.
2. Аўтўэйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27 – 43.
3. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. № 21. С. 93 – 96.
4. Доманська Е. Рятувальна історія // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2017. Вип. 9. С. 129 – 144.
5. Иванова Е. Консенсуси на българската памет // Минало несвършващо: Теренно изследване "Топоси на историческата памет" / ред. Е. Иванова. София: Нов български университет, 2011. С. 7 – 34.

6. Колесник І. Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2017. Вип. 9. С. 9 – 24.
7. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57 – 93.
8. Кръстев Д. Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна: LiterNet, 2003. С. 416 – 449.
9. Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка // Палітычная сфера. 2016. № 24 (1). С. 37 – 55.
10. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. №3. С. 20 – 25.
11. Макаров А.И. Историческая память: конструкция или реконструкция? // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 4 – 10.
12. Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1 – 2. С. 179 – 212.
13. Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў // Беларускі Гістарычны Агляд. 2013. Т. 20. Сш. 1 – 2. С. 186. С. 173 – 188.
14. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2010. Т. 17. Сш. 1 – 2. С. 89 – 116.
15. Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // Ab Imperio. 2003. No 2. С. 361 – 392.
16. Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past // Adorno Th. Critical Models: Interventions and Catchwords / trans. H.W. Pickford. NY.: Columbia University Press, 2005. P. 89 – 103.
17. Ahsan I. Pengeboman BCA 1984, Soeharto, dan Islam // Tirto. 2017. Oktober 4. URL: <https://tirto.id/pengeboman-bca-1984-soeharto-dan-islam-cxNc> (дата обращения: 08.06.2023)
18. Ardanawati I. HUT RI ke-50: Pameran Kejayaan Orde Baru Menjelang Keruntuhannya // Tirto. 2020. Agustus 17. URL: <https://tirto.id/hut-ri-ke-50-pameran-kejayaan-orde-baru-menjelang-keruntuhannya-fYvH> (дата обращения: 08.06.2023)
19. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. No 3. P. 425 – 448.
20. Debora Y. Di Luar Paradise Papers, Berapa Banyak Harta Keluarga Soeharto? // Tirto. 2017. November 7. URL: <https://tirto.id/di-luar-paradise-papers-berapa-banyak-harta-keluarga-soeharto-czM6> (дата обращения: 08.06.2023)
21. Firdaus M. Peran Soekiman Wirjosandjojo di Muhammadiyah // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2022. November 9. URL: <http://jejakislam.net/peran-soekiman-wirjosandjojo-di-muhammadiyah/> (дата обращения: 08.06.2023)
22. Iqbal M. NU, PPP, dan Represi Orde Soeharto kepada Islam // Tirto. 2017. Maret 11. URL: <https://tirto.id/nu-ppp-dan-represi-orde-soeharto-kepada-islam-ckx2> (дата обращения: 08.06.2023)
23. Jusuf W. Haul Soeharto, Kaum Bersejarah, dan Kaum Tuna Sejarah // Tirto. 2017. Maret 11. URL: <https://tirto.id/haul-soeharto-kaum-bersejarah-dan-kaum-tuna-sejarah-ckv3> (дата обращения: 08.06.2023)
24. Jusuf W. Kongsi Dagang Keluarga Soeharto dan Junta Militer Myanmar // Tirto. 2017. Mei 22. URL: <https://tirto.id/kongsi-dagang-keluarga-soeharto-dan-junta-militer-myanmar-cpc8> (дата обращения: 08.06.2023)
25. Jusuf W. Upaya Soeharto Mengklaim Pancasila dari Sukarno // Tirto. 2017. Juni 1. URL: <https://tirto.id/upaya-soeharto-mengklaim-pancasila-dari-sukarno-cpMt> (дата обращения: 08.06.2023)
26. Kusman A. Soeharto Dalang Segala Bencana dan Ketimpangan Sosial di Indonesia // Tirto. 2018. November 23. URL: <https://tirto.id/soeharto-dalang-segala-bencana-dan-ketimpangan-sosial-di-indonesia-danW> (дата обращения: 08.06.2023)
27. Majid R.A. Sejarah Kehidupan Ekonomi Masa Orde Baru dan Kebijakan Soeharto // Tirto. 2023. April 18. URL: <https://tirto.id/sejarah-kehidupan-ekonomi-masa-orde-baru-dan-kebijakan-soeharto-gEdg> (дата обращения: 08.06.2023)
28. Matanasi P. Benarkah Soeharto Memusuhi Islam dan Mengapa Ia Berubah? // Tirto. 2017. Maret 10. URL: <https://tirto.id/benarkah-soeharto-memusuih-islam-dan-mengapa-ia-berubah-ckrR> (дата обращения: 08.06.2023)
29. Raditya I. Sejarah Tragedi Tanjung Priok: Kala Orde Baru Menghabisi Umat Islam // Tirto. 2019. September 12. URL: <https://tirto.id/sejarah-tragedi-tanjung-priok-kala-orde-baru-menghabisi-umat-islam-cwpi> (дата обращения: 08.06.2023)
30. Raditya I. Soeharto dan Isu Agama di Tubuh Tentara // Tirto. 2018. Januar 26. URL: <https://tirto.id/soeharto-dan-isu-agama-di-tubuh-tentara-cDNA> (дата обращения: 08.06.2023)

31. Rizkiyansyah B. Bara Diakhir Babak: Menjelang September 1965 // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. September 27. URL: <http://jejakislam.net/bara-diakhir-babak-menjelang-september-1965/> (дата обращения: 08.06.2023)
32. Rizkiyansyah B. Jenderal Sudirman, Militer dan Umat Islam // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. November 23. URL.: <http://jejakislam.net/jenderal-sudirman-militer-dan-umat-islam/> (дата обращения: 08.06.2023)
33. Rizkiyansyah B. Umat Islam dan sejarah 1965 // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. October 5. URL.: <http://jejakislam.net/umat-islam-dan-sejarah-1965/> дата обращения: 08.06.2023)
34. Rizkiyansyah B. Yang Sederhana, Yang Mengena: Dakwah Pak AR // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2018. September 12. URL: <http://jejakislam.net/yang-sederhana-yang-mengena-dakwah-pak-ar/> (дата обращения: 08.06.2023)
35. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // *Ab Imperio*. 2004. № 1. P. 467 – 486.
36. Setiawan B. Langkah Dakwah Hamka dari Masjid Al-Azhar // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. August 2. URL: <http://jejakislam.net/langkah-dakwah-hamka-dari-masjid-al-azhar/> (дата обращения: 08.06.2023)

References

1. Akudovich A., Kazakevich A. Navuka i stratjegii pracy z minulym. Dyskusija Ź mezhah seminara «Suchasnae belaruskae myslenne», Instytut sacyjalogii, Instytut filozofii NAN, 16 sakavika 2006 goda. Palitychnaja sfera. 2006. № 6. S. 44 – 48.
2. AŹtŹejt Ź., Rjej L. Madjernasc', pamjac' i postkamunizm. Palitychnaja sfera. 2006. № 6. S. 27 – 43.
3. BarkoŹski P. Intjelektual'ny manifest: tut i cjaper. Palitychnaja sfera. 2013. № 21. S. 93 – 96.
4. Domans'ka E. Rjatuval'na istorija. Ejdos. Al'manah teorii ta istorii istorichnoŹ nauki. 2017. Vip. 9. S. 129 – 144.
5. Ivanova E. Konsensusi na b#lgarskata pamet. Minalo nesv#rshvashho: Terenno izsledvane "Toposi na istoricheskata pamet". red. E. Ivanova. Sofija: Nov b#lgarski universitet, 2011. S. 7 – 34.
6. Kolesnik I. UkraŹn'skij istorik i vlada: vid primusu do partnerstva. Ejdos. Al'manah teorii ta istorii istorichnoŹ nauki. 2017. Vip. 9. S. 9 – 24.
7. Koposov N. Istoricheskie ponjatija v mire bez budushhego. Kak my pishem istoriju. otv. red. G. Garreta, G. Djufo, L. Pimenova. M.: ROSSPJeN, 2013. S. 57 – 93.
8. Kr#stev D. Kanon i/ili agon. Literaturnoistoricheskite (re)konstrukcii. Kultura i kritika. T. 3. Kraijat na modernostta? s#st. A. Vacheva, G. Chobanov. Varna: LiterNet, 2003. S. 416 – 449.
9. LastoŹski A. PrapracoŹka kamunistychnaga minulaga Ź Slavakii: asnoŹnyja faktary i dinamika. Palitychnaja sfera. 2016. № 24 (1). S. 37 – 55.
10. Lindner R. Njasmennasc' i zmeny Ź postsaveckaj gistaryjagrafii Belarusi. Kantakty i dyjalogi. 1996. №3. S. 20 – 25.
11. Makarov A.I. Istoricheskaja pamjat': konstrukcija ili rekonstrukcija? Istoricheskaja jekspertiza. 2014. № 1. S. 4 – 10.
12. Markava A. Gistarychnaja svjadomasc' jak pradmet samarjefleksii Ź chjeshskaj gistaryjagrafii. Belaruski Gistarychny Agljad. 2012. T. 19. Ssh. 1 – 2. S. 179 – 212.
13. Saganovich G. Bezuladdze i praŹladnasc' belaruskich gistorykaŹ. Belaruski Gistarychny Agljad. 2013. T. 20. Ssh. 1 – 2. S. 186. S. 173 – 188.
14. Saganovich G. Tanjenberg. Grunval'd. DubroŹna 1410: simvalizacyja bitvy Ź Belarusi. Belaruski Gistarychny Agljad. 2010. T. 17. Ssh. 1 – 2. S. 89 – 116.
15. Cviklinski S. Tatarizm vs bulgarizm: «pervyj spor» v tatarskoj istoriografii. *Ab Imperio*. 2003. No 2. S. 361 – 392.
16. Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past. Adorno Th. Critical Models: Interventions and Catchwords. trans. H.W. Pickford. NY.: Columbia University Press, 2005. R. 89 – 103.
17. Ahsan I. Pengeboman BCA 1984, Soeharto, dan Islam. Tirto. 2017. Oktober 4. URL: <https://tirto.id/pengeboman-bca-1984-soeharto-dan-islam-cxNc> (data obrashhenija: 08.06.2023)
18. Ardanawari I. HUT RI ke-50: Pameran Kejayaan Orde Baru Menjelang Keruntuhannya. Tirto. 2020. Aguest 17. URL: <https://tirto.id/hut-ri-ke-50-pameran-kejayaan-orde-baru-menjelang-keruntuhannya-fYvH> (data obrashhenija: 08.06.2023)
19. BrŹggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia. *Nationalities Papers*. 2008. Vol. 36. No 3. R. 425 – 448.

20. Debora Y. Di Luar Paradise Papers, Berapa Banyak Harta Keluarga Soeharto? Tirta. 2017. November 7. URL.: <https://tirto.id/di-luar-paradise-papers-berapa-banyak-harta-keluarga-soeharto-czM6> (data obrashhenija: 08.06.2023)
21. Firdaus M. Peran Soekiman Wirjosandjojo di Muhammadiyah. Jejak Islam Untuk Bangsa. 2022. November 9. URL: <http://jejakislam.net/peran-soekiman-wirjosandjojo-di-muhammadiyah/> (data obrashhenija: 08.06.2023)
22. Iqbal M. NU, PPP, dan Represi Orde Soeharto kepada Islam. Tirta. 2017. Maret 11. URL: <https://tirto.id/nu-ppp-dan-represi-orde-soeharto-kepada-islam-ckx2> (data obrashhenija: 08.06.2023)
23. Jusuf W. Haul Soeharto, Kaum Bersejarah, dan Kaum Tuna Sejarah. Tirta. 2017. Maret 11. URL: <https://tirto.id/haul-soeharto-kaum-bersejarah-dan-kaum-tuna-sejarah-ckv3> (data obrashhenija: 08.06.2023)
24. Jusuf W. Kongsi Dagang Keluarga Soeharto dan Junta Militer Myanmar. Tirta. 2017. Mei 22. URL: <https://tirto.id/kongsi-dagang-keluarga-soeharto-dan-junta-militer-myanmar-cpc8> (data obrashhenija: 08.06.2023)
25. Jusuf W. Upaya Soeharto Mengklaim Pancasila dari Sukarno. Tirta. 2017. Juni 1. URL: <https://tirto.id/upaya-soeharto-mengklaim-pancasila-dari-sukarno-cpMt> (data obrashhenija: 08.06.2023)
26. Kusman A. Soeharto Dalang Segala Bencana dan Ketimpangan Sosial di Indonesia. Tirta. 2018. November 23. URL: <https://tirto.id/soeharto-dalang-segala-bencana-dan-ketimpangan-sosial-di-indonesia-danW> (data obrashhenija: 08.06.2023)
27. Majid R.A. Sejarah Kehidupan Ekonomi Masa Orde Baru dan Kebijakan Soeharto. Tirta. 2023. April 18. URL: <https://tirto.id/sejarah-kehidupan-ekonomi-masa-orde-baru-dan-kebijakan-soeharto-gEdg> (data obrashhenija: 08.06.2023)
28. Matanasi P. Benarkah Soeharto Memusuhi Islam dan Mengapa Ia Berubah? Tirta. 2017. Maret 10. URL: <https://tirto.id/benarkah-soeharto-memusuhi-islam-dan-mengapa-ia-berubah-ckrR> (data obrashhenija: 08.06.2023)
29. Raditya I. Sejarah Tragedi Tanjung Priok: Kala Orde Baru Menghabisi Umat Islam. Tirta. 2019. September 12. URL.: <https://tirto.id/sejarah-tragedi-tanjung-priok-kala-orde-baru-menghabisi-umat-islam-cwpi> (data obrashhenija: 08.06.2023)
30. Raditya I. Soeharto dan Isu Agama di Tubuh Tentara. Tirta. 2018. Januar 26. URL: <https://tirto.id/soeharto-dan-isu-agama-di-tubuh-tentara-cDNa> (data obrashhenija: 08.06.2023)
31. Rizkiyansyah B. Bara Diakhir Babak: Menjelang September 1965 // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. September 27. URL: <http://jejakislam.net/bara-diakhir-babak-menjelang-september-1965/> (data obrashhenija: 08.06.2023)
32. Rizkiyansyah B. Jenderal Sudirman, Militer dan Umat Islam. Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. November 23. URL.: <http://jejakislam.net/jenderal-sudirman-militer-dan-umat-islam/> (data obrashhenija: 08.06.2023)
33. Rizkiyansyah B. Umat Islam dan sejarah 1965. Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. October 5. URL.: <http://jejakislam.net/umat-islam-dan-sejarah-1965/> data obrashhenija: 08.06.2023)
34. Rizkiyansyah B. Yang Sederhana, Yang Mengena: Dakwah Pak AR. Jejak Islam Untuk Bangsa. 2018. September 12. URL: <http://jejakislam.net/yang-sederhana-yang-mengena-dakwah-pak-ar/> (data obrashhenija: 08.06.2023)
35. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland. Ab Imperio. 2004. № 1. R. 467 – 486.
36. Setiawan B. Langkah Dakwah Hamka dari Masjid Al-Azhar. Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. August 2. URL: <http://jejakislam.net/langkah-dakwah-hamka-dari-masjid-al-azhar/> (data obrashhenija: 08.06.2023)

*Kirchanov M.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor),
Voronezh State University*

**Images of Soeharto and the "new order" regime in the modern
culture of the historical memory of Indonesian Islam**

Abstract: the purpose of the study is to analyze the modern Muslim politics of memory in Indonesia, which forms the images of the former President Soeharto. The author analyzes the role and place of Muslim memorial culture as a factor in the development of historical politics. The novelty of the study lies in the study of the current stage in the development of the historical policy of the Indonesian society in contexts of an objective lack of interdisciplinary works focused on the analysis of the memorial cultures of Southeast Asia. The article shows that 1) public Muslim activists as agents of the politics of memory of modern Indonesian society make a significant contribution to the development and transformation of memorial culture, 2) the spectrum of memorial practices of Muslim intellectuals varies from the formation of a moderately negative image of Soeharto to attempts to sovereignize the Islamic collective memory, 3) the participation of Muslim authors in memorial policy contributes to the parallel co-development of various competing forms of historical memory and versions of memorial culture based on the actualization of traumatic experience in collective historical memory, which is constructed through the prism of perception of Soeharto's heritage. It is assumed that the role of the Ummah as a participant in historical politics and an agent of the development of collective memory in modern Indonesia will increase, and the politically active part of the community of Muslim intellectuals will use the mechanisms of the policy of collective historical memory to update the role of Islam both in the history of Indonesia and in modern political life.

Keywords: Indonesia, Soeharto, "new order", collective memory, Muslim intellectuals, historical politics, memorial culture

For citation: Kirchanov M.V. Images of Soeharto and the "new order" regime in the modern culture of the historical memory of Indonesian Islam. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 73 – 84.

Received: May 19, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Тугужекова В.Н., доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Южносибирский филиал Института истории материальной культуры Российской академии наук,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Ахремчик О.Г., член Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ России),
член ВОО «Русское географическое общество»*

Союз театральных деятелей Хакасии в 1990-2023 гг.

Аннотация: история культурного развития Хакасии имеет определенные временные вехи, которые небезынтересны с точки зрения понимания социальных и культурных процессов, происходивших и происходящих в республике. Одной из них является 1991 год, когда Хакасская автономная область Красноярского края была преобразована в Хакасскую Советскую Социалистическую Республику в составе Российской Федерации, а затем в Республику Хакасия. Союз театральных деятелей Хакасии, как флагман творческих союзов и всей творческой интеллигенции активно включился в работу по оказанию помощи театральному сообществу в экономически сложный переходный период. Благодаря активным действиям председателей СТД Хакасии Союз сумел сохранить свою роль и влияние, а также способствовал «ребрендингу», формированию нового имиджа территории и ее узнаваемости. Все это является одним из факторов увеличения влияния республики на всероссийском уровне в настоящее время. Делается вывод, что тридцатилетняя история СТД Хакасии изобилует сложными и, порой драматичными страницами, однако, активная творческая и социальная позиции, помощь Министерства культуры РХ и СТД РФ позволяют говорить об СТД РХ как одной из главных творческих общественных организаций в республике.

Ключевые слова: Республика Хакасия, история творческих союзов, Союз театральных деятелей РХ, СТД, председатель СТД, Виктор Коков. Олег Рябенко, Светлана Чаптыкова, Министерство культуры Хакасии

Для цитирования: Тугужекова В.Н., Ахремчик О.Г. Союз театральных деятелей Хакасии в 1990-2023 гг. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 85 – 92.

Поступила в редакцию: 27 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

В условиях экономического, политического и иноцивилизационного давления становится очевидным, что дальнейшее развитие Российской Федерации и Республики Хакасии как ее субъекта возможно в случае, когда одним из важнейших национальных приоритетов станет культура. В современном культурном целеполагании Хакасии на первом месте стоит формирование культурной самоидентификации населения. Это можно проследить, анализируя культурную политику Республики Хакасия начиная с 1991 года. До этого времени Хакасская автономная область находилась в составе Красноярского края, что негативно сказывалось на ее экономическом и культурном развитии. Из 83 направлений, которые определяли деятельность местного хозяйства, край доверял области занимать свою позицию только по четырем направлениям: во-первых, планирование капитальных вложений местных Советов; во-вторых, планирование валового объема производства сельхозпродуктов; в-третьих, количество учащихся; в-четвертых, число киносеансов. То есть, имея полный штат аппарата областных органов управления, Хакасия фактически была отстранена от решения

собственных насущных хозяйственных и социально – культурных вопросов. Финансовые и материальные ресурсы ее полностью зависели от краевых органов [4. с. 100-107]. 3 июля 1991 года Хакасская автономная область Красноярского края была преобразована в Хакасскую Советскую Социалистическую Республику в составе Российской Федерации (с 1992 г. – Республика Хакасия). Эта дата стала отправной точкой для самостоятельного развития культуры национального субъекта. Культура как самостоятельная отрасль экономики уже многократно доказала, что она может являться одним из стратегических приоритетов социально-экономического развития региона. Как развитие экономики определяет уровень финансового и материально-технического обеспечения культуры, так и культура влияет на экономику через совершенствование интеллектуального и образовательного потенциала людей, занятых в сфере материального производства, через создание конкретных рабочих мест, служит источником развития СМИ, туризма, индустрии развлечений. Большую роль в данном процессе играют творческие союзы как объединения людей, сохраняющих, использующих

и создающих материальное и нематериальное культурное наследие, способствующих художественному образованию и творчеству. Самый многочисленный и старейший творческий союз – Союз театральных деятелей. Осознание всех перечисленных факторов не могло не повлечь за собой исследовательский интерес к культурным процессам, происходящим в театральной среде Хакасии в новейшее время. Исследованиями в данной области занимались М. Алехина, Н.Я. Артамонова, С. Вахтангишвили, О. Караяниди, Э.М. Кокова, Г.Г. Котожеков, Л. Полежаева, И.С. Самохвалов, С.Н. Селигеева, Ю.К. Троякова, В.Н. Тугужекова, С.С. Чаптыкова, М.П. Чебодаева, Т.Ф. Шалгинова, В.Ф. и Л.К. Шлык и др. Однако, каждое исследование было сфокусировано либо на персоналиях, либо на конкретном театре или событии. И это вполне оправданно, учитывая эмоциональное и содержательное воздействие последних. На наш взгляд важно исследование организующей и консолидирующей роли СТД и его председателей, исследование, посвященное современной деятельности этой организации, её участию и влиянию на культурный контекст региона. Источниковой базой настоящего исследования являются материалы Государственного архива РХ, публикации в СМИ, официальный сайт Правительства РХ, Министерства культуры РХ и др.

Театральное общество – это одна из старейших и авторитетнейших общественных организаций в России. Традиции помощи артистам и организация профессиональных мероприятий всегда оставались краеугольным камнем существования общества. Годом основания ВТО принято считать 1885 г., когда был утвержден устав Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям, с 1 октября 1894 г. общество было названо Русским театральным обществом. В 1928 г. переименовано в ВТО. На XV съезде ВТО, проходившем 28 - 30 октября 1986 г. и ставшем I съездом СТД РСФСР, было принято решение о преобразовании ВТО в Союз театральных деятелей РСФСР (СТД РСФСР), с 15 января 1992 г. переименован в СТД РФ. 22 октября 1996 г. в соответствии с законодательством РФ решением III съезда СТД РФ переименован в Общественную организацию СТД РФ. 23 октября 2001 г. решением IV съезда СТД РФ переименован в Общероссийскую общественную организацию СТД РФ (ВТО)) [11]. СТД Хакасии работает в рамках Устава СТД РФ и согласно этого Устава организует и проводит региональные, межрегиональные и международные фестивали, смотры, конкурсы, выставки и конференции по актуальным проблемам сценического искусства, лаборатории и

семинары по вопросам теории и практики театра. Способствует исследовательской работе по истории и теории театра, организует приезд в республику театральных критиков и в целом способствует организации театрального дела в Хакасии. До 1990 года хакасское отделение входило в состав Красноярского ВТО. (Всероссийское театральное общество). Первыми уполномоченными Хакасского отделения Всероссийского театрального общества были В. Рубинова (1946-1948), В. Фролов (1949-1950), С. Гладких (1951-1954). Актёр М. Бельский был членом президиума ВТО РСФСР. Членами правления ВТО РСФСР были актриса А. Тодикова (1959-1960), А. Щукин (1965-1968), Н. Богатова (1968-1978, 1981-1985), Д. Килижеков (1978-1981) [10, с. 121]. На волне изменений в политической жизни республики и в ее социально-культурных институтах стала очевидной необходимость выйти из состава Красноярского отделения ВТО и обрести самостоятельность. На 1989 год в составе первичного отделения было 45 человек. При поддержке Михаила Ульянова – *Председателя Союза театральных деятелей РФ* (1986-1996 гг.), на общем учредительном собрании в Абакане 19 мая 1990 г. было принято решение о создании хакасское отделение СТД РФ. Именно эта дата считается днем создания СТД Хакасии. Первым председателем был избран актёр Хакасского республиканского драматического театра Виктор Сергеевич Коков. Виктор Сергеевич родился 20 марта 1950 г. в городе Прокопьевске Кемеровской области. В 1974 г. окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК) и вернулся в Хакасию. Сейчас на счету Виктора Сергеевича без малого 50 лет служения театру и более сотни театральных работ. Чтобы понять какой объем работ лег на плечи молодого председателя какие вызовы предложила ему эпоха обратимся к архивным материалам. В нашем распоряжении есть Годовой план Министерства культуры Республики Хакасия за 1993 год. Пятый раздел плана называется «Поддержка профессионального искусства», где обозначено, что в театрально – концертной деятельности в республике наметилось немало негативных ситуаций, тормозящих развитие этих видов искусства, вызывающих серьезные опасения за судьбу национальной культуры. К ним относятся: ослабление учреждениями искусства своей воспитательной и просветительной функции, отсутствие значительных режиссерских работ, актерских удач, общее падение уровня профессионализма и, как следствие, снижение зрительского интереса [12. Л. 7]. Далее

министерство культуры учитывая изложенное, а также общее состояние духовной культуры России в целом и Хакасии в частности предлагает осуществление специальной программы в области национального театрального искусства с последующим ее развитием и совершенствованием. Главными задачами определены создание нормальных экономических условий существования, развитие лучших традиций хакасского музыкального и театрального искусства, создание театрального музея в национальном театре, организация в театре малых форм «Читиген» фольклорно – эстрадного ансамбля, создание исторического фильма с участием артистов хакасского театра, осуществление постановок пьес хакасских драматургов и пьес с использованием фольклорного материала, а так же для повышения квалификации работников театров направить 31 человека на учебу в театральные институты Москвы, Санкт-Петербурга, Алма-Аты и Бишкека [13. Л. 7-8]. Согласно Приложения, к Программе развития и сохранения Хакасской национальной культуры в рамках Года коренных народов мира в 1993, подписанного министром культуры В.Г. Чаптыковым на раздел «Поддержка профессионального искусства» было выделено 13 миллионов рублей [14, Л. 9]. Здесь необходимо учитывать инфляционные процессы 90-х годов. Например, согласно статистике Росстата десяток куриных яиц в 1992 г. стоил 87.10, в 1992 г. 827.07, а в 1994 г. – 2657.27 руб. [7]. Поэтому пусть нас не обманывает миллионная сумма, выделенная на поддержку театрального искусства. Осуществление всех планов было поставлено в задачу, в том числе и В.С. Кокову. Он был бессменным руководителем СТД Хакасии в самые сложные для него годы с 1990 по 1998. В то же время Виктор Коков продолжает заниматься творчеством. В 1990 году, за роль Бахтия в спектакле «Абахай Пахта» по пьесе А. Чапрая, исполненной на сцене Театра на Таганке, актёр был удостоен Государственной премии Министерства культуры Российской Федерации, в 1997 г. стал лауреатом XI Международного фестиваля кукол в городе Шарлевиль-Мезьер (Франция) за участие в спектакле «Кёоре-Сарыг и змея» Хакасского театра кукол «Сказка». Но главную свою заслугу Виктор Сергеевич видел в том, что ему удалось сплотить работников театрального искусства, укрепить контакты с региональными отделениями. В одном из интервью он рассказывает, что в 1992 году возник проект проведения первого Сибирского фестиваля национальных театров с участием представителей ВТО регионов России и театральных критиков г.

Москвы. Инициативу поддержали общественные организации, учреждения и любители театрального искусства, меценаты» [10, с. 122]. Приоритетными задачами Председателя СТД Хакасии в эти годы было поддержать артистов материально, сохранить творческие коллективы, препятствовать сепарации. В 1992 г. произошло разделение труппы, в результате которого возникли два театра: театр им. М.Ю. Лермонтова с русской труппой и театр им. А.М. Топанова с хакасской. 25 февраля 1994 г. на коллегии Министерства культуры Республики Хакасия Художественный руководитель хакасского театра Э.М. Чаркова поставила вопрос о статусе национальный для хакасского театра, мотивируя тем, что любая национальная драматургия должна подкрепляться как-то материально, что нет средств на художественные переводы, нужна постоянно действующая лаборатория, чтобы осуществлять перевод на 2-3 международных языка и осуществить перевод на хакасский язык всей классики. Нужна лаборатория по созданию национальных костюмов, необходимо работать с писателями и для того, чтобы ставить музыкальные спектакли нужны средства [15, Л. 4]. Виктор Сергеевич, понимая, что это приведет к дальнейшему размежеванию театров, что негативно скажется на общем климате в коллективах и на их продуктивности, высказался против придания статуса, он отмечал, что ранее это вопрос не поднимался ни в прессе, ни в СТД и он, как председатель, настаивает на том, чтобы прежде, чем выносить это вопрос на Коллегию, нужно обсуждать его в СТД. «Я проголосовал против, я знаю все об этом театре. Театр не нашел свою колею, свое направление, он не родился, он в зачатии. Нужно провести ревизию внутри театра, кто и за что получает, кто отрабатывает, а кто нет. Не нагнетать внутри театра и между группами обстановку. На сегодняшний день разделение (театров) ничего не дало. В театре не нужно открывать новые формулы. Нужно обращаться к своим корням. Поэтому правление СТД решило, что не нужно ущемлять один театр и поднимать другой» [16, Л. 5]. Принципиальная и миротворческая позиция В.С. Кокова по данному и другим вопросам снискали ему глубокое уважение не только среди коллег в Хакасии и театральных коллективах других регионов, но и среди властных структур. В 1996 г. он был приглашён на должность заместителя министра культуры Республики Хакасия, а в 1997 г. стал министром культуры РХ. С 1998 по 2005 г. председателем СТД Хакасии был Олег Рябенко, актёр и режиссёр Русского республиканского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова.

Он, так же, как и В.С. Коков выпускник ЛГИТМиК только на четыре года позже. Сразу после защиты дипломного спектакля он приезжает в Абакан и всю творческую энергию посвящает театру. В 1993 г. он становится Заслуженным артистом Российской Федерации, а с 1994 по 2004 – художественным руководителем Русского драматического театра. Олег Иванович создал более двадцати спектаклей, он трижды организовывал участие русского театра на Международном фестивале русских театров стран Балтии и ближнего зарубежья [5]. Одним из своих достижений на посту руководителя СТД Олег Иванович считал целевой набор студентов из Хакасии в Санкт-Петербургскую театральную академию для Русского драматического театра. «Я знал, что театр должен пополняться «свежей кровью» – молодостью, энергией, задором, желанием иметь какую-то перспективу и работать на эту перспективу. Всё прошло удачно. Для какого бы театра, русского или хакасского, не набирали курс в академию, активное участие в этом принимает СТД. Любые лаборатории, приезды критиков, организационные вещи – все ложится на плечи союза, который никогда не отказывал актёрам в обучении, консультации. Что касается материальных вещей, то через центральный аппарат Союз театральных деятелей Хакасии помогает актёрам в лечении, которое сейчас достаточно дорогое. В СТД, как правило, служат не сторонние люди, они привязаны к театру и работают со знанием дела, с пониманием многих нюансов. Здесь не работают с восьми до пяти, как в офисе: люди пока не наработаются, домой не уходят. Иногда актёры собираются в Союзе в свободное время, чтобы поговорить о театре и о жизни» [10, с. 123]. Продолжая эту традицию, в текущем году Российский государственный институт сценических искусств проводит очередной целевой набор студентов из Хакасии. С 24 по 28 июня 2023 г. на базе театра им. М.Ю. Лермонтова пройдут конкурсные прослушивания в Российский Государственный институт сценических искусств по специальности «Артист драматического театра и кино». Проводить прослушивания будут педагоги из Санкт-Петербурга во главе с профессором кафедры актёрского искусства РГИСИ, заслуженным работником культуры РФ Владимиром Васильевичем Норенко. Набор на бесплатное обучение осуществляется при поддержке Министерства культуры России по инициативе Правительства Хакасии и Министерства культуры Хакасии [8]. С 2005 г. по настоящее время СТД Хакасии возглавляет артистка Хакасского национального

драматического театра им. А.М. Топанова, заслуженная артистка Республики Хакасия (1992), Заслуженная артистка Российской Федерации (2000), Народная артистка Республики Хакасия (2015), лауреат Государственной премии Министерства культуры РФ Чаптыкова Светлана Семеновна, она, также как и предыдущие председатели выпускница ЛГИТМиК. 12 октября 2015 г. в драматическом театре г. Абакана состоялся юбилейный концерт «Четверть века...», посвященный 25-летию Союза театральных деятелей Республики Хакасия. на сайте правительства Республики Хакасия был опубликован релиз, посвященный этому событию. В релизе председатель СТД РХ Светлана Семеновна Чаптыкова указывает, что на 2015 год в союзе состоит 69 человек и это не только актеры, но и драматурги, режиссеры, художники, актеры, макетчики, столяры, бутафоры, заведующие литературной частью и заведующие труппой и многие другие. Программа праздничного вечера была разделена на официальную часть, литературный и театральный блоки. Коллег, членов Союза театральных деятелей, с юбилеем поздравили гости из Горного Алтая, Республики Тыва, Красноярска [3]. Юбилейная дата – это возможность подвести некоторые итоги, получить обратную связь от коллег по цеху, от зрителей и от учредителей. Услышать не только поздравления и благодарности, но и конструктивные замечания, которые помогут скорректировать дальнейший курс. Председатель Союза театральных деятелей России А.А. Калягин в поздравительной телеграмме отметил, что «на сегодняшний день Союз театральных деятелей Российской Федерации объединяет 77 региональных отделений и среди них, отделение Республики Хакасия – одно из самых молодых. С первых же дней хакасское отделение завоевало любовь и признание среди всех, кому дорог театр и все, что с ним связано. И такое трепетное отношение, уважение к Творческому Союзу родилось благодаря людям, которые возглавляли его в самом начале творческого пути и тем, кто принял эстафету от своих замечательных предшественников. Это уважаемые в республике люди, прекрасные артисты, режиссеры, много сделавшие для развития театрального искусства в республике и для того, чтобы о прекрасной земле хакасов, земле мифов и легенд узнало как можно больше людей в России и далеко за ее пределами» [6]. Министр культуры Республики Хакасия Светлана Анатольевна Окольниковна, отмечая успехи СТД Хакасии акцентировала внимание на том, что Союз театральных деятелей Хакасии объединяет четыре профессиональных театра. И

благодаря инициативе СТД в республике проводятся театральные конкурсы и фестивали, способствующие сохранению национальной самобытности, которые касаются и актуальных проблем сценического искусства. Летом 2015 г. открылась детская театральная школа с изучением хакасского языка – и это тоже заслуга правления СТД Хакасии [2]!

Подводя итоги, теперь уже более чем тридцатилетней истории Хакасского отделения СТД РФ стоит отметить, что в составе СТД Хакасии на апрель 2023 г. числится 99 человек из четырёх профессиональных театров Хакасии – Хакасского национального драматического театра имени А.М. Топанова, Русского республиканского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова, Хакасского театра драмы и этнической музыки «Читиген», Хакасского национального театра кукол «Сказка» и Дома литераторов. Это актеры, режиссеры, драматурги, постановщики, работники цехов и другие увлеченные театром люди. Благодаря активной творческой и человеческой позиции председателей СТД Хакасии, начиная с 1990 года и до сегодняшнего дня – это самый многочисленный творческий союз в республике, живой и развивающийся. Членам СТД выделяются творческие путёвки на все-российские фестивали, на участие в лабораториях известных российских и зарубежных режиссеров. СТД Хакасии не только организует, совместно с Министерством культуры РХ фестивали «Волшебные кулисы» и «Белая юрта» («Ах иб»), но и проводит Лабораторию драматургов Хакасии, различные конкурсы, творческие встречи, готовит цикл передач на радио и телевидении. Союзом театральных деятелей Хакасии оказывается социальная поддержка малым сёлам республики, библиотекам, школам. Проводятся благотворительные творческие встречи, показы спектаклей для детей, для юных зрителей детского дома «Теремок». Активную деятельность ведет и библиотека СТД Хакасии по сбору книг для социально незащищённых детей, для сельских библиотек. Такая активная социальная и творческая позиции позволили СТД Хакасии стать флагманом творческих союзов в республике. Безусловно, театральной интеллигенции всегда были присущи высокий уровень креативности и умение донести нужный «massage» до зрителя, однако, здесь стоит отметить финансовую, методическую и организационную поддержку, оказываемую этому творческому союзу со стороны федерального СТД и со стороны местной

власти – Министерства культуры РХ. Огромную методическую и организационную помощь оказывал и продолжает оказывать своим региональным отделениям Союз театральных деятелей России. Как уже упоминалось выше, Председатель СТД РФ М. Ульянов поддержал создание СТД Хакасии в 1989 г. В экономически нестабильные годы перестройки за его подписью вышло несколько статей в центральных газетах, в том числе и открытое обращение к президенту Б.Н. Ельцину с просьбой ослабить налоговое давление на общественные организации [9, с. 5]. СТД РФ разрабатывает и рассылает на места методические рекомендации по подготовке отчетно-выборных собраний и конференций, организуемых местными организациями, а также тезисный план выступлений для председателей [17, Л. 101-119], СТД поддерживает и помогает своим региональным отделениям генерировать творческие связи с другими профессиональными союзами: Союзами писателей, художников, композиторов, образовательными институтами и в партнерстве развивать собственные направления в области драматургии, театральной критики, готовить профессиональные кадры. Укреплению творческих контактов уделяется большое внимание, этому способствуют международные и всероссийские фестивали, гастроли и т.д. ну и конечно, невозможно не отметить, инициированную СТД РФ Государственную программу «Государственная стипендия молодым деятелям культуры и выдающимся деятелям культуры». Секретариатом СТД РФ в 2008, 2015, 2018 годах по программе для СТД Хакасии выделены государственные стипендии: В. Шлыку, О. Чебодаеву, С. Чаптыковой С. Селигевой Т. Шалгиновой А. Тюкпиекову М. Кыстояковой, М. Чаптыковой, К. Чаптыкову, Ю. Тинниковой, А. Саможикову, С. Саможиковой. Стипендии были направлены на издание книг, буклетов, нот, переводы и выставки, подготовку творческих программ, исследовательскую работу [10, с. 126-127]. Для анализа поддержки театрального направления в РХ возьмем данные финансирования, предоставленные Министерством культуры за 2014 год по результатам реализации государственной программы Республики Хакасия "Культура Республики Хакасия (2013-2015 годы)".

Финансирование театров РХ в 2014 г. за счет средств республиканского и федерального бюджетов [1].

Таблица 1

№	Учреждение	Наименование выполненных мероприятий за отчетный период	Финансирование (тыс. руб. в текущих ценах)
	Хакасский национальный театр кукол «Сказка»		9350,0
		Международный День кукольника	100,0
		Фестиваль "Чир Чайаан"	2900,0
		Проведение крупных театрально-зрелищных мероприятий, юбилей театра	100,0
		Приобретение спец. микроавтобуса	2485,0
		Проведение крупных театрально-зрелищных мероприятий. Фестиваль в Каннах	765,0
		Приобретение автобуса	3000,0
	Хакасский театр драмы и этнической музыки «Читиген»		885,57
		Гастроли по РФ	230,57
		Постановка спектакля	250,0
		Приобретение легкового автотранспорта	305,0
		Гастроли по РХ	100,0
	Хакасский национальный драматический театр им. А.М. Топанова		4979,882
		Гастроли по РХ	31,2
		Участие в фестивале	488,686
		Проведение Новогодней елки	100,0
		Приобретение светового оборудования	4050,0
		Постановка спектакля	309,996
	Русский республиканский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова		6654,00
		Международный День театра	100,0
		Ремонт санитарных комнат	100,0
		Участие в фестивале	380,82
		Приобретение светового оборудования	2093,0
		Приобретение грузового автомобиля и доп. оборудования	2360,0
		Кап. ремонт кровли здания театра	1000,0
		Новогодняя елка для одаренных детей	140,0
		Приобретение оборудования	100,0
		Постановка спектакля	240,0
		Гастроли по Хакасии	45,48
		Гастроли по РФ	94,70

Приведенные данные свидетельствуют о внимательном отношении министерства к нуждам и потребностям театрального сообщества. В данном исследовании нет необходимости приводить сравнительные таблицы по финансированию литературного, художественного или композиторского объединений, отметим лишь, что в связи с многочисленностью, активной творческой и социальной позициям, исторически – сложившейся традицией и практикой театральному направлению в республике уделяется серьезное внимание. Если отно-

ситься к культуре как к агенту развития экономики, то познакомившись с историей и деятельностью творческих союзов, и СТД Хакасии в частности, можно использовать его способность синергизировать творческую активность для подготовки карты культурного ресурса и культурного потенциала республики, а далее, используя управленческие технологии СТД РФ и Министерства культуры РХ сформировать специфику места, улучшить имидж территории, стать местом притяжения для туристов и местного сообщества.

Литература

1. Министерство культуры РХ: [сайт]. URL: <http://culture19.ru/> Информация о реализации государственной программы Республики Хакасия "Культура Республики Хакасия (2013-2015 годы)" за январь-декабрь 2014 года п/п «Поддержка и развитие современного искусства Республики Хакасия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: // Программы / Министерство культуры Республики Хакасия (culture19.ru) (дата обращения: 02.06.2023)
2. Министерство культуры РХ: [сайт]. URL: <http://culture19.ru/> Министр культуры поздравляет Союз театральных деятелей Хакасии с 25-летним юбилеем/ 12.10.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: // Министерство культуры Республики Хакасия (culture19.ru) (дата обращения: 24.05.2023)
3. Правительство Республики Хакасия: [сайт]. URL: <https://r-19.ru> Союз театральных деятелей Хакасии отмечает 25-летний юбилей релиз от 9.10.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: //Правительство Республики Хакасия (дата обращения: 24.05.2023)
4. Реутов Е.В. К истории преобразования административного статуса Хакасии в середине 1980-х – начале 1990-х годов Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 100 – 107.
5. Русский театр имени М.Ю. Лермонтова [сайт]. URL: <http://lermontovtheatre.ru/> Олег Рябенко – Русский театр имени М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс]. Режим доступа: // (lermontovtheatre.ru) (дата обращения: 30.05.2023)
6. Союз театральных деятелей Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://stdrf.ru> Официальный сайт (stdrf.ru) Новости | СТД РФ (stdrf.ru) Опубликовано 08.10.2015 (дата обращения: 24.05.2023)
7. Средние потребительские цены по Российской Федерации в 1992-2007 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 26.05.2023)
8. Театр им. М.Ю. Лермонтова: [сайт]. URL: <https://vk.com> (дата обращения: 30.05.2023)
9. Ульянов М.А., Минфин против культуры. Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину. Культура № 40, 15 октября 1994 г.
10. Чаптыкова С.С. Союз театральных деятелей Республики Хакасия (30 лет со дня создания) Хакасия – 2020: календарь знаменательных и памятных дат / М-во культуры Респ. Хакасия, ГБУК РХ «НБ им. Н.Г. Доможакова», ГКУ РХ «Национальный архив»; сост. И.Н. Андреева. Абакан, 2019. 187 с.; С. 126 – 127.
11. РГАЛИ. Путеводитель. Выпуск 8. 2004. Ф. 970, Оп. 15. Л. 17-26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/27635> (дата обращения: 25.05.2023)
12. ЦГАРХ Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.
13. ЦГАРХ Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 16. Л. 7-8.
14. ЦГАРХ Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.
15. ЦГАРХ Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.
16. ЦГАРХ Ф. Р-771. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
17. ЦГАРХ Ф. -940. Оп. 1. Д. 7. Л. 101-119.

References

1. Ministerstvo kul'tury RH: [sajt]. URL: <http://culture19.ru/> Informacija o realizaciji gosudarstvennoj programmy Respubliki Hakasija "Kul'tura Respubliki Hakasija (2013-2015 gody)"za janvar'-dekabr' 2014 goda p/p «Podderzhka i razvitie sovremennogo iskusstva Respubliki Hakasija». [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Programmy. Ministerstvo kul'tury Respubliki Hakasija (culture19.ru) (data obrashhenija: 02.06.2023)
2. Ministerstvo kul'tury RH: [sajt]. URL: <http://culture19.ru/> Ministr kul'tury pozdravljaet Sojuz teatral'nyh dejatelej Hakasii s 25-letnim jubileem/ 12.10.2015 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Ministerstvo kul'tury Respubliki Hakasija (culture19.ru) (data obrashhenija: 24.05.2023)
3. Pravitel'stvo Respubliki Hakasija: [sajt]. URL: <https://r-19.ru> Sojuz teatral'nyh dejatelej Hakasii otmechaet 25-letnij jubilej reliz ot 9.10.2015 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Pravitel'stvo Respubliki Hakasija (data obrashhenija: 24.05.2023)
4. Reutov E.V. K istorii preobrazovanija administrativnogo statusa Hakasii v seredine 1980-h – nachale 1990-h godov Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 10 (191). Isto-rija. Vyp. 39. S. 100 – 107.
5. Russkij teatr imeni M.Ju. Lermontova [sajt]. URL: <http://lermontovtheatre.ru/> Oleg Rjabenko – Russkij teatr imeni M.Ju. Lermontova [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: (lermontovtheatre.ru) (data obrashhenija: 30.05.2023)
6. Sojuz teatral'nyh dejatelej Rossijskoj Federacii: [sajt]. URL: <http://stdrf.ru> Oficial'nyj sajт (stdrf.ru) Novosti | STD RF (stdrf.ru) Opublikovano 08.10.2015 (data obrashhenija: 24.05.2023)

7. Srednie potrebitel'skie ceny po Rossijskoj Federacii v 1992-2007 gg. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: [\(gks.ru\)](http://(gks.ru)) (data obrashhenija: 26.05.2023)
8. Teatr im. M.Ju. Lermontova: [sajt]. URL: [https://VKontakte \(vk.com\)](https://VKontakte.com) (data obrashhenija: 30.05.2023)
9. Ul'janov M.A., Minfin protiv kul'tury. Prezidentu Rossijskoj Federacii B.N. El'cinu. Kul'tura № 40, 15 ok-tjabrja 1994 g.
10. Chaptykova S.S. Sojuz teatral'nyh dejatelej Respubliki Hakasija (30 let so dnja sozdanija) Hakasija – 2020: kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat. M-vo kul'tury Resp. Hakasija, GBUK RH «NB im. N.G. Domozhakova», GKURH «Nacional'nyj arhiv»; sost. I.N. Andreeva. Abakan, 2019. 187 s.; S. 126 – 127.
11. RGALI. Putevoditel'. Vypusk 8. 2004. F. 970, Op. 15. L. 17-26 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/27635> (data obrashhenija: 25.05.2023)
12. CGARH F. R-771. Op. 1. D. 16. L. 7.
13. CGARH F. R-771. Op. 1. D. 16. L. 7-8.
14. CGARH F. R-771. Op. 1. D. 16. L. 9.
15. CGARH F. R-771. Op. 1. D. 24. L. 4.
16. CGARH F. R-771. Op. 1. D. 24. L. 5.
17. CGARH F. -940. Op. 1. D. 7. L. 101-119.

*Tuguzhekova V.N., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor, Leading Research Officer,
South Siberian Branch of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
N.F. Katanov Khakass State University,
Akhremchik O.G., Member of the Russian Committee of the International
Council of Museums (ICOM Russia),
Member of the Russian Geographical Society*

The Union of theater workers of Khakassia 1990-2023

Abstract: the history of the cultural development of Khakassia has certain time milestones that are not without interest from the point of view of understanding the social and cultural processes that have been and are happening in the Republic. One of them is 1991 when Khakass Autonomous Region of Krasnoyarsk Kray was transformed into Khakass Soviet Socialist Republic within the Russian Federation, and then into the Republic of Khakassia. Union of theatrical workers of Khakassia, as a flagship of the creative unions and the entire creative intelligentsia was actively involved in helping the theatrical community in an economically difficult transition period, managed to maintain its role and influence, as well as contributed to the "rebranding", the formation of a new image of the territory, recognition and as a consequence the influence of the republic at the all-Russian level nowadays. The conclusion is made that the thirty-year history of the UTW of Khakassia is full of complicated and sometimes dramatic pages, however, active creative and social position, help of the Ministry of Culture and the UTW of the Russian Federation allow to speak about the UTW as one of the main creative public organizations in the republic.

Keywords: Republic of Khakassia, history of the culture, history of creative unions, Union of Theater Workers of the Republic of Khakassia, social and cultural processes, Chairman of the Union, Viktor Kokov, Oleg Ryabenko, Svetlana Chaptykova, Khakassia Ministry of Culture

For citation: Tuguzhekova V.N., Akhremchik O.G. The Union of theater workers of Khakassia 1990-2023. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 85 – 92.

Received: May 27, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Хизриев А.Х., кандидат исторических наук, доцент,
Давудгаджиев Х.М.,
Дагестанский государственный университет*

**Особенности британской системы «завуалированного протектората»
как прототип современного неокOLONиализма**

Аннотация: в предлагаемой статье предпринимается попытка рассмотреть особенности системы «завуалированного протектората» в Египте в 1882-1914 гг., являвшейся частью всей системы британского колониализма, и провести аналогии с современным мироустройством, характеризуемым многими исследователями как неокOLONиализм. Здесь предлагается рассмотреть «завуалированный протекторат» как прообраз для создания современных неокOLONиальных методов управления зависимыми странами, возникших после крушения классической колониальной системы. При этом приводятся в сравнение те инструменты влияния, которые применялись как британцами сто лет назад, так и Соединёнными Штатами сегодня. Предполагается, что в свете актуальности этой проблемы сегодня и попыток многих стран преодолеть доминирование западного мира в большинстве регионов планеты, аргументы, приведённые в статье, будут вполне рациональными. Основной задачей является показать, что в современной геополитике имеются примеры применения подобных инструментов влияния в событиях вековой давности, которые вполне могли использоваться современными западными элитами как образец сохранения влияния в той ситуации, когда статус управляемой страны не предусматривает прямой аннексии данной территории.

Ключевые слова: «завуалированный протекторат», колониальная система, неокOLONиализм, великие державы, Великобритания, Франция, США, инструменты влияния, финансово-экономическое влияние

Для цитирования: Хизриев А.Х., Давудгаджиев Х.М. Особенности британской системы «завуалированного протектората» как прототип современного неокOLONиализма // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 93 – 98.

Поступила в редакцию: 26 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

В современном постколониальном мире принято считать, что колониализм как таковой уже изжил себя, ознаменовавшись стремительным распадом колониальной системы после Второй мировой войны. Ключевая роль СССР в победе над нацизмом явилась определяющей в наметившихся тенденциях по развалу колониальной системы в мире и утрате влияния её основных бенефициаров – Великобритании и Франции. Однако в конце XIX – начале XX вв. для таких перспектив не было никаких предпосылок. Начавшаяся в последней трети XIX в. эпоха империализма, как её охарактеризовал основатель советского государства В.И. Ленин, казалось, наоборот, закрепляла колониальный раздел мира, в котором суверенных государств осталось не более нескольких десятков. Более того, в этот раздел активно включились и такие державы как Германия, США и Япония, не успевшие к разделу мира и желавшие отхватить свой «кусочек пирога», что впоследствии и привело к Первой мировой войне, которая разразилась вследствие попыток перераспределения мировых богатств.

Наиболее успешно свою колониальную империю построила Великобритания, отхватившая себе самые богатые и стратегически важные регионы

мира, в ряду которых настоящими «жемчужинами» оказались Индия, обладавшая несметными сокровищами с самой древности, и Египет, лежавший на стратегически важных коммуникациях на пути из Англии в Индию. Для Лондона зона Суэцкого канала представляла жизненно важный интерес с конца XVIII в., и власти Туманного Альбиона крайне забеспокоились, когда Наполеон Бонапарт осуществил Египетскую кампанию 1798-1801 гг. Британцы никак не могли себе позволить потерю такого стратегически важного коммуникационного узла, так как это создавало бы прямую угрозу её путям в Индию. В общей сложности стратегия Лондона определялась поддержанием установленной им «красной линии»: Гибралтар – Мальта – Кипр – Аден – Калькутта. Такая сеть британских военно-морских баз известна под названием «линии жизни», которая стала средоточием геополитических позиций Британской колониальной империи в конце XIX – первой половине XX века [3].

В результате решительных действий и сложных дипломатических комбинаций Лондону удалось вынудить французов покинуть Египет и начать активное проникновение туда. Проблему составляло только то, что Египет являлся всё ещё про-

винцией Османской империи, хотя подчинение было больше номинальным. Начался таким образом долгий процесс финансово-экономической экспансии. Чтобы отторгнуть Египет от юрисдикции Стамбула, британцам пришлось применить весь комплекс военных, политических и финансовых мер, чтобы каким-либо образом оказывать прямое и косвенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Османской империи, чтобы, в конечном счёте, вынудить Стамбул отказаться от прав на Египет [10].

В результате ведения такой политики Англии совместно с французскими властями удалось навязать Египту внешнее финансовое управление, установив двойственный контроль над египетской экономикой. Строительство и открытие Суэцкого канала в 1869 г., погрузившие страну в безнадёжную долговую яму, ускорило эти процессы, завершившиеся несостоятельностью и банкротством египетского правительства при хедах Мухаммеде Саиде и Исмаиле. Для решения данной проблемы в интересах европейских столиц правительства стран-кредиторов вынудили Исмаила создать так называемый «европейский кабинет» в состав которого вошли представители западных финансовых кругов для сбалансирования египетского бюджета и поиска дополнительных источников дохода, чтобы осуществить необходимые выплаты по европейским ценным бумагам.

Засилье иностранцев в Египте вызвало бурю недовольства как в правящих кругах, так и среди простого населения страны, что в конечном счёте привело к возникновению патриотических сил во главе движения ватанистов и последовавшему за этим восстанию офицеров и солдат Каирского гарнизона во главе с полковником Ахмедом Ораби в 1881-1882 гг. Несмотря на угрозу иностранному присутствию в Египте вследствие вспыхнувшей революции, британские власти расценили эти события как повод для интервенции, чтобы окончательно решить египетский вопрос в свою пользу, вытеснив оттуда Францию. Применяв военную силу, выразившуюся в бомбардировке Александрии 11 июля 1882 г. и разгроме войск орабистов у Телль-аль-Кебира 13 сентября 1882 г. [4], британские войска полностью оккупировали Египет и принялись за установление особой формы контроля.

Важно отметить, что именно Северная Африка стала основным объектом европейского колониализма на Ближнем Востоке до Первой мировой войны, так как помимо британской оккупации Египта, французами был захвачен Тунис в 1881 г., итальянцами – Ливия в 1911 г., а в 1912 г. был установлен франко-испанский протекторат над Марокко. Объяснялось это прежде всего тем, что

североафриканские провинции Османской империи, воспользовавшись географическим удалением от Стамбула, первыми вышли из реального подчинения турецкому султану, превратившись в фактически независимые владения во главе местных правителей, в отличие от земель в Сирии, Месопотамии и Хиджазе, расположенных ближе к имперскому центру и испытавших в полной мере на себе влияние реформ Танзимата 1839-1876 гг., будучи тесно интегрированы в политическую и экономическую жизнь османского государства. По сути, арабские провинции Передней Азии являлись полноценными провинциями, в то время как североафриканские земли – вассальными территориями османского султана [5].

Всё это стало решающим фактором того, Египет и остальные османские провинции в Северной Африке стали относительно лёгкой добычей колониальных империй, что не вызвало серьёзного сопротивления со стороны Стамбула. Однако, захватив Египет, британские власти оказались перед серьёзной проблемой определения статуса этой территории, так как официальная аннексия её от Османской империи и включение в состав Британской империи вызвали бы противодействие других европейских столиц, а также окончательный разрыв отношений со Стамбулом, которому Лондон навязал в своё время договор о свободном движении британских товаров на всей территории Османской империи. Решая главную для себя задачу – контроль над Суэцким каналом и сохранение торговых преференций в регионе, – англичане оставили проблему решения юридического статуса Египта на неопределённый срок. Основной задачей теперь стало создание такой системы контроля над Египтом, при котором англичане в любом случае оставались бы реальными хозяевами страны [8].

Надо сказать, что наибольшее недовольство британским захватом Египта проявляла Франция, которая ещё со времён наполеоновской кампании 1798-1801 гг. имела преимущественное влияние на египетские элиты, дети которых отправлялись на учёбу в Париж и проникались французской культурой и французскими идеями просветительства. Будучи не в состоянии противодействовать оккупации Египта Англией в 1882 г., Франция осуществила прямой колониальный захват Туниса, Алжира и других африканских территорий, пытаясь таким образом компенсировать утрату контроля над зоной Суэцкого канала, построенного по инициативе французского дельца Ф. Лессепса. Негодование французских властей вследствие потери политического и экономического влияния на Каир и нежелание англичан вследствие этого провоцировать Париж на активное противодействие бри-

танскими оккупации вынудило Лондон создать уникальную систему колониального управления Египтом, которую впоследствии историки назовут «завуалированным протекторатом».

Начало этой системе положил назначенный британским правительством комиссар по переустройству Египта, являвшийся в то время послом Великобритании в Стамбуле, лорд Дафферин. Занявшись изучением и оценкой финансового положения страны, он сделал вывод, что положение египетской экономики далеко не столь безнадежное, как было представлено ранее европейскими кредиторами, и составил подробный отчет, который был впоследствии принят за основу и определил стратегию для проведения дальнейших долгосрочных реформ в стране. Выполняя поручение Уайтхолла, требовавшего учесть деликатную ситуацию с британским военным присутствием, он также заложил основы такой системы управления в стране, которая устанавливала прямое подчинение Каира Лондону через институт британского генерального консульства, не объявляя об официальном отторжении Египта от Османской империи, флаг которой продолжал развеваться над государственными учреждениями Каира [12]. Такое предположение подтверждают и донесения британского посла в Российской империи Э. Торнтона, писавшего министру иностранных дел лорду Гренвиллу, что по мнению российской газеты «Новое время» проще всего для Лондона будет аннексировать Египет в любом статусе, что будет также началом решения затянувшегося Восточного вопроса [16].

Аннексия Египта могла бы привести к разрушению всей международной системы соглашений между европейскими державами о разделе сфер своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке [2], что однозначно могло привести к крупному мировому конфликту. Учитывая такую конъюнктуру международных отношений того времени, лорду Дафферину, а после него лорду Кромеру, назначенному в 1883 году генеральным консулом в Египте, фактически правившим этой страной до 1907 года, удалось наладить такую систему контроля над экономикой и политическими силами Египта, что уже не было острой необходимости англичанам придавать какой-либо официальный статус присутствию своих войск в зоне Суэцкого канала [6].

Как следствие, страна, официально продолжавшая оставаться частью разваливающейся Османской империи, по сути, превратилась в «компанию трёх партнёров» – Англии, Франции и Турции, главенствующую роль в которой играли англичане. Однако внешне в Египте мало что изменилось, страной продолжал управлять наслед-

ственный правитель – хедив – из династии Мухаммеда Али, который продолжал уплачивать ежегодную дань османскому султану [7]. Таким образом, Египет был включён в британскую систему экономических отношений с полным контролем над политическими элитами страны и военным присутствием, что позволяло осуществлять колониальное управление страной, не прибегая к аннексии, закреплённой основополагающим документом.

Фактически можно смело утверждать, что это было прологом к созданию современной системы неокOLONIALИЗМА, пришедшей на смену колониальной системе во второй половине двадцатого столетия, когда уже не требуется прямой военный захват и официальное включение определённой территории в состав крупной державы. Достаточно применять рычаги косвенного управления, частью которого является как навязывание неравноправных торговых договоров, так и подкуп местных элит в виде финансирования определённых социально-экономических проектов. Как выразился академик Ф.А. Ротштейн, «английская оккупация Египта была первым экспериментом новейшей колониальной политики под эгидой финансового капитала» [Цит. по: 6].

На первый взгляд такое утверждение кажется достаточно смелым и не совсем корректным, учитывая, что Англия, несмотря на то что так и не определилась со статусом Египта в системе Британской империи, всё же напрямую управляла этой страной, имея также там внушительный воинский контингент, обеспечивавший безопасность путей из Средиземного моря в Красное. Однако интерес вызывает то, какие механизмы всё же были применены, чтобы дезавуировать колониальный характер британского присутствия в Египте.

Если говорить об официальном статусе Египта, то, как говорилось выше, он продолжал оставаться частью Османской империи с особыми правами. Британцы не имели своего губернатора или спецпредставителя в этой стране: на самом деле с этими функциями успешно справлялся генеральный консул в Каире, номинально подчинявшийся английскому послу в Стамбуле. Лондон был вынужден отказаться от идеи объявить Египет британской колонией и искать альтернативные формы сохранения колониального господства с применением обходных механизмов, которые не позволили бы другим заинтересованным державам каким-либо образом ущемлять интересы британского правительства.

В этом контексте следует отметить, что в конце XIX – начале XX в., в отличие от других великих держав, США в указанный период оказывали дипломатическую поддержку Великобритании как в

Египте, так и в других частях планеты. Вашингтон одним из приоритетов своей внешней политики стал видеть укрепление союзнических отношений с Великобританией. При этом Госдепартамент получил прямое указание оказывать всяческую поддержку Лондону в его внешнеполитических акциях [9]. В первую очередь это касалось поддержки англичан в англо-бурской войне 1899-1902 гг., когда американское правительство любезно предложило Уайтхоллу представлять их интересы в Претории, дав указание своему консулу взять на себя данную миссию «как это обычно принято, в духе дружественности и нейтралитета» [14].

Конечно же первое, что гарантировало единоличное господство британцев в Египте – это крупный воинский контингент. Но этого было недостаточно, чтобы эффективно управлять этой территорией, не провоцируя противодействие не только простого народа, но и местных элит. Здесь заметную помощь оказали различные финансово-экономические инструменты, включавшие в себя не только закабаление Египта с элементами внешнего управления, но и подкуп местных элит, в которых преобладала турецко-черкесско-албанская знать, на представителей которой у англичан имелись различные механизмы воздействия, включая наличие компрометирующего материала.

Как отмечают многие современные исследователи, сегодня для установления контроля над другими странами применяются такие испытанные в классическую колониальную эпоху методы как:

- провоцирование вооружённых и межнациональных конфликтов в различных регионах планеты;
- навязывание двусторонних соглашений с открытием военных баз под предлогом оказания военной помощи и защиты от внешней агрессии;
- решение международных проблем путём применения силы и открытой военной агрессии (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия);
- инициирование государственных переворотов и цветных революций (Грузия, Украина и др.);
- подкуп политических и государственных элит и другие методы [1].

В Египте конца XIX – первой половины XX века начали применяться подобные методы, многие из которых в течение многих десятилетий будут совершенствоваться. Стала использоваться такая же «мягкая сила» с интеграцией местных элит в систему британского культурного влияния и прохождением учёбы в элитных британских учреждениях среднего и высшего образования. Именно в британских школах и университетах молодым египтянам внушали идеи превосходства англо-

саксонской нации над другими народами мира, вследствие чего они должны были верить в незыблемость этих идей и всячески желать вписаться в эту систему.

Великобритания также интенсивно использовала в Египте весь опыт колониального управления, накопленный в других странах, направляя туда чиновников и специалистов, по многу лет работавших в разных частях Британской империи. Ярким примером может служить Эвелин Бэринг – военный и дипломатический чиновник, который до своего назначения в Каир много лет работал в администрации Британской Индии и в знак своих заслуг перед английской короной впоследствии именовался лордом Кромером. Последний по сути являлся главным архитектором созданной системы «завуалированного протектората». Однако в тех условиях такая система не могла вечно существовать, и при изменении геополитической обстановки проблема определения статуса Египта всё равно должна была прийти к своему логическому завершению.

Поворотным моментом стала разразившаяся Первая мировая война, когда юридически Египет всё ещё входил в состав Османской империи. Последняя, согласно существующим договорам, имела право потребовать участия на её стороне египетских войск в случае необходимости. Аналогичные примеры имели место в турецкой истории. В частности, в 1768 г. Стамбул призвал Египет на помощь в своей борьбе против России; во время греческого восстания Каир также был вынужден предоставить свою армию; в Крымской войне египетские солдаты сражались на стороне турок; хотя во время Триполитанской и Балканской войн, Порту убедили не просить помощи у Египта. Когда 4 августа 1914 года Англия объявила войну Германии, стало очевидно, что Берлин предпримет все усилия, чтобы разрушить британский контроль в Египте. Поскольку тот являлся неотъемлемой частью Османской империи, Лондон оказался перед юридической коллизией: технически Великобритания находилась в состоянии войны с Египтом, так как по договору эта страна все ещё была частью османского государства, а египетские войска – частью турецкой армии. Однако по предсказуемому сценарию условия договора были полностью проигнорированы, и военные меры, направленные против немцев, были распространены и на турок [13].

В том же 1914 году, воспользовавшись ситуацией, Лондон объявил протекторат над этой страной. Отныне делами Египта занималось не министерство иностранных дел, а специальный представитель британской короны в Каире, что по сути ничего не меняло, поскольку Египет, итак, не имел

какой-либо самостоятельной внешней политики. Можно только добавить, что официальное изменение статуса теперь уже бывшей османской провинции было призвано «заморозить» ситуацию в стране на время войны и сохранить там сюзеренитет британской короны [15]. Однако официальное объявление протектората над Египтом так и не решило вопрос статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 года, заморозив лишь на время эту проблему [11].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что современный колониализм фактически применяет те же методы, что и сто лет назад, когда среди методов финансово-экономического воздействия со стороны США и их западных союзников проводится экономическая экспансия в виде инвестиций, дискриминационная тарифная политика на импорт товаров, ввозимых из стран третьего мира, различные виды «помощи», подкрепляемые политическим контролем и военным давлением.

Сегодня мы делаем очевидные выводы в плане того, что, несмотря на начало и очевидные успехи крушения колониальной системы после окончания

Второй мировой войны, к которому приложили руку как СССР – страна, провозгласившая борьбу с империализмом, так и США, имевшие собственные мотивы в реализации этого глобального плана, процесс деколонизации планеты до сих пор не завершён. Прямое колониальное управление захваченными странами, начавшееся ещё со времён Великих географических открытий XV-XVII вв., фактически трансформировалось в установление финансово-экономического и политического контроля над большей частью стран-членов ООН. Колониализм и империализм теперь сменились неоколониализмом, особенно усилившим свои позиции после распада Советского Союза в 1991 г.

Таким образом, кажется вполне очевидным, что система «завуалированного протектората» Великобритании над Египтом в 1882-1914 гг. стала удачным образцом, хотя со значительными отличиями и с поправкой на эпоху, для построения современной неоколониальной системы, основным бенефициаром которой сегодня являются США и их западные сателлиты.

Литература

1. Бажан Н.С. Британское колониальное господство в Египте и современность // Обозреватель-Observer. 2010. № 3 (242). С. 118.
2. Богомолов С.А. Теоретические проблемы модернизации Египта Британской империей // Вестник Оренбургского государственного университета. Серия: История и археология. Апрель, 2012. № 4 (140). С. 79.
3. Высокова В.В., Созинова К.А., Чемякин Е.Ю. Британская империя: диалог культур и цивилизаций (от Ост-Индской компании до Содружества Наций): учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 70.
4. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.: «Наука», 1966. С. 196 – 198.
5. Роган Ю. Арабы. История. XVI-XXI вв. М., 2009. С. 95.
6. Ротштейн Ф.А. Англичане в Египте. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 61.
7. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 135.
8. Хизриев А.Х. Основные характеристики британского колониального господства в Египте накануне и во время Первой мировой войны (1883-1918 гг.) // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: мат-лы конференции / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 26.
9. Хизриев А.Х. Предпосылки роста внешнеполитической активности США и её дальнейшего развития на Ближнем Востоке в конце XIX – начале XX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. Вып. 2. С. 64.
10. Хизриев А.Х. Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2016. № 1 (37). С. 28.
11. Хизриев А.Х. Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2016. № 1 (37). С. 31.
12. Carman H.J. England and the Egyptian Problem // Political Science Quarterly. NY.: The Academy of Political Science, Mar., 1921. Vol. 36. № 1. P. 54.
13. Carman H.J. England and the Egyptian Problem // Political Science Quarterly. NY.: The Academy of Political Science, Mar., 1921. Vol. 36. № 1. P. 63 – 65.
14. Foreign Relations of the United States, 1895. Washington, 1895. Pt. 1. P. 350 – 351.
15. Mansfield P. The British in Egypt. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 209 – 210.
16. The National Archives (United Kingdom). Foreign Office (FO) 65/1158. Mr. Thornton. № 273: To the Lord Granville. Position of England as regards to Russian preposition. St. Petersburg, November 3, 1883. P. 20.

References

1. Bazhan N.S. Britanskoe kolonial'noe gospodstvo v Egipte i sovremennost'. Obozrevatel'-Observer. 2010. № 3 (242). S. 118.
2. Bogomolov S.A. Teoreticheskie problemy modernizacii Egipta Britanskoj imperiej. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i arheologija. April', 2012. № 4 (140). S. 79.
3. Vysokova V.V., Sozinova K.A., Chemjakin E.Ju. Britanskaja imperija: dialog kul'tur i civilizacij (ot Ost-Indskoj kompanii do Sodruzhestva Nacij): ucheb. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019. S. 70.
4. Luckij V.B. Novaja istorija arabskih stran. M.: «Nauka», 1966. S. 196 – 198.
5. Rogan Ju. Araby. Istorija. XVI-XXI vv. M., 2009. S. 95.
6. Rotshtejn F.A. Anglichane v Egipte. M.-L.: Gosizdat, 1925. S. 61.
7. Rotshtejn F.A. Zahvat i zakabalenie Egipta. M.: Izd-vo vost. lit., 1959. S. 135.
8. Hizriev A.H. Osnovnye harakteristiki britanskogo kolonial'nogo gospodstva v Egipte nakanune i vo vremja Pervoj mirovoj vojny (1883-1918 gg.). Aktual'nye voprosy izuchenija istorii, mezhdunarodnyh otnoshenij i kul'tur stran Vostoka: mat-ly konferencii. Novosib. gos. un-t. No-vosibirsk: IPC NGU, 2018. S. 26.
9. Hizriev A.H. Predposylki rosta vneshnepoliticheskoj aktivnosti SShA i ejo dal'nejshego razvitija na Blizhnem Vostoke v konce XIX – nachale XX v. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2021. T. 36. Vyp. 2. S. 64.
10. Hizriev A.H. Problemy opredelenija statusa britanskih vojsk v Egipte posle okkupacii 1882 g. Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 4, Ist. 2016. № 1 (37). S. 28.
11. Hizriev A.H. Problemy opredelenija statusa britanskih vojsk v Egipte posle okkupacii 1882 g. Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 4, Ist. 2016. № 1 (37). S. 31.
12. Carman H.J. England and the Egyptian Problem. Political Science Quarterly. NY.: The Academy of Political Science, Mar., 1921. Vol. 36. № 1. P. 54.
13. Carman H.J. England and the Egyptian Problem. Political Science Quarterly. NY.: The Academy of Political Science, Mar., 1921. Vol. 36. № 1. P. 63 – 65.
14. Foreign Relations of the United States, 1895. Washington, 1895. Pt. 1. P. 350 – 351.
15. Mansfield P. The British in Egypt. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 209 – 210.
16. The National Archives (United Kingdom). Foreign Office (FO) 65/1158. Mr. Thornton. № 273: To the Lord Granville. Position of England as regards to Russian preposition. St. Petersburg, November 3, 1883. P. 20.

*Khizriyev A.Kh., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Davudgadzhiyev Kh.M.,
Daghestan State University*

Features of the British system of "veiled protectorate" as a prototype of modern neocolonialism

Abstract: the proposed article attempts to consider the features of the "veiled protectorate" system in Egypt in 1882-1914, which was a part of the entire system of British Colonialism, and to draw analogies with the modern world order, characterized by many researchers as neo-colonialism. Here it is proposed to consider the "veiled protectorate" as a prototype for the creation of modern neo-colonial methods of governing dependent countries that arose after the collapse of the classical colonial system. At the same time, those instruments of influence that were used both by the British a hundred years ago and by the United States today are compared. It is assumed that in the light of the relevance of this problem today and the attempts of many countries to overcome the dominance of the Western world in most regions of the planet, the arguments given in the article will be quite rational. The main task is to show that in modern geopolitics there are examples of the use of such instruments of influence in the events of a century ago, which could well be used by modern Western elites as an example of maintaining influence in a situation where the status of a controlled country does not provide for the direct annexation of this territory.

Keywords: "veiled protectorate", colonial system, neocolonialism, great powers, Great Britain, France, USA, instruments of influence, financial and economic influence

For citation: Khizriyev A.Kh. Features of the British system of "veiled protectorate" as a prototype of modern neocolonialism. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 93 – 98.

Received: May 26, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Тишков В.В., аспирант,
Астраханский государственный университет*

**Вклад братьев Нобель в технологическую модернизацию
нефтяной промышленности Российской империи в конце XIX в.**

Аннотация: в статье на основе документов из жизнедеятельности семьи Нобель и архивных материалов описывается инновационный технологический подход в нефтяной промышленности Российской империи, связанный с деятельностью шведских техников и промышленников – Р. и Л. Нобелей. Будучи энтузиастами-изобретателями и новаторами, Нобели идеально подходили для новой и быстро развивающейся нефтяной промышленности. На рубеже XIX–XX вв. их предпринимательская деятельность стала образцом прогрессивной промышленной культуры и делового подхода к экономическим процессам. Семья Нобелей смогла создать на отечественном рынке нефтяную компанию, включающую в себя все технологические стадии нефтепроизводства: от разведки источников месторождений и бурения нефтяных скважин до складывания структурированной системы реализации товарных нефтепродуктов. Такой целостный подход позволил Нобелям занять доминирующее положение в нефтяной промышленности Российской империи. Усовершенствования в данной отрасли позволили кардинально преобразить отечественный рынок нефтепродуктов, во многом избавив его от импортной зависимости. В представленной работе через деятельность учрежденного ими «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» рассматривается становление сложной и многопрофильной системы нефтепродуктообеспечения России в конце XIX в.

Ключевые слова: братья Нобель, экономическая политика, нефтяная промышленность, бакинская нефть, инновационный подход, технологическая модернизация

Для цитирования: Тишков В.В. Вклад братьев Нобель в технологическую модернизацию нефтяной промышленности Российской империи в конце XIX в. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 99 – 104.

Поступила в редакцию: 31 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

История «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» получила достаточно широкое освещение в научной литературе. Работа историка В.И. Бовыкина стала знаковым явлением в отечественной историографии. В данном исследовании впервые была предпринята попытка объективного рассмотрения деятельности первых монополистических объединений в нефтяной промышленности и роли некоторых отечественных предпринимателей [2]. Для понимания процессов становления пореформенного предпринимательства необходимо обратить внимание на труды выдающегося отечественного исследователя А.А. Фурсенко. В своей работе он анализирует процессы монополизации российской нефтяной промышленности в конце XIX в. и состояние конкурентной борьбы на мировом рынке [22]. К.И. Лисенко в своих трудах детально раскрывает историю внедрения бурения на нефть и развития нефтепроводного транспорта. Особо автор оценивает вклад Л. Нобеля в техническое перевооружение отрасли, подчеркивая его значимость в поддержке науки и образования [12]. Роль правительственной политики в развитии нефтяной промышленности, а также взаимосвязь нефтеперевозочного дела, транспортной сети в развитии Товарищества рассмат-

ривала В.А. Нардова [15]. Следует также отметить ряд современных работ, посвященных отдельным аспектам участия компании Нобелей в развитии нефтепромышленного дела России [11, 13]. В целом необходимо отметить, что на постсоветском этапе исследований проблемы внедрения научно – технических достижений в нефтяной промышленности отмечается стремление ученых использовать различные методологические подходы, делать обобщения на основе значительной аналитической базы, вывода, тем самым, исследования на качественно новый уровень.

Начавшаяся с 1872 г. отмена монопольной откупной системы на Апшеронских нефтяных промыслах стала одной из важнейших предпосылок начала ускоренного развития отечественного нефтяного дела. Стоит отметить, что в соответствии с «Новыми правилами о производстве нефтяного промысла» от 1872 г. право на поиск и добычу нефти на свободных казенных землях предоставлялось как русским, так и иностранным подданным на равных условиях [17, с. 73]. Это давало возможность зарубежным компаниям участвовать в инвестиционном и техническом развитии российской нефтедобывающей промышленности.

Привлечение внутреннего и внешнего источника финансирования, распространение промышленной технологии бурения, государственная стимулирующая политика, проявившаяся в отмене акцизов, привели к значительному увеличению нефтедобычи. Однако такое увеличение обострило вопрос о перевозке нефтепродуктов в связи с географической удаленностью от транспортных коммуникаций и промышленных центров бакинских промыслов, которые в то время были основными центрами нефтедобычи в Российской империи. Кроме того необходимость жизнеобеспечения городской инфраструктуры и бытовых условий граждан вывело на лидирующие товарные позиции керосин, а качественные характеристики тяжелой ашшеронской нефти, дававшей при перегонке около 30% керосинового дистиллята (для сравнения Пенсильванская нефть порядка 60-80%), объективно создавали условия для совершенствования технического уровня нефтепереработки [13, с. 57].

Официальное учреждение «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» состоялось 18 мая 1879 г., однако еще летом 1876 г. Людвиг Нобель вместе с сыном впервые посетил Баку. Положительно оценив усилия своего старшего брата Роберта в нефтяном деле, Людвиг выводит его деятельность на более качественный уровень. В июле 1876 г. Л. Нобель подготавливает записку к заявлению в Императорском Русском Техническом Обществе под названием «Взгляд на Бакинскую нефтяную промышленность и ее будущность», в которой рассматривает весь комплекс нефтяного промысла: от добычи и перегонки до транспортировки нефтепродуктов, делая параллель с развитием промысла в Америке [10, с. 311]. Исходя из общих начертаний усовершенствования в данной отрасли, вскоре Нобель подходит к практическому осуществлению переустройства нефтяного дела.

Первая буровая скважина была заложена в 1871 г. Хотя попытки применения бурения на Кавказе имели место еще в середине 60-х гг., когда предприниматели Кокорев и Губонин использовали при добыче нефти буровые снаряды, однако правительство запретило такую технологию, придя к заключению, что снаряды не несут пользы в буровом деле. Когда в 1873 г. на глубине 14 саженей забил первый мощный фонтан, выбросивший несколько миллионов пудов нефти, бурение стало развиваться, а к 1876 г. число скважин достигло уже 62 [21, с. 8].

В 1875 г. шведскому подданному Р. Нобелю была выдана привилегия от департамента Торговли и Мануфактур на усовершенствование в устройстве буровых инструментов. Изобретение

имело предметом такое устройство бурового инструмента, при котором получается возможность производить бурение при постепенном и постоянном опускании одной и той же наружной трубы, предохраняющей скважину от обвалов. Для этой цели над буром помещались выдвижные резцы, увеличивающие диаметр производимой буром скважины и обеспечивающие свободное опускание наружной трубы. Помимо этого, при эксплуатации такого бурового инструмента получается возможность удалять продукты бурения из скважины действием воды при помощи насоса. Преимущество такого усовершенствования инструментов заключается в том, что они дают возможность заложить буровую скважину маленького диаметра (до 2-3 дюймов), достигая при этом значительной глубины и используя преимущественно ручную силу [10, с. 41-42].

Впоследствии Л. Нобель пытается найти способы усовершенствования бурения и выписывает бурильщиков из Америки и Галиции, подчеркнув из американского опыта работы более легкий канатный способ бурения [20, с. 55]. Однако вскоре Нобель отказывается от данного способа ввиду неудобства при работах с глубокими скважинами. В качестве двигательной силы Товарищество впервые стало применять к буровым работам паровые машины, которые вскоре вытеснили живую силу [1, с. 61].

До решения Нобелями проблемы транспортировки нефтепродукты от промыслов до заводов доставлялись гужом – на арбах (с колесами более 3 аршин высоты) в особых бурдюках. Каждая арба перевозила до 25 пудов нефти, а стоимость перевозки на каждую бочку составляла 1р. 10 коп., 4,5 коп. за пуд [9, Электронный ресурс]. Чтобы избавиться от зависимости по отношению к возчикам и снизить издержки перевозки, Нобель, используя американский опыт, начал строить в 1877 г. трубопровод. Из менделеевского отчета 1876 г. братья Нобель знали, что в Пенсильвании Джон Д. Рокфеллер с 60-х гг. использует трубопроводы. Реализуя данный проект, Людвиг смог отыскать чугунолитейный завод в Шотландии, который снабжал трубами пенсильванских нефтедобытчиков. Затем он отправил инженера Александра Бари в Пенсильванию для анализа насосов и трубопроводов [16, с. 44]. Изначально Нобели рассчитывали построить нефтепровод совместными усилиями предпринимателей, участвующих в нефтедобыче, однако встретили недоверие со стороны последних, опасавшихся монополизации нефтяного дела.

Первоначально соединить трубопроводом необходимо было станцию для собирания нефти на промыслах и нефтеприемную станцию в заводском районе. Первое время от и до обеих станций

нефть доставлялась лошадьми. Уже на данном этапе виден был положительный экономический эффект – стоимость доставки за пуд нефти понизилась до 2 коп. [8, с. 53]. Дальнейшим улучшением стало соединение нефтепромыслов с нефтесборочной станцией и нефтеприемной станции с нефтеперерабатывающим заводом. В Балаханах недалеко от нефтяных источников была построена главная нефтепроводная станция с железным резервуаром на 108.000 пуд. сырой нефти. На промыслах для питания этого резервуара было поставлено несколько небольших насосов [17, с. 94]. Такое техническое решение позволило вовсе отказаться как от повозок с бурдюками и бочками, так и от лошадей. Стоимость доставки пуда нефти от промыслов к заводу упала до 1 коп [8, с. 54].

Продолжая работы в направлении уменьшения издержек при перевозке нефтепродуктов Л. Нобель разрабатывает проекты нескольких наливных судов. Расположение Баку на берегу Каспийского моря с впадающей в него Волгой предreshало доминирующее значение водного транспорта для грузопотока с Бакинского района. Из Баку через Астрахань в центральные районы Российской империи доставлялись важнейшие нефтепродукты, пользовавшиеся все более широким спросом [3, с. 32]. В 1880 – х гг. каспийские нефтяные танкеры в основном плавали под парусом. В 1889 г. каспийский танкерный флот состоял из 275 парусных судов (вместимостью около 4 млн пудов) и 28 пароходов (вместимостью 1 млн пудов) [23, с. 672]. Данная система перевозки была невыгодной с точки зрения зависимости от погодных условий, дороговизны тары и фрахта.

Первые деревянные баржи были куплены Товариществом в 1880 г. у Петербургского купца 1 гильдии И.Я. Забельского. Одна из барж 45 сажен в длину была сделана в Пермской губернии Соликамского уезда в 1873 г.; другие две построены в Нижегородской губернии Макарьевского и Балахинского уездах. Там же в Балахинском уезде была построена в 1882 г. деревянная палубная морская шхуна «12 маяк» вместимостью 7.000 пудов. Первые металлические наливные суда для перевозки нефтепродуктов строились в Швеции на заводе «Мотала», в том числе в 1877 г. первый наливной пароход «Зороастра», в 1882 г. – палубный железный баркас «Чуваш», наливной пароход из железа и стали «Анна», в 1883 г. – пароходы «София», «Хазар», «Литвин». Товариществу принадлежали и колесные деревянные пароходы, спущенные на воду в Рыбинске Ярославской губернии на заводе Журавлевых в 1886 г. – «Туркмен» и «Мордвин» [4, л. 5].

В последнем десятилетии XIX в. паровой нефтеналивной флот стал играть ведущую роль в

перевозках нефти и нефтепродуктов по Каспийскому морю. Так в 1900 г. 91,3% нефтепродуктов перевозилось пароходами, а 8,7% – парусными судами [23, с. 673]. Помимо использования наливных судов, Л. Нобель предложил перевозить керосин в больших железных цистернах, которые должны были храниться на берегу. Переливка керосина из одних резервуаров в другие осуществлялась посредством металлических труб и насосов, способных перекачивать до 20.000 пуд нефти в час, что позволяло производить загрузку или разгрузку судна за 1 час. Перевозка керосина в железных цистернах была предпочтительнее не только с точки зрения безопасности от возможных пожаров, но и из-за того, что значительные утечки керосина из деревянных барж наносили вред волжскому рыболовству [17, с. 121].

Идея наливной перевозки была перенесена Нобелем и на сушу. Нагрузка керосина и нефтяных остатков в вагоны – цистерны производилась из резервуаров, причем каждый такой вагон подвешивался на платформу весов, помещающихся под наливным приспособлением таким образом, чтобы верхний лаз вагона приходился как раз под отверстием наливной трубы. Тара вагонов составляла 373 – 390 пуд., а вместимость порядка 610 пуд. На напуск в вагон такого количества керосина необходимо было 3 – 3,5 минуты. В течение 12 ч. в нехолодное время нагружалось около 125 вагонов, т.е. в среднем 70.000 пуд керосина, что составляло 5 поездов по 20 – 25 вагонов [14, с. 64].

В 1883 г. в докладе правления Товарищества «БраНобель» общему собранию пайщиков Товарищества «о состоянии дел фирмы и дальнейшем расширении ее операций на внутреннем и иностранном нефтяных рынках» отмечено, что под воздействием совершенствования технических устройств у компании нет повода опасаться конкуренции. Во многом благодаря своему инновационному подходу Товарищество смогло вытеснить американский керосин с отечественного рынка, а в 1882 г. стало экспортировать свои продукты в Австрию и Германию [14, с. 48].

Дальновидная политика братьев Нобель в нефтяной промышленности давала значимые положительные результаты. С постепенным усовершенствованием и удешевлением способа транспортировки нефтепродуктов цены на керосин в России падали: в 1877 г. пуд керосина в Царицыне стоил в среднем 1 р. 85 коп., в 1878 – 1 руб. 15 коп., в 1879 – 75 коп., в 1882 г. – 50 коп. Производительность нефти и получаемых из нее продуктов в Российской империи за период с 1878 по 1887 гг. увеличилась более чем в 10 раз (например, нефти в 1878 г. – 15.324.167 пуд, в 1887 г. – 166.868.759 пуд.) [19, с. 34]. Содержание транс-

портировки нефтепродуктов от 9 рейда до Астрахани в 1891 г. обходилось в 9.268 руб. Калькуляция фрахта за навигацию 1891 г. составляла 1.144.229 руб [7, л. 17]. Судя по отчетам Астраханского отдела «Товарищества Братьев Нобель» счет фрахты нефтяных продуктов увеличился в 1896 г. до 2.440.025 руб. [5, л.5 5], а в 1899 г. составил 4.368.732 руб [6, л.6]. Вывоз русских нефтяных товаров за границу в 1887 г. достиг 18.980.367 пуд, а привоз из-за границы в обозначенный год составлял 15.000 пуд, в том числе керосина лишь 7.200 пуд [18, с. 35].

Параллельно с применением и развитием наливного способа перевозки шли, с одной стороны, устройство в бакинском порте пристаней для погрузки нефтяных продуктов на суда, а с другой стороны, устройство и расширение складов в главных пунктах их перегрузки. Товариществу принадлежали наиболее значительные склады в Царицыне, Саратове, Орле, Москва, Киеве и пр. 24 декабря 1885 г. Старший ревизор департамента неокладных сборов МФ В.Н. Андреев в записке «О современном положении промышленности на Кавказе и об обложении ее акцизным сбором» отмечает, что из всех складов наибольшим считается склад Товарищества «БраНобель» около Орла, состоящий из 32 железных резервуаров вместимостью 4 млн. пуд керосина [14, с. 65]. Запас нефтепродуктов делался летом во время навигации для удовлетворения потребности на керосин в течение осени и зимы, т.к в противном случае железная дорога не успевала бы перевозить надлежащее количество керосина из Царицына и Саратова к местам потребления.

15 октября 1882 г. Л. Нобель выступил с докладом «О нефтяной промышленности России» в Русском техническом обществе, в котором констатировал складывание слаженной модели нефтепродуктообеспечения в стране. Так, по выстроенной Товариществом логистической системе, керосин из очистительных заводских кубов перегонялся по трубам в резервуары, находящиеся на морской пристани в Баку. Из данных резервуаров он переливался по трубам в трюмы пароходов. Пароходы доставляли его на 9-футовый рейд. Далее его переливали в трюмы барж или речных пароходов

и перевозили до Царицына. В Царицыне керосин с помощью насосов перекачивали в железные резервуары, из которых нефтепродукт переливали в наливные вагоны и по железным дорогам доставляли в главные торговые пункты Российской империи [10, с. 351].

В отношении собственного улучшения техники производства «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» учреждают лаборатории для контроля над нефтепродуктами во всех фазах их переработки. Нобели первыми стали применять на заводах способ искусственного охлаждения нефтяных остатков и добились почти непрерывной перегонки нефти. 24 января 1884 г. инженер – технолог Каупе и технолог 1-го разряда Чекалов подали в департамент Торговли и Мануфактуры прошение о выдаче «Товариществу Братьев Нобель» десятилетней привилегии на изобретение под названием «Куб усовершенствованной системы для дробной и непрерывной перегонки нефти». Изобретение заключалось в идеи непрерывного перетока нефти из одного куба в другой, чтобы за счет поддержания в них различной температуры добиться последовательного отгона дистиллятов различного удельного веса, что позволяло более глубоко отбирать из нефти дистилляты и разделять их на отдельные фракции [10, с. 65]. Привилегия была одобрена департаментом 8 декабря 1886 г., а к началу XX в. инновационные кубы непрерывного действия заняли доминирующие положение в российской нефтепереработке.

Таким образом, Нобели, изучив специфику российского рынка и верно оценив прибыльность и перспективность нефтяного дела, в отличие от других отечественных нефтепромышленников с момента организации Товарищества стали сосредотачивать в своих руках весь спектр нефтяного производства, включая не только добычу и переработку нефти, но и логистический сбыт нефтепродуктов. Такой комплексный подход в сочетании с технологическим усовершенствованием в нефтяной промышленности, с одной стороны, сделал Товарищество «БраНобель» доминирующей компанией в отрасли, а с другой стороны – открывал новые перспективы экономического развития Российской империи.

Литература

1. 30 лет деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. СПб., 1909. 328 с.
2. Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. 320 с.
3. Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Ретроспективный анализ развития астраханского порта как ключевого центра каспийско-волжского торгового пути в конце XIX – начале XX вв. // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 27 – 34.
4. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1.
5. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 128.
6. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179.

7. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 33.
8. Двадцатипятилетие Товарищества нефтяного производства бр. Нобель 1879-1904. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1904. 171 с.
9. Джафаров К.И., Джафаров Ф.К. Товарищество нефтяного производства братьев Нобель // Наукоеведение. 2001. № 1. С. 189 – 200.
URL:<http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BRANOBEL.HTM> (дата обращения: 25.05.2023)
10. Документы жизни и деятельности семьи Нобель. 1801-1932 / Под ред. профессора А.И. Мелуа. Том 1. Санкт-Петербург: «Гуманистика», 2009. 480 с.
11. Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородинки. Вып. 10. М., 2005. С. 46 – 67.
12. Лисенко К.И. Очерк деятельности Л.Э.Нобеля по нефтяному делу в России (из книги «Памяти Людвигу Эммануиловичу Нобелю»). СПб, 1889. С. 38 – 55.
13. Матвейчук А. Императив нефтеперегонного куба. К 190-летию возникновения переработки нефти в России // Нефть России. 2014. № 1-2. С. 55 – 60.
14. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914: док. и матер. М.; Л., 1961. 787 с.
15. Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880-1890-е годы. Л.: Наука, 1974. 250 с.
16. Осбринк Б. Империя Нобелей. История о знаменитых шведах, Бакинской нефти и революции в России. М. 2003. 287 с.
17. Пажитнов К.А. Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. М., 1940. 188 с.
18. Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис., 1913. 189 с.
19. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России. 1886 г. / сост. С. Кулибин, 1888. 310 с.
20. Симонович В. Нефть и нефтяная промышленность России // Историко-статистический очерк. СПб., 1909. 240 с.
21. Султанов Ч.А. Нефть. Том 1. Баку: Нафта-Пресс, 2000. 274 с.
22. Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика (1880-е годы – 1918 г.). М., 1965. 496 с.
23. Чжан Гуансян Транспорт и экономическое развитие России в XIX – начале XX века: пер. с кит., науч. ред. А.М. Курышов // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 4. С. 645 – 696.

References

1. 30 let dejatel'nosti Tovarishhestva neftjanogo proizvodstva brat'ev Nobel'. SPb., 1909. 328 s.
2. Bovykin V.I. Zarozhdenie finansovogo kapitala v Rossii. M., 1967. 320 s.
3. Vinogradov S.V., Eshhenko Ju.G. Retrospektivnyj analiz razvitija astrahanskogo porta kak ključevogo centra kaspiskovo-volzhskogo torgovogo puti v konce XIX – nachale XX vv. Sovremennaja nauchnaja mys'. 2021. № 5. S. 27 – 34.
4. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1.
5. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 128.
6. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179.
7. ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 33.
8. Dvadcatipjatiletie Tovarishhestva neftjanogo proizvodstva br. Nobel' 1879-1904. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1904. 171 s.
9. Dzhafarov K.I., Dzhafarov F.K. Tovarishhestvo neftjanogo proizvodstva brat'ev Nobel'. Naukovedenie. 2001. № 1. S. 189 – 200. URL:<http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BRANOBEL.HTM> (data obrashhenija: 25.05.2023)
10. Dokumenty zhizni i dejatel'nosti sem'i Nobel'. 1801-1932.Pod red. professora A.I. Melua. Tom 1. Sankt-Peterburg: «Gumanistika», 2009. 480 s.
11. Kostornichenko V.N. Inostrannyj kapital v neftjanoj promyshlennosti dorevoljucionnoj Rossii: k razrabotke periodizacii processa. Jekonomicheskaja istorija. Obozrenie.Pod red. L.I. Borodkina. Vyp. 10. M., 2005. S. 46 – 67.
12. Lisenko K.I. Oчерk dejatel'nosti L.Je.Nobelja po neftjanomu delu v Rossii (iz knigi «Pamjati Ljudviga Jemmanuilovicha Nobelja»). SPb, 1889. S. 38 – 55.
13. Matvejchuk A. Imperativ nefteperegonnogo kuba. K 190-letiju vzniknovenija pererabotki nefti v Rossii. Neft' Rossii. 2014. № 1-2. S. 55 – 60.

14. Monopolisticheskij kapital v neftjanoj promyshlennosti Rossii. 1883-1914: dok. i mater. M.; L., 1961. 787 s.
15. Nardova V.A. Nachalo monopolizacii neftjanoj promyshlennosti Rossii. 1880-1890-e gody. L.: Nauka, 1974. 250 s.
16. Osbrink B. Imperija Nobelej. Istorija o znamenityh shvedah, Bakinskoj nefti i revoljucii v Rossii. M. 2003. 287 s.
17. Pazhitnov K.A. Oчерki po istorii Bakinskoj neftedobyvajushhej promyshlennosti. M., 1940. 188 s.
18. Pershke S. i L. Russkaja neftjanaja promyshlennost' ee razvitie i sovremennoe polozhenie v statisticheskikh dannyh. Tiflis., 1913. 189 s.
19. Sbornik statisticheskikh svedenij o gornozavodskoj promyshlennosti Rossii. 1886 g. sost. S. Kulibin, 1888. 310 s.
20. Simonovich V. Neft' i neftjanaja promyshlennost' Rossii. Istoriko-statisticheskij oчерk. SPb., 1909. 240 s.
21. Sultanov Ch.A. Neft'. Tom 1. Baku: Nafta-Press, 2000. 274 c.
22. Fursenko A.A. Neftjanye tresty i mirovaja politika (1880-e gody – 1918 g.). M., 1965. 496 s.
23. Chzhan Guansjan Transport i jekonomicheskoe razvitie Rossii v XIX – nachale HH veka: per. s kit., nauch. red. A.M. Kuryshov. Istoriko-jekonomicheskie issledovanija. 2016. T. 17. № 4. S. 645 – 696.

*Tishkov V.V., Postgraduate,
Astrakhan State University*

**The Nobel brothers' contribution to the technological modernization
of the oil industry of the Russian Empire at the end of the XIX century**

Abstract: the article describes an innovative technological approach in the oil industry of the Russian Empire associated with the activities of Swedish technicians and industrialists – R. and L. Nobels, based on documents from the life of the Nobel family and archival materials. As enthusiastic inventors and innovators, the Nobels were ideally suited for the new and rapidly developing oil industry. At the turn of the XIX-XX centuries, their entrepreneurial activity became a model of progressive industrial culture and a business approach to economic processes. The Nobel family was able to create an oil company on the domestic market, which includes all the technological stages of oil production: from exploration of field sources and drilling of oil wells to the storage of a structured system for the sale of commodity petroleum products. Such a holistic approach allowed the Nobels to take a dominant position in the oil industry of the Russian Empire. Improvements in this industry have made it possible to radically transform the domestic oil products market, largely ridding it of import dependence. In the presented work, through the activities of the Nobel Brothers Oil Production Partnership established by them, the formation of a complex and multidisciplinary oil product supply system in Russia at the end of the XIX century is considered.

Keywords: Nobel brothers, economic policy, oil industry, Baku oil, innovative approach, technological modernization

For citation: Tishkov V.V. The Nobel brothers' contribution to the technological modernization of the oil industry of the Russian Empire at the end of the XIX century. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 99 – 104.

Received: May 31, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Толчинская Т.И., доцент,
Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского
государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ*

История внедрения исламистского радикализма в Дагестане и Чечне. Последняя четверть 20 века

Аннотация: данная работа посвящена исследованию нового подъема деятельности экстремистских террористических организаций и движений, выступавших с религиозно-этнических позиций, описанию генезиса исламского радикализма на Северном Кавказе в 90-х годах двадцатого века. В статье проанализированы результаты влияния радикальных исламских организаций мусульманских стран на религиозное сознание северо - кавказских народов, в частности, Дагестана и Чечни. В связи с событиями на Северном Кавказе последней четверти двадцатого века, активизацией бандитских формирований и идей радикального свержения существующей власти, в ряде арабских стран отмечалась поддержка исламистов со стороны, главным образом, неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО). Спонсирование экстремистски настроенной молодежи, создание специальных исламских образовательных центров и учреждений создавало идеологическую мировоззренческую почву для укрепления установок терроризма и экстремизма. Автор прописывает историю внедрения исламистского радикализма в Дагестане и Чечне, делает акцент на истинные разрушающие целостность России мотивы и потребности эмиссаров радикалов и якобы религиозных «просветителей». Экспансия в умы и души нашей молодежи в последней четверти двадцатого века имела свои негативные последствия. Автор приводит данные специальных служб о количестве уничтоженных бандитов как показатель степени разрушения и ущерба не только человеческого ресурса нашей страны, но и материальных ценностей и базы экономического статуса. Происходило поэтапное нивелирование обще государственных российских ценностей и норм права. Планово враги Российского государства уводили активную часть населения, в большей степени молодежь, в русло активного противостояния и протеста против государственных устоев и правил мирного общежития. В работе дана оценка некоммерческих и религиозных организаций иностранных государств, их роли в политизации и радикализации идей ислама на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане и Чечне.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, радикализация, политизация ислама, роль внешнего влияния

Для цитирования: Толчинская Т.И. История внедрения исламистского радикализма в Дагестане и Чечне. Последняя четверть 20 века // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 105 – 109.

Поступила в редакцию: 29 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Девяностые годы двадцатого века Северного Кавказа ознаменованы активизацией деструктивных сил радикализма экстремистского толка. Растут бандитские ячейки, группировки, перерастают в организации и, наконец, политическое движение. Принцип группообразования лежит в области этнических, геополитических и религиозных интересов платежеспособной зарубежной элиты. Радикальные идеи захватывают умы молодых людей, а идеологи экстремизма представляются трибунами интересов и чаяний народа. В качестве инструмента убеждения толпы использовались цитаты Корана, адаптируя их в пользу ненавистничества, неприятия людей другой веры.

В обиход благодаря этим тенденциям прочно вошли понятия «исламской угрозы», «исламского радикализма», «исламского терроризма». Политологи, историки и социологи активно используют эти термины при характеристике экстремистского движения и группировок боевиков, выходцев из

стран, исповедующих ислам. Еще со времен средневековья исламский мир делился по различиям толкования Священной книги, делился на течения и организации. Имея экстремистские цели свержения законного государственного строя и установления собственных порядков, устоев общественно-политической жизни в мусульманских странах. Мечты о «чистом» исламе оформлены в идеологические концепции.

А.А. Игнатенко указывает на внутренние и внешние предпосылки возникновения и процветания в некоторых странах эндогенного радикализма в исламе, а так же на условия социально-экономического и политического характера. Современная история возникновения радикализма ислама на Северном Кавказе датирует началом девяностых годов прошлого века [6].

А.М. Магомеддаев пишет об активном влиянии в конце двадцатого века на радикальные взгляды мусульман Дагестана [9]. С середины се-

мидесятых годов появляются на идеологической религиозной арене лидеры и основатели исламской организации «Исламский джамаат», под псевдонимами и кличками [13], «имел выход на ряд посольств арабских стран, откуда и получал интересующую его литературу» [1, с. 167]. М. Рошин отмечает, что «первый очаг северокавказского исламского фундаментализма сложился в Дагестане, откуда он начал постепенно распространяться по всему региону. К середине 90-х годов Дагестан стал идеологическим центром фундаментализма, а в испытательный полигон довольно быстро превратилась Чечня» [13, с. 71].

Материально подкрепляют создание бандформирований, по мысли З.С. Арухова [3, с. 68], «именно в этот период в Дагестане создавались исламистские организации на религиозной основе, на иностранные средства широко финансировалось строительство мечетей, открывались учебно-пропагандистские центры в Махачкале и Кизилорте осуществлялась масштабная газетно-журнальная и книжно-издательская деятельность, в республику приезжали многочисленные зарубежные делегации и отдельные функционеры с ознакомительными, миссионерскими и образовательными целями» [3, с. 68], что позволяло арабским (и не только) исламистам налаживать контакты с руководителями дагестанских исламских структур, делиться опытом работы, а также в известной мере оказывать влияние на идейно-политическую ориентацию дагестанских мусульман.

Г.М. Курбанов указывает на тот факт, что за десять лет до вторжения бандформирований вахабистского толка г. Буйнакск принял на мусульманском съезде исламистов из Среднеазиатского региона и мусульманских республик России [8]. На этом съезде была договоренность захватить Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК). Позднее они проявят себя в селениях Агвали Цумадинского, Эрпели Буйнакского, Каякент Каякентского районов, сёлах Буйнакского, Гунибского районов и в городе Хасавюрте. Именно они инициировали ряд несанкционированных митингов верующих на центральной площади Махачкалы.

Следующим историческим этапом исламизации Кавказа и мусульманских регионов России стали массовые приглашения на учебу в зарубежных медресе и университетах молодых людей.

Внедрение в массы идей «чистого ислама» озаменовано так называемыми «конкурсами» среди молодежи, которых теперь называют «тильмизами» и «талибовами». Центром сбора молодежи на подобные конкурсы, викторины, интерактивные беседы становятся многочисленные мед-

ресе. Включая механизм поощрений и эмоционального поглаживания местные алимы привлекают всё большее число своих сторонников. Авторитет их растет, так как рекомендателями на эти престижные в сельских общинах мероприятия становятся религиозные лидеры. Движение разрастается, крепнет материальная база, чему свидетельствует факт аренды санаториев, турбаз, центров культуры, летних оздоровительных лагерей. Там проводят обучение и курсы повышения квалификации местных алимов арабские педагоги из исламских университетов [3]. Ахмет Ярлыкапов пишет: «Если в июле 1995 года в Дагестане было зафиксировано 650 школ при мечетях, то к маю 2000 года, когда первоначальный ажиотажный спрос был удовлетворен, их осталось всего 20376. К августу 2002 года в Дагестане действовало 327 медрес, обучалось в них свыше 4200 человек» [14, с. 20]. Сегодня стало понятно, что распространению агрессивного ислама в Дагестане и Чечне помогали мусульманские страны [4]. К.И. Поляков так же подчеркивает высокий уровень влияния стран, исповедующих ислам, на религиозное сознание дагестанцев и чеченцев. В 1999 году только на территории Дагестана, Чечни, Татарстана и др. регионов нашей страны, где плотно проживают мусульмане официально функционировало более ста исламских медресе, колледжей, институтов и университетов, где преподавание велось исключительно на арабском языке [12]. Там преподавали граждане арабо-мусульманских стран. Одновременно отмечается поток студентов – арабов в вузах Дагестана [9]. Масштабная экспансия радикальных идей и пропаганда «чистого ислама» звучала с трибуны некоторых мечетей. Сторонники организовывали религиозные семинары, симпозиумы, конференции. Конкурсы чтецов Корана стали популярны. Победителей хорошо поощряли и премировали. Молодежь стала активно интересоваться религией. Ее готовили к противостоянию традиционным нормам и ценностям ислама.

Апогея религиозного напряжения пришлось на август 1999 года, когда религиозные экстремисты Чечни, под руководством своих арабских кураторов, вторглись с оружием на территорию Дагестана. Ботлихский район всегда был исламизирован, в советские времена там функционировало множество мечетей. Надеясь на поддержку местного населения, бандиты просили пустить их в глубь республики. Но дух патриотизма и здравый смысл заставили сражаться за целостность, добровольно поддержать милиционеров Ботлихского РОВД. Несмотря на то, что десятки лет работы на территории Чечни и Дагестана благотворительных арабских организаций, фондов, национальных ис-

ламских обществ пытались расположить к себе жителей, подавляющее большинство стали добровольцами в борьбе с радикальным бандформированием [5]. Все это стало основанием для создания и удержания молодежи в составе незаконных вооруженных формирований. М.Р. Алиев пишет, что в 2000 году от проваххабитских организаций на счет благотворительной больницы поступило 1 628 192 руб. [2]. Все деньги пошли на материальное оснащение врагов нашего государства. За всеми финансовыми махинациями стоял главный террорист 20 века Бен Ладен. Данные, полученные федеральными спецслужбами подтверждают влияние зарубежных религиозных организаций на радикализацию ислама в Дагестан.

Мировые эксперты утверждают, что в 2023 году мусульман на планете 26% от всех жителей Земли, то есть более двух миллиардов [15]. Мы

можем наблюдать как экспансия ислама распространилась на все регионы планеты, занимая второе место по численности своих приверженцев. По данным историков и политологов четверть мусульман-мигрантов придерживаются радикальных идей, активизируя законсервированные ячейки террористических организаций [16]. Во все времена основной целью экстремистов было нивелирование нравственных и духовных ценностей населения. В противовес традиционным этническим нормам морали кавказских мусульман становится ваххабитская идеология, идеи национализма и сепаратизма. Теперь доподлинно известно, что все экстремистские идеи и террористические акты в Дагестане и Чечне, управлялись идеологами радикально настроенных арабских стран и неправительственных религиозно-политических организаций.

Литература

1. Абдулатипов А.М. Формы и виды организационной террористической деятельности в Республике Дагестан // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 2003. № 14. С. 102.
2. Алиев М.Р. Влияние зарубежных религиозных организаций на радикализацию ислама в Дагестане // Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства Республики Дагестан по делам религии. Махачкала, 2002. № 3. С. 37.
3. Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества: Проблемы взаимоотношений власти и оппозиции: монография / Рос. акад. наук. Дагест. науч. центр и др. Махачкала, 2002 (Респ. газ.-журн. тип.). 279 с.
4. Гайнутдин Р. Как усилить роль религиозных организаций мусульман в духовном возрождении России: Доклад на конф. «Роль ислама в духовном возрождении России. М.: Арктогея-Центр, 1999. С. 12 – 17.
5. Демиров К.К. К вопросу о состоянии борьбы с экстремизмом за последние годы в Республике Дагестан // Наука и молодежь. Вып. VI. Махачкала, 2003. С. 176.
6. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе. Доклад на семинаре в Московском центре Карнеги. М., 2000. С. 34
7. Кобищанов Ю. Мусульмане в России XXI в. / Мусульмане изменяющейся России. М., 2002. С. 32 – 38.
8. Курбанов Г.М. Дагестан: стратегия противодействия религиозному экстремизму // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция). 2002. № 5. С. 142.
9. Магомеддаев А.М. Мусульманский Восток и усиление радикализации ислама на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ № 1 (37). 2005. С. 48 - 57.
10. Магомедов А.М., Ханбабаев К.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане // Информационно-аналитический бюллетень Махачкала, 2003. № 2 (5). С. 10.
11. Асадуллин Ф.А. Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. Москва, 1999. 157 с.
12. Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (На примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001. С. 45
13. Роцин М. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе // Россия и исламский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. 2003. № 1 (127). С. 73 – 80.
14. Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и в настоящем // Вестник Евразии. Философия, этика, религиоведение. 2003. С. 20.
15. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7a4c8796-6486f3da-27c4df87-74722d776562/https/worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country
16. <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-10--poljarnyj-islam-grozit-rossii-54129>

References

1. Abdulatipov A.M. Formy i vidy organizacionnoj terroristicheskoj dejatel'nosti v Respublike Dagestan. Vestnik DNC RAN. Mahachkala, 2003. № 14. S. 102.
2. Aliev M.R. Vlijanie zarubezhnyh religioznyh organizacij na radikalizaciju islama v Dagestane. Informacionno-analiticheskij bjulleten' Komiteta Pravitel'stva Respubliki Dagestan po delam religii. Mahachkala, 2002. № 3. S. 37.
3. Aruhov Z.S. Vahhabizm i duhovenstvo v politicheskoj strukture saudovskogo obshhestva: Problemy vzaimootnoshenij vlasti i oppozicii: monografija]. Ros. akad. nauk. Dagest. nauch. centr i dr. Mahachkala, 2002 (Resp. gaz.-zhurn. tip.). 279 s.
4. Gajnutdin R. Kak usilit' rol' religioznyh organizacij musul'man v duhovnom vozrozhdenii Rossii: Doklad na konf. «Rol' islama v duhovnom vozrozhdenii Rossii. M.: Arktogeja-Centr, 1999. S. 12 – 17.
5. Demirov K.K. K voprosu o sostojanii bor'by s jekstremizmom za poslednie gody v Respublike Dagestan. Nauka i molodezh'. Vyp. VI. Mahachkala, 2003. S. 176.
6. Ignatenko A.A. Jendogennyj radikalizm v islame. Doklad na seminare v Moskovskom centre Karnegi. M., 2000. S. 34
7. Kobishhanov Ju. Musul'mane v Rossii XXI v. Musul'mane izmenjajushhejsja Rossii. M., 2002. S. 32 – 38.
8. Kurbanov G.M. Dagestan: strategija protivodejstvija religioznomu jekstremizmu. Central'naja Azija i Kavkaz. Luleo (Shvecija). 2002. № 5. S. 142.
9. Magomeddadaev A.M. Musul'manskij Vostok i usilenie radikalizacii islama na Severnom Kavkaze. Central'naja Azija i Kavkaz № 1 (37). 2005. S. 48 - 57.
10. Magomedov A.M., Hanbabaev K.M. Religija i processy mirotvorchestva v Dagestane. Informacionno-analiticheskij bjulleten' Mahachkala, 2003. № 2 (5). S. 10.
11. Asadullin F.A. Musul'manske duhovnye organizacii i ob#edinenija Rossijskoj Federacii. Moskva, 1999. 157 s.
12. Poljakov K.I. Vlijanie vneshnego faktora na radikalizaciju islama v Rossii v 90-e gody HH v. (Na primere arabskih stran). Islam na postsovetском prostranstve: vzgljad iznutri. M., 2001. S. 45
13. Roshhin M. Islamskij fundamentalizm na Severnom Kavkaze. Rossiya i islamskij mir. Bjulleten' referativno-analiticheskij informacii. 2003. № 1 (127). S. 73 – 80.
14. Jarlykapov A. Islamskoe obrazovanie na Severnom Kavkaze v proshlom i v nastojashhem. Vestnik Evrazii. Filosofija, jetika, religiovedenie. 2003. S. 20.
15. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7a4c8796-6486f3da-27c4df87-74722d776562/https/worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country
16. <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-04-10--poljarnyj-islam-grozit-rossii-54129>

*Tolchinskaya T.I., Associate Professor,
Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute-branch of the Volgograd
State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*

**History of the implementation of Islamic radicalism in Dagestan
and Chechnya. Last quarter of the 20th century**

Abstract: this work is devoted to the study of a new rise in the activities of extremist terrorist organizations and movements that spoke from religious and ethnic positions, a description of the genesis of Islamic radicalism in the North Caucasus in the 90s of the twentieth century. The article analyzes the results of the influence of radical Islamic organizations in Muslim countries on the religious consciousness of the North Caucasian peoples, in particular, Dagestan and Chechnya. In connection with the events in the North Caucasus in the last quarter of the twentieth century, the activation of bandit formations and the ideas of a radical overthrow of the existing government, in a number of Arab countries, Islamists were supported mainly by non-governmental religious and political organizations (NRPOs). Sponsoring extremist-minded youth, the creation of special Islamic educational centers and institutions created an ideological worldview ground for strengthening the attitudes of terrorism and extremism. The author writes the history of the introduction of Islamist radicalism in Dagestan and Chechnya, focuses on the true motives and needs of emissaries of radicals and allegedly religious "enlighteners" that destroy the integrity of Russia. The expansion into the minds and souls of our youth in the last quarter of the twentieth century has had its negative consequences. The author cites data from special services on the number of bandits killed as an indicator of the degree of destruction and damage not only to the human resource of our country, but also to material values and the basis of economic status. There was a gradual leveling of general state Russian values and legal norms. As planned, the enemies of the Russian state led the active part of the population, mostly young people, into the mainstream of active confrontation and protest against the foundations of the state and the rules of peaceful coexistence. The paper assesses non-profit and religious organizations of foreign states, their role in the politicization and radicalization of the ideas of Islam in the North Caucasus, in particular, in Dagestan and Chechnya.

Keywords: North Caucasus, Dagestan, Chechnya, radicalization and politicization of Islam, the role of external influence

For citation: Tolchinskaya T.I. History of the implementation of Islamic radicalism in Dagestan and Chechnya. Last quarter of the 20th century. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 105 – 109.

Received: May 29, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Антоновская Е.А.,
Загорская средняя общеобразовательная школа,
Худолеев А.Н., доктор исторических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
Кемеровский государственный университет*

Образ Лжедмитрия I в отечественной дореволюционной классической историографии

Аннотация: статья посвящена изучению конструирования образа Лжедмитрия I в трудах классических отечественных историков XIX – начала XX в. Учёные уделяют достаточно внимания в своих работах личности и деятельности Лжедмитрия I, что говорит о важности и актуальности темы самозванчества в российской дореволюционной исторической науке. В статье рассмотрены следующие вопросы: кем был первый Лжедмитрий; описание внешности и характера самозванца, сходство с настоящим царевичем Дмитрием; кто подготовил самозванца; роль Марины Мнишек в создании образа Лжедмитрия I; новый тип царя (описание действий лжецаря на московском престоле). Дореволюционная историческая наука не пришла к единому мнению в отношении личности первого самозванца. Точки зрения на этот вопрос разнообразны, а зачастую и противоположны. Относительно роли Марины Мнишек в подготовке самозванца мнения так же расходятся, но почти все историки сходятся в описании внешности и характера авантюриста. Роль казаков в победе самозванца и тема религиозности Лжедмитрия в отечественной классической историографии XIX – начала XX вв. остаётся малоизученной.

Ключевые слова: Лжедмитрий I, самозванчество, Смутное время, российские историки-классики, дореволюционная историография, историческая мысль

Для цитирования: Антоновская Е.А., Худолеев А.Н. Образ Лжедмитрия I в отечественной дореволюционной классической историографии // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 110 – 115.

Поступила в редакцию: 25 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Смутное время в России – это особый переломный период отечественной истории, который проявляется в смене династий, изменении политического сознания русского человека. В это время возникает новое для России явление – самозванчество. Политический кризис разжигает борьбу за русский престол, появилась возможность у западных держав возвести своего претендента на московский трон. В качестве прототипа для самозванцев выступала личность царевича Дмитрия. Загадочные обстоятельства его смерти послужили плацдармом для развития разных сплетен и слухов, которые могли породить легенды о чудесном спасении царевича.

Явление самозванчества включает в себя не только героя – самозванца, который играет свою роль, а целую компанию, состоящую из людей, которые придумали этого «героя» и управляют им. Данный феномен интересовал не одно поколение историков и до сегодняшнего дня остаётся одной из любопытных страниц в истории Отечества. Дореволюционный период является особенно актуальным для российской историографии Смутного времени, в трудах историков мы можем видеть ссылки на уникальные источники. Интерпретация дореволюционной российской историографии важна для глубокого осмысления темы, так как

самозванчество является сложным и многогранным явлением, повлиявшим не только на социальную и культурную сферу жизни общества, но и на политическую: изменился образ восприятия царя.

Основу исследования составляет анализ работ отечественных историков-классиков XIX – начала XX в. Классической историографией принято называть труды дореволюционных историков, которые имели большое количество работ и являлись родоначальниками какого-либо направления в отечественной исторической науке, разрабатывали фундаментальные темы и направления (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, К.Н. Бестужев-Рюмин, С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский).

Анализ литературы, показывает, что нет однозначного мнения об образе Лжедмитрия I. Историки дают различные оценки политики, описания внешности и характера самозванца, рассматривают разнообразные теории его происхождения: 1) Лжедмитрий – чудом спасшийся царевич Дмитрий; 2) беглый монах – Гришка Отрепьев; 3) незаконнорожденный сын Стефана Батория; 4) Лжедмитрий I – уроженец Западной Руси шляхетского происхождения.

Н.М. Карамзин указывал на то, что под личностью самозванца скрывается Григорий Отрепьев,

это доказывает записка, оставленная Григорием в его келье, где он признался, что приходится сыном Ивана IV [3, с. 125]. Николай Михайлович называет самозванца «презренный бродяга», «безумец», «прошлец», «разстрига», что характеризует Лжедмитрия как обманщика и ненастоящего царя. В отличие от других историков, Карамзин высказывал мысль, что Лжедмитрия никто не подготавливал [3, с. 128]. О личности самозванца ходило много слухов, которые разбирал Н.И. Костомаров. В различных документах он находил противоречивую информацию: самозванец, вор, убийца, чернокнижник. Историк выдвигал интересную теорию о том, что самозванец не настоящий царевич Дмитрий, но он человек, который мнимо верит в то, что он истинный наследник русского престола [6, с. 4]. В работе «Земские соборы» (1864 г.) [5] автор пришёл к выводу, что Дмитрий не был обманщиком, но в следующей своей статье «Марина Мнишек» (1885 г.) [7] Н.И. Костомаров уже признавал, что Дмитрий – не настоящий царевич, он плут, обманщик, самозванец.

С.М. Соловьёв отождествлял Лжедмитрия I с Григорием Отрепьевым. А так же рассматривал мнение о том, что Лжедмитрий – истинный царевич, сын Ивана Грозного, спасшийся от смерти, а убит в Угличе был другой подставной ребёнок. Данная точка зрения, по мнению Соловьёва, не является правдой, так как существует много исторических неточностей в известиях о спасении Дмитрия [10, с. 742]. С.М. Соловьёв рассматривал «Челобитную» Варлаама как важный источник относительно бегства Отрепьева из Москвы. Историк считал данный документ достоверным и не обращал внимания на некоторые исторические неточности, указанные Н.И. Костомаровым [10, с. 752].

Сергей Михайлович не давал точного ответа о происхождении самозванца, но склонялся к версии, что Лжедмитрий был москвич. Иезуиты с ним познакомились уже после того как он признался, что является царевичем Дмитрием. Этот факт доказывает послание папы Павла V к воеводе Сендомирскому, в котором говорится, что самозванец обращён в католичество не иезуитами, а францисканцами [10, с. 746]. Автор был уверен, что Лжедмитрий I несознательный обманщик. Первый самозванец не был поставлен казаками, но в них он нашёл верных соратников. Лжедмитрий I был убеждён в своём непростом происхождении, он был обманут (здесь Сергей Михайлович ссылается на письма Лжедмитрия королю Сигизмунду) [11, с. 270]. В таком случае встаёт вопрос: «Кому было выгодно, нужно появление самозванца?» [10, с. 744]. Историк полагал, что выгодно это было польским вельможам, в том числе и Ю. Мнишкеку.

Д.И. Иловайский видел в появлении самозванца «адский замысел» и «кару небесную» за грехи русского народа. Самозванство, по мнению историка, появилось в польской среде при поддержке западнорусской аристократии, Мнишеки, Сапеги и Вишневецкие – главные виновники [2, с. 2]. Дмитрий Иванович не отождествлял Лжедмитрия I с Григорием Отрепьевым, но и не верил в его царское происхождение [2, с. 19]. Историк считал, что самозванец родился в Западной Руси и относился к классу мелкой служебной шляхты. Такой вывод историк делает, исходя из умения Лжедмитрия очень хорошо говорить на польском языке, а также западнорусское происхождение усматривается в характере и привычках самозванца [2, с. 333]. Д.И. Иловайский считал, что Марина Мнишек, Лев Сапега, русское боярство могли повлиять на становление самозванца [2, с. 328]. Историк подробно анализировал иностранные исторические источники о личности Лжедмитрия I. В работах иностранцев была распространена мысль об истинности царевича, но, по мнению Дмитрия Ивановича, этим источникам нельзя верить [2, с. 324].

Русские источники придерживаются точки зрения, что под самозванцем скрывался беглый монах Григорий Отрепьев. Немногие иностранцы указывали на иноземное происхождение Лжедмитрия [2, с. 325]. Дмитрий Иванович не обошёл стороной и русских историографов. Так, митрополит Платон не знал, кем был самозванец; А.Ф. Малиновский считал, что Лжедмитрия с детства готовили поляки; археограф Беренников первым высказал сомнения в тождестве Лжедмитрия и Гришки Отрепьева; Щербатов отстаивал точку зрения, согласно которой самозванец был подготовлен московскими боярами, желавшими свергнуть Годунова [2, с. 325]. Таким образом, вопрос о подлинности царевича, по мнению Иловайского, невозможно решить по имеющимся историческим источникам.

К.Н. Бестужев-Рюмин, как и все историки рассматриваемого периода, не обошёл стороной запутанное Смутное время и роль первого самозванца в нём. По мнению историка, Дмитрия ожидали ещё в начале правления Годунова. Автор видел много вопросов в появлении самозванца. В вопросе подмены автора смущал тот факт, что самозванец говорил о своём чудесном спасении ночью, если бы ему сообщили правильные сведения, он бы говорил о дневном времени. Для Бестужева-Рюмина эти обстоятельства кажутся странными и тёмными. Константин Николаевич верил в то, что Лжедмитрий не был сознательным обманщиком, и он не Григорий Отрепьев [1, с. 8]. Мнение историка относительно личности Лжедмитрия меняется, сначала он придерживался точки зрения Соловьёва, что мальчика подготовили для роли царевича.

Далее он считал наиболее вероятным спасение Дмитрия. Вопрос о разоблачении расстриги и допросы царевны-матери неоднозначны. К.Н. Бестужев-Рюмин, как истинный историк, ставил под сомнение достоверность информации из исторических источников, он критически подходил к анализу любого источника. Анализируя архив Льва Сапегы, Константин Николаевич указывал на противоречивость его выводов. Далее, изучая этот архив, историк не понимал, зачем Годунов подставлял самозванца [1, с. 28].

С.Ф. Платонов видел причину появления самозванства во враждебно настроенном боярстве против Бориса Годунова. Борьба за престол, по мнению Платонова, породила самозванца Лжедмитрия I. Он появился в русских областях Польши во второй половине 1603 г., как претендент на московский престол. Платонов не утверждал, кем был первый Лжедмитрий, но он верил, что самозванец был уверен в своём царственном происхождении. Эпизод с признанием самозванца инокиней Марфой (Марией Нагой) достаточно любопытен и историк не обходил его стороной. Так как Лжедмитрий верил в своё царственное происхождение, встреча с матерью казалась вполне искренней. Марфа, скорее всего, не верила в чудесное спасение её сына, но она признала самозванца, потому что он мог дать ей статус царской матери, о котором она так мечтала в Угличе [8, с. 62]. Далее Платонов писал о том, что Лжедмитрий запугал Марфу, и она признала его под давлением. Рассмотрев работы отечественных историков, акцентируя внимание на то, что много исторических источников скрыто или вовсе утеряно, многие из них не имеют критического анализа или изданы не научно, Сергей Фёдорович пришёл к выводу, что нельзя считать самозванца Отрепьевым, но и нельзя утверждать, что Отрепьев им не мог быть, истина скрыта.

По мнению В.О. Ключевского, пресечение династии породило феномен самозванства [4, с. 31]. В 42 лекции «Курса русской истории» Ключевский много внимания уделял Смутному времени. Он подробно рассматривал причины, социальный состав, правление царя Бориса Годунова. Лжедмитрию I же особого внимания не уделяется. Ключевский был уверен, что мысль о самозванце возникла в среде боярства с Романовыми во главе [4, с. 36]. Василий Осипович находил в Лжедмитрии I интересную и загадочную фигуру. По поводу личности Лжедмитрия историк высказывался неуверенно, он сомневался в устоявшейся теории, что Лжедмитрий I – это Григорий Отрепьев. Подводя итог, можно сказать, что В.О. Ключевский не уделял особого внимания личности Лжедмитрия I, его больше интересовала роль, сыгранная само-

званцем в период Смутного времени. В.О. Ключевский в лекционном «Курсе русской истории» обходит момент анализа источников, утверждать какими источниками пользовался Василий Осипович при изучении Лжедмитрия I нельзя.

Таким образом, нет полностью доказанной теории о происхождении самозванца, многие историки пытались доказать и отстоять свою точку зрения, но чтобы это сделать однозначно источников недостаточно. Н.М. Карамзина можно считать первым, кто собрал и опубликовал документы по вопросу о личности первого самозванца, затем некоторые новые источники вводились другими историками, например, С.М. Соловьёв впервые стал рассматривать в качестве исторических источников акты. Заслуживает отдельного внимания такой источник, как «Известие Варлаама», он использовался многими историками, но лишь С.Ф. Платонов подверг его глубокому критическому анализу. Н.И. Костомаров пытался доказать ложность «Известия», С.М. Соловьёв наоборот стоял за его достоверность.

Кроме вопроса о происхождении самозванца, в понятие «образ Лжедмитрия I» включается так же описание его внешности и характера, характеристика деятельности и процесс становления исторической личности.

Н.М. Карамзин описывал самозванца как диакона, который вёл соблазнительную жизнь, презирал устав воздержания и целомудрия, любил разговаривать о религии с иноверцами и был даже в тесной связи с анабаптистами [3, с. 224]. Лжедмитрий был среднего роста с широкой грудью, рыжими волосами, круглым лицом, голубыми глазами, нос его был широкий, под правым глазом и на лбу видны были бородавки, одна рука короче другой [3, с. 129]. При этом историк отмечал у самозванца живость и смелость ума, красноречие, благородную осанку, хладнокровность и спокойствие, легкомысленность и вспыльчивость от природы, грубость, надменность, безрассудство, любовь к полякам [3, с. 224]. Лжедмитрий хотел во всём быть похожим на поляка, в одежде, в причёске, в походке; ел телятину, которая считалась грешным яством, не любил баню, не ложился спать после обеда [3, с. 224]. Все увлечения Лжедмитрия казались странными, он любил ездить верхом на диких лошадях, бить медведей, сам испытывал новые пушки и стрелял из них, сам учил воинов. Карамзин особо отмечает вспыльчивый характер самозванца [3, с. 225]. Историк создавал образ расточительного, хитрого, любящего веселье самозванца. Автор был поражён тратами и потехами лжецаря [3, с. 284]. Н.М. Карамзин не отводил большой роли Марине Мнишек в создании образа самозванца, как это делает, например, Д.И.

Иловайский. Вступив на престол, Лжедмитрий сразу начал царствовать, издавать указы, заниматься делами внешней политики (велел догнать английского посла Смита, взять у него письма Бориса Годунова и объявить, что новый царь в Москве). Лжедмитрий клялся, что будет не грозным правителем, а ласковым отцом России. Помимо милостей, Лжедмитрий старался угодить общими благодеяниями. Таким образом, Н.М. Карамзин показывал, что Лжедмитрий пытался удовлетворить все слои населения.

С.М. Соловьёв характеризовал лжецаря как человека с блестящими способностями, пылкого, впечатлительного, воспитанного, легко увлекающегося, уверенного в своём происхождении и предназначении. Сергей Михайлович согласен с описанием внешности самозванца современниками [10, с. 750]. Д.И. Иловайский характеризовал Лжедмитрия I как хитрого, расчётливого, легкомысленного, предприимчивого, красноречивого, харизматичного, храброго, ловкого, романтического и мечтательного. Самозванец представлялся человеком не молодым, худощавым, не высокого роста, с рыжими волосами, серыми глазами, звучным голосом [2, с. 17]. Лжедмитрий не был занят вопросом об истинной вере, он с лёгкостью принимает католичество.

Иловайский неоднократно отмечал военные способности Лжедмитрия [2, с. 48], но утверждал, что самозванец не один принимал решения, у него была отличная команда из агентов или покровителей (к ним же и относится Григорий Отрепьев), которые набирали людей в войско и шпионов. Лжедмитрий I предстаёт перед историком как легкомысленный правитель, он любил скакать на бешеных лошадях, на охоте сам гонялся за волком и лисой, на медведя хотел лично выйти с рогатиной. Такие случаи произвели странное впечатление на народ, подобные подвиги унижают царское достоинство. [2, с. 45].

Характеризуя самозванца, К.Н. Бестужев-Рюмин сравнивал его с Генрихом IV: храбрый, великодушный, хвастливый, любит удовольствие и войну. Самозванец не был католиком. Для историка был интересен портрет Лжедмитрия, была ли бородавка и как подстрижены волосы, но ответа на этот вопрос он не даёт. К.Н. Бестужев-Рюмин предоставил новые сведения, ранее не встречаемые у историков. Например, он упоминает, что в «Известиях Археологического общества» обратили внимание, что расстрига готовился к войне не с Турцией, а с Польшей. Константин Николаевич отмечал огромную роль казаков в победе самозванца и акцентировал внимание на легкомысленности Лжедмитрия.

С.Ф. Платонов в «Лекциях по Русской истории» отмечал острый ум самозванца и умение проводить политические дела: он легко решал те вопросы, о которых долго думали бояре и не могли решить [8, с. 60]. В другой работе Сергея Фёдоровича «Смутное время» Лжедмитрий предстаёт уже в невыгодном свете [9, с. 76]. Такой образ создали ему те, кто служил, и кому приходилось оправдывать свою приверженность к Лжедмитрию. В вопросе внешности самозванца Платонов не вносил новых элементов и описывал Лжедмитрия следующим образом: в целом некрасив, разной длины руки, бородавка на лице, большой нос, волосы торчком, неизящная фигура, несимпатичное лицо [9, с. 70].

В.О. Ключевский, как и многие историки, отмечал нехарактерный для московских царей образ жизни самозванца: не спал после обеда, не ходил в баню, со всеми обращался просто, не по-царски, чуждался жестокости, сам вникал во все дела, сам обучал ратных людей [4, с. 38]. Таким поведением он заслужил привязанность в народе. Но не все верили в подлинность царя, хотя сам самозванец ощущал себя законным, природным царём, уверенным в своём царственном происхождении. Но как у самозванца сложился такой взгляд на себя остаётся загадкой. Историк видел в Лжедмитрии правителя совершенного иного, какого ещё не было на русском престоле. Самозванец созвал земский собор по делу о князьях Шуйских, распространивших слухи о его самозванстве. Смертный приговор, вынесенный этим собором, Лжедмитрий смягчил ссылкой, а вскоре и вовсе вернул ссылных и возвратил им титул боярства. Причину разоблачения и заговора против Лжедмитрия историк видел в том, что самозванец не оправдал ожидания бояр. У Лжедмитрия был свой план политических действий. Особенно не нравилось боярам приближение к престолу мнимой незнатной родни царя и его слабость к иностранцам [4, с. 39]. Своим нестандартным для русского царя поведением Лжедмитрий разжигал против себя нарекания и недовольство в знатной среде московского общества, в то время как на окраинах в народных массах популярность его только возрастала.

Итак, среди историков-классиков сложилось несколько версий о происхождении первого самозванца. Первая версия говорит о том, что самозванец – это Гришка Отрепьев (Н.М. Карамзин). Многие историки-классики данную теорию не поддерживали, но и не говорили прямо, кем являлся первый Лжедмитрий. В.О. Ключевскому и вовсе не важна личность Лжедмитрия I, он был заинтересован его ролью в истории. Интересна гипотеза Д.И. Иловайского, который говорил о том, что самозванец был западнорусского проис-

хождения или даже сыном Стефана Батория. Не менее важен вопрос об истинности царя, а точнее его психологическом аспекте. С.Ф. Платонов утверждал, что самозванец был уверен в своём царственном происхождении. Такой же точке зрения придерживались Н.И. Костомаров, С.М. Соловьёв и К.Н. Бестужев-Рюмин. Они писали, что самозванец сам был кем-то обманут, и ему внушали, что он является истинным царевичем. Н.М. Карамзин же был уверен в том, что самозванец – сознательный обманщик.

Отсюда вытекает следующий вопрос, кому было нужно появление самозванца, какие были мотивы у этих людей? С.М. Соловьёв отвечая на этот вопрос, полагал, что выгодно это было польским вельможам, в том числе и Ю. Мнишеку. С.Ф. Платонов считал, что в появлении самозванца нужно винить русское боярство, которое было против Б. Годунова, и Лжедмитрий был инструментом в их руках. В.О. Ключевский также был уверен, что в создании образа самозванца не обошлось без боярства с Романовым во главе. Д.И. Иловайский отводил большую роль в создании образа самозванца Марине Мнишек и её семье. Так же историк не отрицал роль Льва Сапегу в этом вопросе.

Описание внешности первого самозванца историками-классиками сводится к следующему образу: низкий рост, худощавое телосложение, рыжие волосы, голубые глаза, широкий нос, бородавка на

лице. Многие историки отмечали в характере самозванца негативные черты: легкомыслие, расточительность, безрассудство, хитрость. Положительные стороны: острый ум, даровитость, предприимчивость, спокойствие, храбрость, умение убеждать. Исследователи указывали на нехарактерный для московских царей образ жизни самозванца: не признавал царского этикета; не посещал церковь; не любил баню; не спал после обеда; общался со всеми просто; избегал жестокости; сам вникал во все дела, сам обучал ратных людей; окружил себя поляками.

Историки-классики обращали внимание на военные способности лжецаря и умение управлять государством. Н.М. Карамзин, например, писал, что, вступив на престол, Лжедмитрий сразу начал царствовать, издавать указы, заниматься делами внешней политики. С.Ф. Платонов подтверждал данную точку зрения и отмечал острый ум самозванца и умение проводить политические дела. К.Н. Бестужев-Рюмин обратил внимание на то, что самозванец даже готовился к войне с Польшей. В.О. Ключевский, которого интересовала роль самозванца в истории, указывал на совершенно другой тип правителя, которого ещё не было в Русском государстве. В противовес им, Д.И. Иловайский рисовал образ самозванца как легкомысленного правителя.

Литература

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о смутном времени. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1898. 81 с.
2. Иловайский Д.И. История России. М.: типография М.Г. Волчанинова, 1894. Т. 4. 736 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: типография Н. Греча, 1824. Т. 11. 477 с.
4. Ключевский В.О. Курс Русской истории. М.: типография Г. Лисснера и Г. Совко, 1908. Т. 3. 476 с.
5. Костомаров Н.И. Кто был первый Лжедмитрий? СПб.: типография В. Безобразова, 1864. 78 с.
6. Костомаров Н.И. Лжедмитрий Первый. По поводу современного его портрета. 1606 г. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 1 – 8.
7. Костомаров Н.И. Марина Мнишек // Исторический вестник. 1885. Т. 19. С. 5 – 11.
8. Платонов С.Ф. Лекции по Русской истории. СПб.: Столичная Скоропечатня, 1899. 210 с.
9. Платонов С.Ф. Смутное время. СПб.: Время, 1923. 168 с.
10. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. СПб.: издание Высочайше утверждённого Товарищества «Общественная польза», 1858. Кн. 2: Т. VI-X. 871 с.
11. Соловьёв С. М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. №. 2. С. 265 – 281.

References

1. Bestuzhev-Rjumin K.N. Pis'ma Konstantina Nikolaevicha Bestuzheva-Rjumina o smutnom vremeni. SPb.: tipografija M. M. Stasjulevicha, 1898. 81 s.
2. Ilovajskij D.I. Istorija Rossii. M.: tipografija M.G. Volchaninova, 1894. T. 4. 736 s.
3. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. SPb.: tipografija N. Grecha, 1824. T. 11. 477 s.
4. Ključevskij V.O. Kurs Russkoj istorii. M.: tipografija G. Lissnera i G. Sovko, 1908. T. 3. 476 s.
5. Kostomarov N.I. Kto byl pervyj Lzhedmitrij? SPb.: tipografija V. Bezobrazova, 1864. 78 s.
6. Kostomarov N.I. Lzhedmitrij Pervyj. Po povodu sovremennogo ego portreta. 1606 g. Russkaja starina. 1876. T. 15. № 1. S. 1 – 8.
7. Kostomarov N.I. Marina Mnishek. Istoricheskij vestnik. 1885. T. 19. S. 5 – 11.

8. Platonov S.F. Lekcii po Russkoj istorii. SPb.: Stolichnaja Skoropechatnja, 1899. 210 s.
9. Platonov S.F. Smutnoe vremja. SPb.: Vremja, 1923. 168 s.
10. Solov'jov S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. SPb.: izdanie Vysochajshe utverzhdjonnogo Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za», 1858. Kn. 2: T. VI-X. 871 s.
11. Solov'jov S. M. Zametki o samozvancah v Rossii. Russkij arhiv. 1868. №. 2. S. 265 – 281.

*Antonovskaya E.A.,
Zagorskaya secondary school,
Khudoleev A.N., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute,
Kemerovo State University*

The image of False Dmitry I in the Russian Pre-revolutionary classical historiography

Abstract: the article is devoted to the study of the construction of the image of False Dmitry I in the works of classical Russian historians of the XIX – early XX century. Scientists pay enough attention in their works to the personality and activities of False Dmitry I, which indicates the importance and relevance of the topic of imposture in Russian pre-revolutionary historical science. The article considers the following questions: who was the first False Dmitry; description of the appearance and character of the impostor, similarity with the real Tsarevich Dmitry; who prepared the impostor; the role of Marina Mnishek in creating the image of False Dmitry I; a new type of tsar (description of the actions of the liar on the Moscow throne). Pre-revolutionary historical science did not come to a consensus regarding the identity of the first impostor. The points of view on this issue are diverse, and often opposite. Regarding the role of Marina Mnishek in the preparation of the impostor, opinions also differ, but almost all historians agree in describing the appearance and character of the adventurer. The role of the Cossacks in the victory of the impostor and the theme of False Dmitry 's religiosity in the Russian classical historiography of the XIX – early XX centuries . it remains poorly studied.

Keywords: False Dmitry I, imposture, Time of Troubles, Russian classical historians, historical thought, pre-revolutionary historiography

For citation: Antonovskaya E.A., Khudoleev A.N. The image of False Dmitry I in the Russian Pre-revolutionary classical historiography. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 110 – 115.

Received: May 25, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Ярцев С.В., доктор исторических наук, профессор,
Шушунова Е.В., ассистент,
Внуков А.А., ассистент,*

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

**Особенности этнокультурного взаимодействия в этноконтактной зоне
Восточного Крыма во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалу
новейших археологических исследований в Аджиэльской балке)**

*Работа выполнена за счёт гранта РНФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие
в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н.э.*

Аннотация: в статье исследуется сложная тема взаимодействия различных этносов в этноконтактной зоне Восточного Крыма во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. С целью выявления особенностей такого этнокультурного взаимодействия авторы вводят в научный оборот новый материал собственных археологических раскопок в Восточном Крыму. Опираясь на методику источникового анализа и используя сравнительно-типологический метод исследования, авторы предлагают свою концепцию этнического взаимодействия на территории Европейского Боспора в указанное время. Так, по их мнению особенности этнического взаимодействия на Европейском Боспоре были обусловлены конкретной военно-политической ситуацией в регионе. В начале данного периода здесь функционировала созданная царем Асандром сложная система укреплений и военных поселений, службу в которых несли полиэтнические варвары – георги, жившие на царских землях и ориентированные на боспоро-римское противостояние. Такая политика являлась в какой-то степени продолжением линии борьбы с Римом Митридата IV Евпатора, в проведении которой могущественный царь опирался именно на варваров, а не на гражданскую общину. Затем, после уничтожения в конце I в. до н.э. указанных укреплений римским ставленником Полемоном, оборона западных рубежей государства стала строиться на других принципах, скорее всего, с опорой на греческие постоянные воинские части собственной армии и возможно варварских наемников, разумеется, также, как и ранее, не имеющих гражданских прав и живших на царской земле. В дальнейшем после боспоро-римской войны 45–49 гг., когда римляне окончательно подчинили Боспорское царство своему влиянию, такие варвары стали играть более существенную роль в проводимой римлянами политике. В обмен за выделенные им земли, указанные выходцы из Барбарикума, возможно именовавшиеся тафриями, несли службу в крепостях и укреплениях, возводимых на Европейском Боспоре, в том числе и при помощи римских инженеров. Следовательно, если для греческих правителей в государствах эллинистического типа, в первую очередь, гражданская община являлась главной опорой власти, то для римлян и греков на Боспоре, такой важнейшей опорой стали, как древние полисные структуры, так и варвары, поддающиеся к интеграции в античное пространство и выступающие своеобразным гарантом крепкой монархической проримской власти в государстве.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, Узунларский вал и ров, археологический памятник «Аджиэль I», царь Асандр, военные поселенцы, георги, сатархи, тафрии

Для цитирования: Ярцев С.В., Шушунова Е.В., Внуков А.А. Особенности этнокультурного взаимодействия в этноконтактной зоне Восточного Крыма во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. (по материалу новейших археологических исследований в Аджиэльской балке) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 116 – 128.

Поступила в редакцию: 30 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Этническая история Керченского полуострова римского периода, несмотря на многолетние раскопки в регионе, продолжает оставаться серьезной проблемой исторической науки. Результаты проведенных исследований, пока не позволяют установить конкретные этносы, которые проживали в это время на территории Восточного Крыма. Основные причины таких пробелов в наших знаниях истории полуострова связаны, как с фрагментар-

ностью дошедших до нас письменных источников, так и с недостаточной изученностью археологических памятников региона, в том числе и с малой известностью некрополей предшествующего времени. Не способствует проведению полноценных исследований в области этнической истории Европейского Боспора и слабая выразительность археологических источников данного периода. В этой связи раскопки любого нового памятника

указанного времени, позволяющие уточнить отдельные вопросы истории проживавших на территории Восточного Крыма народов и отдельных этнических групп, могут только приветствоваться.

Уже в III – I вв. до н.э., когда после периода исчезновения памятников боспорской хоры в период кризиса III в. до н.э. (начало / середина вторая четверть – третья четверть III в. до н.э.), территория Восточного Крыма просто обезлюдела (Strabo, VII, 4, 5), здесь вновь начинают возникать поселения и укрепленные городища. Однако определить точный этнический состав этого нового населения в регионе, пока не представляется возможным. Можно лишь с уверенностью сказать, что он начинает приобретать сложный полиэтнический характер. Казалось бы, анализ местной лепной керамики данного времени, указывает на наличие здесь позднескифских параллелей. Однако сложность выявления новых некрополей указанного времени, по своему расположению отличающихся от хорошо известных более ранних могильников, однозначно свидетельствует об изменении этнического состава Восточного Крыма [38, с. 26-35; 32, с. 26-181; 35, с. 85]. На это же указывает культурное доминирование эллинского элемента в духовной жизни нового населения и устойчивое сохранение традиций почитания древних сельских святынь в последующие века. Такое сохранение некоторого количества старого греческого населения в регионе, вместе с фиксируемыми варварскими компонентами, подтверждает выводы о сложном полиэтническом составе жителей боспорских городов и поселений в римское время [34, с. 9-407; 35, с. 84-85; 18, с. 250-257]. К сожалению, точный состав этого смешанного греко-варварского населения, продолжает оставаться неизвестным.

Скорее всего, именно этих новых людей стали называть земледельцами – георгами, которые, тем не менее «соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев» (Strabo, VII, 4, 6). Обращает на себя внимание, что данное наименование указанных жителей Восточного Крыма принципиально не связано с известными этносами, что подтверждает их полиэтнический состав. Более того, исходя из контекста этого места сочинения Страбона, в котором рассказывается о георгах, выходит, что именно данное земледельческое население, было взято под защиту боспорским царем Асандром, посредством возведения некой оборонительной стены с башнями (Strabo, VII, 4, 6). Считается, что данная оборонительная линия (состоящая из вала, рва и башен), которая блокировала проход со стороны Крымской Скифии на большую часть Керченского полуострова, является древним Узунларским валом и рвом, по-видимому, восстановленным в I в. до н.э. боспорским царем [33, с. 36-113,

208]. Следовательно, считать георгов исключительно осевшими на землю скифами, не представляется возможным [36, с. 55; 49, с. 59], хотя последние в данное время, действительно могли составлять значительную часть сельского населения Европейского Боспора [39, с. 268-269].

Учитывая, что люди, возвращающиеся в Восточный Крым под защиту укреплений Асандра, скорее всего, представляли собой совершенно новое этнокультурное население [35, с. 84-85], в его состав вполне могли войти и какие-то группы осевших на землю кочевников, например сарматов (сатархов?), которые до этого, не всегда вели себя мирно по отношению к античным городам и поселениям. Указанные сатархи, в свое время, могли нападать на боспорские города и даже в числе прочих варваров разгромить в середине II в. до н.э. Танаис [43, с. 46, 48, 116]. Учитывая, что эти племена, как часть сакского племенного объединения, фигурировали еще где-то в районах Средней Азии на границах Персии (Sol., 49, 5-7), вполне правомерно отождествление их с тохарами (юечжи) («сильными», «господствующими», «царскими»), то есть с иранскими племенами [13, с. 140-143]. При этом полностью отождествлять георгов Страбона и сатархов Плиния (Plin. NH., IV, 85) и Мелы (Mela, II, 1,3), как это делает В.С. Ольховский, мы бы не стали [40, с. 57–58]. Тем более что при локализации данных варваров в Северном Крыму в районе Присивашья (Mela, II, 2-4) [42, с. 47; 44, с. 36–43], большая часть из них территориально не могла войти в состав боспорского населения, и вряд ли поэтому относилась к земледельческому населению. Однако, то обстоятельство, что некоторые из сатархов, разбитые предположительно во II веке до н.э. Посидеем, сыном Посидея, упоминаются в качестве «пиратствующих сатархеев» (IOSPE, I², 672), что сразу вызывает ассоциации с пиратствующими георгами (Strabo, VII, 4, 6), позволяет предположить, что какая-то часть этих осевших на землю кочевников, действительно могла проживать в I в. до н.э. в Крымском Приазовье и при царе Асандре попасть под юрисдикцию Боспорского царства. Ситуация хорошо согласуется со свидетельством Помпония Мелы, который переходя к описанию Керченского полуострова и следуя от Перекопа, довольно определенно указал, что «затем косая полоса земли, спускающаяся к Боспору, ограничивается Понтом и Меотидой. Сторону ее, обращенную к Болоту, занимают сартаги ...» (Mela, II, 1,3). Со временем данные люди могли потерять свою этническую идентичность и, смешавшись с другими местными группами превратиться в георгов-земледельцев [49, с. 60-61]. Те же из варваров, которые, хотя и испытывали постоянное давление внешних врагов,

но не хотели попадать под власть боспорского царя, во II–I вв. до н.э., скорее всего, переселились из Крымского Приазовья в окрестности Феодосии, что подтверждается археологическими источниками [25, с. 21-31; 26, с. 64-65; 46, с. 64-65].

Остальные крымские варвары тавроскифы или скифотавры занимающие предгорные районы полуострова, где «с запада их ограничивает Новый Херсонес, с востока – скифы-сатархи» (Plin. NH., IV, 85), вероятно стали получать от правителей Боспора периодические выплаты, которые вместе с другими обстоятельствами помогали обеспечивать относительное спокойствие на границах [37, с. 188]. Более того не исключено, что в рамках договорных отношений закрепленных династическими связями, скифам теперь предоставлялась возможность на правах союзных войск или наемников, участвовать в боспорских военных операциях (Polyaen. VI, 9, 4; Diod. XX, 22, 4) [4, с. 97; 5, с. 55-87; 38, с. 38; 39, с. 268-269; 17, с. 52-54]. Любопытно, но именно на варваров решил опереться в своей борьбе против Рима Митридат IV Евпатор. Более того, правитель Понта отказавшись от поддержки боспорских полисов стал активно формировать царскую хору, на которой и создавалась целая сеть военно-хозяйственных поселений [49, с. 73-74]. Логично, что в такой ситуации, некоторые боспорские города, наоборот, выступили на стороне римлян. Фанагория, например, после смерти Митридата IV Евпатора, за то, что первой восстала против последнего, вообще получила полную автономию и свободу от власти боспорских царей (App. Mithr., 113). К варварам же, наоборот, у римлян в данное время было неоднозначное отношение. Дело в том, что опираясь на этом этапе своей военно-политической экспансии, римляне к интеграции в античное пространство допускали только племена, поддающиеся влиянию греко-римской культуры или уже в достаточной степени эллинизированные. Остальные варвары, выступающие против установления мировой римской гегемонии, должны быть или уничтожены или превращены в рабов [49, с. 247-248].

Все это хорошо проявилось в ходе дальнейших событий, когда боспорский царь Асандр, провел мероприятия по укреплению границ государства, связанные, скорее всего, с восстановлением древних валов и рвов и возведением здесь системы сторожевых башен (Strabo, VII, 4,6). При этом в указанных укреплениях, стали нести службу гарнизоны антиримски настроенных варваров [30, с. 180-182; 46, с. 116; 49, с. 83]. Не вызывает сомнений, что в том числе и по этой причине все данные воинские контингенты впоследствии пострадали от рук римского ставленника Полемона [31, с. 158-167; 33, с. 212, 230]. В этой связи крайне важным

для понимания дальнейшей сложившейся ситуации на Боспоре, является решение проблемы термина «τάφρος» (рвы), который упоминается в источниках не только в качестве местности (Mela, Chorog., II, 4) или города в районе Перекопского перешейка (Plin., NH, IV, 85), но и этнонима (Strabo, Geog., VII, 3, 19). Правда учитывая, что город Тафр на самом деле располагался «внутри Таврического Херсонеса» (Ptolem., Geog., III, 6,5), то есть внутри Крымского полуострова, можно допустить о месте локализации тафриев здесь же на Керченском полуострове. По мнению В.Г. Зубарева, это могло произойти по причине путаницы у античных авторов с перешейками Крыма, из-за чего данный полуостров был ошибочно растянут Птолемеем по ширине и длине вплоть до Перекопа [19, с. 31-35].

Противоречия в источниках касательно этнонима тафриев вызвало большую полемику среди ученых. Был высказан ряд соображений, что тафрии это потомки слепых рабов [15, с. 91], древних племен эпохи раннего железа живших в районе Перекопа [48, с. 148; 36, с. 56] или даже кизилкобинского населения предгорий и крымских степей, позднее смешавшихся со скифами и сатархами [40, с. 60, 63]. В дальнейшем, в рамках прошедшей научной дискуссии, наиболее предпочтительней стала выглядеть версия, что тафриями могли называть любых варваров (например, тех же сатархов), которые переселялись в районы земляных укреплений (рвов) [13, с. 135; 46, с. 89]. С данной гипотезой пересекается и мнение, что именно Степной Крым, ограниченный рвами, возможно и наименовался в античных источниках местностью Тафр [20, с. 236-238; 21, с. 40-41]. Следовательно, тафриями вполне могли быть хорошо известные боспорские военные поселенцы, которые царем Асандром были расселены в ключевых местах земляных оборонительных сооружений Крыма [49, с. 78-97]. Тем не менее, даже с учетом этого мнения, результаты последних археологические раскопок в балке Аджиэль на северном участке Узунларского вала, позволяют в значительной степени скорректировать указанные выводы.

Во-первых, необходимо обратить внимание, что хронологические рамки, в которых упоминаются тафрии и Тафр, позволяют связать нам данных варваров, местность и город, не только с деятельностью Асандра, но и с последующим периодом утверждения власти Рима в регионе. Именно в это время началась перестройка всей системы обороны рубежей, попавшего в зависимость от империи Боспорского царства. При этом если вначале в данный процесс, в какой-то степени, еще вносила свои коррективы царская власть, то после

боспоро-римской войны 45-49 гг. и поражения Митридата VIII (III), внешнеполитические устремления Боспора, по-видимому, полностью попали под контроль Римской империи. Обустройство западных рубежей государства теперь происходило с опорой на хорошо продуманную систему крепостей (Артезиан, Илурад, Ново-Отрадное, Михайловское городище, Белинское городище, возможно Киммерик и других), в которых размещались воинские гарнизоны боспорской армии и отряды варварских наемников, поддерживающих уже проримски настроенных правителей [6, с. 225-241; 7, с. 90-94; 27, с. 151-155; 11, с. 104, 182-183; 41, с. 124; 49, с. 147-148; 19, с. 15-16; 24, с. 250-255]. Вряд ли в этих изменившихся условиях римляне и поддерживающая их боспорская знать, смогли назвать одних из своих союзников и тем более новую крепость, наименованием производным от слова «тафрос», если бы ранее под таким именем получили бы известность варвары, выступившие против Рима.

Во-вторых, археологический материал, полученный в ходе исследования нового объекта «Аджиэль I», похоже позволяет скорректировать наши представления о варварах, которые несли службу в пограничных боспорских укреплениях в указанное время. Памятник «Аджиэль I» был открыт в 2017 году в ходе археологических разведок Аджиэльской балки под руководством С.В. Ярцева, с опорой на указания местных жителей, анализ подъемного материала, в том числе и из грабительских ям. Существенная помощь на начальном этапе выявления нового археологического объекта, была получена от научного сотрудника Института археологии Крыма РАН Д.В. Бейлина. «Аджиэль I» имеет к теме нашего исследования самое прямое отношение, так как данный памятник располагается в стратегическом для обороны Боспора районе в Аджиэльском урочище – естественном защитном рубеже Восточного Крыма. Балка с достаточно крутыми и даже временами обрывистыми скальными склонами, несмотря на то, что ее длина, вместе с рукавами, не превышает 12–15 км, отгораживает значительную часть Керченского полуострова по направлению северо-запад – юго-восток. При этом обилие воды и пло-

дородной почвы в окрестностях объясняет, почему именно это место оказалось под защитой Узунларского вала и рва [22, с. 110-136; 23, с. 173-179]. На одном из обрывистых мысов данного урочища, фактически напротив одного из проходов в Узунларской оборонительной линии (в 1,7 км), в ходе разведок, в том числе и с проведением локальных земляных работ, были обнаружены остатки фундамента круглого сооружения (возможно сторожевой башни) и слой мощного зольника расположенного ниже по склону. Судя по выявленным следам подтёсов на скальных склонах и дне балки в районе выявленного памятника и реки Аджиэль, здесь в античное время, похоже проходила важная дорога, которая по мосту через указанный выше проход через Узунларский ров и вал, шла отсюда на Тарону и далее к Пантикапею [50, с. 25-29]. Было даже высказано предположение, что такая дорога вместе с выявленной (сигнальной?) башней, могла соединять Узунларскую линию с валом «Безкровного» в единую эшелонированную систему обороны западных рубежей Европейского Боспора, успешно функционирующей во второй половине I в. до н.э. при царе Асандре [51, с. 108-115].

Тем не менее, новейший археологический материал с памятника «Аджиэль I», свидетельствует о более широком периоде его существования. Судя по обнаруженным в культурном слое профилированным частям амфор типов С I, С II, С III, Син III по С.Ю. Внукову и некоторым формам краснолаковой посуды, памятник в целом можно датировать I в. до н.э. – I в. н.э., вплоть до начала II в. н.э. Что же касается этнического состава людей оставивших данный памятник, то в этой связи вызывает определенный интерес находки здесь фрагментов лепной посуды, в том числе и с характерными налестями, схожей с позднескифской керамикой. Правда, аналог одного такого рисунка своеобразного орнамента не удалось точно выявить. Однако, по причине того, что похожие формы налестей встречаются именно у поздних скифов [8, с. 108, рис. 41], вполне можно допустить о позднескифском происхождении и сложной формы налестей в виде гирлянды на стенке лепного сосуда из культурного слоя Аджиэль I (рис. 1).

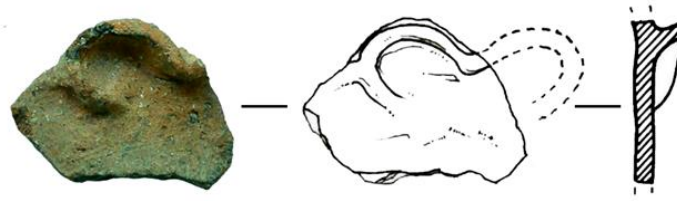

Рис. 1. Археологический объект «Аджиэль I». Фрагмент стенки лепного сосуда с наделом сложной формы

Тем не менее, обнаруженные здесь изделия вторичного использования – грузила искусно сделанные из ручек сосудов, в том числе и из ручек амфоры типа С I по С.Ю. Внукову (рис. 2), косвенно свидетельствуют больше о локальной

меотийской традиции местных варваров, промысляющих рыбным промыслом и давно живущих на побережье Азовского моря, где как раз и встречаются такие предметы [2, р. 51; 29 с. 76, рис. 4, 11], чем о позднескифской культуре.

Рис. 2. Археологический объект «Аджиэль I». Изделия вторичного использования – грузила из ручек сосудов и амфор

Не исключено, что памятник «Аджиэль I» сохранил следы пребывания нескольких поколений варваров, начиная с эпохи царя Асандра и заканчивая последующим периодом, когда в ходе проведения римской политики по защите своего клиентского государства, в возводимых в I – II вв. н.э. в крепостях и укреплениях Европейского Боспора, расселялись уже проримски настроенные наемники. Ранее мы уже высказывали мнение, что римляне на данном этапе допускали к интеграции в античное пространство, как правило, только элли-

низированных варваров или же выходцев из Барбарикума, поддающихся воздействию греко-римской культуры [49, с. 247-248]. Надо сказать, что как раз именно с этого времени с I в. н.э. у римлян начинает накапливаться подобный опыт взаимодействия с подобными племенами. Здесь уместно вспомнить императора Тиберия (14 – 37 гг.), разместившего на территории империи сначала маркоманов Маробода, затем и варваров готона Катуальды (Suet. v. Tib., 37; Vell. Pat., II, 129, 3; Tacit. Ann., II, 63). Подобную политику продолжил

и Марк Аврелий (161 – 180 гг.), расселивший германцев в Равенне (Dio Cass., LXXI, 11, 4-5). Позднее подобные выходцы из Барбарикума будут известны в качестве варваров летов, обязанных не только нести военную службу, но и заниматься земледелием на выделенных им римских, пустующих землях, которые им запрещено было покидать [3, с. 26].

По нашему мнению, многие из артефактов из культурного слоя «Аджиэль I», на боспорском материале, демонстрируют именно этот начальный

римский период взаимоотношений с варварами в I в. н.э. Так, например, удивляет концентрация здесь находок произведенной на месте посуды по импортным римским образцам. При этом особое внимание следует уделить фрагменту горшка с ручкой, имитирующему краснолаковый сосуд (Рис. 3), который известен в Северном Причерноморье исключительно на римских памятниках, и в первую очередь в Хараксе [14, с. 162, 165, рис. 1, 9].

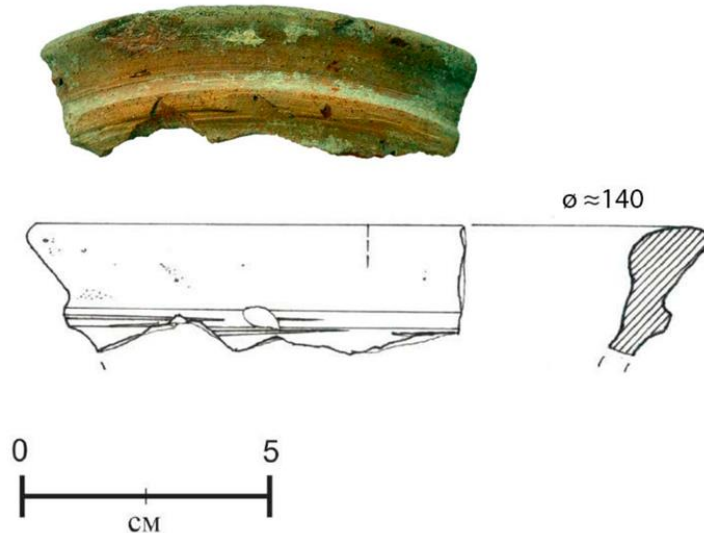

Рис. 3. Археологический объект «Аджиэль I». Фрагмент сложно профилируемого венчика горшка с ручкой из глины коричневого цвета

Вызывает интерес и найденный фрагмент венчика со стенкой красноглиняного сосуда (Рис. 4), имитирующего редкий двуручный краснолаковый кувшин-амфору из комплекса середины I в. н.э. позднескифского городища Кара-Тобе [47, с. 170, 171, рис. 4, 7]. На импортное происхождение подобных сосудов указывает то обстоятельство, что как отмечал М.С. Шапцев, единственной аналогией такому кувшину-амфоре является подобный

предмет I в. н.э. обнаруженный на Гераклейском полуострове вблизи Херсонеса [52, р. 229]. Однако в нашем случае на венчик сосуда по сырой глине грубо и небрежно были нанесены насечки, напоминающие орнаментацию венчиков краснолаковой посуды в стиле крупнейшего производителя второй половины I в. н.э. мастера Северной Италии Гн. Атея [12, ч.1, с. 38, 128; ч. 2, с. 30, таб. 28, 15].

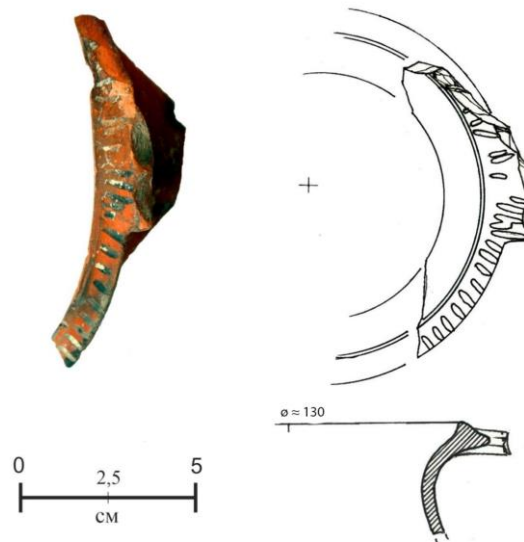

Рис. 4. Археологический объект «Аджиэль I». Фрагмент венчика красноглиняного сосуда с насечками

Помимо отмеченных экземпляров на «Аджиэль I» типичными здесь также являются находки фрагментов сероглинянной посуды с достаточной

степени точностью имитирующей римскую краснолаковую и чернолаковую керамику позднеэллинистического периода (рис. 5).

Рис. 5. Археологический объект «Аджиэль I». Фрагменты сероглинянной посуды имитирующей римскую краснолаковую и чернолаковую керамику позднеэллинистического периода

Может именно таких эллинизированных варваров проживающих в укреплениях Боспорского государства и называли тафриями. Вероятно, они несли воинскую службу в крепостях на западных рубежах государства, обеспечивая охрану границ в период, когда начиная со второй половины I в. н.э. под эгидой Рима здесь происходило интенсивное строительство крепостей и укреплений. В нашем же случае, не исключено, что в районе «Аджиэль I» могли проживать не только собственно тафрии, но и, какое-то время, высокопоставленные римляне (например, инженеры, возводившие в начале

II в. оборонительные стены Белинского городища), для которых и производилась на месте многочисленная посуда, подражающая дорогим римским образцам. В пользу такого вывода, по нашему мнению, может свидетельствовать и находка в культурном слое «Аджиэль I», фрагмента стенки довольно редкого варианта сосуда из темно-коричневой глины с примесью мелких частиц слюды и с орнаментом в виде вертикальных каннелюр и горизонтальных врезных линий (рис. 6).

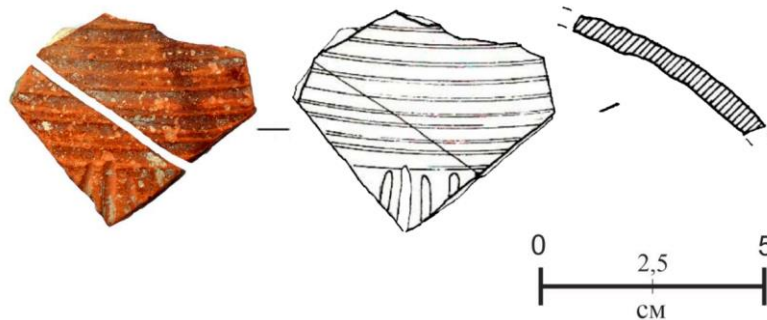

Рис. 6. Археологический объект «Аджиэль I». Фрагмент стенки сосуда из темно-коричневой глины с орнаментом в виде вертикальных каннелюр и горизонтальных врезных линий

Известно, что данные сосуды с каннелированным туловом являются продуктом малоазийского производства и датируются второй половиной I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. [16, с. 283]. Однако обращает на себя внимание, что почти все известные нам находки экземпляров такой керамики покрыты лаком, обычно темного черного матового цвета. В этой связи датировка ее I в. до н.э. не вызывает сомнений [28, с. 164, рис. 4, 9; 45, с. 291, 292, табл. 7, 3, 5; 9, с. 98, рис. 7]. Тем не менее, заметим, что в Северном Причерноморье такая керамика фигурирует и в слоях I в. н.э. Так находка сосуда с каннелированным туловом из Танаиса происходит из слоя засыпи сформированного уже после разрушений Полемоновской военной карательной акции [1, с. 59, рис. 9, 2]. Более того, похоже, что самые поздние экземпляры такой посуды, отличаются от ранних, отсутствием лакового покрытия. Ближайший к нам аналог подобного, скорее всего позднего сосуда, фактически идентичного нашему варианту, происходит также из Восточного Крыма из слоя святилища Туар-Алан II-I вв. до н.э. [10, с. 80, 129, рис. 15, 3]. В этой связи заметим, что в святилище встречаются и вещи первого века н.э., а активное функционирование данного объекта фиксируется авторами раскопок вплоть до первой четверти I в. н.э. [10, с. 114].

В этой ситуации мы не можем исключить и факт проникновения в Восточный Крым поздних экземпляров такой посуды малоазийского произ-

водства, непосредственно вместе с римлянами. Напомним, что римский отряд под командованием Г.Юлия Аквиллы прибыл на территорию полуострова на помощь Котису, именно с территории Малой Азии из провинции Вифинии-Понт (Тас. Анн., XII, 15–21). Следовательно, находки такой посуды в контексте других артефактов варварской культуры, может отражать серьезные изменения политики римлян по отношению к окрестным варварам, что наиболее отчетливо начинает фиксироваться источниками только со времени изменения военно-политической ситуации в Северном Причерноморье при царе Фарзое [49, с. 105–128].

Таким образом, особенности этнокультурного взаимодействия на территории Восточного Крыма во второй половине I в. до н.э. – I в. н.э. были обусловлены конкретной военно-политической ситуацией в регионе. В начале данного периода здесь функционировала созданная царем Асандром сложная система укреплений и военных поселений, службу в которых несли полиэтнические варвары – георги, жившие на царских землях и ориентированные на боспоро-римское противостояние. Такая политика являлась в какой-то степени продолжением линии борьбы с Римом Митридата IV Евпатора, в проведении которой могущественный царь опирался именно на варваров, а не на гражданскую общину. Затем, после уничтожения в конце I в. до н.э. указанных укреплений римским ставленником Полемоном, оборона западных рубежей государства стала строиться на других

принципах, скорее всего, с опорой на греческие постоянные воинские части собственной армии и возможно варварских наемников, разумеется, также, как и ранее, не имеющих гражданских прав и живших на царской земле. В дальнейшем после боспоро-римской войны 45-49 гг., когда римляне окончательно подчинили Боспорское царство своему влиянию, такие варвары стали играть более существенную роль в проводимой римлянами политике. В обмен за выделенные им земли, указанные выходцы из Барбарикума, возможно именовавшиеся тафриями, несли службу в крепостях и

укреплениях, возводимых на Европейском Боспоре, в том числе и при помощи римских инженеров. Следовательно, если для греческих правителей в государствах эллинистического типа, в первую очередь, гражданская община являлась главной опорой власти, то для римлян и греков на Боспоре, такой важнейшей опорой стали, как древние полисные структуры, так и варвары, поддающиеся к интеграции в античное пространство и выступающие своеобразным гарантом крепкой монархической проримской власти в государстве.

Литература

1. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 56 – 124.
2. Арсеньева Т.М., Шолль Т., Матера М., Науменко С.А., Ровиньска А. Отчет об исследованиях в Танаисе в 2007 году (раскоп XXV) // Światowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej. 2006-2008 (2012). № 7 (48) / Fasc. A. P. 45 – 53. PL. 46 – 117.
3. Буданова В.П. Парадоксы варварства в историческом контексте // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / Под ред. В.П. Будановой. М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. II. С. 12 – 41.
4. Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н. э. // СА. 1980. № 3. С. 92 – 109.
5. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55 – 87.
6. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2009. 349 с.
7. Винокуров Н.И. Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015-2017 гг. // Древности Боспора. 2019. Вып. 24. С. 90 – 113.
8. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова Думка, 1979. 207 с.
9. Висотська Т.М. Червонолакова кераміка Усть-Альмінського городища // Археологія. 1993. № 4. С. 90 – 105.
10. Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Святилище Туар-Алан II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. 2014. Вып. I. С. 73 – 152.
11. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь: СОНАТ, 2006. 408 с.
12. Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч.1. 272 с.; Ч. 2. 320 с.
13. Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131 – 144.
14. Дорошко В.В., Дорошко О.П. Исследования на высоте Виноградской в 2017 г.: новый памятник римского времени на перешейке Гераклеяского полуострова // Боспорские чтения / Под ред. В.Н.Зинько, Е.А.Зинько. Симферополь; Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2019. Вып. XX. С. 160 – 166.
15. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географ. л-ры, 1961. 116 с.
16. Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму / Под ред. В.Л. Янина, Ю.Л. Щаповой. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. С. 275 – 312.
17. Зайцев Ю.П. Аргот – супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии) // Таманская старина. Греки и варвары на Киммерийском Боспоре (VII-I вв. до н.э.) / Под ред. С.Л. Соловьева. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. С. 52 – 54.
18. Зинько В.Н. Сакральные памятники VI-I вв. до н.э. европейского побережья Боспора Киммерийского // Древности Боспора. 2008. Т. I. № 12. С. 250 – 257.
19. Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 1998. 105 с.
20. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры. 2005. 504 с.

21. Зубарев В.Г. К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников / Под ред. М.Ю. Вахтиной, В.Ю. Зуева. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 40 – 41.
22. Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Ландшафтная география археологических памятников центральной части урочища Аджиэль // Боспорские исследования. 2016. Т. XXXIII. С. 110 – 136.
23. Зубарев В.Г., Смекалов С.Л., Ярцев С.В. Урочище Аджиэль в Восточном Крыму на картах XVIII-XX вв. и результаты археологических разведок 2014-2018 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 4. С. 173 – 179.
24. Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н.э. // Боспорские исследования. 2013. Вып. XXVIII. С. 250 – 274.
25. Катюшин А.Е. Курганный могильник I в. до н.э. – II в. н.э. в окрестностях Феодосии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 21 – 31.
26. Колтухов С.Г. О Крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ / Под. ред. И.И. Гушиной, Д.В. Журавлева. М.: Изд-во ГИМ, 2001. Вып. 118. С. 59 – 70.
27. Кругликова И. Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // Древности Боспора. 1998. Вып. 1. С. 143 – 185.
28. Ланцов С.Б., Труфанов А.А. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // Древности Боспора. 1999. Вып. 2. С. 161 – 173.
29. Ляшенко Н.Ф. О рыбаках и рыбном промысле в античную эпоху // Рибне господарство України. 2007. № 3-4. С. 73 – 78.
30. Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 1994. № 4. С. 176 – 184.
31. Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. Вып. 6. С. 158 – 167.
32. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик, 1998. 304 с.
33. Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К, 2003. 280 с.
34. Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.; Тула: Гриф и К, 2007. 564 с.
35. Масленников А.А. Античные древности Крымского Приазовья. Взгляд через полвека // РА. 2007. № 1. С. 79 – 88.
36. Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века / Под ред. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 1986. С. 54 – 64.
37. Молев Е.А. К вопросу об уплате дани Боспора варварам // Античная гражданская община. Проблема социально-экономического развития и идеологии / Под ред. Е.С. Чемодановой. Л.: Ред. изд. отдел Ленинградского университета, 1986. С. 176 – 189.
38. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. 140 с.
39. Молев Е.А. Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н.э. // GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 268 – 276.
40. Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52 – 65.
41. Петерс Б.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии / Под ред. В.В. Кропоткина. М.: Наука, 1978. С. 117 – 127.
42. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Типография 1-й Ленинградской Трудовой Артели Печатников, 1925. 624 с.
43. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.
44. Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. Т. III. С. 32 – 44.
45. Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 289 – 314.
46. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. С. 3 – 240.
47. Шапцев М.С. Экономические связи варварского населения Северо-Западного Крыма во II в. до н.э. – начале II в. н.э. по амфорной таре и краснолаковой керамике // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 163 – 178.
48. Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146 – 157.
49. Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014. 356 с.

50. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т.10. № 5/2. С. 25 – 31.

51. Ярцев С.В., Филатов Р.И. Некоторые вопросы обороны западных рубежей Европейского Боспора в период правления царя Асандра в I в. до н.э. // Классическая и византийская традиция. 2021: сборник материалов международной научной конференции / Под ред. Н.Н.Болгова. Белгород: НИУ «БелГУ», 2021. С. 108 – 115.

52. Kovalevskaja L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique. *Rei Cretariae Romanae Fautorum: Acta.* 2003. Vol. 38. P. 221 – 237.

References

1. Arsen'eva T.M., Naumenko S.A. Raskopki Tanaisa v centre vostochnoj chasti gorodishha. *Drevnosti Bospo-
ra.* 2001. Vyp. 4. S. 56 – 124.

2. Arsen'eva T.M., Sholl' T., Matera M., Naumenko S.A., Rovin'ska A. Otchet ob issledovanijah v Tanaisie v 2007 godu (raskop XXV). *Światowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej.* 2006-2008 (2012). № 7 (48). Fasc. A. R. 45 – 53. PL. 46 – 117.

3. Budanova V.P. Paradokсы varvarstva v istoricheskom kontekste. *Civilizacija i varvarstvo: paradokсы pobedy civilizacii nad varvarstvom.* Pod red. V.P. Budanovoj. M.: IVI RAN, 2013. Vyp. II. S. 12 – 41.

4. Vinogradov Ju.G. Persten' carja Skila. Politicheskaja i dinastijnaja istorija skifov pervoj poloviny V v. do n. je. SA. 1980. № 3. S. 92 – 109.

5. Vinogradov Ju.G. Votivnaja nadpis' docheri carja Skilura iz Pantikapeja i problemy istorii Skifii i Bospo-
ra vo II v. do n. je. VDI. 1987. № 1. S. 55 – 87.

6. Vinogradov Ju.A., Goroncharovskij V.A. Voennaja istorija i voennoe delo Bospo-
ra Kimmerijskogo (VI v. do n. je. – seredina III v. n. je.). SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2009. 349 s.

7. Vinokurov N.I. Issledovanie stroitel'nyh ostatkov pozdnej citadeli na gorodishhe Artezian v 2015-2017 gg. *Drevnosti Bospo-
ra.* 2019. Vyp. 24. S. 90 – 113.

8. Vysotskaja T.N. Neapol' – stolica gosudarstva pozdnyh skifov. Kiev: Naukova Dumka, 1979. 207 s.

9. Visots'ka T.M. Chervonolakova keramika Ust'-Al'mins'kogo gorodishha. *Arheologija.* 1993. № 4. S. 90 – 105.

10. Gavrilov A.V., Trufanov A.A. Svjatilishhe Tuar-Alan II v. do n. je. – pervoj poloviny I v. n. je. v Jugo-
Vostochnom Krymu. *Istorija i arheologija Kryma.* 2014. Vyp. I. S. 73 – 152.

11. Golenko V.K. Drevnij Kimmerik i ego okrug. Simferopol': SONAT, 2006. 408 s.

12. Gushhina I.I., Zhuravlev D.V. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Jugo-Zapadnom Krymu. V 2 ch. M.: Istoricheskij muzej, 2016. Ch.1. 272 s.; Ch. 2. 320 s.

13. Desjatchikov Ju.M. Satarhi. VDI. 1973. № 1. S. 131 – 144.

14. Doroshko V.V., Doroshko O.P. Issledovanija na vysote Vinogradnoj v 2017 g.: novyj pamjatnik rimskogo
vremeni na pereshejke Geraklejskogo poluoostrova. *Bosporskie chtenija.* Pod red. V.N.Zin'ko, E.A.Zin'ko. Simfero-
pol'; Kerch': CAI BF «Demetra», 2019. Vyp. XX. S. 160 – 166.

15. El'nickij L.A. Znaniya drevnyh o severnyh stranah. M.: Gos. izd-vo geograf. l-ry, 1961. 116 s.

16. Zhuravlev D.V. O nekotoryh kategorijah pozdnejellinisticheskoy krasnolakovoj keramiki goro-
dishha «Chajka». *Materialy issledovanij gorodishha «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu.* Pod red. V.L. Janina, Ju.L. Shhapovoj. M.: Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova, 2007. S. 275 – 312.

17. Zajcev Ju.P. Argot – suprug caricy Komosarii (k rekonstrukcii dinastijnoj istorii Bospo-
ra i Krymskoj Skifii). *Tamanskaja starina. Greki i varvary na Kimmerijskom Bospore (VII-I vv. do n. je.).* Pod red. S.L. Solov'eva. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2000. S. 52 – 54.

18. Zin'ko V.N. Sakral'nye pamjatniki VI-I vv. do n. je. evropejskogo poberezh'ja Bospo-
ra Kimmerijskogo. *Drevnosti Bospo-
ra.* 2008. T. I. № 12. S. 250 – 257.

19. Zubarev V.G. Severnoe Prichernomor'e v istoriko-geograficheskoy koncepcii Klavdija Ptolemeja. Tula: Izd-
vo TGPU im. L.N.Tolstogo, 1998. 105 s.

20. Zubarev V.G. Istoricheskaja geografija Severnogo Prichernomor'ja po dannym antichnoj pis'mennoj tradicii. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2005. 504 s.

21. Zubarev V.G. K voprosu o lokalizacii mestnosti «Tafros» (antichnaja tradicija i dannye arheologii). *Bospo-
rskij fenomen: Problema sootnoshenija pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov.* Pod red. M.Ju. Vahtinoj, V.Ju. Zueva. SPb.: Izd-vo Gos. Jermitazha, 2005. S. 40 – 41.

22. Zubarev V.G., Smekalov S.L., Jarcev S.V. Landshaftnaja geografija arheologicheskikh pamjatnikov
central'noj chasti urochishha Adzhijel'. *Bosporskie issledovanija.* 2016. T. XXXIII. S. 110 – 136.

23. Zubarev V.G., Smekalov S.L., Jarcev S.V. Urochishhe Adzhijel' v Vostochnom Krymu na kartah XVIII-XX vv. i rezul'taty arheologicheskikh razvedok 2014-2018 gg. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2019. № 4. S. 173 – 179.
24. Zubarev V.G., Sedyh E.E. Planirovka i osnovnye jetapy zastrojki gorodishha «Belinskoe» vo II – pervoj polovine V vv. n.je. Bosporskie issledovanija. 2013. Vyp. XXVIII. S. 250 – 274.
25. Katjushin A.E. Kurgannyj mogil'nik I v. do n.je. – II v. n.je. v okrestnostjah Feodosii. Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. 1996. Vyp. V. S. 21 – 31.
26. Koltuhov S.G. O Krymskikh kurganah s «kollektivnymi pogrebenijami». Pozdnie skify Kryma. Trudy GIM. Pod. red. I.I. Gushhinoj, D.V. Zhuravleva. M.: Izd-vo GIM, 2001. Vyp. 118. S. 59 – 70.
27. Kruglikova I. T. Poselenie u derevni Novo-Otradnoe. Drevnosti Bospora. 1998. Vyp. 1. S. 143 – 185.
28. Lancov S.B., Trufanov A.A. Stolovaja posuda s lakovym pokrytiem iz Kutlakskej kreposti. Drevnosti Bospora. 1999. Vyp. 2. S. 161 – 173.
29. Ljashenko N.F. O rybakah i rybnom promysle v antichnuju jepohu. Ribne gospodarstvo Ukraïni. 2007. № 3-4. S. 73 – 78.
30. Maslennikov A.A. Raskopki na Uzunlarskom valu (Vostochnyj Krym). RA. 1994. № 4. S. 176 – 184.
31. Maslennikov A.A. Polemon I na Bospore. Bosporskiy sbornik. 1995. Vyp. 6. S. 158 – 167.
32. Maslennikov A.A. Jellinskaja hora na kraju Ojkumeny. M.: Indrik, 1998. 304 s.
33. Maslennikov A.A. Drevnie zemljanye pogranično-oboronitel'nye sooruzhenija Vostochnogo Kryma. Tula: Grif i K, 2003. 280 s.
34. Maslennikov A.A. Sel'skie svjatilishha Evropejskogo Bospora. M.; Tula: Grif i K, 2007. 564 s.
35. Maslennikov A.A. Antichnye drevnosti Krymskogo Priazov'ja. Vzgljad cherez polveka. RA. 2007. № 1. S. 79 – 88.
36. Molev E.A. Bospor i varvary Severnogo Prichernomor'ja nakanune pohodov Diofanta. Mezhdunarodnye otnoshenija v bassejne Chernogo morja v drevnosti i srednie veka. Pod red. V.P. Kopylo-va. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo pedagogicheskogo universiteta, 1986. S. 54 – 64.
37. Molev E.A. K voprosu ob uplate dani Bospora varvaram. Antichnaja grazhdanskaja obshhina. Problema social'no-jekonomicheskogo razvitiya i ideologii. Pod red. E.S. Chemodanovoj. L.: Red. izd. otel Leningradskogo universiteta, 1986. S. 176 – 189.
38. Molev E.A. Bospor v period jellinizma. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 1994. 140 s.
39. Molev E.A. Jetnogeograficheskaja situacija na Bospore i u ego granic v konce II – pervoj polovine I v. do n.je. GAUDEAMUS IGITUR: Sbornik statej k 60-letiju A.V. Podosinova. Pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovoj, G.R. Cechladze. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2010. S. 268 – 276.
40. Ol'hovskij V.S. Naselenie Kryma po dannym antichnyh avtorov. SA. 1981. № 3. S. 52 – 65.
41. Peters B.G. Mihajlovskoe gorodishhe antichnogo vremeni. Problemy sovetskoj arheologii. Pod red. V.V. Kropotkina. M.: Nauka, 1978. S. 117 – 127.
42. Rostovcev M.I. Skifija i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamjatnikov literaturnyh i arheologicheskikh. L.: Tipografija 1-j Leningradskoj Trudovoj Arteli Pechatnikov, 1925. 624 s.
43. Sokol'skij N.I. Tamanskij tolos i rezidencija Hrisaliska. M.: Nauka, 1976. 128 s.
44. Solomonik Je.I. Jepigraficheskie pamjatniki Neapolja Skifskogo. NJe. 1962. T. III. S. 32 – 44.
45. Tolstikov V.P., Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A. Keramicheskij kompleks pozdejellinisticheskogo vremeni iz Pantikapeja. Bosporskie issledovanija. 2003. Vyp. III. S. 289 – 314.
46. Hrapunov I.N. Jetnicheskaja istorija Kryma v rannem zheleznom veke. Bosporskie issledovanija. 2004. Vyp. VI. S. 3 – 240.
47. Shapcev M.S. Jekonomicheskie svjazi varvarskogo naselenija Severo-Zapadnogo Kryma vo II v. do n.je. – nachale II v. n.je. po amfornoj tare i krasnolakovoj keramike. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 2. S. 163 – 178.
48. Shheglov A.N. O naselenii Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuju jepohu. VDI. 1966. № 4. S. 146 – 157.
49. Jarcev S.V. Severnoe Prichernomor'e v rimskij period i problema gotskoj jekspansii. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N.Tolstogo, 2014. 356 s.
50. Jarcev S.V., Zubarev V.G., Smekalov S.L. Sistema oborony Evropejskogo Bospora v period pravlenija carja Asandra (po materialam arheologicheskikh razvedok v urochishhe Adzhijel' 2018 g.). Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2018. T.10. № 5/2. S. 25 – 31.
51. Jarcev S.V., Filatov R.I. Nekotorye voprosy oborony zapadnyh rubezhej Evropejskogo Bospora v period pravlenija carja Asandra v I v. do n.je. Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2021: sbornik materialom mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod red. N.N.Bolgova. Belgorod: NIU «BelGU, 2021. S. 108 – 115.
52. Kovalevskaja L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique. Rei Cretariae Romanae Fautorum: Acta. 2003. Vol. 38. P. 221 – 237.

*Yartsev S.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Shushunova E.V., Assistant Professor,
Vnukov A.A., Assistant Professor,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*

**Features of ethno-cultural interaction in the ethnocontact zone of the
Eastern Crimea in the second half of the 1ST century BC – 1ST century AD
(based on the material of the latest archaeological research in the Adzhiel gully)**

Abstract: the article explores the complex topic of interaction of various ethnic groups in the ethnocontact zone of the Eastern Crimea in the second half of the 1st century BC – 1st century AD. In order to reveal the peculiarities of such ethno-cultural interaction, the authors introduce into scientific circulation new material from their archaeological excavations in the Eastern Crimea. Based on the methodology of source analysis and using the comparative-typological method of research, the authors offer their concept of ethnic interaction on the territory of the European Bosphorus at the specified time. Thus, in their opinion, the specific military-political situation in the region determined the peculiarities of ethnic interaction in the European Bosphorus. At the beginning of this period there was a complex system of fortifications and military settlements, created by King Asander, which were served by multi-ethnic barbarians – the Georgians, who lived on the king's lands and were oriented towards Bosporan-Roman confrontation. This policy was to some extent a continuation of Mithridates IV Eupator's strategy against Rome, in which the mighty king relied on the barbarians rather than the civilian community. Then, after the destruction of those fortifications by the Roman protege Polemon at the end of the first century BC, the defence of the western borders of the state began to be based on different principles, most probably with the reliance on Greek permanent military units of their own army and possibly Barbarian mercenaries, who of course also, as before, had no civil rights and lived on the king's land. Later, after the Bosporan-Roman War of 45-49, when the Romans finally subordinated the Bosporan Kingdom to their influence, such barbarians began to play a more significant role in the policy pursued by the Romans. In exchange for the lands allocated to them, these natives of Barbaricum, possibly called the Tafri, served in fortresses and fortifications erected on the European Bosphorus, including with the help of Roman engineers. Consequently, if for the Greek rulers in Hellenistic states the civil community was primarily the main support of power, for the Romans and Greeks on the Bosphorus, both the ancient polis structures and the barbarians became such an important pillar, amenable to integration into the ancient space and acting as a kind of guarantor of a strong monarchical pro-Roman power in the state.

Keywords: Roman Empire, Bosporan Kingdom, Uzunlar defensive earthwork and moat, archaeological monument "Adzhiel I", King Asander, military settlers, the Georgians, the Satarchs, the Tafri

For citation: Yartsev S.V., Shushunova E.V., Vnukov A.A. Features of ethno-cultural interaction in the ethnocontact zone of the Eastern Crimea in the second half of the 1ST century BC – 1ST century AD (based on the material of the latest archaeological research in the Adzhiel gully). Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 116 – 128.

Received: May 30, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Хронова И.А., кандидат исторических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет*

Организация коллективного труда крестьянства Северо-Кавказского края в 1920-х годах

Аннотация: в статье раскрывается история становления и организация коллективного труда крестьянства Северо-Кавказского края (в рамках современной Ростовской области и Краснодарского края) в 20-х годах XX века. Автор рассматривает три формы организации труда коллективных хозяйств, создаваемых в регионе: товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), сельскохозяйственные артели и сельскохозяйственные коммуны, и через призму ранее необнародованных архивных документов, а также опубликованных материалов формулирует пять ключевых причин их распространений. Теоретической основой исследования стали системный и историко-повседневный подходы, в сочетании с методами научного познания, анализа и синтеза. Целью работы явился анализ формы организации коллективного труда, а также выявление причин массового распространения коллективных форм труда в 1920-х гг. на территории Дона и Кубани. Новизна исследования заключается в проведении комплексной оценки рассматриваемого явления, а сформулированные автором причины приобретают новое обоснование в свете анализа архивных документов, впервые введенных в научный оборот. Автор приходит к выводу, что соорганизованные формы коллективного труда крестьянства в 1920-х годах позволили сформировать тенденции коллективного хозяйствования на добровольных началах, за рассматриваемый период отмечалась смена от сложных форм к более простым формам хозяйствования.

Ключевые слова: крестьянство, колхоз, организация труда, артели, коллективизация

Для цитирования: Хронова И.А. Организация коллективного труда крестьянства Северо-Кавказского края в 1920-х годах // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 129 – 137.

Поступила в редакцию: 6 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Власть, принимая решение о введении новой экономической политики, при этом отказавшаяся от политики военного коммунизма и продразверстки, вынуждена была искать рычаги контроля крестьянских хозяйств. При этом, присутствующий в умах крестьян принцип мелкого производителя и личной заинтересованности, не мог быть быстро перестроен в форму ведения хозяйства, приветствуемую государством. Понимая трудность регуляции огромной массы мелких хозяйств, необходимо было найти такие формы, которые бы позволили соединить частно-хозяйственные интересы с возможностью широкого влияния государства на крестьянское хозяйство. Этими формами стали коллективные хозяйства.

В тоже время, на начальном этапе социалистического строительства имелись элементы патриархального ведения хозяйства, в сознании крестьянства крепко держались пережитки капитализма. Переход сельского хозяйства на социалистические рельсы проходил в обстановке ожесточенной борьбы, необходимо было найти тот верный, абсолютно приемлемый вариант взаимодействия, учитывающий многоукладность хозяйства, национальные, экономические, демографические составляющие.

Формирующееся колхозное движение с необычайной остротой выдвигало необходимость сроч-

ного разрешения задачи правильной организации труда –целесообразной расстановки рабочей силы, наилучшего ее использования и наибольшего повышения производительности трудовых затрат. Для этого необходимо было сформировать: «сознательное отношение членов колхозов к своим обязанностям, проводя при этом принцип ответственности за исполнение порученной работы и создавать личную материальную заинтересованность каждого колхозника» [15, с. 556]. Стоит отметить, что крестьянство оставалось самым многочисленным общественно-экономическим классом людей и в рассматриваемый период, свыше половины людей на планете составляли крестьяне [25, с. 4]. Эта подавляющая часть советских людей в последствии была вовлечена в трудовые отношения.

Целью работы явился анализ формы организации коллективного труда, а также выявление причин массового распространения коллективных форм труда в 1920-х гг. на территории Дона и Кубани. Новизна исследования заключается в проведении комплексной оценки рассматриваемого явления, а сформулированные автором причины приобретают новое обоснование в свете анализа архивных документов, впервые введенных в научный оборот.

В статье применялись теоретические методы анализа и синтеза, позволившие объединить и обобщить имеющийся архивный материал в предлагаемые выводы. Также, был применен такой метод научного познания, как сравнение. Теоретической основой исследования стали системный и историко-повседневный подходы. Предлагаемую работу можно отнести к междисциплинарному исследованию, так как она представляет интерес в историческом, социально-экономическом ключе.

Исследовательские рамки включали период начала и конец 1920-х годов, на примере территории Кубано-Черноморской, и в следствии присоединя к Донской области – Северо-Кавказского края. Временные рамки работы обусловлены тем, что начало 20-х годов характеризуется этапом формирования социалистических форм хозяйствования в Донской и Кубано-Черноморской области. Активная фаза хозяйствования и фактического поиска оптимальной формы коллективного труда длилась в среднем 7-10 лет, данный промежуток времени позволял оценить успешность и возможность форм практического участия в рыночных отношениях. Как отмечает Е.Б. Хохлов: «вторая половина 20-х годов во многом отношении оказалась рубежной в эволюции советского общества» [29, с. 44]. Этот тезис подтверждает план народного хозяйства (1927 г.) утвержденный XV Съездом партии, в котором было заложено, что: «только по прошествии десяти лет после Октябрьской революции принципиальной стала *организационная форма* народного хозяйства...» (выделено Хохловым Е. Б.) [29, с. 52].

В работе были использованы архивные материалы Государственного архива Российской Федерации, Центра Документации Новейшей истории Ростовской области, Центра Документации Новейшей истории Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области, а также Отдела специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Краснодарскому Краю, также ряд монографий, статистические данные, материалы периодической печати.

Сформулированная автором тема организации коллективного труда в 1920-х года на территории Северо-Кавказского края носит во многом разносторонний взгляд и оценку. В первую очередь обращает на себя внимание политический аспект, который довольно часто имели перегибы, выраженный в реализации новой экономической политики и стремлении власти сформировать новые формы коллективного труда. В частности, Л. Виола приводит статистические данные причин террора на Северном Кавказе, где одной из самых многочисленных оснований террористических актов была именно коллективизация [4, с. 135].

Опять же, в середине 20-х годов архивные документы фиксировали случаи кулацкого террора, во многом характеризующиеся как политические. Это указывало, на неблагоприятную социально-политическую обстановку, конфликт классового расслоения был на лицо. В пик складывающейся ситуации, партийно-советский административно-бюрократический аппарат предав забвению марксистско-ленинские заветы, шел на «бешенные темпы» коллективизации [16, с. 280]. В тоже время, как отмечает Ю.Н. Афанасьев: «Сталин сам поощрял погоню за высокими процентами коллективизации» [27, с. 254].

Следует отметить, проблемы организации коллективного труда в 1920-х года, а также вопросы изучения причинно-следственных оснований выбора определенных форм хозяйствования изучены недостаточно подробно. Авторы многочисленных трудов акцентируют внимание на социально-экономических аспектах жизни крестьянства Кубани, Дона, Ставрополя 1920-1930 гг. (В.А. Бондарев); вопросам функционирования личных подсобных и единоличных хозяйств (М.А. Вылцан); эволюцию крестьянских хозяйств (А.В. Чаянов); проблем регулирования земельных отношений (И.М. Федина) и т.д.

Интересным исследованием является работа С.Д. Багдасарян, в которой автор на основании материалов регионов Дона, Кубани, Ставрополя освящает вопросы модернизации производства в советской доколхозной деревне и трудового быта аграриев [2, с. 160].

Так, в своей работе И.В. Гончарова и Г.С. Чувардин стремятся освятить политику большевиков по организации в деревне коммун Центрального Черноземья, как высшей формы социалистического устройства сельского быта в послереволюционный период. В работе характеризуется социальный статус рассматриваемых форм коллективного труда, а также их повседневность [6, с. 106].

М.Н. Глумная обращает внимание на то, что создание колхоза было вызванной общественной необходимостью. Автор подчеркивает, что колхозы осуществляли «социальные функции, обеспечившие в целом стабильность социальной структуры общества, ее воспроизводство, интеграцию и регуляцию отношений» [5, с.129].

Публикация А.А. Панарина посвящена исследованиям роли колхозов в хозяйственной жизни Северного Кавказа в середине 1920-х гг. Автор выделяет товарищества по совместной обработке земли, как наиболее популярную форму производственного кооперирования крестьянства, причиной которого стала возможность повышать производительность и доходность своих членов посред-

ством организации совместных полевых работ [23, с. 52].

Деревня Северо-Кавказского края XX века своими специфическими особенностями отличалась от деревни центральной России. Кроме всех тех социальных слоев, которые свойственны всякой деревне, на Северном Кавказе хлеборобы делились на казаков, иногородних, крестьян и горцев. Отдельным аспектом отношений были взаимоотношения между иногородними и казачеством, где наблюдался «антагонизм на почве бесправия первых и презрительного отношения к ним последних» [22].

Сложность обстановки на селе юга России также обуславливалась многонациональным составом населения Края, большими различиями в условиях хозяйственной жизни, культурным уровнем, чрезвычайной отсталостью горского населения, не сумевшего еще разрушить старые сословные перегородки и находящиеся под сильным влиянием дворянства, а где-то и мусульманского духовенства. Поэтому политика партии по работе в де-

ревне в условиях Северного Кавказа проводилась с постоянным учетом этих особенностей, с целью изжития той розни, которая оставалась как наследие самодержавия.

Крестьяне, принимающие решения о вовлечении в социалистическую форму труда в большинстве своем, имели возможность выбирать формы организации труда коллективных хозяйств, это были: товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), сельскохозяйственные артели и сельскохозяйственные коммуны. Все формы отличались между собой степенью обобществления труда, капитала и земли.

В материалах по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства за 1928-1929 гг. имеются данные по обобществлению средств производства трех форм коллективного труда [18, с. 84]. Эти данные, представленные в таблице (табл. 1), обобщенно дают картину характерных отличий сложившегося соотношения общественного и индивидуального в колхозах по стране на 1 октября 1927 года, в процентном соотношении.

Таблица 1

Обобщенные средства производства в различных формах колхоза, в %

	Земля	Посевы	Инвентарь	Скот
Коммуна	100	100	99,6	97,3
Артель	55,5	53,1	75,3	13,5
ТОЗ	32,6	17,8	33,2	2,9

Опять же, представленная таблица отражает не только усредненные тенденции по стране, но еще и усредненные относительно отраслей производства. При этом, приведенные данные не отражают специфику рассматриваемого региона, которая имела свои характерные тенденции. Колхозы юга России часто формировались наспех, без оформления соответствующей документации, совершенно не представляя пути своего развития, руководствуясь патристическими лозунгами: «стоять за Советскую власть в одном строю с коммунистами» (М.А. Шолохов). Такая практика на местах довольно часто приводила к перегибам.

Так, характерной особенностью для южных ТОЗов было обобществление земли, где основным капитал Товарищества не входил капитал индивидуально принадлежащий членам [9]. В то же время, ТОЗы, имели слабые коллективно-хозяйственные связи, зачастую формируясь по временным причинам и достаточно быстро распадались.

В сельскохозяйственной артели Дона и Кубани преимущественно обобществлялись земля и основные средства производства. Это была форма производственного кооператива, при создании которой его участники безвозмездно отдавали в коллективную собственность артели имущество, крестьянские земельные участки изымались из еди-

ноличного пользования и создавался единый колхозный клин. Также обобществлялись основные крестьянские средства производства: скот, сельскохозяйственная техника, инвентарь, семена, в личной собственности колхозной семьи оставался жилой дом, где-то подворья для личного подсобного хозяйства (в среднем 0,5 гектаров), корова, несколько мелких животных, козы и овцы, птицы.

В коммунах наблюдалось более полное использование труда членов и сил рабочего скота, полное обобществление хозяйства давало возможность коммуна шире производить мероприятия агрокультурного и промышленно-общественного порядка, в соответствии с чем результаты хозяйственной деятельности коммун оказывались более высокими, чем другие форм колхозов [30, с. 75].

Что примечательно, на первом этапе аграрных преобразований организация артелей и коммун региона не носило массового характера. В состав данных форм входила иногородняя часть населения и беднейшие слои населения. Казачество же, относилось к коммуна и артелям отрицательно, объяснялось это тем, что у населения урезались земельные наделы. Казачество смотрела на колхозы и коммуны, как на «паразитов» [21].

Формирование данных организаций коллективного труда не ставило целью вовлечения абсолют-

ного большинства крестьян, это было продвижение очагов социалистических идей и формирования нового социалистического строя. Быстро победить сформировавшийся еще с царского времени капитализм в деревне было невозможно. В.И. Ленин отмечал, что: «общую обработку [земли] можно поставить и навязать, при этом вековые привычки не исчезнут» [17, с. 186].

Динамику колхозного движения до 1927 года достаточно трудно установить, так как учет их осуществлялся различными организациями и по разным признакам. Возникающие колхозы не сразу стремились регистрироваться, а распавшиеся могли продолжительное время не сниматься с учета. В тоже время, колхозами часто считали простейшие производственные товарищества, некото-

рые из которых могли быть лжеколхозами. В региональной историографии имелись данные о насаждении фиктивных колхозов, в которые крестьян записывали насильно, под угрозой конфискации имущества, выселения и т.д. Так, из доклада т. Копачева, председателя Дядьковского стансовета, следовало «...колхозы возникали стихийно, ... некоторые из них с момента организации числились лишь на бумаге, а сами члены колхоза даже не знали, что они состоят в колхозе...» [7].

Приведенные в табл. 2 наглядно демонстрируют количественные показатели трех форм коллективного хозяйства, которые были зарегистрированы с конца 1920 года по 1930 года на территории Кубани и Дона (подсчитано автором).

Таблица 2

Основные показатели колхозного движения Кубани и Дона с конца 1920 по 1930 гг. [14, с. 377; 8]

	Конец 1920 г.	1927 г.	1928 г.	1930 г.
Коммуны	132	167	700	-
Артели	142	343		3038
ТОЗы	-	1290	5137	-
Всего	274	1800	5848	3703

По статистическим данным Народный комиссариат земледелия РСФСР зарегистрировал в 1918 году на территории РСФСР 975 сельскохозяйственных коммун и 604 артели [1, с. 39], где наиболее распространенной формой производственной кооперации явилась в этот период сельскохозяйственная коммуна. Также В.П. Данилов, приводит тождественные цифры, что к 29 августу 1918 года было зарегистрировано 611 сельскохозяйственных коллективов, а к концу 1918 года их было на учете 1579 [25, с. 68]. Сведения по Кубано-Черноморскому Округу и Донской области значительно отличались относительно официальных, так, архивные материалы указывают, что к 1918 году был зарегистрирован 1 колхоз (не уточняется какая именно форма), в 1919 году их было уже 5, а в 1920 году – 62 [11]. Другой архивный документ указывает, что на Дону в 1921 году зарегистрировано было 697 коммун и артелей [13].

Обращаясь к таблице 2, можно также отметить, что к 1927 г. как и к 1928 г. удельный вес коммун в общей массе колхозов сократился. При этом, если по стране значительное место стали занимать коммуны, в рассматриваемом макрорегионе стали преобладать ТОЗы. Это объясняется тем, что крестьяне искали более удобные для себя пути, или ту форму, которая позволила бы сохранить хотя бы часть личного хозяйствования при распаде коллектива.

Также в доказательство верификации подсчитанных данных можно привести докладную записку Северо-Кавказского Краевого Комитета ВКП

на пленуме ЦК о состоянии сельского хозяйства указывающую, что на 1 ноября 1928 года по Северному Кавказу имелось 8475 коллективных ячеек, из которых больше половины был машинные товарищества общей численность 450 тыс. душ, или 7% к общему числу населения Края [32], что также коррелируется с нашими данными указанными в таблице 2 (с учетом вычета более половины численности машинных товариществ).

Гораздо позднее, как показала практика и опыт ведения хозяйств, наиболее устойчивыми и рационально поставленными оказались коммуны, особенно те, которые переходили к оплате труда своих членов, то есть к материальной заинтересованности своего труда. В тоже время, данная форма хозяйствования, по мнению В.А. Бондарева была «наиболее желательная для большевиков», при этом оставаясь в меньшинстве [3, с. 112]. Делая ставки на коммуны, власть уже ближе к 30-м годам от этой идеи была вынуждена отказаться, отмечая в постановлении «О темпе коллективизации», что «...главной формой колхозного движения [к 1930 г.] является сельскохозяйственная артель» [26, с. 210].

Фактически за десятилетие колхозы получили бесценный организационный опыт ведения коллективных хозяйств, получив навыки экономического и агрокультурного хозяйствования.

В чем заключалась причина возникновения массового распространения колхозов? Ответ на данный вопрос имеет множество ответов, но каждый

в отдельности ответ не сможет полноценно отразить истинную картину.

Автор предлагает следующие причины, характерные для рассматриваемых территорий. Так, одной из главных причин стала экономическая составляющая, которая, в частности, выражалась в стремление сформировать новое устройство общества, новые формы труда. Требовалось «сломить стародавний уклад со всеми прежними приемами работы мелкого собственника и создать новые формы труда» [20, с. 7]. Опыт показывал, что колхозы быстрее всего и успешнее формировались уже на базе бывших помещичьих и монастырских имений, и в следствии становились преобладающими хозяйствами. Опять же, Товариществам по совместной обработке земли предоставлялись льготы по ЕСХН и прочее, что было весьма привлекательно для кулацкой часть населения [21]. Отмечалось также, что большой процент колхозов был организован из членов кредитных сельскохозяйственных товариществ: «...много организуется колхозов таких, которые не имеют средств и то, что имеют в единоличном пользовании в общественное пользование не дают» [10].

Актуальное замечание в своей работе дает Ш. Фицпатрик указывая, что у партийных руководителей насчет колхозов имелось одно-единственное твердое убеждение: их основная функция – выполнение государственных планов [28, с. 15]. Действительно, молодому государству требовалось восстановить экономику, упрочить свои политические позиции.

Следующей по значимости причиной стало популяризация идеологии преимуществ коллективного труда везде, особенно в сельском хозяйстве. К примеру, высказывалась точка зрения, что «группа бедноты и батрачества должны [были] сыграть огромную роль в организации коллективного труда» [19, с. 7]. Опять же, 29 августа (11 сентября) 1917 г. в газете «Рабочий» В.И. Ленин выступил со статьей «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие», в которой поднимался вопрос мелких крестьянских хозяйств в деревне и судьба товарного производства. В.И. Ленин считал, что крестьяне на собственном опыте должны убедиться в необходимости крупного хозяйства.

Дальше, третьей причиной стало, популярность экономической аксиомы утверждающей, что крупные хозяйства эффективней мелких. В.И. Ленин указывал делегатам Всероссийского крестьянского съезда, чтобы «из каждой помещичьей экономики, которых в России 30 000, образовывались как можно скорее, хозяйства для общей обработки их совместно с сельскохозяйственными рабочими и учеными-агрономами» [1, с. 13]. Также он указывал, что если крестьяне будут сидеть по-

старому в мелких хозяйствах, то это не позволит им выйти из нужды и кулацкой кабалы. Это необходимо было делать для формирования в будущем материально-технической базы для крупных хозяйств.

Следующая причина – искоренение сельской бедности и безграмотности. Надо отметить, что уже в 1918 году, несмотря на громадные трудности, и идущую гражданскую войну, в деревне была развернута агит-просветительная работа, бедноте стремились привить агропромышленные знания, раздавались семена, создавались опытные показательные поля. Это также было попыткой через объединенную просвещенную сельскую бедноту создать активистов и управленцев. Посредством подобного рода коллективистских проектов решалась громадная культ-лидерская проблема – ликвидация сельской неграмотности и распространение культуры. В докладе Крайколхозобъединения от 8/XII-1925 было постановлено улучшить культурно-просветительской работы в колхозах с целью ликвидации в них неграмотности, подбирая при этом лучших школьных работников, снабжая ликпункты колхозов необходимыми школьными принадлежностями [31].

Пятая причина заключается в обобществлении всего сельского хозяйства. Как указывалось, именно оно явилось «основой организации производственных сил и составляло главную цель земельной политики» [12]. Стоит упомянуть, что организация сельскохозяйственных коммун, артелей и других трудовых союзов должно было строго проходить на добровольных началах. По мнению Ю.А. Яхутль, «аграрная политика большевиков изначально была направлена на огосударствление сельского хозяйства и разрешение социального неравенства в деревне, ...что привело к уничтожению крупных помещичьих хозяйств» [33, с. 45].

Опять же, огромную роль в этом вопросе сыграли ремонтные и прокатные пункты, которые предоставляли живой и мертвый инвентарь в первую очередь коллективным хозяйствам, тем самым подводя крестьянство и к процессу коллективизации, и к реализации экономических составляющих населения.

Обобщая, можно сказать, что достаточно трудно оценить отношение самих крестьян к организации коллективного труда, ибо, как отмечает в своей монографии О.В. Рвачева: «интерпретация источников советского периода, связана с «фигурой умолчания», так, средства массовой информации периода 1920-1930 гг. полны победоносных рапортов... и нет ни слова о социальном протесте населения против насаждения колхозов» [24, с. 11]. Но, несмотря на это, и опираясь на имеющуюся

ся источниковую базу, мы можем отмечать, что советская власть на протяжении долгих лет осуществляла «выкачивание» ресурсов в своих целях, именно она привела к разрушениям традиционной крестьянской культуры, этики крестьянского труда.

В рассматриваемый промежуток времени, колхозы не смогли достичь существенных успехов в деле подъема сельского хозяйства, при этом их идеологическая роль была крайне важна и актуальна власти.

Как указывают документы, большая часть не имела необходимого инвентаря, семенного фонда, ремонтных мастерских, технических помещений и т.д. Во многом были развиты иждивенческие настроения колхозников ориентируемые на гарантированную помощь государства. Эти, а также другие многочисленные и при этом немало важные данные указывали на то, что колхозы были в начале новой экономической политики слабы в организационном и экономическом плане.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства, а также поиск оптимальной формы ведения коллективного хозяйства проходил в период подготовки условий для сплошной коллективизации подготавливая почву для дальнейшего фор-

мирования народнохозяйственного комплекса. Являясь крупнейшим зерновым регионами, Кубань и Дон относились к тем территориям страны, которые были наиболее подготовлены к всеобщей коллективизации. В тоже время, коллективизация и обобществление земли в Северо-Кавказском крае способствовало преодолению сословной и национальной розни, истоками которой были своеобразные формы землепользования в казачьих и национальных районах.

Характерной чертой рассматриваемых регионов явилось то, что на первых этапах становления и поиска форм организации колхозного труда (вплоть до перехода к сплошной коллективизации) отмечалась смена сложных форм к более простым формам хозяйствования, от перехода коммун к артелям, артелям к ТОЗу.

Таким образом, на протяжении десяти лет, на территории Дона и Кубани был сформирован костяк достаточно экономически и организованно подготовленных хозяйств для реализации последующего плана коллективизации, который привел к структурным изменениям колхозов. Перечисленные причины распространения коллективных хозяйств в дальнейшем постепенно нивелировались и отпадали, заменяясь уже глобальными задачами.

Литература

1. Аграрная политика Советской власти (1917-1918). Документы и материалы. М., 1954. 552 с.
2. Багдасарян С.Д. О преобразованиях производственной повседневности советского крестьянства в эпоху нэпа (на материалах Юга России) // Власть. 2015. № 6. С. 160 – 164.
3. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века: на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев: дис. ... докт. историч. наук. Новочеркасск, 2007. 789 с.
4. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления: пер. с англ. А.В. Бардина. Москва: РОССПЭН: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2010. 366 с.
5. Глумная М.Н. К вопросу об институциональном подходе при изучении колхозов // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: Историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 23-26 сентября 2008 г. М., 2008. С. 127 – 129.
6. Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Коммуны Центрального Черноземья – от "военного коммунизма" до коллективизации: замысел и реализация // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 105 – 122.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 141. Д. 546, Л. 47.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1362, Л. 255.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ф. 1390. Оп. 5. Д. 689, Л. 13.
10. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ф. 1390. Оп. 5. Д. 689, Л. 15.
11. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ф. 1390. Оп. 6. Д. 439, Л. 173.
12. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ф. 97. Оп. 1. Д. 73, Л. 71, 72.
13. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Ф. 97. Оп. 1. Д. 73, Л. 94.
14. Кострикин В.И., Осипова Т.В., Шарапов Г.В. и др. История советского крестьянства / редкол.: Г.В. Шарапов и др. Москва: Наука, 1986. 5 т.; Крестьянство в первое десятилетие Советской власти, 1917-1927. 1986. Т. 1. 455 с.
15. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг.: в 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10-17 ноября 1929 г. / Ред. кол. тома: В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк и др. Москва: МФД, 2000. 703 с.
16. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар: Кн.издат. 1990. 383 с.

17. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат. 1958-1965. Т. 32. 782 с.
18. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29-1932/33 гг.) Ч. 1. Основные проблемы перспективного плана развития сельского хозяйства. Москва: Новая деревня, 1929. 256 с.
19. Организация и оплата труда в колхозах / Под ред. Е.П. Терлецкого. Москва: Гострудиздат. 1930. 44 с.
20. Боголюбов И.А. Организация труда в колхозах. Барнаул: издание Барнаульского ОкрЗУ и Колхозсоюза, 1930. 29 с.
21. Отдел специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Краснодарскому Краю, Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 6,7.
22. Отдел специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Краснодарскому Краю, Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
23. Панарин А.А. Роль колхозов в хозяйственной жизни Дона и Северного Кавказа в условиях кульминации НЭПа (1924-1927 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 013. № 2 (118). С. 51 – 56.
24. Рвачева О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920-1940 гг.: монография / ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", Волгоградский институт управления. Волгоград: Волгоградский ин-т упр. 2017. 231 с.
25. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917-1970) / Под ред. В.П. Данилова и др. М.: Политиздат, 1973. 592 с.
26. Сталин Иосиф Виссарионович. Сочинения: в 13 т. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М. Государственное изд-во политической литературы. 1949. 397 с.
27. Судьбы российского крестьянства: монография / Российский гуманитарный университет; под общ. ред. Ю.Н. Афанасьев. Москва: РГГУ, 1995. 624 с.
28. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2001. 422 с.
29. Хохлов Е.Б. История правового регулирования хозяйства и труда в СССР: учебное пособие: в 3 т. Т. 1. Хозяйство и труд в условиях становления социалистического общества. Москва: Проспект, 2021. 784 с.
30. Хронова И.А. Трудовая повседневность сельских работников в 20-х годах XX века. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет. 2022. 180 с.
31. Центр Документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Ф. 12. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.
32. Центр Документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Ф. 7. Оп. 1. Д. 797. Л.27.
33. Яхутль Ю.А. Нэповская модель модернизации: к вопросу о возможностях и проблемах (на примере крестьянско-казачьих хозяйств юга России) // Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология». 2021. Т. 31. № 1. С. 43 – 55.

References

1. Agrarnaja politika Sovetskoj vlasti (1917-1918). Dokumenty i materialy. M., 1954. 552 s.
2. Bagdasarjan S.D. O preobrazovanijah proizvodstvennoj povsednevnosti sovetskogo krest'janstva v jepohu njepa (na materialah Juga Rossii). Vlast'. 2015. № 6. S. 160 – 164.
3. Bondarev V.A. Rossijskoe krest'janstvo v uslovijah agrarnyh preobrazovanij v konce 20 – nachale 40-h godov XX veka: na materialah Rostovskoj oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev: dis. ... dokt. istorich. nauk. Novocherkassk, 2007. 789 s.
4. Viola L. Krest'janskij bunt v jepohu Stalina: kollektivizacija i kul'tura krest'janskogo soprotivlenija: per. s angl. A.V. Bardina. Moskva: ROSSPJeN: Fond pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. 2010. 366 s.
5. Glumnaja M.N. K voprosu ob institucional'nom podhode pri izuchenii kolhozov. Aktual'nye problemy agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: Istoriografija; metody issledovanija i metodologija; opyt i perspektivy. XXXI sessija Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: Tezisy dokladov i soobshhenij. Vologda, 23-26 sentjabrja 2008 g. M., 2008. S. 127 – 129.
6. Goncharova I.V., Chuvarin G.S. Kommuny Central'nogo Chernozem'ja – ot "voennogo kommunizma" do kollektivizacii: zamysel i realizacija. Krest'janovedenie. 2018. T. 3. № 4. S. 105 – 122.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 1235. Op. 141. D. 546, L. 47.
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 1235. Op. 141. D. 1362, L. 255.
9. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO), F. 1390. Op. 5. D. 689, L.13.

10. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO), F. 1390. Op. 5. D. 689, L.15.
11. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO), F. 1390. Op. 6. D. 439, L.173.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO), F. 97. Op. 1. D. 73, L. 71,72.
13. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO), F. 97. Op. 1. D. 73, L. 94.
14. Kostrikin V.I., Osipova T.V., Sharapov G.V. i dr. Istorija sovetskogo krest'janstva. redkol.: G.V. Sharapov i dr. Moskva: Nauka, 1986. 5 t.; Krest'janstvo v pervoe desjatiletie Sovetskoj vlasti, 1917-1927. 1986. T. 1. 455 s.
15. Kak lomali njep. Stenogrammy plenumov CK VKP(b) 1928-1929 gg.: v 5 t. T. 5. Plenum CK VKP(b) 10-17 nojabrja 1929 g. Red. kol. toma: V.P. Danilov, O.V. Hlevnjuk i dr. Moskva: MFD, 2000. 703 s.
16. Kucenko I.Ja. Kubanskoe kazachestvo. Krasnodar: Kn.izdat. 1990. 383 s.
17. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. Moskva: Gospolitizdat. 1958-1965. T. 32. 782 s.
18. Materialy po perspektivnomu planu razvitija sel'skogo i lesnogo hozjajstva (1928/29-1932/33 gg.) Ch. 1. Osnovnye problemy perspektivnogo plana razvitija sel'skogo hozjajstva. Moskva: Novaja derevnja, 1929. 256 s.
19. Organizacija i oplata truda v kolhozah. Pod red. E.P. Terleckogo. Moskva: Gostrudizdat. 1930. 44 s.
20. Bogoljubov I.A. Organizacija truda v kolhozah. Barnaul: izdanie Barnaul'skogo OkrZU i Kolhozsojuza, 1930. 29 s.
21. Otdel special'nyh fondov informacionnogo centra GU MVD Rossii po Krasnodarskomu Kraju, F. 18. Op. 1. D. 1. L. 6,7.
22. Otdel special'nyh fondov informacionnogo centra GU MVD Rossii po Krasnodarskomu Kraju, F. 18. Op. 1. D. 1. L. 11.
23. Panarin A.A. Rol' kolhozov v hozjajstvennoj zhizni Dona i Severnogo Kavkaza v uslovijah kul'minacii NJePa (1924-1927 gg.). Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1, Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 013. № 2 (118). S. 51 – 56.
24. Rvacheva O.V. Politika partijno-sovetskih organov i social'no-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v period socialisticheskoy modernizacii 1920-1940 gg.: monografija. FGBOU VO "Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii", Volgogradskij institut upravlenija. Volgograd: Volgogradskij in-t upr. 2017. 231 s.
25. Sovetskoe krest'janstvo. Kratkij ocherk istorii (1917-1970). Pod red. V.P. Danilova i dr. M.: Politizdat, 1973. 592 s.
26. Stalin Iosif Vissarionovich. Sochinenija: v 13 t. T. 12. Aprel' 1929 – ijun' 1930. M. Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury. 1949. 397 s.
27. Sud'by rossijskogo krest'janstva: monografija. Rossijskij gumanitarnyj universitet; pod obshh. red. Ju.N. Afanas'ev. Moskva: RGGU, 1995. 624 s.
28. Ficpatrik Sh. Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja. Per. s angl. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). 2001. 422 s.
29. Hohlov E.B. Istorija pravovogo regulirovanija hozjajstva i truda v SSSR: uchebnoe posobie: v 3 t. T. 1. Hozjajstvo i trud v uslovijah stanovlenija socialisticheskogo obshhestva. Moskva: Prospekt, 2021. 784 s.
30. Hronova I.A. Trudovaja povsednevnost' sel'skih rabotnikov v 20-h godah XX veka. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet. 2022. 180 s.
31. Centr Dokumentacii Novejshej istorii Krasnodarskogo kraja (CDNIKK), F. 12. Op. 1. D. 21. L. 37.
32. Centr Dokumentacii Novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNIRO), F. 7. Op. 1. D. 797. L.27.
33. Jahutl' Ju.A. Njepovskaja model' modernizacii: k voprosu o vozmozhnostjah i problemah (na primere krest'jansko-kazach'ih hozjajstv juga Rossii). Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: «Istorija i filologija». 2021. T. 31. № 1. S. 43 – 55.

*Khronova I.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State Agrarian University*

Organization of collective labor of the peasantry of the North Caucasus Region in the 1920s

Abstract: the article reveals the history of the formation and organization of collective labor of the peasantry of the North Caucasus Region (within the framework of the modern Rostov region and Krasnodar Territory) in the 20s of the twentieth century. The author examines three forms of labor organization of collective farms created in the region: partnerships for joint cultivation of land (PCL), agricultural artels and agricultural communes, and through the prism of previously unpublished archival documents, as well as published materials, formulates five key reasons for their distribution. The theoretical basis of the research was the systematic and historical-everyday approaches, combined with the methods of scientific cognition, analysis and synthesis. The purpose of the work was to analyze the form of collective labor organization, as well as to identify the causes of the mass spread of collective forms of labor in the 1920s on the territory of the Don and Kuban. The novelty of the research lies in carrying out a comprehensive assessment of the phenomenon under consideration, and the reasons formulated by the author acquire a new justification in the light of the analysis of archival documents introduced into scientific circulation for the first time. The author comes to the conclusion that the co-organized forms of collective labor of the peasantry in the 1920s allowed the formation of trends in collective management on a voluntary basis, during the period under review there was a change from complex forms to simpler forms of management.

Keywords: peasantry, collective farm, labor organization, artels, collectivization

For citation: Khronova I.A. Organization of collective labor of the peasantry of the North Caucasus Region in the 1920s. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 129 – 137.

Received: June 6, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Беляева Е.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры Российской академии наук*

Формирование культурных традиций в раннем палеолите и их проявление в раннеашельских индустриях Кавказа

Аннотация: статья рассматривает вопрос о существовании культурных традиций в раннем палеолите. Материальная культура этого древнейшего периода человеческой истории представлена двумя типами каменных индустрий, или технокомплексами – олдованским и ашельским. Древнейший олдованский технокомплекс, который является довольно примитивным и гомогенным, не может быть подразделен на локальные варианты, отражающие определенные культурные традиции. По сравнению с олдованом, ашельский технокомплекс, производившийся более развитыми гомининами, выделяется более сложными технологиями обработки камня и появлением широкого ассортимента орудий разного назначения. В рамках данного технокомплекса наблюдается вариативность каменных индустрий и их эволюция. Имеются разные группы ашельских индустрий, отличающиеся по наборам технологических и морфологических характеристик. Автор показывает, что наличие локальных вариантов ашельского технокомплекса было отчасти обусловлено варьирующими качествами их каменного сырья (размеры и формы отдельностей, структура породы), которые благоприятствовали или препятствовали развитию определенных технологий, а также влияли на некоторые параметры изделий. Однако, поскольку конкретный выбор между объективно возможными технологиями и формами изделий делался ашельскими мастерами, устойчивость их предпочтений предполагает закрепление в виде традиции. Имеются также такие характеристики ашельских орудий (очертания и пропорции корпуса, способ оформления рабочих элементов), которые практически не зависели от влияния сырья и определялись предпочтениями изготовителей. По мнению автора, намеренное воспроизводство этих характеристик во времени не может быть объяснено ничем, кроме наличия культурных традиций. Во второй части статьи описаны две своеобразные раннеашельские индустрии, сформировавшиеся в разных районах Кавказа (Таманский п-в, Закавказское нагорье) на основе местного сырья, доступного в виде плитчатых обломков. Эти индустрии со специфическими характеристиками, существовавшие и отчасти эволюционировавшие на протяжении многих сотен тысяч лет, рассматриваются автором как проявление двух разных культурных традиций.

Ключевые слова: ранний палеолит, олдован, ашель, пространственно-хронологическая изменчивость, сырьевой и культурный факторы вариативности, раннеашельские традиции Кавказа

Для цитирования: Беляева Е.В. Формирование культурных традиций в раннем палеолите и их проявление в раннеашельских индустриях Кавказа // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 138 – 149.

Поступила в редакцию: 6 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Ранний палеолит (~ 2,6 – 0,2 млн.л. н.) является самым древним и наиболее длительным периодом в истории человечества, в течение которого происходила основная эволюция предков современного человека. В этот же период возникла и стала развиваться их материальная культура, основу которой составляли каменные изделия, используемые ранними людьми как инструменты. Они изготавливались из тех каменных пород, которые поддавались расщеплению и обработке посредством оббивки. Дошедшие до нас каменные индустрии являются главным источником знаний о материальной культуре раннего палеолита. Поскольку эти индустрии отражают начальные этапы развития материальной культуры, возникает вопрос о наличии и проявлениях в них культурных традиций.

Предлагая свой взгляд на данную проблему, автор считает полезным вначале напомнить об основных характеристиках раннепалеолитических индустрий. Раннепалеолитические индустрии подразделяются на два основных типа, которые принято также называть технокомплексами. Они различаются по хронологическим диапазонам, технологиям обработки каменных пород и наборам основных изделий. Начиная примерно с 2,6 млн.л.н., а по некоторым данным, даже несколько ранее в ряде районов Африки возникает древнейший из этих технокомплексов – олдованский, или олдован. Это наименование обусловлено тем, что первые находки архаичных каменных артефактов, относящихся к этому технокомплексу, были сделаны в Олдувайском ущелье на территории Танзании [23]. Насколько известно на сегодня, олдованские индустрии производились поздними австра-

лопитеками (*Australopithecus garhi*) и ранними представителями рода *Номо* – от *Homo habilis* до *Homo ergaster*. Эти индустрии, просуществовавшие более 1,5 миллионов лет, характеризуются довольно простыми приемами скалывания отщепов с небольших галек или обломков тех каменных пород, которые поддаются контролируемому расщеплению. Отщепы с тонкими кромками использовались далее в качестве режущих или скребущих орудий. Оббитые такими сколами гальки и обломки с острыми краями также служили как орудия для резания и разрубания органических материалов (мясо, кость, дерево), благодаря чему они получили название «чопперы». Стандартизированные формы орудий в олдоване отсутствуют и лишь немногие из них имеют дополнительную обработку режущих кромок мелкими сколами [19, 23, 28, 30, 32].

Ашельский технокомплекс, или ашель получил название в честь города Сент-Ашель во Франции, где еще в XIX веке были сделаны первые находки соответствующих каменных артефактов. В настоящее время установлено, что в Европе представлена в основном поздняя стадия ашеля (< 600 т.л.н.), а древнейшие индустрии этого технокомплекса, именуемые раннеашельскими, формировались в разных районах Восточной Африки и Южной Евразии в интервале 1,5-2,0 млн. л.н., сосуществуя с олдованом. Ашельские индустрии довольно резко отличаются от олдована разнообразием изделий, а также более сложными технологиями расщепления и обработки каменных пород, ибо создавались более развитыми гомининами (*Homo ergaster/erectus* – *Homo geidelbergensis*). Впервые появляются технологии, нацеленные на получение крупных отщепов (> 10 см), что является одним из основных признаков ашеля. По мере развития ашельских индустрий расщепляемые отдельности сырья (нуклеусы) начинают подвергаться предварительной подготовке, оформляя поверхности скалывания и ударные площадки таким образом, чтобы обеспечить требуемые параметры сколов-заготовок. Ашельский технокомплекс включает также довольно широкий ассортимент каменных инструментов разного назначения, среди которых обязательно присутствуют крупные орудия размером более 10 см, предназначавшиеся для грубой работы. Основным индикатором ашеля считаются рубила – категория крупных орудий, обладающих каплевидными в целом очертаниями корпуса и двумя продольными лезвиями, приостренными оббивкой, которые сходятся, образуя заостренный либо закругленный конец. Во многих индустриях их дополняют кливеры – подпрямоугольные или подтрапцевидные орудия с поперечным лезвием, сделанные из отщепов. В ранних ашельских

индустриях продолжают бытовать чопперы, но особенно характерны очень массивные кирковидные орудия (пики), корпус которых сужается к концу, оформленному как острие, а иногда как узкое лезвие. Встречаются и некоторые другие категории крупных орудий (макроскребла, нуклеовидные скребки и др.). Крупные орудия чаще изготавливались путем интенсивной обработки специально отбирившихся крупноразмерных обломков каменных пород, однако для некоторых категорий таких орудий заготовками могли служить крупные отщепы, получаемые с помощью разных специальных технологий. В составе мелких ашельских орудий обычно доминируют разнообразные скребла, скребки и острия, об основных функциях которых говорят их названия. Наряду с ними порой могут присутствовать и некоторые другие разновидности каменных инструментов. Лезвия, острия и иные рабочие участки этих орудий формировались сериями мелких сколов. Заготовками для них в большинстве индустрий служили отщепы, но иногда в этом качестве использовались небольшие плитчатые обломки слоистых пород [5, 10, 13, 16, 20, 29, 31].

Чтобы прояснить вопрос о формировании культурных традиций в раннем палеолите необходимо рассмотреть пространственно-хронологическую изменчивость олдованских и ашельских индустрий, а также определявшие ее факторы. Олдованский технокомплекс характеризуется в целом очень слабой эволюцией во времени, которая проявлялась в основном лишь в некотором увеличении доли мелких орудий с дополнительной подправкой рабочих краев. Несмотря на чрезвычайно длительное время существования олдованских индустрий, ни технологии расщепления, ни состав каменных изделий в большинстве из них принципиально не менялись [19]. Значительные и относительно быстрые изменения были отмечены только в тех случаях, когда наблюдался переход от олдованского технокомплекса к ашельскому, что было зафиксировано пока лишь в памятниках Мухкай 1-2 в Дагестане [1, 2] и Мелка Контуре в Эфиопии [20]. Степень пространственной вариабельности в рамках олдованского технокомплекса также невысока. Показательно, что олдованская индустрия стоянки Дманиси (~1,8 млн.л.н.), открытая на юге Грузии [17, 18], содержит мелкие отщепы и чопперы из местных галек, которые очень похожи на подобные изделия из многих других олдованских комплексов из разных регионов Африки и Ближнего Востока [25]. Когда между олдованскими индустриями фиксируются некоторые различия в размерах изделий и в приемах скалывания, они чаще всего объяснимы варьирующими качествами и формами исходного сырья (гальки или углова-

тые обломки). Описаны также случаи, когда индустрии близких по возрасту олдованских стоянок демонстрируют более и менее развитые приемы расщепления и оформления орудий. Исследователи правомерно видят в этом неодинаковый уровень ментальных способностей и навыков популяций, создававших олдованские индустрии, а отнюдь не их культурные различия [15].

Причина относительной гомогенности индустрий олдованского технокомплекса состоит в том, что их делали ранние гоминины, чей уровень физического и ментального развития не давал возможности активно разрабатывать различные технологии обработки камня и расширять ассортимент изделий. Они повсеместно и в течение огромных промежутков времени воспроизводили практически одни и те же довольно простые технологии и формы орудий, улучшая их лишь в отдельных аспектах. Соответственно, олдован не подразделяется на локальные варианты со специфическим и устойчивым техноморфологическим репертуаром, что не позволяет говорить о наличии культурных традиций. Единственным исключением можно считать своеобразные олдованские комплексы памятников Дагестана (2,3 – 1,0 млн.л.н.), где помимо мелких отщепов и чопперов имеются также несколько разновидностей чопперов более крупных размеров и даже пиковидные орудия [1]. Эту специфику можно объяснять тем, что в состав каменного сырья данных стоянок входили крупноразмерные отдельные кремни, а также тем, что данная олдованская индустрия изначально делалась достаточно развитыми ранними людьми, которые около 1 млн.л.н. оказались способны перейти к более сложным ашельским технологиям [4, 5].

В отличие от олдована, индустрии ашельского технокомплекса демонстрируют значительную вариативность в технологиях и формах орудий, а также пусть медленное, но существенное развитие во времени. На ранней стадии ашеля (2,0 -1,0 млн.л.н.) рубила, как правило, массивны, имеют довольно грубую отделку и очень часто не вполне симметричны по форме. Во многих раннеашельских индустриях рубила сопровождаются пиками, а также чопперами – орудиями, которые унаследованы от олдована, но становятся более разнообразными по форме и в целом более интенсивно обработанными. В ряде индустрий уже на стадии раннего ашеля стало было начато массовое производство крупных отщепов, служивших заготовками для кливеров и рубил. К концу раннего ашеля формы основных крупных орудий и некоторых мелких орудий становятся более правильными и демонстрируют более тщательную обработку. В течение двух последующих этапов (средний –

поздний ашель) совершенствуются технологии производства отщепов. Во многих индустриях было налажено получение достаточно стандартизованных сколов-заготовок (подтреугольные и субовальные отщепы, а также удлиненные пластины), что повлияло и на формы орудий. Такие категории крупных орудий как чопперы и пики постепенно исчезают, а технологии изготовления рубил усложняются, благодаря чему стало возможно делать эти орудия более уплощенными, а также придавать им разнообразные правильные очертания, симметричные относительно длинной оси. В период позднего ашеля (~400-200 т.л.н.) технологии расщепления, а также приемы интенсивной двусторонней обработки, формирующей корпус и лезвийные края рубил, демонстрируют наивысшее развитие. Формы многих позднеашельских рубил столь совершенны технически и даже эстетически, что их изготовителей можно назвать мастерами-виртуозами [6].

Наряду с этой общей хронологической тенденцией эволюция ашельских индустрий имела региональные и локальные особенности, которые выражались как в технологиях расщепления, так и в составе орудий. Например, среди крупных орудий среднеашельской индустрии стоянки Гешер Бенот Яков в Израиле (~ 700 тыс.л.н.) преобладают сердцевидные рубила и кливеры, сделанные из крупных отщепов [21], в то время как хронологически близкая индустрия стоянки Латамна в соседней Сирии содержит массивные копьевидные рубила, также пики и чопперы определенных форм, изготовленные из обломков местных пород [14]. Некоторые археологи полагают, что вариативность ашельских индустрий носит хаотичный характер, отражающий случайное сочетание целого ряда различных факторов. К ним относят, прежде всего, влияние различных качеств сырья, уровень технологических знаний и навыков конкретных мастеров, а также изменение форм орудий при подправке их лезвий в процессе использования и т. п. [26, 27, 34]. По мнению многих других исследователей, наличие в ашельских индустриях разных регионов технологических и морфологических особенностей, которые воспроизводятся во времени, позволяет говорить о культурных традициях [8, 11, 22].

Хотя эти две точки зрения противоречат друг другу, их все же можно отчасти совместить. Нелзя отрицать тот факт, что ашельские индустрии обычно включают много орудий, формы которых чрезвычайно вариативны и даже могут плавно переходить одна в другую. Трудно не согласиться и с тем, что они отражают, очевидно, комбинации самых разных факторов, которые трудно вычлениить. В то же время, наряду с ними при тщатель-

ном анализе ашельского инвентаря в нем удастся, как правило, выявить и довольно устойчивые модели преимущественно крупных орудий и определенные приемы их изготовления. Как представляется, за устойчивостью тех или иных характеристик каменных индустрий должны стоять те факторы, которые преобладают над прочими и воздействие которых является не хаотичным, а стабильным. К таким факторам, по мнению автора, можно отнести эффект сырья и культурные традиции [3, 5]. В силу того, что ашельские индустрии обычно формировались на конкретной сырьевой базе и использовали ее длительное время, они не могли не испытывать постоянное и значительное влияние основных качеств входивших в нее пород. Поскольку в разных районах эти породы были доступны в виде отдельностей определенных форм и размеров, а их структура отражалась в особенностях раскалывания, ашельские мастера должны были разрабатывать адаптированные к конкретному сырью технологии производства сколов-заготовок и приемы обработки орудий. Размеры исходных заготовок определяли максимальные размеры крупных орудий, а от формы заготовок во многом зависела интенсивность обработки, которая требовалась для преобразования их в орудия. Например, изготовление рубил из галек требовало их интенсивной и, как правило, сплошной двусторонней обработки, в то время как крупные отщепы или тонкие плитки могли быть превращены в рубила ограниченным числом сколов, которые создавали требуемый контур и приостряли края. Иногда характер сырья отражался даже на наличии некоторых категорий орудий. В тех индустриях, где размеры природных отдельностей сырья позволяли массово производить крупные отщепы, заметную роль, как правило, играли кливеры. Если же получать такие отщепы было затруднительно, орудия этой категории редки или вовсе отсутствуют.

Признавая и даже подчеркивая огромную роль каменного сырья в формировании ашельских индустрий, автор считает, однако, что это несколько не умаляет культурный фактор. Если особенности конкретного сырья определяли и иногда сильно ограничивали круг объективно возможных технических решений и форм, то выбор среди них оставался за древними мастерами. Дальнейшее следование этому выбору уже можно рассматривать как компонент культурной традиции [5]. Особого внимания заслуживают те характеристики ашельских изделий, которые практически не зависят от сырьевого фактора и регулируются предпочтениями и навыками изготовителей. Именно древние мастера определяли, какими должны быть очертания и пропорции разных орудий, а также какую

технику отделки следует применять для оформления их рабочих элементов. Реализацию этих предпочтений в моделировании каменных орудий вполне допустимо расценивать как прото-дизайн [6, 24], а при систематическом воспроизводстве подобных моделей их можно рассматривать как культурные типы. Появление в ашельских индустриях таких устойчивых во времени моделей, или типов означает постоянное следование неким канонам, что равнозначно наличию культурной традиции. Нужно учитывать, однако, что сходные модели отдельных категорий орудий могут быть присущи разным ашельским индустриям, что наблюдается, например, в отношении рубил. Поскольку количество возможных вариантов очертаний рубил не слишком велико, похожие типы могли независимо появляться в разных районах ашельской ойкумены. Из этого следует, что для выделения отдельных культурных традиций в ашеле нужно опираться на целые наборы устойчивых орудийных форм, а также на специфические типы, присущие только конкретным индустриям [3, 5].

Рассмотрим теперь формирование культурных традиций на примерах самых ранних ашельских индустрий Кавказского региона. В настоящее время в Кавказском регионе обнаружены две группы раннеашельских стоянок. Первая группа из шести памятников расположена в северо-западной части Кавказа, на северном побережье Таманского полуострова. Культурные слои с изделиями, которые характерны для ашельского технокомплекса, залегают в толщах высоких террас Азовского моря. На основе анализа всех биостратиграфических и палеомагнитных данных, а также геохронологических корреляций террасовых отложений стоянка Кермек датируется в диапазоне 2,1-2,0 млн. л.н., тогда как остальные стоянки (Родники 1-4 и Богатыри) могут быть помещены в интервал 1,4-1,0 млн. л.н. [9, 10].

Комплекс артефактов из стоянки Кермек отражает начальный этап раннеашельского периода на Таманском полуострове. В культурном слое этой стоянки были найдены около 600 из местного окварцованного доломита [10]. Продукты первичного расщепления местного окварцованного доломита представлены в Кермеке нуклеусами и отщепами разных размеров (около 450 экз.). Производились как ординарные отщепы-заготовки для мелких орудий, так и крупные отщепы длиной более 10 см. Ординарные отщепы получали посредством скалывания с торцов крупных плитчатых обломков доломита. Это скалывание чаще было однонаправленным, однако применялось также встречное и ортогональное скалывание, реже подпризматическое. Площадкой для удара были глад-

кие поверхности естественных граней таких нуклеусов. Крупные отщепы изготавливали, скалывая их с плит доломита больших размеров. Два таких нуклеуса-блока были найдены в культурном слое.

Наряду с отщеповыми заготовками для орудий обитатели Кермека использовали в этом качестве подходящие по форме плитки доломита.

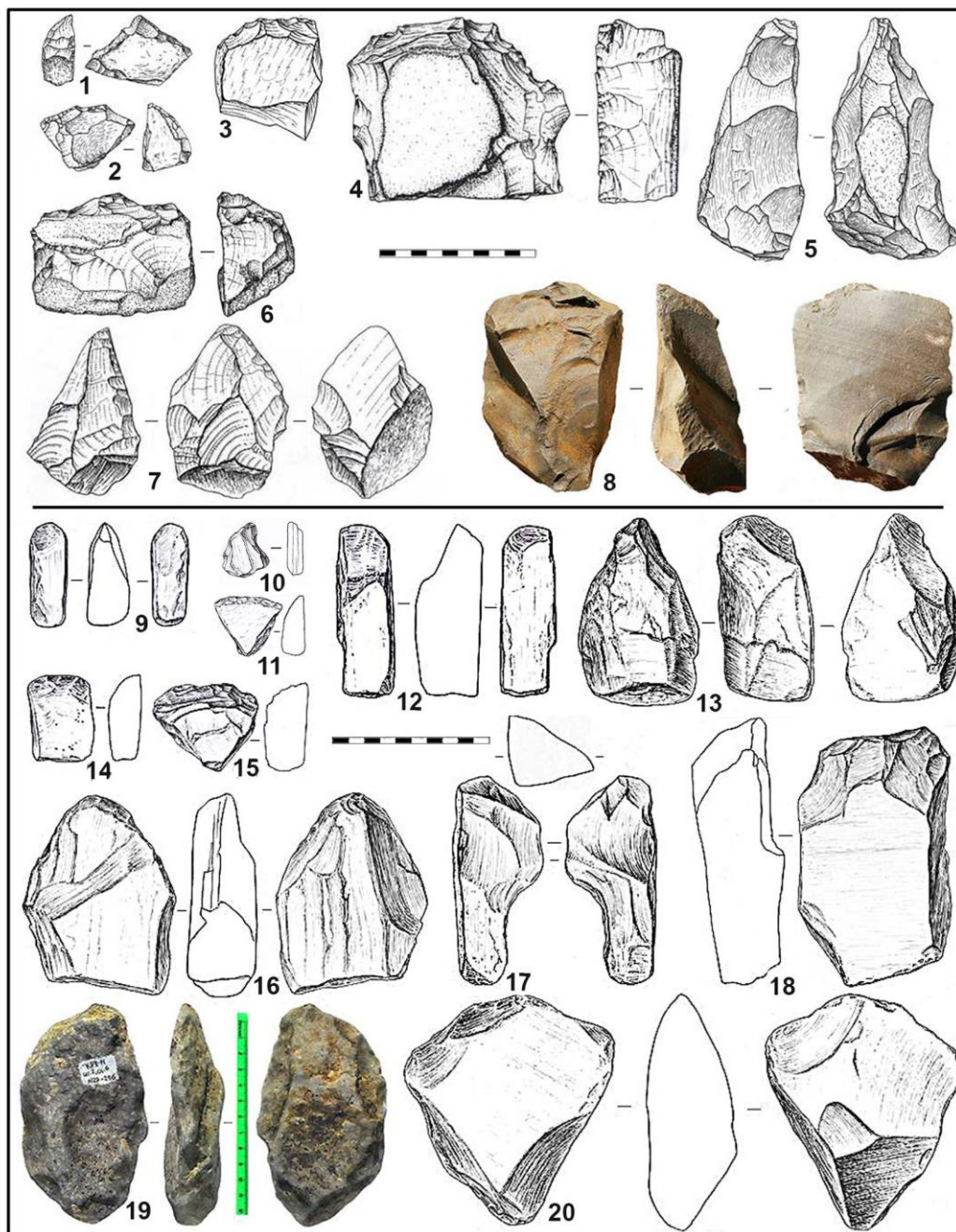

Рис. 1. Образцы характерных орудий раннеашельской Таманской традиции: 1 – острие; 2 – скребло; 3 – скребок; 4 – чоппер; 5 – чоппероидное макроскребло; 7 – рубило; 8 – кливер на отщепе. Образцы характерных орудий раннеашельской Карахачской традиции: 9 – мелкое долотовидное орудие; 10 – острие; 11, 15 – скребла; 12 – брусковидное макродолото; 13 – пик с долотовидным лезвием; 14 – скребок; 16 – рубило в форме «домика»; 17 – макронож-топорик; 18 – подпрямоугольный чоппер; 19 – суб-овальное рубило; 20 – веероидный чоппер

В культурном слое Кермека найдено 159 орудий, половину которых составляют крупные орудия: чопперы, чоппероидные макроскребла, пики, кливеры (рис. 1: 4-6, 8) и нуклеидные скребки. Следует отметить, что хотя наличие этих крупных

орудий однозначно указывает на ашель, рубила в Кермеке до сих пор не обнаружены. В.Е. Щелинский, производивший исследования Кермека, допускает, что обитатели этой древнейшей стоянки еще не научились, возможно, изготавливать ору-

дия данной категории [10]. Чопперы были сделаны из крупных плиток доломита или – реже – крупных массивных отщепов посредством их односторонней и реже двусторонней обивки. Выделяется несколько чопперов, которым была намеренно придана подпрямоугольная форма. Имеются также отдельные чопперы с двумя лезвиями, сходящимися на острие. Крупные чопперовидные скребла изготовлены как из крупных отщепов, так и из плитчатых обломков доломита. Они отличаются от чопперов менее массивным корпусом и более тщательной обработкой лезвийной кромки. Лезвийному краю противолежит обушок, который является торцом плитчатой заготовки либо получен притупляющей оббивкой. Некоторые чопперовидные макроскребла с относительно узким поперечным краем, оформленным крутой оббивкой, могут быть определены также как нуклевидные скребки. Пики были изготовлены в основном из массивных обломков доломита, но некоторые из них сделаны из очень массивных крупных отщепов. Чаще всего эти пики имеют подтреугольную форму, которая может быть как вытянутой, так и укороченной. Большинство пиков завершается острием, а долотовидные концы встречены лишь у трех таких орудий. Кливеры оформлялись на подчетырехугольных крупных отщепах, которые изначально имели поперечный острый край. Набор мелких орудий (78 экз.), сделанных из небольших отщепов и плитчатых обломков, включает скребла, скребки, острия (рис. 1: 1-3) и зубчато-выемчатые орудия. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые крупные и мелкие орудия демонстрируют геометризованные подпрямоугольные контуры, которые были созданы крутыми сколами-обрубами краев исходной заготовки [4, 12].

Более поздние раннеашельские стоянки Таманского полуострова (Родники 1-4 и Богатыри) содержат комплексы каменных изделий, которые очень похожи на индустрию Кермека, но имеют более развитый облик [9, 10]. Техника расщепления остается прежней, хотя в большей степени используется подпризматическое скалывание. Орудия по-прежнему изготавливались как из отщепов-заготовок разных размеров, так и из плитчатых обломков доломита. Представлены те же самые категории крупных и мелких орудий, однако они дополняются несколькими подсердцевидными рубилами небольших размеров (рис. 1: 7). По сравнению с индустрией Кермека, орудия рассматриваемых стоянок являются более стандартизированными и лучше отделанными. Несколько возрастает и количество орудий с геометризованными очертаниями, причем среди них есть как подпрямоугольные, так и подтреугольные.

Таким образом, материалы описанных памятников Тамани позволяют говорить о проявлении и длительном развитии единой раннеашельской индустрии, в которую можно проявление локальной традиции [10]. Эта Таманская раннеашельская традиция характеризуется сочетанием кливеров с чопперами и пиками определенных типов, а также редкостью рубил. Следует отметить также наличие ряда крупных и мелких орудий, которым намеренно придавались геометризованные очертания (рис. 1: 2, 6). Некоторые особенности этой традиции складывались, по-видимому, на основе адаптации первых жителей Таманского полуострова к местному доломитовому сырью. Данное сырье, с одной стороны, позволяло производить отщепы-заготовки разных размеров, в том числе крупные отщепы, из которых стали изготавливать кливеры. В то же время, эта порода была доступна в виде естественных плитчатых обломков, которые также использовались для изготовления орудий. Возможно, что они поспособствовали появлению орудий с геометризованными формами [20]. Однако плитки с такими правильными очертаниями отбирались намеренно, а некоторые подобные формы создавались путем искусственного усечения заготовок. Это говорит об осознанном стремлении к изготовлению таких орудий, которое закрепилось в таманской раннеашельской традиции.

Вторая крупная группа раннеашельских памятников Кавказа обнаружена на севере вулканической области Закавказского нагорья, на территории Лорийской межгорной котловины и в ее окрестностях. Она включает около трех десятков пунктов, треть которых составляют стратифицированные памятники, а прочие являются поверхностными местонахождениями. Все они были обнаружены в ходе работ Армяно-Российской археологической экспедиции с участием автора этой статьи [5,7]. На сегодня наиболее исследованными являются три памятника – Карахач, Мурадово и Куртан I. Абсолютное датирование уран-свинцовым методом вулканических пеплов, перекрывающих культурные слои стоянки Карахач, вкупе с палеомагнитными показателями изученных отложений позволило установить, что возраст этого памятника составляет 1,85-1,77 млн. л. н. Сходный возраст на основании литостратиграфической корреляции с колонкой отложений Карахача предполагается и для нижних слоев близлежащей стоянки Мурадово. В Куртане I представлены как отложения того же возраста, так и более поздние слои [33]. В Карахаче в раскопе глубиной более 8 м были изучены 14 культурных слоев, которые доставили около трех тысяч изделий из местных вулканических пород (риолит, риодацит), ко-

торые относятся к ашельскому технокомплексу. В Мурадово была вскрыта толща отложений мощностью 7 м, где была найдена почти тысяча ашельских изделий из такого же сырья. В Куртане 1 около 200 подобных изделий из несколько иного вулканического сырья происходят из трех верхних палеопочв (до 4 м), самая верхняя из которых несколько моложе 800 тыс.л.н. Более древние слои этого памятника доставили лишь единичные находки [5].

Возраст всех этих памятников и облик инвентаря позволяют относить их к раннему ашелю [8, 12]. Послойный анализ каменных изделий из этих памятников и их сравнение показали, что в них наблюдается развитие единой раннеашельской индустрии [5]. Во всех коллекциях преобладают орудия, а продукты первичного расщепления редки, поскольку заготовками орудий служили преимущественно плитчатые обломки местных вулканических пород. Немногочисленные нуклеусы демонстрируют преимущественно однонаправленное скалывание. В состав сколов входят небольшие отщепы-заготовки, а также несколько крупных отщепов длиной более 10 см. Крупные орудия составляют до 20% всех орудий. Они представлены главным образом такими категориями как рубила, чопперы, чопперовидные макроскребла, пики, макроножи и макродолота (рис. 1: 12, 16-20). Имеются также единичные образцы других макроорудий, включая пару кливеров. Рубила (рис. 1: 16, 19) широко варьируют по размеру, очертаниям и интенсивности двусторонней обработки. Некоторые из них обладают очень массивным корпусом, что сближает их с пиками. Абсолютное большинство рубил изготовлено из плитчатых обломков, однако одно такое орудие было оформлено на крупном отщепе. Особый интерес представляют несколько рубил, у которых рабочие края в нижней половине субпараллельны, а в верхней части резко сходятся на острие. Такие рубила, своеобразную форму которых можно определить как «домик» (рис. 1: 16), не встречаются в других раннеашельских индустриях.

Чопперы сделаны исключительно из крупных плитчатых обломков, а чопперовидные макроскребла иногда оформлялись на отщепах. Многие орудия этих двух категорий имеют геометризованных очертания – подпрямоугольные (рис. 1: 18) и подтрапециевидные. Отдельно следует отметить группу чопперов оригинальной вееровидной формы с лезвием на широком конце (рис. 1: 20). Пики имеют различные формы поперечных сечений и преимущественно грушевидные очертания в плане. Реже встречаются подтреугольные пики и пики, своеобразная форма которых может быть определена как «утюжки». Наряду с пиками, за-

вершающимися острием, что в целом характерно для орудий этой категории, в данной индустрии имеется много пиков с узким долотовидным лезвием (рис. 1: 13), доля которых достигает ~30%. В состав всех коллекций входят также крупные орудия с долотовидным концом, которые были определены как макродолота (рис. 1: 12). В отличие от пиков с подобным рабочим элементом, они имеют удлиненный брусковидный корпус с субпараллельными краями. Наконец, крупные удлиненные орудия с противопоставлением продольного лезвия и обушкового края были определены как макроножи. У нескольких таких орудий примерно половина корпуса искусственно заужена и лишена острой кромки, что позволяет видеть в этом оформление рукояти. Эти орудия определены как макроножи-топорики (рис. 1: 17).

Многочисленные мелкие орудия, изготовленные в основном на небольших плитках и лишь в редких случаях на отщепах, включают в свой состав преимущественно скребла, скребки и острия (рис. 1: 10-11, 14-15). Эти орудия насчитывают сотни экземпляров. В меньших количествах представлены мелкие долотовидные орудия (рис. 1: 9), комбинированные орудия с сочетанием нескольких разных рабочих элементов и зубчатые-выемчатые орудия. Наряду с простыми однолезвийными скреблами найдены несколько образцов двулезвийных орудий этой категории. Особого внимания заслуживает обилие скребел и скребков, которым были намеренно приданы геометризованных очертания – подтрапециевидные, подпрямоугольные и подтреугольные (рис. 1: 11, 14-15).

Итак, основные особенности этой индустрии определяются следующим набором характеристик. Во-первых, она базировалась преимущественно на естественных плитчатых заготовках, хотя сырье позволяло получать и отщепы-заготовки. Таким образом, это был осознанный выбор создателей данной индустрии, которому они следовали. Далее, набор орудий не только богат, но и уникален по составу как крупных, так и мелких орудий. В этом наборе представлены такие категории орудий, которые очень редки или вовсе отсутствуют в других раннеашельских индустриях (долота и макродолота, макроножи, пики с долотовидным лезвием (рис. 1: 9, 12, 16-20). Важно отметить и очень значительную долю орудий с геометризованных очертаниями, что также нехарактерно для прочих раннеашельских индустрий. Наконец, в данной индустрии имеется присущий только ей набор своеобразных типов орудий, к которым относятся вееровидные чопперы, рубила в форме «домика», брусковидные долота, а также макроножи-топорики (рис. 1: 12, 16-17, 20). Все это позволяет говорить об особой раннеашельской Кара-

хачской традиции, которая названа в честь опорного памятника Карахач. Наряду со стабильностью основных характеристик эта традиция демонстрирует определенное развитие во времени. В наиболее поздних слоях рассмотренных памятников несколько возрастает доля отщеповых заготовок, уменьшаются средние размеры крупных орудий, улучшается их обработка, а также не встречаются макроножи-топорики. Последнее, впрочем, может объясняться относительной малочисленностью коллекций из поздних слоев, состав которых не вполне репрезентативен. Следует добавить также, что индикаторные для Карахачской традиции типы орудий (вееровидные чопперы, брусковидные долота и др.) в сочетании с другими изделиями были встречены во всех раннеашельских памятниках Лорийской котловины и ее окрестностей, что говорит о широком расселении носителей рассматриваемой традиции на севере Закавказского нагорья [5].

Описанные выше раннеашельские индустрии Тамани и Закавказского нагорья имеют некоторые общие черты (использование естественных плиток в качестве заготовок для орудий, обилие чопперов и пиков, наличие орудий с геометризованными формами), что объяснимо их близким возрастом и формами исходного сырья, которое в обоих районах было доступно в виде плитчатых обломков. В то же время, эти индустрии весьма существенно отличаются как по технологиям, так и по составу орудий [4. 5]. Нельзя исключать, что на это отчасти повлияли какие-то качества доломита и лавовых пород, однако основную роль в различиях этих индустрий играли устойчивые предпочтения их изготовителей, закрепленные в традициях. Это можно проиллюстрировать одним примером, ис-

пользуя тот факт, что в создатели обеих индустрий могли расщеплять свое каменное сырье для получения сколов-заготовок, включая крупные отщепы. Однако, если на Тамани раннеашельские мастера массово производили сколы-заготовки для оформления орудий, а также превращали крупные отщепы в кливеры [10], то на Закавказском нагорье в этот период обитали люди, сделавшие выбор в пользу плитчатых заготовок. Они умели изготавливать кливеры, два образца которых были встречены в коллекциях из Карахача [5], но не стали развивать производство таких орудий. Функции кливеров в этой раннеашельской индустрии исполняли другие типы орудий с поперечными лезвиями (пики с долотовидным концом, брусковидные долота, вееровидные и подпрямоугольные чопперы). Итак, можно констатировать, что древнейшие обитатели отдаленных друг от друга районов Кавказа по-разному адаптировались к местному плитчатому сырью, создав ашельские индустрии с рядом уникальных характеристик, которые воспроизводились и отчасти развивались, передаваясь от поколения к поколению. Выделяемые на этом основании две разные раннеашельские традиции – Таманская и Карахачская – прослеживаются в этих районах на протяжении многих сотен тысяч лет.

Статья написана в рамках выполнения плановой темы «Заселение Кавказского региона в раннем палеолите: палеоэкологическая динамика, природные ресурсы и каменные индустрии» (НИР ИИМК «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», рук-ль: С.А. Васильев).

Литература

1. Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала.: Мавраевъ. 2016. 344 с.
2. Амирханов Х.А., Таймазов А.И. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа // Краткие сообщения Ин-та археологии. 2019. Вып. 254. С. 13 – 33.
3. Беляева Е.В. Сравнительный анализ раннепалеолитических индустрий: проблемы и подходы // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2017. С. 46 – 55.
4. Беляева Е.В. Раннеашельские индустрии Закавказского нагорья и сопредельных территорий Кавказа и Ближнего Востока // Раннепалеолитические памятники и природная среда Кавказа и сопредельных территорий в раннем-среднем плейстоцене. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. С. 41 – 64.
5. Беляева Е.В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 275 с.
6. Беляева Е.В., Любин В.П. Развитие технологий и протодизайна в раннем палеолите на примере ашельских рубил Кавказа // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М., 2012. С. 1 – 20.
7. Беляева Е.В., Любин В.П. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск. 2013. С. 37 – 52.

8. Беляева Е.В., Любин В.П. Новый взгляд на развитие ашеля на Кавказе // Проблемы археологии камня: Сборник статей к 70-летию В.И. Беляевой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета. 2014. С. 189 – 214.
9. Щелинский В.Е. Эоплейстоценовая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Периферия». 2014. 168 с.
10. Щелинский В.Е. Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб: Петербургское Востоковедение. 2021. 131 с.
11. Bar-Yosef O. The known and unknown about Acheulian. *Axe Age: Acheulian Toolmaking from Quarry to Discard*. London, Oakville. 2006. P. 479 – 494.
12. Belyaeva E.V., Shchelinsky V.E. The birth of the Acheulian techno-complex in the Caucasus region. *L'Anthropologie*. 2022. Vol. 126. P. 102973.
13. Beyene Y., Katoh, Sh., Wolde Gabriel G., Harte W. K., Utofi K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G., Asfaw B. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. № 110 (5). P. 1584 – 1591.
14. Clark J.D. The middle Acheulian site at Latamne, northern Syria. *Quaternaria* 1967. № 9. P. 1 – 68.
15. Delagnes A., Roche H. Late Pliocene hominid knapping skills: the case of Lokalei 2C, West Turkana, Kenya. *Journal of Human Evolution*. 2005. № 48. P. 435 – 472.
16. Diez-Martin F., Sanchez Yustos P., Uribelarrea D., Baquedano E., Mark D.F., Marulla A. et al. The Origin of the Acheulian. The 1.7 Million-Years-Old Site of FLK West, Olduvai Gorge, Tanzania. *Scientific reports*. № 5. 17 – 38.
17. Ferring R., Oms O., Agusti J., Berna F., Nioradze M., Shelia T., Tappen M., Vekua A., Zhvania D. and Lordkipanidze D. Earliest human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1.85–1.78 Ma. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2011. № 108 (20). P. 10432 – 10433.
18. Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D. The environmental contexts of early human occupation of Georgia (Transcaucasia). *Journal of Human Evolution*. 2000. № 38. P. 785 – 802.
19. Galotti R. Before the Acheulian in East Africa: an Overview of the Oldowan Lithic Assemblages. *The Emergence of Acheulian in East Africa and Beyond*. Cham., Springer. 2018. P. 13 – 32.
20. Galotti R., Mussi M. The Emergence of the Acheulian in East Africa: Historical Perspectives and Current Issues. *The Emergence of Acheulian in East Africa and Beyond*. Cham., Springer. 2018. P. 1 – 12.
21. Goren-Inbar N., Saragusti I. An Acheulian biface assemblage from the site of Gesher Benot Ya'aqov, Israel: indications of African affinities. *Journal of Field Archaeology*. 1996. № 23. P. 15 – 30.
22. Hou Y.M., Potts R., Yuan B., Guo Y., Deino Z.T., Wang A., Clark W., Xie J., Huang W.W. Mid-Pleistocene Acheulean-like stone technology of the Bose Basin, South China. *Science*. 2000. № 287. P. 1622 – 1626.
23. Leakey M.D. Olduvai Gorge. Vol. 3. Excavations in Beds I and II, 1960–63. Cambridge. 1971. 306 p.
24. Le Tenzor J.-M. Les cultures acheuléennes et la question de l'émergence de la pensée symbolique chez *Homo erectus* à partir des données de la forme symétrique et harmonique des bifaces // *Compte Rendus Paleovol*. 2006. Vol. 5. P. 127 – 135.
25. de Lumley H., Nioradze, M., Barsky D., Caushe D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D. et Lordkipanidze D. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // *L'Anthropologie*. 2005. Vol. 109. № 1. P. 1 – 182.
26. McPherron S.P. What typology can tell us about Acheulian handaxe production. *Axe Age. Acheulian tool-making from quarry to discard*. London. 2006. P. 267 – 286.
27. Moncel M.A., Arzarello M., Boëda E., Bonilauri S., Chevrier B., Gaillard Cl., Forestier H., Yinghua Li, Sémah F., Zeitoun V. Assemblages with bifacial tools in Eurasia (third part). Considerations on the bifacial phenomenon throughout Eurasia. *Compte Rendus Paleovol*. 2018. Vol. 17. P. 77 – 97.
28. Roche H., Blumenschine R.J., Shea J. Origins and Adaptations of Early Homo: What Archaeology Tells Us. *The First Humans and Early Evolution of the Genus Homo. Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology series*. Springer. 2009. P. 135 – 147.
29. Sahnouni M., Semaw S., Rogers M. The African Acheulean. *The Oxford Handbook of African Archaeology*. Online Publication Date: Sep. 2013. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199569885.013.0022
30. Semaw S., Rogers M., Stout D. The Oldowan–Acheulian transition: Is there a «Developed Oldowan» artifact tradition. *Sourcebook of Paleolithic Transitions*. New York: Springer. 2009. P. 173 – 192.
31. Semaw S., Rogers M., Stout D. Early Acheulian stone assemblages ~1.7–1.6 Ma from Gona, Ethiopia. *The Emergence of the Acheulean in East Africa. International Workshop. Rome 2013. September 12–13. Rome. 2013. P. 23.*

32. de la Torre I., Mora R. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai Beds I & II. ERAUL, Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. 2005. Vol. 112. P. 1 – 247.

33. Trifonov V.G., Lyubin V.P., Belyaeva E.N., Lebedev V.A., Trikhunkov Ya.I., Tesakov A.S., Simakova A.N., Veselovsky R.V., Latyshev A.V., Presnyakov S.L., Ivanova T.P., Ozhereliev D.V., Bachmanov D.M., Lypunov S.M. Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // Quaternary International. 2016. Vol. 420. P. 178 – 198.

34. White M.J. On the significance of the Acheulian biface variability in the southern Britain // Proceedings of the Prehistoric Society. 1998. № 64. P. 15 – 44.

References

1. Amirhanov H.A. Severnyj Kavkaz: nachalo preistorii. Mahachkala: Mavraev#. 2016. 344 s.
2. Amirhanov H.A., Tajmazov A.I. Ranneplejstocenovaja krupnootshhepovaja industrija Severo-Vostochnogo Kavkaza. Kratkie soobshhenija In-ta arheologii. 2019. Vyp. 254. S. 13 – 33.
3. Beljaeva E.V. Sravnitel'nyj analiz rannepaleoliticheskikh industrij: problemy i podhody. Drevnij chelovek i kamen': tehnologija, forma, funkciya. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2017. S. 46 – 55.
4. Beljaeva E.V. Ranneashel'skie industрии Zakavkazskogo nagor'ja i sopredel'nyh territorij Kavkaza i Blizhnego Vostoka. Rannepaleoliticheskie pamjatniki i prirodnaia sreda Kavkaza i sopredel'nyh territorij v rannemsrednem plejstocene. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2020. S. 41 – 64.
5. Beljaeva E.V. Ashel'skie pamjatniki Zakavkazskogo nagor'ja. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2020. 275 s.
6. Beljaeva E.V., Ljubin V.P. Razvitie tehnologii i protodizajna v rannem paleolite na primere ashel'skikh rubil Kavkaza. Istoriko-kul'turnoe nasledie i duhovnye cennosti Rossii. M., 2012. S. 1 – 20.
7. Beljaeva E.V., Ljubin V.P. Ashel'skie pamjatniki Severnoj Armenii. Fundamental'nye problemy arheologii, antropologii i jetnografii Evrazii. K 70-letiju akademika A.P. Derevjanko. Novosibirsk. 2013. S. 37 – 52.
8. Beljaeva E.V., Ljubin V.P. Novyj vzgljad na razvitie ashel'ja na Kavkaze. Problemy arheologii kamnja: Sbornik statej k 70-letiju V.I. Beljaevoj. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta. 2014. S. 189 – 214.
9. Shhelinskij V.E. Jeoplejstocenovaja stojanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavaz'e. SPb.: IIMK RAN, OOO «Periferija». 2014. 168 s.
10. Shhelinskij V.E. Rannij ashel' Zapadnogo Predkavkaz'ja. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2021. 131 s.
11. Bar-Yosef O. The known and unknown about Acheulian. Axe Age: Acheulian Toolmaking from Quarry to Discard. London, Oakville. 2006. P. 479 – 494.
12. Belyaeva E.V., Shhelinsky V.E. The birth of the Acheulian technocomplex in the Caucasus region. L'Anthropologie. 2022. Vol. 126. P. 102973.
13. Beyene Y., Katoh, Sh., Wolde Gabriel G., Harte W. K., Utofi K., Sudo M., Kondo M., Hyodo M., Renne P.R., Suwa G., Asfaw B. The characteristics and chronology of the earliest Acheulean at Konso, Ethiopia. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. № 110 (5). P. 1584 – 1591.
14. Clark J.D. The middle Acheulian site at Latamne, northern Syria. Quaternaria 1967. № 9. P. 1 – 68.
15. Delagnes A., Roche H. Late Pliocene hominid knapping skills: the case of Lokalei 2C, West Turkana, Kenya. Journal of Human Evolution. 2005. № 48. P. 435 – 472.
16. Diez-Martin F., Sanchez Yustos P., Uribelarrea D., Baquedano E., Mark D.F., Marulla A. et al. The Origin of the Acheulian. The 1.7 Million-Years-Old Site of FLK West, Olduvai Gorge, Tanzania. Scientific reports. № 5. 17 – 38.
17. Ferring R., Oms O., Agusti J., Berna F., Nioradze M., Shelia T., Tappen M., Vekua A., Zhvania D. and Lordkipanidze D. Earliest human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1.85–1.78 Ma. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. № 108 (20). P. 10432 – 10433.
18. Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D. The environmental contexts of early human occupation of Georgia (Transcaucasia). Journal of Human Evolution. 2000. № 38. P. 785 – 802.
19. Galotti R. Before the Acheulian in East Africa: an Overview of the Oldowan Lithic Assemblages. The Emergence of Acheulian in East Africa and Beyond. Cham., Springer. 2018. P. 13 – 32.
20. Galotti R., Mussi M. The Emergence of the Acheulian in East Africa: Historical Perspectives and Current Issues. The Emergence of Acheulian in East Africa and Beyond. Cham., Springer. 2018. P. 1 – 12.
21. Goren-Inbar N., Saragusti I. An Acheulian biface assemblage from the site of Gesher Benot Ya'aqov, Israel: indications of African affinities. Journal of Field Archaeology. 1996. № 23. P. 15 – 30.
22. Hou Y.M., Potts R., Yuan B., Guo Y., Deino Z.T., Wang A., Clark W., Xie J., Huang W.W. Mid-Pleistocene Acheulean-like stone technology of the Bose Basin, South China. Science. 2000. № 287. P. 1622 – 1626.

23. Leakey M.D. Olduvai Gorge. Vol. 3. Excavations in Beds I and II, 1960–63. Cambridge. 1971. 306 p.
24. Le Tenzorer J.-M. Les cultures acheuleennes at la question de l'emergence de la pensee symbolique chez Homo erectus a partir les donnees a la forme symetrique et harmonique des bifaces. *Compte Rendus Paleovol.* 2006. Vol. 5. P. 127 – 135.
25. de Lumley H., Nioradze, M., Barsky D., Caushe D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D. et Lordkipanidze D. Les industries lithiques preoldowayennes du debut du Pleistocene inferieur du site de Dmanissi en Georgie. *L'Anthropologie.* 2005. Vol. 109. № 1. P. 1 – 182.
26. McPherron Sh.P. What typology can tell us about Acheulian handaxe production. *Axe Age. Acheulian tool-making from quarry to discard.* London. 2006. P. 267 – 286.
27. Moncel M.A., Arzarello M., Boëda E., Bonilauri S., Chevrier B., Gaillard Cl., Forestier H., Yinghua Li, Sémah F., Zeitoun V. Assemblages with bifacial tools in Eurasia (third part). Considerations on the bifacial phenomenon throughout Eurasia. *Compte Rendus Paleovol.* 2018. Vol. 17. P. 77 – 97.
28. Roche H., Blumenschine R.J., Shea J. Origins and Adaptations of Early Homo: What Archaeology Tells Us. *The First Humans and Early Evolution of the Genus Homo. Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology series.* Springer. 2009. P. 135 – 147.
29. Sahnouni M., Semaw S., Rogers M. The African Acheulean. *The Oxford Handbook of African Archaeology.* Online Publication Date: Sep. 2013. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199569885. 013.0022
30. Semaw S., Rogers M., Stout D. The Oldowan–Acheulian transition: Is there a «Developed Oldowan» artifact tradition. *Sourcebook of Paleolithic Transitions.* New York: Springer. 2009. P. 173 – 192.
31. Semaw S., Rogers M., Stout D. Early Acheulian stone assemblages ~1.7-1.6 Ma from Gona, Ethiopia. *The Emergence of the Acheulean in East Africa. International Workshop. Rome 2013. September 12-13. Rome. 2013.* P. 23.
32. de la Torre I., Mora R. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai Beds I & II. *ERAUL, Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège.* 2005. Vol. 112. P. 1 – 247.
33. Trifonov V.G., Lyubin V.P., Belyaeva E.N., Lebedev V.A., Trikhunkov Ya.I., Tesakov A.S., Simakova A.N., Veselovsky R.V., Latyshev A.V., Presnyakov S.L., Ivanova T.P., Ozhereliev D.V., Bachmanov D.M., Lypunov S.M. Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia. *Quaternary International.* 2016. Vol. 420. P. 178 – 198.
34. White M.J. On the significance of the Acheulian biface variability in the southern Britain. *Proceedings of the Prehistoric Society.* 1998. № 64. P. 15 – 44.

*Belyaeva E.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*

**Forming of cultural traditions in the Early Paleolithic period
and their manifestation in the Early Acheulian industries of the Caucasus**

Abstract: the article examines a question of the existence of cultural traditions in the Early Paleolithic. The material culture of this oldest period in human history is represented by two kinds of lithic industries, or technocomplexes, namely the Oldowan and Acheulian. The earliest Oldowan technocomplex, which is rather primitive and homogenous, cannot be subdivided into local variants reflecting certain cultural traditions. Compared to the Oldowan technocomplex, the Acheulian one produced by more advanced hominines is distinguished by more complicated technologies of lithic processing and the appearance of a wide range of multi-purposed tools. Both the variability and evolution of lithic industries is observed within this technocomplex. There are diverse groups of Acheulian industries with differing sets of technological and morphological features. The author shows that the presence of local variants in the Acheulian technocomplex may be partly due to varying qualities of lithic raw materials (size and shape of natural pieces, rock structure) that favored or imbedded the development of certain technologies as well influenced some parameters of artifacts. However, since a certain choice between the objectively possible technologies and tool forms was done by the Acheulian artisans, the sustainability of these preferences suggests their consolidation in the form of tradition. There are also such characteristics of the Acheulian tools (shapes and proportions of the tool bodies, techniques of forming the working elements), which practically did not depend on the raw material effect and were almost entirely determined by preferences of tool-makers. In the author's opinion, an intentional reproduction of these characteristics in time cannot be explained by anything other than the presence of cultural traditions. The second part of the article describes two particular Early Acheulian industries formed in the different areas of the Caucasus (Taman peninsula, Transcaucasian Highlands) on the basis of local raw materials available as tabular pieces. These industries with sets of specific features existing and slightly evolving for many hundreds of thousands of years are considered by the author as manifestations of two different cultural traditions.

Keywords: Early Paleolithic, Oldowan, Acheulian, spatial and chronological variability, raw material and cultural factors, Early Acheulian traditions of the Caucasus

For citation: Belyaeva E.V. Forming of cultural traditions in the Early Paleolithic period and their manifestation in the Early Acheulian industries of the Caucasus. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 138 – 149.

Received: June 6, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Гусейнов Анвархан Асиф оглы, соискатель,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Трудовой и фронтовой вклад Азербайджанской СССР в период Великой Отечественной войны

Аннотация: проблемой научных исследований по Второй мировой войне является изучение причин и роли победы СССР над фашистской Германией, в том числе в сфере экономики, а также труда рабочих, крестьян и интеллигенции для поддержки фронта. Изучение вклада Азербайджанской советской социалистической республики в этот период также представляет интерес, особенно в контексте исследования фронтового и трудового вклада азербайджанских рабочих, включая нефтяников, которые были ключевым источником бензина и смазочных материалов для Советской Армии. Кроме нефтяников, другие отрасли промышленности, такие как текстильное производство, швейное дело, трикотажная промышленность и пищевая промышленность, также внесли существенный вклад в победу над фашистской Германией благодаря упорному труду на своих рабочих местах. Поэтому значимость труда Азербайджанских рабочих в период Великой Отечественной Войны заслуживает особого внимания.

Ключевые слова: победа над фашизмом, роль народов СССР в победе, Азербайджанская ССР в победе над врагом, трудовой вклад народа Азербайджана, фронтовой вклад народа Азербайджана, Великая Отечественная Война

Для цитирования: Гусейнов Анвархан Асиф оглы Трудовой и фронтовой вклад Азербайджанской СССР в период Великой Отечественной войны // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 150 – 155.

Поступила в редакцию: 7 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

В период мирного строительства Советской власти, Азербайджан, находясь под руководством Коммунистической партии был преобразован в процветающую социалистическую республику с развитой экономикой, промышленностью и агропромышленным комплексом.

Результатом политики развития индустриализации, проводимой Советской властью, было создание социалистической промышленности, обладавшей высоким уровнем потенциала. В Азербайджане появились новые сферы промышленности (нефтяная, машиностроительная, металлообрабатывающая, газовая, химическая и другие), оснащенные передовыми технологиями.

Кроме того, в этот период были открыты и внедрены в эксплуатацию несколько новых больших нефтяных залежей, таких как бухта Ильича, Пута, Карачухур, Нефтечала, Локбатан, Кала, Сулутепе, Кергез, Шонгар и ряд других. Азербайджан стал важнейшим сектором нефтяной промышленности Советского Союза, давая на момент начала Второй мировой войны более двух третей всего объема нефти, добываемого в стране. [10, с. 113].

Путем социалистической политики развития промышленного сектора, в Азербайджане было проведено кардинальное восстановление агропромышленного комплекса. Советские программы привели к тому, что в данную отрасль было внедрено современное оборудование, позволив ей максимально увеличиться в размерах. В сельскохо-

зяйственной отрасли Азербайджана в 1940 году на было задействовано свыше 700 тысяч единиц различной техники (комбайнов, тракторов и других видов техники). Наблюдалась существенная положительная динамика по количеству тракторов (рост в 4,5 раза), а также комбайнов (рост в 61 раз) по сравнению с 1933 годом. Таким образом, Советские программы предоставили внушительный потенциал для повышения мощностей и эффективности агропромышленного комплекса Азербайджана [2, с. 34].

Большие темпы развития уровня производства в Советском Союзе во всех сферах промышленности стали одним из ключевых факторов подготовки страны к защите от врага. В 1941 году, когда фашистские войска оккупировали многие промышленные области Советского Союза и эвакуация заводов еще не была завершена, промышленность переживала трудный этап в своем развитии. Общий объем выпуска продукции снизился более, чем вдвое, а предприятия военно-промышленного комплекса не могли полноценно пополнить запасы оружия и боеприпасов, которые были утрачены в начале военного конфликта.

С самого начала военных действий жители Азербайджана, как и все остальное население СССР, были патриотично настроены.

Кроме рабочих нефтяного сектора, которые были наиболее важным элементом рабочего класса Азербайджанской ССР, рабочие в текстильной, обувной, швейной и ряда других отраслей про-

мышленности также трудились на благо победы. Они ответили на подвиги вооруженных сил своими активными трудовыми действиями. Трудясь в производственных цехах, они были одержимы идеей дать фронту все то необходимое, что требовалось для победы над фашистской Германией [5, с. 390].

В этот период весь производственный потенциал ключевых индустриальных секторов Азербайджана был переключен на производство продукции, необходимой для Советских войск. Такой продукцией являлись продовольственные продукты, товары военно-хозяйственного обеспечения и другие товары. Было необходимо производить большое количество продукции, которая ранее не выпускались на азербайджанских заводах.

В начале войны отрасль легкой промышленности Азербайджана принялась выпускать около 30 видов новой для себя продукции для Советских войск. Так, например, швейный сектор освоил выпуск шинелей, ватного летнего обмундирования, шапок-ушанок и других головных уборов для военного времени. Трикотажная промышленность начала производить новые виды белья, обмотки и другие товары, а кожевенно-обувная промышленность - военную обувь, тулупы, рукавицы, снаряжение для коней и другие товары.

Инженерный персонал текстильных заводов успешно организовал массовое производство такой продукции, как сукно для изготовления шинелей, техническая ткань, трикотажная пряжа, гигроскопическая вата и медицинская марля. Предприятие имени В.И. Ленина, когда-то производившее пряжу и ткани для населения, начало изготавливать ткани для поставок Советским войскам на фронт. Кроме того, с начала военных действий предприятие освоило производство медицинской марли в больших количествах [4, с. 102].

Во время войны мясо-молочный сектор Азербайджана начал производить новые виды товаров, включая те, которые ранее импортировались. Можно отметить создание завода медицинских препаратов, производившего продукцию на базе местного сырья. Также примечателен опыт Бакинского мясокомбината, освоившего выпуск стерильной желатины, тональбина, медицинского пепсина, гематогенных таблеток и ряда других товаров, поставляемых для Советской Армии.

Предприятия промысловой кооперации в период военных действий полностью перешли на выпуск товаров для военно-хозяйственного обеспечения. Основные производственные фонды этих предприятий были оперативно адаптированы для выпуска новых видов товаров, в которых нуждалась Советская Армия. В частности, было освоено производств обочно-вещевого имущества, мебель-

ных принадлежностей, медицинского белья, товаров для оборудования убежищ, а также противопожарного инвентаря.

В период Великой Отечественной войны предприятия азербайджанской промышленности начали производить около двухсот новых видов товаров для фронта. Можно выделить оперативное освоение производства элементов зимней одежды и обуви (валенков, варежек и шерстяных носков) для Советских войск по поручению военного ведомства.

Фабрика, специализирующаяся в мирное время на производстве бытовой и школьной мебели, начала выпускать повозки для военных. Из-за нехватки производственных мощностей и квалифицированного персонала, фабрика объединилась с другими мебельными бакинскими заводами.

Бакинский химический завод, специализировавшийся до военных действий на выпуске лакокрасочных материалов, оперативно освоил выпуск противопожарного оборудования, а также технологию защитной пропитки военной одежды для увеличения периода ее эксплуатации [8, с. 115].

Также на химическом заводе в условиях штамповочного участка было организовано производство пекомассовых и целулоидных изделий, в то время как до Великой Отечественной Войны участок выпускал тару для краски.

Азербайджанский завод металлических изделий, который в мирное время производил продукцию для бытового использования и коммунального оборудования, начал выпускать армейские котелки, военные подковы для кавалерии, комплектующие для военных повозок. Кроме того, участок по выпуску кроватей на данном предприятии оперативно освоил выпуск маскировочных сеток, кирок, ломов, пожарных лестниц других товаров.

Региональные промышленные предприятия, расположенные в городе Кировабадэ, Нахичеванской автономной советской республике, Нагорно-Карабахской области и некоторых других районов Азербайджана также в максимально сжатые сроки освоили новых видов товаров, в которых нуждались военные: зимние виды одежды и обуви, шинельное сукно, некоторые текстильные материалы, седла, военные обозы и другие товары. Следует отметить резкое увеличение объема выпуска спичек: в период военных действий их производство было освоено на шести предприятиях Азербайджана. Кроме того, региональные заводы постоянно осуществляли ремонт автомашин и военных повозок, а также выпускали запасные части к ним [9, с. 184].

Начало Великой Отечественной Войны обусловило наличие проблемы с поставками некоторых видов сырья, материалов и комплектующих в

Азербайджан из центральных и других районов Советского Союза. Данные проблемы иногда приводили к полной остановке поставок.

Например, материально-техническое снабжение трикотажной отрасли Азербайджана столкнулось с серьезными трудностями - поставки пряжи железнодорожным способом были практически невозможны, и для ее транспортировки пришлось использовать водный транспорт. Однако основная доля пряжи, запланированная к поставке в начале войны, в зимний период остановилась в Астрахани до решения логистических проблем, что привело к снижению поступления сырья для данной отрасли на 25,7% по сравнению с запланированным объемом. Это обусловило значительные проблемы в работе заводов и подняло вопрос о применении местной продукции в материально-техническом обеспечении данной отрасли производства [1, с. 22].

Трудящиеся азербайджанских предприятий приложили максимум усилий для поиска необходимых альтернатив и задействования технологических возможностей. Новаторский потенциал среди работников был направлен на решение проблем технического характера, актуальных во время Великой Отечественной Войны: выявления и разработки новых резервов производственного потенциала, поиск альтернативных решений, сокращение ресурсоемкости, повышение фондоотдачи оборудования, рост объемов выработки продукции.

В период Великой Отечественной войны в производство было внедрено множество важных проектов, инноваций и изобретений, которые оказали большое влияние на достижение запланированных показателей. Советские рационализаторы сделали большую работу по замене редких и дорогих материалов на местные, обладающие значительно меньшей стоимостью, что помимо финансового эффекта позволило существенно увеличить объем производства военного назначения.

Во время войны в пищевой промышленности Азербайджана работники мясомолочного сектора достигли значительных производственных успехов. Они регулярно перевыполняли доводимые до них планы по объему изготовления товаров, обеспечивали положительную динамику производительности, осуществляли поиск новых видов материально-сырьевых ресурсов, загружали оборудование и использовали производственные отходы на выпуск пищевой и технической продукции, находившей применение как в тылу, так и в условиях фронта. Уровень выработки в этой отрасли достиг 119,9% от довоенного периода к 1943 году, что позволило Наркомату мясо-молочной промышленности обеспечить выпуск продукции су-

щественно выше планового значения. В 1942 году объем производства валовой продукции был перевыполнен на 12,9%, а в 1943 году объем перевыполнения плана составил 12,6%. Предприятия этой отрасли успешно завершили годовую программу досрочно и в течение года дополнительно дали для Советской Армии и тыла продовольственных товаров на сумму 5 млн. рублей [12, с. 85].

Следует отметить успехи Бакинского мясокомбината, который в 1943 году значительно увеличил производство клея и бульона, имевших большой спрос в условиях военных действий. Были внедрены новые технологии, например, по улучшению использования пищевой кости, что позволило изготовить бульона более, чем в 50 раз выше довоенного уровня. Объем производства клея вырос на 500% по сравнению с довоенным периодом. При этом, штат рационализаторов и изобретателей сделали свой существенный вклад в развитие отрасли: благодаря их предложениям удалось экономить значительные суммы денег (в 1942 и 1943 годы, соответственно – 588 и 858 тыс.руб.).

Кроме того, на комбинате были созданы новые структурные производственные подразделения для выпуска пищевых концентратов, дрожжей, овчин, а также для красок, изготовления соды, кальцинированного натрия. Важным достижением Бакинского мясокомбината стало организация производства армейских валенок: только за третий квартал 1942 года объем выпуска данной продукции относительно 1941 года был в 21 раз выше.

Трудящиеся Бакинского мясокомбината в годы Великой Отечественной войны успешно осуществляли производство товаров ширпотреба. Инженерный персонал данного предприятия сумел организовать выпуск различных изделий ширпотреба из мыла "гиляби" и рогакопытной пластмассы.

В период Великой Отечественной Войны номенклатура изготавливаемой Бакинским мясокомбинатом продукции значительно увеличилась: было организовано производство 50 новых товаров, многие из которых являлись уникальными для СССР. Кроме того, объем производства продукции показывал высокие темпы роста, например, с июля по сентябрь 1942 года предприятие изготовило на 60% больше различной кожаной обуви, чем за весь предыдущий год, а объем выпуска хозяйственного мыла вырос до 867 тонн, что более, чем в 40 раз превосходило объем 1941 года [6, с. 19].

Персонал азербайджанской швейной отрасли также проявил свой патриотизм и отличную работоспособность в условиях военного времени. В условиях нестабильного обеспечения материально-сырьевыми ресурсами, он успешно выполнял фронтные заявки в установленные сроки и с вы-

соким качеством продукции. Благодаря своим усилиям, отрасль смогла дополнительно произвести товаров на сумму почти 4 млн. рублей и первой в Азербайджане завершить годовую программу по производству.

Решение задачи перевыполнения планов выпуска продукции на предприятиях осуществлялось не только путем роста выработки персонала, но и за счет более эффективного применения действующего оборудования, а также за счет внедрения новых основных средств. Показателен опыт кожевенного завода №1 который был существенно расширен за счет освоения такие новых товаров, как шевро, хром, шеврет, а также кожевенного завода №2, повысившего производственный потенциал более, чем в два раза за счет организации нового юфтового участка. Представляет интерес опыт обувной фабрики №2, где был организован новый производственный участок, который смог увеличить выпуск армейской обуви в два раза.

Для выполнения заявок с фронта старые цехи на шорно-седельной фабрике были расширены, а также созданы новые производственные участки. Это привело к такому увеличению производственных мощностей, что начиная с лета 1942 года на ее базе организовали два новых полноценных экономических субъекта – фурнитурно-механический завод и шорно-седельная фабрика.

Для повышения эффективности производства дополнительное производственное оборудование было внедрено также на швейной фабрике им. Володарского, трикотажном комбинате и ряде других фабрик и заводов.

В целом, в годы войны, помимо перестройки и расширения деятельности азербайджанских предприятий, было введено в эксплуатацию значительно количество новых промышленных объектов. В азербайджанской пищевой отрасли, например, было организовано множество новых комбинатов, фабрик и заводов, включая Кировабадский мясокомбинат, чаеразвесочную, фабрику, фабрику по производству бисквита и другие, доказавших свою экономическую эффективность и принесших пользу во время Великой Отечественной войны [3, с. 197].

Для достижения высоких показателей и обеспечения перевыполнения плановых заданий на многих производственных объектах различных секторов азербайджанской промышленности были организованы различные стимулирующие инициативы, например, запущено движение передовиков – новаторов, которые могли делать за смену несколько норм продукции соответствующего качества. Важную роль в этом играли ударничество, соревновательные мероприятия и стахановское движение.

С марта по май 1942 года было проведено Всесоюзное соревнование, которое сыграло важную роль в перевыполнении планов по выпуску продукции для военных нужд. Это движение сплотило рабочих на экономное расходование материально-сырьевых ресурсов, топливно-энергетических ресурсов, на повышение качества продукции и рост уровня квалификации персонала.

Благодаря соревновательному движению, движению многостаночников и рационализации процессов производства, промышленные объекты текстильного сектора Азербайджанской ССР в 1943 году значительно увеличили объем выпуска своей продукции относительно 1941 года. Так, существенный рост наблюдался по производству серого шинельного сукна, производство тканей для одежды выросло 386% производство медицинской марли – на 200%. Больших успехов добились также шелковая отрасль Нагорно-Карабахской области, шелкомотальные фабрики и другие промышленные объекты Азербайджана [11, с. 68].

В 1943 году успешные действия Советской Армии на фронтовых территориях были очень важными для жителей Азербайджана и членов трудовых бригад на производственных объектах. Рабочие и инженерный персонал предприятий, несмотря на все проблемы, из всех сил стремились помочь Советским военным, перешедшим в наступление. Они регулярно перевыполняли планы по выпуску своей продукции и повышали объемы производства армейского снаряжения и продовольствия. При этом им удавалось выполнять существенно превосходящие по объему производственные планы с меньшим числом задействованного персонала.

Рабочие бригады и инженерно-технический персонал промышленных объектов Наркомата легкой промышленности дали достойный ответ на успешные наступательные действия Советской Армии на фронтовых территориях. В первые 5 месяцев и 20 дней 1944 года они выполнили полугодовое производственный план и произвели продукции на 38 млн. рублей сверх нормы. Дополнительно до конца полугодия 1944 года было выпущено различных видов товаров на сумму 2,5 млн. рублей.

Обеспечение регулярного перевыполнения производственных планов и программ были особенно сложными задачами, учитывая снижение количества персонала и устаревшие производственные фонды, которые не обновлялись на протяжении всего периода военных действия Советского Союза. Однако, благодаря высокому уровню морального настроя рабочих на ключевой стадии

Великой Отечественной Войны, эти задачи были успешно выполнены.

В 1945 году рабочие бригады и инженерный персонал различных отраслей азербайджанской промышленности продолжали демонстрировать большие усилия для помощи Советским войскам в окончательном разгроме фашистов. Примечательно событие начала 1945 года, когда труженики пищевой отрасли Азербайджана, дали стране сверхплановую продукцию на 1 млн. 337 тысяч рублей, а выполнение производственной программы первого квартала было завершено досрочно – 10 марта. Рабочие были охвачены новой волной трудового энтузиазма, вызванного фронтовыми успехами Советской Армии под Берлином [7, с. 437].

В течение всего периода военных действий

СССР, трудящиеся Азербайджана были окрылены силой духа советского патриотизма, которая вдохновляла их на все новые производственные рекорды для разгрома фашистской Германии.

На производственных объектах различных отраслей промышленности Азербайджанской ССР во время наиболее важных побед советских войск в войне гитлеровской Германией, отмечался значительный рост объемов производства продукции. Рабочие и инженерный персонал были проникнуты достижениями советских военных на фронтовых территориях и достигли огромных успехов в обеспечении армии всеми требуемыми ресурсами и снаряжением, внося значительный вклад в итоговую победу Советского Союза в Великой Отечественной Войне.

Литература

1. Багиров Р.О. Русскоязычные газеты Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020. С. 21 – 22.
2. Гулиева З.Г. Подвиг женщин Азербайджана в Великой Отечественной войне // Вестник НИЦ МИСИ: актуальные вопросы современной науки. 2018. № 12. С. 30 – 35.
3. Гурбанова С.А. Самоотверженность женщин Азербайджана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2020. С. 194 – 199.
4. Дегальцева Е.А. Вклад Азербайджана в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. Бийск: ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (АлтГТУ), 2015. С. 97 – 104.
5. Ибрагимов А.Г.о. Роль Азербайджана в победе над фашизмом в Великой Отечественной войне // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 386 – 392.
6. Исмаилова А.М. Участие женщин Азербайджана в Великой Отечественной войне. Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022. С. 15 – 21.
7. Магеррамова Н.П. Роль Азербайджана в Великой Отечественной войне. Москва: "Русайнс", 2022. С. 434 – 439.
8. Мехтиев В.Г. Азербайджан в годы Великой Отечественной войны // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2021. № 2 (91). С. 113 – 116.
9. Мусаева С.Х. Место и роль Азербайджана в Великой Отечественной войне. Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2020. С. 182 – 185.
10. Мухин М.Ю. Нефтяная промышленность Азербайджана накануне Великой Отечественной войны // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2020. № 3. С. 103 – 126.
11. Оглы Аллахвердиев Э.З. Азербайджан в годы Великой Отечественной войны // Инновационное образование и экономика. 2015. № 17. С. 65 – 71.
12. Рау И., Кошербаев Ж. Вклад Азербайджана в обеспечение коренного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войне // Современная научная мысль. 2016. № 6. С. 79 – 90.

References

1. Bagirov R.O. Russkojazychnye gazety Azerbajdzhana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Ast-raham': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet, Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2020. S. 21 – 22.
2. Gulieva Z.G. Podvig zhenshhin Azerbajdzhana v Velikoj Otechestvennoj vojne. Vestnik NIC MISI: aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. 2018. № 12. S. 30 – 35.
3. Gurbanova S.A. Samootverzhenost' zhenshhin Azerbajdzhana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.). Ufa: Bashkirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. M. Akmully, 2020. S. 194 – 199.
4. Degal'ceva E.A. Vklad Azerbajdzhana v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 g. Bijsk: FGBOU VPO «Altajskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet im. I.I. Polzunova» (AltGTU), 2015. S. 97 – 104.

5. Ibragimov A.G.o. Rol' Azerbajdzhana v pobede nad fashizmom v Velikoj Otechestvennoj vojne. Postsovetskie issledovanija. 2020. T. 3. № 5. S. 386 – 392.
6. Ismailova A.M. Uchastie zhenshhin Azerbajdzhana v Velikoj Otechestvennoj vojne. Mahachkala: IP Ovchinikov Mihail Arturovich (Tipografija Alef), 2022. S. 15 – 21.
7. Magerramova N.P. Rol' Azerbajdzhana v Velikoj Otechestvennoj vojne. Moskva: "Rusajns", 2022. S. 434 – 439.
8. Mehtiev V.G. Azerbajdzhan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki. 2021. № 2 (91). S. 113 – 116.
9. Musaeva S.H. Mesto i rol' Azerbajdzhana v Velikoj Otechestvennoj vojne. Moskva: Izdatel'stvo "Politicheskaja jenciklopedija", 2020. S. 182 – 185.
10. Muhin M.Ju. Neftjanaja promyshlennost' Azerbajdzhana nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny. Trudy Instituta postsovetskih i mezhregional'nyh issledovanij. 2020. № 3. S. 103 – 126.
11. Ogly Allahverdiev Je.Z. Azerbajdzhan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Innovacionnoe obrazovanie i jekonomika. 2015. № 17. S. 65 – 71.
12. Rau I., Kosherbaev Zh. Vklad Azerbajdzhana v obespechenie korenного pereloma v Velikoj Otechestvennoj i Vtoroj mirovoj vojne. Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2016. № 6. S. 79 – 90.

*Guseynov Anvarkhan Asif ogly, Applicant,
Lomonosov Moscow State University*

Labor and front contribution of the Azerbaijani SSR during the Great Patriotic War

Abstract: the problem of scientific research on World War II is to study the causes and role of the victory of the USSR over Nazi Germany, including in the economic sphere, as well as the labor of workers, peasants and intelligentsia to support the front. The study of the contribution of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic during this period is also of interest, especially in the context of the study of the front and labor contribution of Azerbaijani workers, including oil workers, who were a key source of gasoline and lubricants for the Soviet Army. In addition to the oil industry, other industries such as textiles, clothing, knitwear, and food processing also contributed significantly to the victory over Nazi Germany through hard work in their jobs. Therefore, the significance of the work of Azerbaijani workers during the Great Patriotic War deserves special attention.

Keywords: victory over fascism, the role of the peoples of the USSR in the victory, the Azerbaijan SSR in the victory over the enemy, the labor contribution of the people of Azerbaijan, the front-line contribution of the people of Azerbaijan, the Great Patriotic War

For citation: Guseynov Anvarkhan Asif ogly Labor and front contribution of the Azerbaijani SSR during the Great Patriotic War. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 150 – 155.

Received: June 7, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Дербасов М.В.,
Ресурсный центр по вопросам опеки и попечительства "Содействие"
Департамента труда и социальной защиты населения*

Политические решения французского правительства в условиях оккупационного режима

Аннотация: поражение Франции в 1940 г. и оккупация севера Франции привело к падению Третьей республики и созданию петэновского (или вишистского) режима. В условиях становления режима маршала Ф. Петэна и немецкой оккупации правительство Франции принимало ряд решений по усилению своего влияния на раздробленное общество и недопущению антиправительственных мятежей. Стоит отметить, что режим, который пришел на смену республиканскому строю во Франции, установленный маршалом Ф. Петэном базировался исключительно на личности самого маршала. Отказ от республиканства, антисемитские гонения, навязывание новой национальной идеологии, проведение реформ в образовании, борьба с оппозицией, сохранение флота и колоний, а также попытки сохранения экономики поверженной Франции – все это было проявлением политики с одной стороны, коллаборационизма, а с другой – самостоятельным политическим течением в понимании Ф. Петэна, как спасителя Франции. Статья направлена на анализ сложившейся ситуации и последствиях принятых французским правительством решений. Исследование позволяет оценить степень влияния оккупационного режима во Франции на петэновское правительство. В то же время результаты работы позволяют пересмотреть некоторые сложившиеся точки зрения на правительство Виши: несмотря на ряд аналогий с нацистским переворотом 1933 г. в Германии, режим Петэна не был полностью тоталитарным, хотя и являлся разновидностью «консервативной революции». Переосмысление формы управления государством, сложившейся в период правления коллаборационистского правительства, рассматривается не только в пронацистской политике, но и тесной связи с католической церковью.

Ключевые слова: Вторая мировая война, поражение Франции, петэновский переворот, «консервативная революция», режим Виши, оккупация Франции

Для цитирования: Дербасов М.В. Политические решения французского правительства в условиях оккупационного режима // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 156 – 160.

Поступила в редакцию: 4 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

По мнению Петэна и его окружения, после поражения Франции требуется проведение решительных мер, если только страна желает достигнуть быстрого восстановления. В этой связи одной из первых мер правительства Петэна было изменение конституции. Однако, для изменения конституции Лаваль и Петэн привлекали парламент, который должен был помочь провести реформу всей административной структуры Франции, так как восстановление страны не может быть достигнуто без устойчивого правительства, обладающего всеми необходимыми полномочиями для проведения нужных мер [2].

С этого момента началась работа над проектом новой конституции. 8 июля французский совет министров под председательством президента Лебрана одобрил план пересмотра конституции и поручил заместителю председателя совета министров Лавалю доложить его парламенту. Тем самым заявлялось о легитимности проводимых изменений.

Маршал Петэн, получивший всю власть в качестве главы правительства республики, поспешил

вычеркнуть ненавистное ему слово: на следующий день он объявил себя главой французского государства, мошеннически ссылаясь на закон от 10 июля 1940 г. Вскоре во всех официальных актах Франция именовалась не республикой, а Французским государством [3].

Согласно одной из статей газеты «Правда», сенат 225 голосами против 1 принял предложение правительства «о принципах пересмотра французской конституции», тем самым окончательно подтвердив решение правительства об изменении законодательства в стране.

В области внутренней политики правительство Виши стремилось создать новый авторитарный государственный строй [4].

Согласно конституционному акту №2 от 11 июля 1940 г., Петэн получил всю полноту власти, как исполнительной, так и законодательной. Он назначал и отстранял министров, ответственных только перед ним, обнародовал законы и обеспечивал их выполнение, назначал всех гражданских и военных чиновников, распоряжался вооруженными силами и имел право помилования. При

Петэне аккредитовывались послы иностранных государств [1].

Конституционный акт №3, изданный в тот же день, покончил с парламентом. Сенат и палата депутатов, говорилось в нем, не будут более созываться впредь до нового распоряжения, которое может быть сделано только с согласия главы государства. Статья 1 конституционного закона от 16 июля 1875 г., которая предписывала созыв парламента независимо от президентских указов, отменялась [6]. Это означало фактическую ликвидацию основных положений республиканской конституции.

Кабинет министров одобрил такой проект новой конституции и Лавалем было оговорено, что сенат и палаты депутатов соберутся для выражения доверия правительству Петэна, тем самым сделать легитимным руководство страной [7].

После этого главой государства становился Петэн, однако фактически главой правительства стал Лаваль. Конституционный акт №4 от 12 июля 1940 г. объявлял Лаваль преемником Петэна.

Правительство Виши начало с чистки государственного аппарата. 17 июля был подписан закон, дававший правительству право увольнять любого чиновника. Днем раньше, 16 июня 1940 г., опубликован закон о порядке лишения гражданства. Законы эти широко использовались для расправы, а также для проведения антисемитских мер. Тысячи французов были лишены гражданства и среди первых – генерал де Голль, Пьер Кот, А. де Кериллис, Пертинакс, Ж. Табуи, Э.Бюрэ и другие противники капитуляции [5].

Все граждане Франции боялись изменений, которые предпримет новое правительство. Наиболее жестко изменения коснулись людей, покинувших Францию в период с 10 мая по 30 июня. Новым декретом Петэн заявил, что все имущество этих людей будет конфисковано в пользу государства, но дальше оговаривается момент, что потеряют имущество только люди, которые покинули страну без разрешения правительства [9].

В июле 1940 года был издан закон, разрешавший назначать на должности чиновников государственного аппарата и общественных предприятий только французов [8]. Следствием этого закона было увольнение более 3 тыс. человек. Врачами, адвокатами, архитекторами, ветеринарами и фармацевтами также могли быть только французы. Лишь французы имели право на пенсии, семейные пособия и всякого рода льготы. Иностранцев, «излишних для национальной экономики», направляли на принудительные работы и заключали в особые лагеря.

Законом 13 августа 1940 г. распускались все тайные общества с конфискацией их имущества.

[10]. Начались преследования масонов считавшихся сторонниками республики и противниками клерикализма.

Согласно закону «О временной организации промышленного производства» от 16 августа 1940 г. в каждой отрасли производства создавались особые «организационные комитеты» [11]. Они должны были руководить работой предприятий, ведали распределением рабочей силы, устанавливали программу производства, занимались приобретением и распределением сырья и продукции, регламентировали распорядок производства, рабочий день, заработную плату, порядок обмена продукцией и услугами. Им предписывалось «регулировать конкуренцию», устанавливать цены, предпринимать меры по улучшению деятельности предприятий.

По требованию оккупационных властей было решено привлечь к ответственности правителей Третьей республики, объявивших войну Германии. Виднейшие деятели Третьей республики – Рейно, Даладье, Гамелен, Леон Блюм и другие – были арестованы [13].

Накануне очередного собрания Генеральных советов во Франции правительство Виши принимает постановление, согласно которому прекращалась деятельность выборных органов хозяйственного и политического самоуправления [12], то есть так называемых генеральных советов. Вопросы местного порядка в провинции теперь решались исключительно префектами, которые назначались правительством.

Особенно широкий размах приняли преследования евреев. 27 сентября 1940 г. оккупанты ввели полицейский надзор над евреями в оккупированной зоне [14]. По их примеру 3 октября 1940 г. правительство Виши запретило евреям заниматься общественной деятельностью, руководить промышленностью и прессой.

Повсеместно уничтожая выборные начала и заменяя их назначениями, правительство Виши нанесло удар по системе местного самоуправления. Начался роспуск муниципальных советов, в том числе в таких крупных городах, как Париж, Лион, Марсель, Тулуза и др. Муниципальный совет, мэр и его заместители отныне не выбирались, а назначались правительством.

2 декабря 1940 г. правительство Виши приняло закон «о корпоративной организации сельского хозяйства». Сельскохозяйственные профсоюзы ликвидировались [15]. Вместо них создавался «единый национальный сельскохозяйственный корпоративный союз». Закон предусматривал, что корпорации должны объединять как помещиков, так и фермеров и батраков. Во главе каждой корпорации стоял синдик, кандидатура которого

утверждалась властями. Закон запрещал стачки (а формально и локауты), что давало монополистам простор для эксплуатации рабочих.

Высшим корпоративным органом в области сельского хозяйства являлся национальный корпоративный совет, руководимый комитетом из 10 членов, утверждаемых министром сельского хозяйства. Этот комитет контролировал деятельность корпоративных организаций на местах.

Корпоративная система имела целью подчинить сельское хозяйство и трудящихся правительству Виши и укрепить господство монополий в деревне. Реорганизация управления экономикой еще более усилила диктатуру монополий.

Правительство Петэна пыталось создать органы власти, которые бы показывали функционирование правительства, как большого слаженного коллектива, а не работу трех человек. Поэтому декретом французского правительства создается национальный совет, который призван быть консультативным органом при правительстве, куда входят 28 бывших сенаторов и 42 бывших депутата [17].

Еще одной структурой для внутреннего урегулирования различного рода конфликтов призвана была стать организация, во главе которой стоял ближайший помощник Лаваля Фонтонуа. Новая организация обнародовала свою программу, в которой говорилось о необходимости заключения союза с Германией и проведении «национальной революции». Одним из требований этой программы стало «очищение и защита французской расы» [16].

Для подготовки корпоративного устройства в промышленности 28 февраля 1941 г. был создан «комитет по организации профессий». Его председателем стал реакционный журналист, близкий друг Петэна Анри Муассэ, а членами – представители крупнейших монополий.

В марте 1941 года правительство Виши создало «Генеральный комиссариат по еврейскому вопросу во главе с бывшим членом «боевых крестов» известным антисемитом Ксавье-Валла. Задачи комиссариата заключались в координации антисе-

митских мер и конфискации имущества евреев. Антисемитизм должен был направить недовольство французского населения против евреев и служил делу разделения нации [16, 19].

При правительстве Петэна церковь становилась оплотом государства. Ей была предоставлена руководящая роль в ряде молодежных организаций, в просвещении. Князья церкви сразу же поддерживали режим Виши. Кардинал Жерлье, архиепископ Лиона, заявил о полной поддержке Петэна. Ему принадлежат слова: «Петэн – это Франция; Франция – это Петэн» [18]. Кардинал Бодрийяр утверждал, что единственное средство не допустить новой революции типа Парижской коммуны – это следовать за Петэном и укреплять сотрудничество с Германией.

Правительство маршала Петэна, хоть и носило профашистский характер, но оно пыталось собрать всю власть во Франции в руках трех людей – Петэна, Лаваля и Дарлана, которые стали бы полномочными представителями Франции на международной арене и тем самым предъявили бы свои права на оккупированный север.

Консолидируя всю власть в своих руках, они надеялись сохранить дисциплину и порядок в стране для укрепления разбитого юга страны и дальнейшего развития, но если брать во внимание географическое расположение правительства Виши и не оккупированной зоны, то особого развития тяжело было бы ожидать с их стороны, так как все запасы полезных ископаемых и промышленно развитые районы перешли в руки немецкого правительства севера Франции, которое не захотело бы расставаться с такими районами. А те районы, которые остались под юрисдикцией «вишизма» составляют в основном сельскохозяйственные территории, которые пришли в упадок в результате общего кризиса по всей стране.

Стоит отметить, что вишисты в своих действиях опирались не только на немецкое оккупационное правительство, но и на помощь католицизма, чтобы убедить французов в своем «патриотизме».

Литература

1. Baudouin P. Neuf mois au gouvernement (avril-décembre 1940). Paris, 1948. 435 p.
2. Bouthillier Y. Le drame de Vichy. T. 1-2. Paris, 1950-1951. Cathala P. Face aux réalités. L'administration des finances sous l'occupation. Paris, 1948. 320 p.
3. Pétain Ph. Quatre années au pouvoir. Paris, 1949. 178 p.
4. Weygand M. Rappelé au service. Paris, 1950. 596 p.
5. Боровой Л. Коллаборационизм во Франции в 1940-1944 гг. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 2-3. С. 32 – 45.
6. Виллар Ж. "Странная война" и предательство Виши. М., 1962. 174 с. Villar Zh. "Strannaja vojna" i predateľ'stvo Vishi. M., 1962. 174 p.
7. Киссельгоф И.С. История Франции в годы второй мировой войны. М., 1975. 209 с.

8. Киссельгоф И.С. Капитуляция Франции и вишистский режим 1940-41 // Из истории Франции, вып.1. Уфа, 1961. С. 93 – 168.
9. Киссельгоф И.С. Коллаборационизм – основа политики правительства Виши // Из истории Франции. вып.3. Уфа, 1969. С. 3 – 110.
10. Киссельгоф И.С. Правительство Виши и война гитлеровской Германии против СССР // Французский ежегодник 1965. М., 1966. С. 134 – 155.
11. Колосков И.А, Цырульников Н.Г. Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960. 406 с.
12. Колосков И.А. Коммунистическая партия Франции в борьбе за свободу и независимость своей страны. М., 1951. 474 с.
13. Ратиани Г.М. Конец третьей республики во Франции. М., 1964. 284 с. Ratiani G.M. Konec tret'ej respubliky vo Francii. М., 1964. 284 p.
14. Руссо А. «Национальная революция» режима Виши // Французский ежегодник 2003. М., 2003. С. 182 – 197.
15. Смирнов В.П. Внутренняя политика правительства Виши в 1940-1941 гг. // Вестник Московского университета, сер. 9. История. 1967. №1. С. 17 – 34.
16. Смирнов В.П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974. 328 с.
17. Смирнов В.П. Начало сотрудничества правительства Виши с фашистской Германией // Французский ежегодник 1963. М., 1964. С. 232 – 236.
18. Смирнов В.П. Франция во время второй мировой войны. М., 1961. 109 с.
19. Смирнов В.П. Цели и методы немецкой оккупационной политики во Франции на первом этапе оккупации // Вестник Московского университета. Сер. 9, История. 1968. № 3. С. 40 – 56.

References

1. Baudouin P. Neuf mois au gouvernement (avril-décembre 1940). Paris, 1948. 435 p.
2. Bouthillier Y. Le drame de Vichy. T. 1-2. Paris, 1950-1951. Cathala P. Face aux réalités. L'administration des finances sous l'occupation. Paris, 1948. 320 p.
3. Pétain Ph. Quatre années au pouvoir. Paris, 1949. 178 p.
4. Weygand M. Rappelé au service. Paris, 1950. 596 p.
5. Borovoj L. Kollaboracionizm vo Francii v 1940-1944 gg. Mirovoe hozjajstvo i mirovaja politika. 1945. № 2-3. S. 32 – 45.
6. Villar Zh. "Strannaja vojna" i predatel'stvo Vishi. М., 1962. 174 с. Villar Zh. "Strannaja vojna" i predatel'stvo Vishi. М., 1962. 174 p.
7. Kissel'gof I.S. Istorija Francii v gody vtoroj mirovoj vojny. М., 1975. 209 с.
8. Kissel'gof I.S. Kapituljacija Francii i vishistskij rezhim 1940-41. Iz istorii Francii, vyp.1. Ufa, 1961. S. 93 – 168.
9. Kissel'gof I.S. Kollaboracionizm – osnova politiki pravitel'stva Vishi. Iz istorii Francii. vyp.Z. Ufa, 1969. C. 3 – 110.
10. Kissel'gof I.S. Pravitel'stvo Vishi i vojna gitlerovskoj Germanii protiv SSSR. Francuzskij ezhegodnik 1965. М., 1966. С. 134 – 155.
11. Koloskov I.A, Cyrul'nikov N.G. Narod Francii v bor'be protiv fashizma. М., 1960. 406 с.
12. Koloskov I.A. Kommunisticheskaja partija Francii v bor'be za svobodu i nezavisimost' svoej strany. М., 1951. 474 с.
13. Ratiani G.M. Konec tret'ej respubliky vo Francii. М., 1964. 284 с. Ratiani G.M. Konec tret'ej respubliky vo Francii. М., 1964. 284 p.
14. Russo A. «Nacional'naja revoljucija» rezhima Vishi. Francuzskij ezhegodnik 2003. М., 2003. S. 182 – 197.
15. Smirnov V.P. Vnutrennjaja politika pravitel'stva Vishi v 1940-1941 gg. Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 9. Istorija. 1967. №1. С. 17 – 34.
16. Smirnov V.P. Dvizhenie Soprotivlenija vo Francii v gody vtoroj mirovoj vojny. М., 1974. 328 с.
17. Smirnov V.P. Nachalo sotrudnichestva pravitel'stva Vishi s fashistskoj Germaniej. Francuzskij ezhegodnik 1963. М., 1964. S. 232 – 236.
18. Smirnov V.P. Francija vo vremja vtoroj mirovoj vojny. М., 1961. 109 с.
19. Smirnov V.P. Celi i metody nemeckoj okkupacionnoj politiki vo Francii na pervom jetape okkupacii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Istorija. 1968. № 3. S. 40 – 56.

*Derbasov M.V.,
Resource Center for Guardianship and Patronage "Assistance"
of the Department of Labor and Social Protection of the Population*

Political decisions of the French government under the occupation regime

Abstract: the defeat of France in 1940 and the occupation of the north of France led to the fall of the Third Republic and the creation of the Petain (or Vichy) regime. In the conditions of the formation of the regime of Marshal F. Petain and the German occupation, the French government took a number of decisions to strengthen its influence on a fragmented society and prevent anti-government uprisings. It is worth noting that the regime that replaced the republican system in France, established by Marshal F. Petain was based solely on the personality of the marshal himself. The rejection of Republicanism, anti-Semitic persecution, the imposition of a new national ideology, the implementation of reforms in education, the fight against the opposition, the preservation of the navy and colonies, as well as attempts to preserve the economy of defeated France – all this was a manifestation of politics on the one hand, collaboration, and on the other - an independent political trend in the understanding of F. Petain, as the savior of France. The article is aimed at analyzing the current situation and the consequences of the decisions taken by the French government. The study allows us to assess the degree of influence of the occupation regime in France on the Petain government. At the same time, the results of the work allow us to revise some existing points of view on the Vichy government: despite a number of analogies with the Nazi coup of 1933 in Germany, the Petain regime was not completely totalitarian, although it was a kind of "conservative revolution". Rethinking the form of government that developed during the rule of the collaborationist government is considered not only in pro-Nazi politics, but also in close connection with the Catholic Church.

Keywords: World War II, the defeat of France, Petain's coup, the "conservative revolution", Vichy mode, occupation of France

For citation: Derbasov M.V. Political decisions of the French government under the occupation regime. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 156 – 160.

Received: June 4, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: July 14, 2023.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад

Аннотация: в статье проводится комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников, описывающих период времени от первого ежегодного архонта в Афинах до смерти Александра Македонского. Целью исследования является установление подлинной датировки первого года эры Олимпиад. Евсевий Кесарийский датировал первую Олимпиаду, организованную Гераклом, 1210-м г. до н.э. а Олимпиаду, на которой победителем в беге стал Кореб из Элиды 776-м г. до н.э. Астроном и математик Эратосфен Киренский и историк Тимей ввели в Греции летосчисление от первых Олимпийских игр. Большинство хронологов сходятся на том, что именно с этого времени Древние греки, достаточно точно записывали даты важных для них исторических событий, то есть создали свою хронологию.

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников позволило определить подлинную датировку первого года эры Олимпиад, а именно 1111 год н.э. Полученная датировка отличается от принятой, в современной исторической хронологии, но согласуется по времени с полученными автором ранее датировками «Затмения Фалеса», «Паросской хроники», «Затмений Фукидида» и трагедий драматургов Древней Греции. Полученная датировка дала возможность определить годы жизни некоторых знаменитых людей Древней Греции.

Ключевые слова: история, хронология, летоисчисление от Олимпиад, Тимей, Эратосфен, Евсевий Кесарийский

Для цитирования: Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 161 – 167.

Поступила в редакцию: 10 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Актуальность

Историки, с древних времён делали попытки установить точную датировку первого года эры Олимпиад. Сегодня большинство хронологов, несмотря на имеющиеся разногласия, датируют первую Олимпиаду и начало соответствующей эры 776 годом до н.э. Однако приведённая датировка не согласуется по времени с полученными автором ранее датировками «Затмения Фалеса» [1] и «Паросской хроники» [2], «Затмений Фукидида» [3].

Актуальность данного историко-хронологического исследования обусловлена тем, что позволяет установить подлинную датировку первого года эры Олимпиад, согласующуюся с приведёнными выше хронологическими данными по античной истории. Нахождение этой даты будет способствовать определению дат исторических событий того и последующих периодов времени в Древней Греции, Малой Азии и Древнем Риме, а также даст возможность определить годы жизни некоторых знаменитых людей Древней Греции.

Методология

Методологической основой данного исследования являются принципы историзма, научной объективности, критического изучения документальных источников и системности. В работе при-

меняются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы исследования. Использование данных методов обеспечивает всесторонний анализ хронологии событий эпохи от первого ежегодного архонта в Афинах до смерти Александра Македонского, что позволяет установить датировку первого года эры Олимпиад.

Цель исследования

Целью историко-хронологического исследования является установление, путём комплексного анализа документальных источников, описывающих промежутки времени между назначением первого ежегодного архонта в Афинах и смертью Александра Македонского, подлинной датировки первого года эры Олимпиад. Для достижения цели будут привлечены результаты историко-хронологических исследований, в которых автор задействовал инструментарий астрономической хронологии.

Задачи исследования

Данное историко-хронологическое исследование предполагает решение следующих задач:

Провести комплексный анализ существующих документальных источников, относящихся к периоду времени от первого ежегодного архонта в Афинах до смерти Александра Македонского с

выделением исторических событий, датированных одновременно в годах эры Олимпиад и в годах до создания «Паросской хроники».

Пересчитать, с использованием проведённого историко-хронологического исследования «Паросской хроники» [2], годы эры Олимпиад в годы новой эры.

Вычислить, учитывая полученные хронологические данные, 1-й год 1-й Олимпиады – начало эры Олимпиад и установить возможную погрешность.

Определить годы жизни некоторых знаменитых людей Древней Греции.

Введение

Согласно мифологии Древней Греции, первые Олимпийские игры в легендарные времена организовал Геракл, Евсевий Кесарийский датировал их 1210-ми г. До н.э. Греческий историк Тимей впервые, в конце IV века до н.э., стал в своих трудах массово применять хронологию по Олимпиадам. Его методы летоисчисления развил и усовершенствовал в середине III в. до н.э. астроном и математик Эратосфен Киренский. Собранные хронологические материалы позволили античным историкам выбрать в качестве отсчёта Олимпиаду, состоявшуюся в 776 г. до н.э., победитель которой Кореб был доподлинно известен. Евсевий Кесарийский окончательно оформил этот вид летоисчисления в своей «Хронике» сопоставив годы царствования правителей Древнего мира с датами проведения Олимпиад.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад

Хроника Евсевия Кесарийского гласит:

«After this, they decided to appoint archons for one year each. The first annual archon was Creon, in the 24th Olympiad. From that time onwards, an archon was appointed for each year; but it is not necessary to list their names.» [4, с. 189].

«После этого решили назначить архонтов на один год каждого. Первым ежегодным архонтом был Креонт в 24-ю Олимпиаду. С этого времени каждый год назначался архонт; но нет необходимости перечислять их имена.»

Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 32] ежегодное архонтство в Афинах началось за 420 лет до её создания.

Расчёт промежутка времени между началом ежегодного архонтства и 1-м годом 1-ой Олимпи-

ады вычисляется по формуле 24 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 96 лет. По результатам исследования [2] ежегодное архонтство началось в 1207 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1207 вычесть 96 равно 1111 г. н.э.

Исаак Ньютон упоминает о взятии Кирры следующее:

«... а Кирра была завоёвана во 2-й год 47-й Олимпиады, согласно Мраморным скрижалям Арунделиана.» [5, с. 195].

Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 37] поражение Кирры произошло за 327 лет до её создания.

Расчёт промежутка времени между завоеванием Кирры и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 47 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 188 лет. К этому результату необходимо прибавить 1 год как разность между 1-м и 2-м годами 47-й Олимпиады. По результатам исследования [2] поражение Кирры произошло в 1300 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1300 вычесть 189 равно 1111 г. н.э.

Исаак Ньютон пишет об установлении тирании Писистрата следующее:

«... а тирания Писистрата, которая согласно Мраморным скрижалям началась в Афинах в 4-й год 54-й Олимпиады» [5, с. 197].

Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 40] Писистрат стал тираном Афин за 297 лет до её создания.

Расчёт промежутка времени между началом тирании Писистрата в Афинах и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 54 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 216 лет. К этому результату необходимо прибавить 3 года как разность между 1-м и 4-м годами 54-й Олимпиады. По результатам исследования [2] тирании Писистрата в Афинах началась в 1330 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1330 вычесть 219 равно 1111 г. н.э.

Хроника Евсевия Кесарийского гласит:

«55th Olympics – Hippostratus for a second time [At this time] Cyrus became king of the Persians.» [4, с. 201].

«55-я Олимпиада – Гиппострат во второй раз [В это время] Кир стал царем персов».

Таблица 1

Оригинальный текст	Перевод
«The kings of the Persians Cyrus, for 31 years. Cambyses, for 8 years. Smerdes the magus, for 7 months. Darius the son of Hystaspes, for 36 years. Xerxes the son of Darius, for 20 years»	«Цари персов Кир, 31 год. Камбиз, в течение 8 лет. Смердес волхв (маг), на 7 мес. Дарий, сына Гистаспа, 36 лет. Ксеркс, сын Дария, 20 лет»

[4, с. 69]

Расчёт промежутка времени между годом воцарением Кира в Персии и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 55 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 220 лет. По результатам исследования [2] Дарий стал царём в 1371 г. н.э., тогда год, когда Кир стал царём вычисляется по формуле 1371 вычесть 7 месяцев вычесть 8 лет вычесть 31 год равно 1331 г. н.э. (округлено) Тогда 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1331 вычесть 220 лет равно 1111 г. н.э.

Исаак Ньютон пишет о Крезе и его послах к Дельфийскому Оракулу:

«... а Алкмеон принимал и провожал послов, которых Крез отправил просить совета у Дельфийского Оракула, в 1-й год 56-й Олимпиады, согласно Мраморным скрижалям, и был призван Крезом, и щедро награждён.» [5, с. 195].

Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 41] царь Лидии Крез отправил посланников в Дельфы за 292 года до её создания.

Расчёт промежутка времени между годом отправки Крезом послов к Дельфийскому Оракулу и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 56 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 224 года. Согласно результатам исследования [2] год отправки Крезом послов к Дельфийскому Оракулу определён как 1335 г. н.э. Учитывая это первый год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1335 вычесть 224 равно 1111 г. н.э.

Исаак Ньютон пишет о завоевании Мидии царём Киrom следующее:

«...Кир взял Вавилон, согласно Канону Птолемея, за девять лет до своей смерти, в 209 году Набонассара или во 2-ом году 60-й Олимпиады; и взял Сарды немногим ранее, а именно в 1-ом году 59-й Олимпиады, как заключает Скалигер из Сосикрата.» [5, с. 200].

Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 42] царь Персии Кир взял Сарды и пленил Креза за 277 лет до её создания.

Расчёт промежутка времени между годом завоевания Мидии царём Киrom и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 59 (число

Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 236 лет. Согласно результатам исследований [1, 2] Кир взял Сарды, столицу Лидии в 1350 г. н.э., а Экбатаны, столицу Мидии за три года до взятия Сард, т.е. в 1347 г. н.э. Учитывая это первый год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1347 вычесть 236 равно 1111 г. н.э.

Хроника Евсевия Кесарийского гласит:

«87th Olympics – Sophron of Ambracia, stadion race During this [Olympiad], the Peloponnesian war began.» [4, с. 203].

«87-я Олимпиада – Софрон из Амбракии, бег на стадию. Во время этой [Олимпиады] началась Пелопоннесская война.»

Расчёт промежутка времени между годом начала Пелопонесской войны и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 87 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 348 лет. Согласно результатам исследования [3] первое Солнечное затмение Фукидида («Затмение Перикла») произошло в 1460 году н.э., следовательно, Пелопонесская война началась в 1459 году н.э. Учитывая это первый год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1459 вычесть 348 равно 1111 год н.э.

Исаак Ньютон упоминает о Ксерксе царе Персии следующее:

«Ксеркс, Ахширош, Агасвер или Оксиар наследовал своему отцу Дарию и первые пять лет своего царствования и немногим более был занят подготовкой своего похода против греков; и этот поход состоялся во время Олимпийских игр, в начале первого года 75-й Олимпиады, когда Каллий был архонтом в Афинах, в чём согласны все хронологи.

Переход его войск через Геллеспонт начался в конце четвёртого года 74-й Олимпиады, то есть в июне 268 года Набонассара, и занял месяц; а осенью, ещё через три месяца, в 16-й день месяца мунихион, в полнолуние, произошла битва при Саламине; а вскоре после неё – лунное затмение, которое по расчётам пришлось на 2 октября.» [5, с. 545-546].

Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 51] царь Персии Ксеркс построил мост через Геллеспонт, произошла битва

при Фермопилах и битва у острова Саламин за 217 лет до её создания.

Расчёт промежутка времени между годом перехода царя Персии Ксеркса через Геллеспонт, битвами при Фермопилах и Саламине и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 75 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 300 лет. По результатам исследования [2] переход царя Персии Ксеркса через Геллеспонт, битвы при Фермопилах и Саламине состоялись в 1410 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1410 вычесть 300 равно 1110 г. н.э.

Исаак Ньютон упоминает о Артаксерксе царе Персии следующее:

«Артаксеркс взойшёл на царство во вторую половину года, между 4-м и 9-м иудейскими месяцами (Неем 1:1, 2:1, 5:14 и 1 Езд 7:7, 8, 9), а двадцатый год его царствования совпал с 4-м годов 83-й Олимпиады, как сообщает Африкан, ... Фукидид рассказывает, что известие о его смерти пришло в Афины зимой, в седьмой год Пелопонесской войны, то есть в 4-й год 88-й Олимпиады,» [5, стр. 547].

Расчёт промежутка времени между годом смерти Артаксеркса и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 88 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 352 года. К этому результату необходимо прибавить 3 года - разность между 1-м и 4-м годами 88-й Олимпиады. Пелопонесская война началась в 1459 г. н.э., следовательно, её седьмой год соответствует 1466 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1466 вычесть 355 равно 1111 г. н.э.

Исаак Ньютон упоминает о Пелопонесской войне следующее:

«... 13-й год его царствования совпал с 20-м годом Пелопонесской войны, а годы этой войны указаны непрекаемыми авторитетами, и все хронологи сходятся в том, что война началась весной в 1-й год 87-й Олимпиады, продолжалась 27 лет и закончилась в апреле 4-го года 93-й Олимпиады.» [5, стр. 548]. Согласно Оксфордскому фрагменту «Паросской хроники» [6, п. 66] философ Сократ умер в семидесятилетнем возрасте за 137 лет до её создания.

Исаак Ньютон упоминает о смерти философа Сократа следующее:

«... Сократ умер через три года после окончания Пелопонесской войны ...» [5, стр. 103].

Расчёт промежутка времени между годом завершения Пелопонесской войны 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 93 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 372 года. К этому результату необходимо

прибавить 3 года как разность между 1-м и 4-м годами 93-й Олимпиады. Пелопонесская война началась в 1459 г. н.э., продолжалась 27 лет, следовательно, завершилась в 1486 году н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1486 вычесть 375 равно 1111 г. н.э. Кроме того согласно результатам исследования [2] Сократ умер в 1490 г. н.э., следовательно Пелопонесская война завершилась за три года до этого в 1487 г. н.э. это хорошее совпадение с предыдущим результатом.

Хроника Евсевия Кесарийского гласит:

«112th Olympics – Eurylas of Chalcis, stadion race [At this time] Alexander captured Babylon, and killed Darius.» [4, с. 205].

«112-я Олимпиада – Еврил из Халкиды, бег на стадию [В это время] Александр захватил Вавилон и убил Дария.»

Согласно Паросскому фрагменту «Паросской хроники» [7, п. 5] сражение между Александром Македонским и царём Персии Дарием у Арбел произошло за 68 лет до её создания.

Расчёт промежутка времени между годом битвы Александра Великого с Дарием близ Арбел и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 112 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 448 лет. По результатам исследования [2] битва Александра с Дарием близ Арбел произошла в 1559 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1559 вычесть 448 равно 1111 г. н.э.

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях: Александр и Цезарь» так говорит о битве Александра и Дария при Арбелах:

«Великая битва с Дарием произошла не под Арбелами, как пишут многие, а под Гавгамелами. Название это на местном наречии означает «Верблюжий дом», так как один из древних царей, спасшись от врагов на одnogорбом верблюде, поместил его здесь и назначил на его содержание доходы с нескольких деревень. В месяце боэдромионе, приблизительно в то время, когда в Афинах начинают справлять таинства, произошло лунное затмение. На одиннадцатую ночь после затмения, когда оба войска находились уже на виду друг у друга, Дарий приказал воинам оставаться в строю и при свете факелов устроил смотр. Александр же, пока македоняне спали, вместе с предсказателем Аристандром совершал перед своей палаткой какие-то тайные священные обряды и приносил жертвы богу Фебу.» [8, с. 76].

Боэдромион месяц Древнегреческого календаря, посвящённый богу Аполлону (Фебу), длился с середины сентября до середины октября. Описанное у Плутарха Лунное затмение произошло 16 сентября 1559 года н.э. рис. 1, 2.

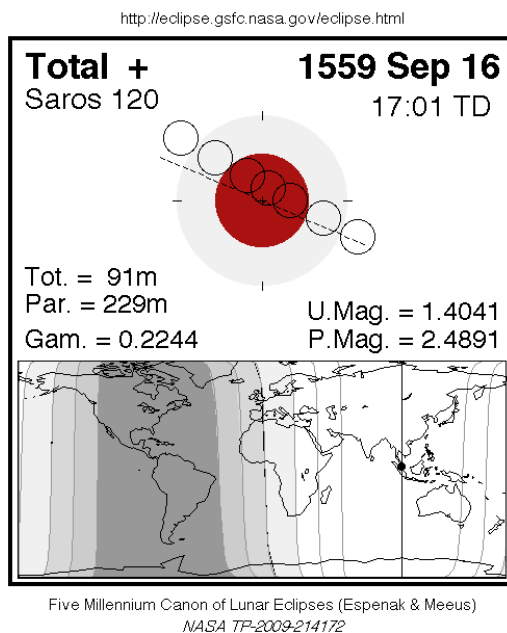

Рис. 1. Лунное затмение 16 сентября 1559 года [9]

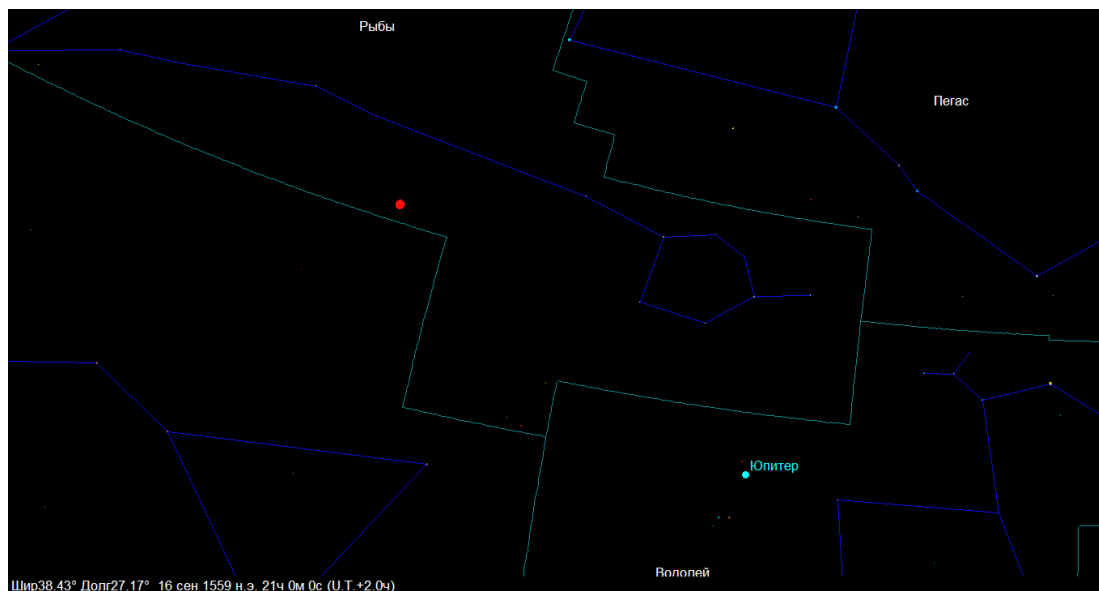

Рис. 2. Положение Луны, затмение окрасило спутник Земли в красный цвет, 16 сентября 1559 года в 21.00.00

Исаак Ньютон упоминает о смерти Александра Великого:

«Мраморные скрижали Арунделиана были изготовлены через шестьдесят лет после смерти Александра Великого (в 4 год 128 олимпиады) ...» [5, стр. 25]

Согласно Паросскому фрагменту «Паросской хроники» [7, п. 8] Александр Македонский умер за 60 лет до её создания.

Согласно пункту 41 «Еврейской хронологии»:

«После этих [монархов] Александр Македонский низверг Персидское царство и правил в течение 6 лет. Он правил еще 6 лет после убийства [последнего царя] Дария. От второго года Дария [Первого] до смерти Александра - которая про-

изошла в первый год 114-й олимпиады - прошло 197 лет.» [10, с. 41].

1. Расчёт промежутка времени между годом создания Паросской Хроники и 1-м годом 1-ой Олимпиады вычисляется по формуле 128 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 512 лет. К этому результату необходимо прибавить 3 года как разность между 1-м и 4-м годами 128-й Олимпиады. По результатам исследования [2] Паросская хроника была создана в 1627 г. н.э., учитывая это 1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1627 вычесть 515 равно 1112 г. н.э.

2. Расчёт промежутка времени между годом смерти Александра Великого и 1-м годом 1-ой

Олимпиады вычисляется по формуле 114 (число Олимпиад) умножить на 4 (частота проведения) равно 456 лет. По результатам исследования [2] Александр Великий умер за 60 лет до создания «Паросской хроники» в 1567 г. н.э., учитывая это

1-й год эры Олимпиад вычисляется по формуле: 1567 вычесть 456 равно 1111 г. н.э.

Определив 1-й год 1-й Олимпиады как 1111 г. н.э. используя [2] и [11] можно определить годы жизни знаменитых людей Древней Греции табл. 2.

Таблица 2

Годы жизни знаменитых людей Древней Греции, рассчитанные по полученной датировке 1-го года эры Олимпиад, с учётом [2] и [11] в годах н.э.

№	Знаменитые люди Древней Греции	Годы жизни (г. н.э.)	Диоген Лаэртский [11]	Паросская хроника [2]
1	Периандр	1229 - 1309	Книга I, с.84	
2	Солон	1261 - 1341	Книга I, с.73	
3	Фалес	1267 - 1343	Книга I, с.66	
4	Анаксимандр	1280 - 1344	Книга II, с.93	
5	Сократ	1420 - 1490	Книга II, с.106	п. 66
6	Анаксагор	1421 - 1491	Книга II, с.95	
7	Демокрит	1421 - 1530	Книга IX, с.345 - 346	
8	Ксенофонт	1440 - 1529	Книга II, с.109	п. 77
9	Диоген	1458 - 1567	Книга VI, с.238 - 239	
10	Платон	1460 - 1543	Книга III, с.137	
11	Аристотель	1507 - 1569	Книга V, с.190 -191	
12	Эпикур	1549 - 1621	Книга X, с.373	

Заключение

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников позволило определить подлинную датировку 1-го года эры Олимпиад – 1111 год н.э. с точностью один год в обе стороны. Полученная датировка отличается от принятой, в современной исторической хронологии, но согласуется по времени с полученными автором

ранее датировками «Затмения Фалеса» [1], «Паросской хроники» [2], «Затмений Фукидида» [3]. Нахождение подлинной датировки 1-го года эры Олимпиад будет способствовать определению дат исторических событий этого и последующих периодов времени в Древней Греции, Малой Азии и Древнем Риме. Полученная датировка позволила определить годы жизни некоторых знаменитых людей Древней Греции.

Литература

1. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 2. С. 171 – 177. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (дата обращения: 10.05.2023)
2. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 21.10.2022)
3. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Затмений Фукидида» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 22.10.2022)
4. Евсевий Кесарийский «Хроника» (Eusebius «Chronicle») URL: <http://www.attalus.org/translate/eusebius> (дата обращения: 15.05.2023)
5. Ньютон Исаак. Исправленная хронология древних царств. М.: Издательство «РИМИС», 2007. 656 с.
6. «Паросский мрамор» Оксфордская часть: пер. Ю.П. Митина. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/marble/part2-f.htm> (дата обращения: 10.05.2023)
7. «Паросский мрамор» Паросская часть: пер. Ю.П. Митина. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/marble/part3-f.htm> (дата обращения: 15.05.2023)
8. Плутарх. Сочинения: пер. с древнегреч. / Сост. С. Аверинцева; Вступит, статья А. Лосева; Комментар. А. Столярова. М.: Худож. лит., 1983. 703 с.

9. Каталог Лунных затмений (НАСА) серия сароса 120, 1501-1600 годы н.э. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCLEmap/1501-1600/LE1559-09-16T.gif> (дата обращения: 20.05.2023)
10. Симпозиум Συμπόσιον сайт об античной литературе истории и людях античности URL: <http://www.symposium.ru/ru/node/10533> (дата обращения: 10.05.2023)
11. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.

References

1. Volkov A.S. Istoriko-hronologicheskoe issledovanie dokumental'nyh istochnikov i datirovka «Zatmenija Falesa» // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2023. T. 6. № 2. S. 171 – 177. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (data obrashhenija: 10.05.2023)
2. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Parosskoj hroniki». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovanija (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 2. S. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashhenija: 21.10.2022)
3. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Zatmenij Fulkidida». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovanija (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 3. S. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashhenija: 22.10.2022)
4. Evsevij Kesarijskij «Hronika» (Eusebius «Chronicle») URL: <http://www.attalus.org/translate/eusebius> (data obrashhenija: 15.05.2023)
5. N'juton Isaak. Ispravlennaja hronologija drevnih carstv. M.: Izdatel'stvo «RIMIS», 2007. 656 s.
6. «Parosskij mramor» Oksfordskaja chast': per. Ju.P. Mitina. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/marble/part2-f.htm> (data obrashhenija: 10.05.2023)
7. «Parosskij mramor» Parosskaja chast': per. Ju.P. Mitina. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/marble/part3-f.htm> (data obrashhenija: 15.05.2023)
8. Plutarh. Sochinenija: per. s drevnegrech. Sost. S. Averinceva; Vstupit, stat'ja A. Loseva; Komment. A. Stoljarova. M.: Hudozh. lit., 1983. 703 s.
9. Каталог Лунных затмений (НАСА) серия сароса 120, 1501-1600 годы н.э. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCLEmap/1501-1600/LE1559-09-16T.gif> (data obrashhenija: 20.05.2023)
10. Симпозиум Συμπόσιον сайт об античной литературе истории и людях античности URL: <http://www.symposium.ru/ru/node/10533> (data obrashhenija: 10.05.2023)
11. Диоген Лайертский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.

Volkov A.S., Lawyer, Individual Entrepreneur

Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the era of the Olympics

Abstract: the article provides a comprehensive historical and chronological study of the surviving documentary sources describing the period of time from the first annual archon in Athens to the death of Alexander the Great. The purpose of the study, which uses special methods of historical research, is to establish the true dating of the first year of the era of the Olympics. Eusebius of Caesarea dated the first Olympiad, organized by Hercules, to 1210 BC. and the Olympics, in which Koreb from Elis became the winner in the run in 776 BC. The astronomer and mathematician Eratosthenes of Cyrene and the historian Timaeus introduced chronology in Greece from the first Olympic Games. Most chronologists agree that it was from this time that the Ancient Greeks accurately recorded the dates of important historical events for them, that is, they created their own chronology.

A comprehensive historical and chronological study of the surviving documentary sources made it possible to determine the true dating of the first year of the era of the Olympics, namely 1111 AD. The dating obtained differs from that accepted in the modern historical chronology, but is consistent in time with the datings previously obtained by the author for The Eclipse of Thales, The Parian Chronicle, The Eclipses of Thucydides, and the tragedies of the playwrights of Ancient Greece. The resulting dating made it possible to determine the years of life of some famous people of Ancient Greece.

Keywords: history, chronology, reckoning from the Olympics, Timaeus, Eratosthenes, Eusebius of Caesarea

For citation: Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the era of the Olympics. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 161 – 167.

Received: June 10, 2023; Revised: June 30, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Головинов А.В., кандидат философских наук, доцент,
Алтайский государственный университет,
Головинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент,
Алтайский государственный педагогический университет*

**«Сибирские вопросы» в актуальной политической публицистике Н.М. Ядринцева:
опыт анализа материалов журнала «Дело» в 1870-е гг.**

Аннотация: настоящая публикация посвящена текстологическому анализу и реконструкции дискурсов ранней публицистики лидера движения сибирских областников – Н.М. Ядринцева. Цель исследования показать палитру «сибирских вопросов», рассматриваемых просветителем в рамках сотрудничества с центральным периодическим изданием – учено-литературным журналом «Дело» в 1870-е гг. Анализу подвергаются по преимуществу опубликованные источники – непосредственно произведения Н.М. Ядринцева. Руководствуясь методологическим инструментарием культурной антропологии и новой интеллектуальной истории авторы отмечают, что проблематику экономического подъема и материального благосостояния отчего края сибирский интеллектуал активно рассматривать на столбцах журнала «Дело». Не ускользнул от внимания Н.М. Ядринцева и вопрос о сибирской железной дороге. Это была тема государственной важности, так как рельсовые пути крепко бы связали Азиатскую и Европейскую часть Российской Империи.

Результаты проведенного исследования позволяют авторам утверждать, что оформление дискурса о пагубном влиянии штрафной колонизации, нарратива учреждения университета в Сибири и «тюремный вопрос» пришлось на период пер. пол. 1870-х. гг. – время активного взаимодействия известного сибиряка с петербургским литературно-политическим журналом «Дело».

В целом авторами показаны основные нарративы публицистики Н.М. Ядринцева в журнале «Дело». Это такие вопросы как отмена уголовной ссылки; последствия и негативное влияние пенитенциарной политики на сибирский регион; необходимость умственного центра в Азиатской части страны, что позволило бы экономически и интеллектуально-духовно развить родную Сибирь; нарратив сибирской железной дороги; многообразный колониальный дискурс, включающий в себя последствия штрафной колонизации и этнокультурного взаимодействия коренного населения Сибири со славяно-русским миром.

Ключевые слова: сибирское областничество, Н.М. Ядринцев, Российская Империя, история журналистики, колонизация, ссылка, первый университет в Сибири

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. «Сибирские вопросы» в актуальной политической публицистике Н.М. Ядринцева: опыт анализа материалов журнала «Дело» в 1870-е гг. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 168 – 171.

Поступила в редакцию: 6 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Роль и значение периодических изданий в разработке целого спектра насущных вопросов Сибири была, несомненно, огромной. Сама областническая идеология формировалась и даже в определенной степени манифестировалась на страницах центральных и региональных изданий. Так, в многотиражном журнале «Дело» в 1870-е гг. из пера мастера актуальной журналистики – Н.М. Ядринцева вышло значительное количество материалов по насущным проблемам отчего края. Актуальность анализа сущности и содержания серии публикаций, подготовленных Н.М. Ядринцевым для петербургского издания, видится в том, что это может содействовать познанию генезиса писательской активности регионалиста. Потому цель настоящего исследования представляет собой попытку обозначить палитру сибирских вопросов в

ранней публицистике сибирского интеллектуала в журнале «Дело».

Для настоящей работы важное значение имеет методология культурной антропологии, разрабатываемая французским историком, представителем школы «Анналов» Роже Шартье, что позволяет моделировать отношения между текстом и контекстом общественных потребностей, воспроизводимых в интеллектуальной среде. Также привлекался инструментарий «новой интеллектуальной истории», направленный на постижение теоретических позиций основоположника идеологии сибирского областничества.

Идейно-публицистическое наследие сибирского просветителя Н.М. Ядринцева вызывает традиционно высокий интерес в среде современных ученых. Такие авторитетные отечественные исследователи, как В.П. Зиновьев [3], Л.М. Дамешек

[1], М.В. Шиловский [5], Ю.Б. Костякова [4], Н.В. Жиликова [2], и др. внесли значительный вклад в изучение публицистики Н.М. Ядринцева и в целом идеологии сибирского демократического регионализма. Вместе с тем, особенности писательского таланта известного сибиряка на столбцах журнала «Дело» (1870-е) рассматривались до сих пор фрагментарно. Потому с учетом достижений новейшей отечественной историографии обращение к данному фрагменту наследия просветителя видится значимым.

Итак, разбор Н.М. Ядринцевым насущных вопросов родного края становился более емких по приезду в Петербург в 1874 г. Как известно, тюрьме и ссылке Н.М. Ядринцев отдал десять лучших лет юности [6, с. 163].

Прибытие в Петербург несколько изменило ситуацию. С первых дней защитник сибирских интересов активнейшим образом принялся за поиски работы. Снова выручила журналистика. Ранее сотрудничество с «Камско-Волжской газетой» позволила получить статус ведущего сибирского публициста. А с таким реноме можно было писать и для столичных изданий, но «Дело» принимало новые статьи к публикации с большими цензурными правками.

Вопрос о необходимой отмене уголовной ссылки в сибирский макрорегион побуждал идеолога областничества препарировать все возможные аспекты применения этого «бесполезного наказания». Такие его материалы, подготовленные для журнала «Дело», как «Колонизационное значение русской ссылки» [7], «Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений» [8], и «Условия прогресса в сфере наказаний» [9], на обширном фактическом материале с привлечение истории вопроса и зарубежного опыта раскрывают негативные последствия ссылки. Очевидно, что сибирский публицист рассчитывал воздействовать на общественное мнение, убедительно и разносторонне доказывая необходимость скорейшей отмены штрафной колонизации отчего края.

Необходимым считаем отметить, что одна из публикаций просветителя на столбцах «Дела» носила ярко выраженный автобиографический характер – «Секретная». Материал увидел свет еще в 1869 г., хотя широкому кругу стал известен в 1872 г, тогда он открыл повествование крупного исследовательского труда «Русская община в тюрьме и ссылке».

В рамках данной публикации провинциальный мыслитель передавал внутреннее содержание пенитенциарной политики царизма сквозь призму собственных впечатлений от тюремных застенков. Испытывая на себе все тяготы «тюремного хала-

та» очень эмоционально просветитель переносил читателя в острожный быт, акцентирую пагубность одиночного заключения, то есть длительно-го содержания арестантов в так называемых «секретных» [10, с. 61]. Идеолог областничества акцентировал тогда, что одиночное заключение, особенно длительное, только огрубляет преступника.

Проблематика ссылки и тюрьмы, разумеется, была вовсе не единственной темой, которую сибирский общественный деятель развивал на страницах журнала «Дело». Справедливости ради отметим, что во вт. пол. 1870-х гг. в рамках сотрудничества с центральным периодическим изданием Н.М. Ядринцев также разрабатывал вопрос образовательной политики. Материал «Потребность знания на востоке: (По поводу учреждения Сиб. ун-та)» развивал давнюю мечту всех участников движения сибирского областничества – учреждение высшего учебного заведения в отчем крае.

Все сибирские вопросы просветитель рассматривал исключительно системно. Отдельные насущные проблемы Восточной окраины Н.М. Ядринцев понимал в их органической взаимосвязи. Так, вопрос об учреждении университета он связывал не только возможностью социокультурного роста сибирского общества, но и убедительно доказывал экономическую пользу высшего учебного заведения в Азиатской части России.

Провинциальный мыслитель в рамках данных публикаций убедительно показывал, что стремление к образованию в Сибири постоянно растет и что по мере увеличения числа средних учебных заведений возросло и количество сибиряков, стремящихся к университетскому образованию.

Все сибирские вопросы просветитель рассматривал исключительно системно. Отдельные насущные проблемы Восточной окраины Н.М. Ядринцев понимал в их органической взаимосвязи. Так, вопрос об учреждении университета он связывал не только возможностью социокультурного роста сибирского общества, но и убедительно доказывал экономическую пользу высшего учебного заведения в Азиатской части России. Разработки естественных богатств Сибири для укрепления прочной промышленности в регионе, как полагал сибирский общественный деятель, напрямую зависят от научной составляющей. Университет в этом смысле прекрасно бы способствовал росту экономического благосостояния Сибири и всей страны в целом. Научно-технические знания, по учению лидера движения областников, стали бы серьезным подспорьем в культурном и промышленном развитии Сибири.

Проблематику экономического подъема и материального благосостояния отчего края сибир-

ский интеллектуал продолжал рассматривать на столбцах журнала «Дело». Не ускользнул от внимания Н.М. Ядринцева и вопрос о сибирской железной дороге. С одной стороны это была тема государственной важности, так как рельсовые пути крепко бы связали Азиатскую и Европейскую часть Российской Империи. Публицист критически подходил к данной проблематике. Н.М. Ядринцев ставил вопрос ребром: насколько вообще железные дороги полезны для народного благосостояния?

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, истинно насущные проблемы Сибири успешно аккумулировались в ранней публицистике лидера движения областников в рамках сотрудничества с учено-литературным журналом «Дело» на протяжении 1870-1876 гг. На столбцах данного издания широкой общественности был представлен авторский подход к видению всего спектра «сибирских вопросов».

Во-вторых, можно отметить, что все самые насущные проблемы Восточной окраины Н.М.

Ядринцев понимал исключительно в системной взаимосвязи, когда одна проблема тесно связано с другой и решать их нужно только вместе.

В-третьих, на основе текстологического анализа опубликованных источников можно установить систему насущных вопросов Сибири, над которыми рефлексировал идеолог областничества. К таким вопросам можно отнести отмену уголовной ссылки; последствия и негативное влияние пенитенциарной политики на сибирский регион; необходимость умственного центра в Азиатской части страны, что позволило бы экономически и интеллектуально-духовно развить родную Сибирь; нарратив сибирской железной дороги; многообразный колониальный дискурс, включающий в себя последствия штрафной колонизации и этнокультурного взаимодействия коренного населения Сибири со славяно-русским миром. Эти базовые концепты идеологии сибирского демократического регионализма Н.М. Ядринцев пронес через все свое многообразное творчество, дополняя и развивая обозначенные нарративы.

Литература

1. Дамешек Л.М. Н.М. Ядринцев о взаимном влиянии русского и коренных народов Сибири // Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока: Тезисы докл. Регион. науч. конф. (Иркутск, 14-16 мая 1981 г.). Иркутск, 1981. С. 76 – 81.
2. Жилиякова Н.В. «Центр или провинция?» областническая дискуссия в сибирской печати 1870-1880-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. № 6. С. 13 – 19.
3. Зиновьев В.П. Филонов И.Д., "Сибирский вестник" и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885-1905 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 121 – 126.
4. Костякова Ю.Б. Публикаторская деятельность Н.М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г.Н. Потанину за 1872-1873 гг.). // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 19 – 24.
5. Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н.М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870-1880-е гг. // Ядринцевские чтения 2021. Вып. 9. Омск. ОмГУ. С. 22 – 26.
6. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Русская мысль. 1904. Кн. 6. С. 152 – 166.
7. Ядринцев Н.М. Колонизационное значение русской ссылки: (Ист. очерк) // Дело: учено-литературный журнал. 1870. № 12. С. 1 – 34.
8. Ядринцев Н.М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело: учено-литературный журнал. 1870. № 10. С. 220 – 248.
9. Ядринцев Н.М. Условия прогресса в сфере наказаний // Дело: учено-литературный журнал. 1871. № 6. С. 124 – 148.
10. Ядринцев Н.М. Секретная (из записок подследственного арестанта) // Дело: учено-литературный журнал. 1869. № 5. С. 46 – 72.

References

1. Dameshek L.M. N.M. Jadrincev o vzaimnom vlijanii russkogo i korennyh narodov Sibiri. Problemy social'no-jekonomicheskogo i politicheskogo razvitija stran Vostoka: Tezisy dokl. Region. nauch. konf. (Irkutsk, 14-16 maja 1981 g.). Irkutsk, 1981. S. 76 – 81.
2. Zhiljakova N.V. «Centr ili provincija?» oblastniceskaja diskussija v sibirskoj pechati 1870-1880-h godov. Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. 2010. № 6. S. 13 – 19.
3. Zinov'ev V.P. Filonov I.D., "Sibirskij vestnik" i sibirskoe oblastnichestvo: jevoljucija otnoshenij v 1885-1905 gg. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 484. S. 121 – 126.

4. Kostjakova Ju.B. Publikatorskaja dejatel'nost' N.M. Jadrinceva v ssylke: prichiny i rezul'taty (po pis'mam k G.N. Potaninu za 1872-1873 gg.). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2019. № 62. S. 19 – 24.
5. Shilovskij M.V. Publicisticheskoe osmyslenie N.M. Jadrincevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870-1880-e gg. Jadrincevskie chtenija 2021. Vyp. 9. Omsk. OmGU. S. 22 – 26.
6. Jadrincev N.M. K moej avtobiografii. Russkaja mysl'. 1904. Kn. 6. S. 152 – 166.
7. Jadrincev N.M. Kolonizacionnoe znachenie russkoj ssylki: (Ist. ocherk). Delo: ucheno-literaturnyj zhurnal. 1870. № 12. S. 1 – 34.
8. Jadrincev N.M. Istoricheskie ocherki russkoj ssylki v svjazi s razvitiem prestuplenij. Delo: ucheno-literaturnyj zhurnal. 1870. № 10. S. 220 – 248.
9. Jadrincev N.M. Uslovija progressa v sfere nakazanij. Delo: ucheno-literaturnyj zhurnal. 1871. № 6. S. 124 – 148.
10. Jadrincev N.M. Sekretnaja (iz zapisok podsledstvennogo arestanta). Delo: ucheno-literaturnyj zhurnal. 1869. № 5. S. 46 – 72.

*Golovinov A.V., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Altai State University,
Golovinova Yu.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Altai State Pedagogical University*

**"Siberian questions" in current political journalism of N.M. Yadrintsev:
the experience of analyzing the materials of the journal "Delo" in the 1870s.**

Abstract: this publication is devoted to the textual analysis and reconstruction of the discourses of early journalism of the leader of the movement of Siberian regionalists – N.M. Yadrintsev. The purpose of the study is to show the palette of "Siberian issues" considered by the educator in the framework of cooperation with the central periodical – the scientific and literary journal "Delo" in the 1870s. Published sources are mainly analyzed - directly the works of N.M. Yadrintsev. Guided by the methodological tools of cultural anthropology and new intellectual history, the authors note that the problems of economic growth and material well-being of the Siberian region are actively considered by the Siberian intellectual in the columns of the Delo journal. N.M. Yadrintsev did not escape the question of the Siberian railway. It was a topic of national importance, since the railroads would tightly connect the Asian and European parts of the Russian Empire.

The results of the study allow us to assert that the formation of the discourse on the harmful effects of penal colonization, the narrative of the establishment of a university in Siberia and the "prison issue" fell on the period of first half of 1870s – the time of active interaction of the famous Siberian with the St. Petersburg literary and political journal Delo.

In general, the authors show the main narratives of N.M. Yadrintsev in the journal "Delo". These are such issues as the abolition of criminal exile; the consequences and negative impact of penitentiary policy on the Siberian region; the need for a mental center in the Asian part of the country, which would allow economic and intellectual-spiritual development of native Siberia; the narrative of the Siberian railway; a diverse colonial discourse, including the consequences of penal colonization and ethno-cultural interaction between the indigenous population of Siberia and the Slavic-Russian world.

Keywords: Siberian regionalism, N.M. Yadrintsev, the Russian Empire, history of journalism, colonization, exile, the first university in Siberia

For citation: Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. "Siberian questions" in current political journalism of N.M. Yadrintsev: the experience of analyzing the materials of the journal "Delo" in the 1870 s. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 168 – 171.

Received: June 6, 2023; Revised: June 30, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический университет*

Историософские взгляды М.М. Щербатова в контексте русского Просвещения

Аннотация: в статье рассматривается история просвещенческой мысли в творческом наследии М. М. Щербатова. На основе выявленных исследований определено, что идеология просвещенческой мысли во многом представляет собой взаимосвязь с философским осмыслением действительности и определением новых траекторий развития личности, общества и государства. В социально-исторической концепции Щербатова анализируется объективный и субъективный пласты исторического процесса. Серьезные идейные расхождения с ортодоксальным христианством наложили свой отпечаток на интерпретацию Щербатовым отечественной истории. Проблема «начала» истории органично перерастает в исследованиях Щербатова в проблему познания природы государственной власти. Дихотомия «естественное»-«божественное» пронизывает исторические и социально-политические воззрения князя. Противопоставление «естественного» и «божественного» доводится Щербатовым до просветительского антиклерикализма. У Щербатова своеобразно сочетается усмотрение образцов для настоящего в глубоком прошлом с предвосхищением будущего, в котором реализуется проект общественного устройства. Философско-исторические воззрения Щербатова представляют собой попытку осмыслить процесс необратимых общественных изменений посредством внутри исторических причин, без обращения к идее Божественного проведения. Единство исторических изменений в понимании Щербатова становится доступным познанию в силу постоянства человеческих мотивов к социальному действию.

Ключевые слова: Просвещение, история, М.М. Щербатов, историософия, трансцендентность, государство

Для цитирования: Скопа В.А. Историософские взгляды М.М. Щербатова в контексте русского Просвещения // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 172 – 175.

Поступила в редакцию: 19 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 2023 г.

Просвещенный абсолютизм, как наивысшая точка русского Просвещения XVIII века, дал сильнейший толчок процессу научного познания, формированию национальной идеи, а вместе с тем определению основных направлений в науке, культуре и искусстве. Это то время, когда отчетливо прослеживался синтез новых идеологических воззрений, способствовавших обоснованию незыблемости самодержавия [1, 8].

Идеи и рассуждения деятелей эпохи Просвещения всегда вызывали и будут вызывать неподдельный интерес у исследователей разных научных областей: философов (проблемы естественного и божественного), историков (вопросы государственности), педагогов (проблемы воспитания и образования), правоведов (юридическое обоснование государства и власти).

Актуальность заявленной проблемы подчеркивается еще и тем, что колорит эпохи Просвещения во многом синтезирует достижения человеческой мысли как географически – французское, английское, немецкое, русское Просвещение, так и содержательно – в формировании прогрессивных идей и воззрений, определивших новые векторы научного познания [15].

Михаил Михайлович Щербатов в отечественной историографии рассматривался как государственный и политический деятель, представитель масонской ложи, выдающийся историк и историограф, как человек занимающийся вопросами права и, конечно же, как философ-мыслитель. Среди большого массива научных исследований можно выделить работы Артемьевой, которые посвящены Михаилу Щербатову как личности, так и государственному деятелю. Калининой С.Г. подняты историографические проблемы изучения жизни и творческого наследия князя М.М. Щербатова. В статье Уткиной Н.Ф. М.М. Щербатов рассматривается как идеолог российского дворянства. В работах Федосова И.А. дается анализ русской общественной мысли XVIII столетия, где немалое внимание уделено князю Щербатову. Концепт общественно-политической мысли русских просветителей второй половины XVIII в. представлен в исследовании И.Я. Щипанова [2, 3, 5, 11, 13, 15]. В то же время, несмотря на достаточно огромный массив научных исследований, посвященных М.М. Щербатову, остаются опосредовано рассмотрены историософские взгляды князя в контексте русского Просвещения.

Основной целью статьи является представление историософских взглядов князя М.М. Щербатова в контексте эпохи русского Просвещения.

Его творческое наследие позволяет увидеть в нем научную многогранность и вычленить историософский аспект, где князь пытается ответить на вопросы об объективных закономерностях исторического процесса и путях реализации человеческих сущностных сил в истории.

Серьезные идейные расхождения с ортодоксальным христианством наложили свой отпечаток на интерпретацию Щербатовым отечественной истории [4, 6, 12]. Как последователь естественной религии, распространенной во времена просветительского вольномыслия, Щербатов разрешает дилемму «естественное»–«божественное» в пользу естественных начал. Проблема «начала» истории органично перерастает в исследованиях Щербатова в проблему познания природы государственной власти [6].

Идея внеисторической человеческой природы оказывается своеобразным заместителем средневековой идеи божественного Провидения и объясняет единство исторического процесса не из самой истории, а из предпосылаемой исторической динамике реальности. Эта трансцендентное добавление к осмыслению хода исторического процесса характеризует просветительский утопизм социально-исторической мысли М.М. Щербатова [9].

Двойственное восприятие «естественного»–«божественного» пронизывает исторические и социально-политические воззрения М.М. Щербатова [2]. Он был далек от идеи провиденциализма. Противопоставление «естественного» и «божественного» доводится Щербатовым до просветительского антиклерикализма [15]. Высоко ценя глубины христианского умозрения, понимая его как непреходящее цивилизаторское, просвещающее начало для России, он старается объективно оценить роль духовенства, противоречие между государственностью и религиозностью, церковную историографическую традицию [1]. Последнюю Щербатов оценивает следующим образом: «часто, пропуская важнейшие дела гражданские, прилежат повествовать о чудесах, весьма в их книгах умноженных, или описывать душещипательные подвиги какого святого, оставляя саму историю. Одним является, что оне единственно были сочинены для того, чтобы частным повторением чудес, примером подвигов святых, вмещенными молитвами и увещеваниями, государя и народ в вящее повиновение духовенству принести» [10, с. 258]. Такая система философско-исторических посылок, с которыми соотносятся исторические события, оказывается выражением того духовного феномена, который Г.Г. Шпет в работе «История

как предмет логики» верно обозначил как «история с точки зрения» [14, с. 352]. Характерное для профессиональной историографии установление «точек зрения» на историю предполагает наличие некоторой привилегированной позиции, в которой находится повествующий о прошлом и из которой он может судить о происходящем [14]. Такой привилегированной позицией как для теоретического суждения об истории, так и для практического действия в ней по Щербатову является принадлежность к родовому дворянству, что справедливо отмечает Т.В. Артемьева [2]. Осознание непосредственной «родовой» принадлежности к прошлому, осознание политической истории как дела «семейного» предполагает особенность, уникальность его позиции.

Оценочное построение, развернутое во времени, дает схему прогресса-регресса. Такая схема имеет две возможности реализации в историческом познании. Во-первых, историческая действительность может познаваться чисто статически, составляющие ее моменты сравниваются с предпосланным критерием и оцениваются по степени адекватности ему. В таком построении на первый план выдвигается количественное измерение, нарастание или убывание, сами по себе. Представление о критерии как об оценке заимствуется из областей внешних историческому процессу, ступени которого выступают как моменты «улучшения, усовершенствования». Во-вторых, схема прогресса-регресса применима в динамическом познании хода истории. Тогда всякий момент исторического движения предстает как разворачивание объективно обязательного, разумного. История, следовательно, представляется не хаотическим нагромождением слепых случайностей и столкновением слепых страстей, а единой линией прогрессивного общественного развития, осуществляемого с целью достижения такого порядка, в котором будут господствовать законы разума. В философии русского просвещения наблюдаются тенденции к осуществлению как первого, так и второго подхода к историческому процессу. Хотя заимствование европейских просветительских парадигм не носит механистического характера, преломляется сквозь призму национальной духовности. Оценочный взгляд на историю свойственен воззрениям Феофана Прокоповича [7]. В «Духовном регламенте» он отмечает: «Когда нет света учения нельзя быть доброму поведению церкви и нельзя не быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же раздорам и пребезумным ересям... И если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие века, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах» [7, с. 184]. В научных взглядах

крупнейшего мыслителя петровской ученой дружины В.Н. Татищева последовательно и доказательно устает идея общественно-исторического прогресса. Татищев задумывался над закономерностями культурной эволюции человечества, которые схематизировал в теории «всемирного умопросвещения» [15]. Эти идеи и тенденции не могли не отразиться в творческом наследии М.М. Щербатова. Князь разделяет позицию западных и отечественных просветителей, стоя на позиции, что разум – источник человеческого могущества [10].

Идейные воззрения эпохи Просвещения объективно подводят к тому, что польза от наук и познания весьма огромна, но, делается обоснованное заключение: «не они всецело определяют жизнь общества» [10]. Развивая мысль Щербатов приходит к заключению, что «для их (наук) собственного процветания требуется могущество и благополучие государства» [10].

У Щербатова своеобразно сочетается усмотрение образцов для настоящего в глубоком прошлом с предвосхищением будущего, в котором реализуется проект общественного устройства. Прошлое как «мера» последующей истории, будущее в качестве ориентира для настоящего, признание постепенного совершенствования человеческих установлений и институтов с помощью разума и

науки – все это Щербатов органично вплетает в свою философско-историческую концепцию. Именно познание истории, согласно Щербатову, позволяет объективно оценить сегодняшнее состояние дел и дает верные ориентиры для социального действия. «Наука причин есть приключаящая наиболее удовольствия разуму: она основана на твердейших и на теснейших из всех сношений. Она еще обильнейшая есть в полезных наставлениях, понеже она единая чинит нас властелинами приключений, и дает нам некоторую власть над будущими временами».

Таким образом, историософские воззрения Щербатова представляют собой попытку осмыслить процесс необратимых общественных изменений посредством внутри исторических причин, без обращения к идее Божественного проведения. Единство исторических изменений в понимании Щербатова становится доступным познанию в силу постоянства человеческих мотивов к социальному действию. Неподверженная изменениям сущность человека становится нормой для постижения исторической эмпирии. Страстная вера и желание создать в Российской империи «идеальное государство» прослеживается на всем жизненном пути М.М. Щербатова и находит наиболее полное и всеохватывающее воплощение в литературных его произведениях.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Отдел третий: Политическая идеология различных классов русского общества в XVIII в. // Рус. ист. журн. М., 1999. Т. II. № 3. С. 117 – 156.
2. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб., 1994. 91 с.
3. Артемьева Т.В. Новая Атлантида Михаила Щербатова // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 104 – 108.
4. Заблоцкий М. Материал для биографии кн. М.М. Щербатова // Санкт-Петербургские ведомости. 1857 (11 декабря). № 269.
5. Калинина С.Г. Историографические проблемы изучения жизни и творческого наследия князя М.М. Щербатова // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 233 – 237.
6. Посконин В.В. Естественно-правовые воззрения М.М. Щербатова и А.П. Сумарокова // Известия ВУЗов. Правоведение. 1980. № 6. С. 58 – 64.
7. Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 391 с.
8. Скопа В.А. Научные взгляды князя М.М. Щербатова: из истории философской мысли // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 1. С. 112 – 116.
9. Скопа В.А. Социально-исторические взгляды М.М. Щербатова // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 24 – 28.
10. Сочинения князя М.М. Щербатова. ТТ. 1-2. СПб., 1896. Т. 1. 684 с.
11. Уткина Н.Ф. М.М. Щербатов – идеолог российского дворянства // Русская мысль в век Просвещения. М., 1991. С. 112 – 134.
12. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967. 293 с.
13. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М., 1967. 293 с.
14. Шпет Г.Г. История как проблема логики. М., 2016. 728 с.
15. Щипанов И.Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: в 2-х т. М., Т. 2. 1955. 351 с.

References

1. Alekseev N.N. Rossijskaja imperija v ee istoricheskikh istokah i ideologicheskikh predposylkah. Otdel tretij: Politicheskaja ideologija razlichnyh klassov russkogo obshhestva v XVIII v. Rus. ist. zhurn. M., 1999. T. II. № 3. S. 117 – 156.
2. Artem'eva T.V. Mihail Shherbatov. SPb., 1994. 91 s.
3. Artem'eva T.V. Novaja Atlantida Mihaila Shherbatova. Voprosy filosofii. 2000. № 10. S. 104 – 108.
4. Zablockij M. Material dlja biografii kn. M.M. Shherbatova. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1857 (11 dekabrja). № 269.
5. Kalinina S.G. Istoriograficheskie problemy izuchenija zhizni i tvorcheskogo nasledija knjazja M.M. Shherbatova. Istochnikovedenie i istoriografija v mire gumanitarnogo znanija. M., 2002. S. 233 – 237.
6. Poskonin V.V. Estestvenno-pravovye vozzrenija M.M. Shherbatova i A.P. Sumarokova. Izvestija VUZov. Pravovedenie. 1980. № 6. S. 58 – 64.
7. Prokopovich F. Sochinenija. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 391 s.
8. Skopa V.A. Nauchnye vzgljady knjazja M.M. Shherbatova: iz istorii filosofskoj mysli. Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie. 2023. № 1. S. 112 – 116.
9. Skopa V.A. Social'no-istoricheskie vzgljady M.M. Shherbatova. Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2023. № 1. S. 24 – 28.
10. Sochinenija knjazja M.M. Shherbatova. TT. 1-2. SPb., 1896. T. 1. 684 s.
11. Utkina N.F. M.M. Shherbatov – ideolog rossijskogo dvorjanstva. Russkaja mysl' v vek Prosveshhenija. M., 1991. S. 112 – 134.
12. Fedosov I.A. Iz istorii russkoj obshhestvennoj mysli XVIII stoletija. M.M. Shherbatov. M., 1967. 293 s.
13. Fedosov I.A. Iz istorii russkoj obshhestvennoj mysli XVIII stoletija. M., 1967. 293 s.
14. Shpet G.G. Istoriya kak problema logiki. M., 2016. 728 s.
15. Shhipanov I.Ja. Obshhestvenno-politicheskie i filosofskie vozzrenija russkih prosvetitelej vtoroj poloviny HVIII v. Ocherki po istorii filosofskoj i obshhestvenno-politicheskoy mysli narodov SSSR: v 2-h t. M., T. 2. 1955. 351 s.

*Skopa V.A., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Altai State Pedagogical University*

Historiosophical views of M.M. Shcherbatov in the context of Russian Enlightenment

Abstract: the article deals with the history of enlightenment thought in the creative heritage of M.M. Shcherbatov. On the basis of the identified studies, it was determined that the ideology of enlightenment thought is largely a relationship with the philosophical understanding of reality and the definition of new trajectories for the development of the individual, society and the state. Shcherbatov's socio-historical concept analyzes the objective and subjective layers of the historical process. Serious ideological differences with orthodox Christianity left their mark on Shcherbatov's interpretation of Russian history. The problem of the "beginning" of history organically develops in Shcherbatov's studies into the problem of understanding the nature of state power. The dichotomy "natural" – "divine" permeates the historical and socio-political views of the prince. The opposition between "natural" and "divine" is brought by Shcherbatov to the level of enlightenment anti-clericalism. Shcherbatov uniquely combines the perception of models for the present in the deep past with the anticipation of the future, in which the project of social organization is being implemented. Shcherbatov's philosophical and historical views are an attempt to comprehend the process of irreversible social changes through internal historical causes, without resorting to the idea of Divine conduct. The unity of historical changes in Shcherbatov's understanding becomes accessible to knowledge due to the constancy of human motives for social action.

Keywords: Enlightenment, history, M.M. Shcherbatov, historiosophy, transcendence, state

For citation: Skopa V.A. Historiosophical views of M.M. Shcherbatov in the context of Russian Enlightenment. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 172 – 175.

Received: June 19, 2023; Revised: July 9, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Прищепа А.И., доктор исторических наук, профессор,
Усмонов А.Г., аспирант,
Сургутский государственный университет*

**«Юганскфракмастер» – первое совместное предприятие
нефтегазовой отрасли СССР в Ханты-Мансийском округе**

Аннотация: статья посвящена вопросам организации и деятельности совместных предприятий с участием зарубежных компаний на территории СССР. Рассмотрены предпосылки, положившие начало коренных изменений во внешнеэкономической деятельности Советского Союза.

Особое значение придается развитию новых форм экономического сотрудничества, в частности, расширению инвестиционной деятельности, развитию производственной и научно-технической кооперации. Создание совместного предприятия предполагает организацию соответствующей хозяйственной единицы на основе долевого участия партнеров, совместное управление и контроль над производственной деятельностью предприятия и распределение прибыли и рисков, связанных с его функционированием. Изложенный материал позволяет продемонстрировать превалирование экономических интересов СССР над политическими.

В статье раскрыты причины и предпосылки создания совместного советско-канадского предприятия на основе соглашения между учредителями – советским производственным объединением «Юганскнефтегаз» и канадской фирмой «Канадиэн Фракмастер Офшор Лимитед», дан краткий анализ его деятельности за 1989 г., указана численность работников, их трудовая активность, направленная на повышение эффективности производства, определен объем добычи нефти и ее реализации на экспорт, представлена классификация совместных предприятий нефтегазовой отрасли в 1989-1993 гг.

В ходе исследования впервые были введены в научный оборот архивные материалы истории развития пионера советского-канадского сотрудничества – предприятия «Юганскфракмастер».

Авторы предприняли попытку политико-экономического анализа содержания, основных закономерностей возникновения и тенденций развития совместного предприятия. Исходный анализ предприятия как формы взаимодействия нескольких капиталов позволил выявить его роль в механизме воспроизводства монополистического капитала, вскрыть внутреннюю природу и экономическое содержание отношений, складывающихся между партнерами.

Ключевые слова: Юганскнефтегаз, производственное объединение, совместные предприятия, нефтегазовая отрасль, инвестиции, Юганскфракмастер, нефть, экспорт, Ханты-Мансийский округ

Для цитирования: Прищепа А.И., Усмонов А.Г. «Юганскфракмастер» – первое совместное предприятие нефтегазовой отрасли СССР в Ханты-Мансийском округе // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 176 – 180.

Поступила в редакцию: 17 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Начало коренных изменений в сфере внешнеэкономической деятельности Советского Союза связано с Постановлением Совета Министров СССР «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран» от 13 января 1987 г., в котором в «целях дальнейшего развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с капиталистическими и развивающимися странами на стабильной и взаимовыгодной основе» [1] была законодательно закреплена возможность создания на территории СССР совместных предприятий с участием советских организаций и иностранных фирм на основе договоров, заключаемых их участниками.

Новые возможности совместного предпринимательства в СССР вызвали большой интерес в зарубежных политических и деловых кругах. В своем интервью для «Экономической газеты» Государственный секретарь Министерства экономики Нидерландов Ивонна М.К.Т. ван Рой заявила: «В настоящий момент Советский Союз очень активно создает новые концепции экономического сотрудничества. В результате западные фирмы получают интересные предложения по налаживанию совместного производства с советскими партнёрами по созданию совместных предприятий. Что касается голландских деловых кругов, то, конечно же, возможности для создания совместных предприятий существуют, и я знаю, что к нескольким компаниям уже обращались на этот

счет» [2]. Свое отношение к проблеме выразила министр внешней торговли Канады Пэт Карни: «Несомненно, первые шаги в этом направлении будут сделаны в сфере добычи нефти и газа, в сельском хозяйстве и тесно связанных с ним отраслях, однако в долгосрочной перспективе это сотрудничество может распространиться и на другие сектора экономики» [3].

После выхода упомянутого постановления в СССР началось создание совместных предприятий с участием иностранного капитала. Первым совместным предприятием в СССР стало советско-венгерское предприятие «Литтара-Воланпак» [4], зарегистрированное 12 мая 1987 г. На октябрь 1987 г. в СССР было создано 12 совместных предприятий, на 31 декабря 1987 г. – 23, на 15 мая 1989 г. – 448 [5].

Первые совместные предприятия в нефтегазовой отрасли появились в Советском Союзе в 1989 г. К началу 1994 г. число действующих совместных предприятий в России, по данным Министерства топлива и энергетики РФ, выросло до 47 [6]. По видам деятельности совместные предприятия можно разделить на 3 группы: первая представлена совместными предприятиями по разработке нефтяных месторождений. Вторая группа включала совместные предприятия, предоставляющие сервисные услуги по интенсификации добычи нефти. Третья группа состояла из «экологических» совместных предприятий, занимающихся утилизацией и переработкой нефтяных шламов, ликвидацией последствий аварийных разливов нефти и нефтяных амбаров, утечек нефти и нефтепродуктов, улавливанием легких углеводородных фракций [6].

Таблица 1

Динамика образования совместных предприятий в нефтегазовой отрасли в 1989-1993 гг.

Год	Добывающие совместные предприятия	Сервисные и экологические совместные предприятия	Всего совместных предприятий
1989	0	2	2
1990	2	1	3
1991	8	8	16
1992	10	6	16
1993	7	3	10
Итого	27	20	47

Первым совместным предприятием в нефтегазовой отрасли СССР, образованным на территории Ханты-Мансийского автономного округа, стало предприятие «Юганскфракмастер». 25 февраля 1988 г. между канадской фирмой «Канадиэн Фракмастер Офшор Лимитед» и Министерством нефтяной промышленности СССР был подписан Протокол о проведении совместных испытаний методов обработки скважин в целях повышения их производительности на 4 скважинах месторождений, выделенных производственным объединением «Юганскнефтегаз».

После успешной реализации программы испытаний, установленных Протоколом, советская и канадская стороны выразили заинтересованность в объединении и расширении взаимных усилий, заключив соглашение о дальнейшей кооперации путем создания на территории СССР совместного предприятия в целях дальнейшего развития торговли, экономики, научного и технического взаимодействия на стабильной и взаимовыгодной основе [7].

В соответствии с Советским законодательством и на основе соглашения между учредителями – советским производственным объединением «Юганскнефтегаз» и канадской фирмой «Канадиэн Фракмастер Офшор Лимитед», в Министерстве

финансов СССР 24 апреля 1989 г. было создано и зарегистрировано совместное советско-канадское предприятие «Юганскфракмастер» [8].

Оно было создано с целью проведения работ по повышению нефтеотдачи разработанных скважин методом использования современной технологии глубоко проникающего гидроразрыва пластов, предложенным канадской стороной. Предметом деятельности совместного предприятия стали оказание на коммерческой основе услуг, связанных с обработкой скважин ПО «Юганскнефтегаз», любым подчиненным ему предприятиям, представителям или организациям, а также любой советской организации, имеющей право заключать контракты на обработку эксплуатационных и нагнетательных скважин на территории СССР, а так же заключение коммерческих контрактов на выполнение услуг, связанных с использованием насосного оборудования высокого давления с ПО «Юганскнефтегаз» или другими организациями на территории СССР с оплатой услуг по прейскуранту или по договоренности в каждом отдельном случае [9].

Главный офис предприятия был расположен в Нефтеюганске, а представительство совместного предприятия – фирма «Ньютек Т.Лтд» в Москве. Оно включало в себя создание высшего исполни-

тельного и контрольного органа управления. Высшим органом предприятия являлось Правление. 24-26 мая 1989 г. в Нефтеюганске состоялось первое заседание Правления совместного предприятия «Юганскфракмастер», на котором был утвержден его состав. От советской стороны в нем приняли участие С.В. Муравленко, Н.Г. Конев, О.А.Московцев, А.А. Джавадян, от канадской – Р. Буллен, А. Балм, К. Хассин, Р. Робертс. Председателем правления был утвержден генеральный директор ПО «Юганскнефтегаз» – С.В. Муравленко.

По представлению обеих сторон, первым генеральным директором был назначен Г.О. Лезов. Заместителем генерального директора по производству утвержден К. Хассин. Заместителем генерального директора по коммерческим вопросам – А.Е. Андреев. Главным бухгалтером – А.И. Сафронов. Исполнительный комитет СП «Юганскфракмастер» был утвержден в составе Г.О. Лезова и К. Хассин.

За каждое заседание Правления его членам был предусмотрен и утвержден административный гонорар в размере 1200 руб. председателю и 1000 руб. остальным членам соответственно. Эквивалент административного гонорара членам Правления с канадской стороны или другим его членам при проведении заседания в Канаде или другой стране выплачивался в свободно конвертируемой валюте. Лицам, официально приглашенным на заседание Правления, устанавливались те же размеры и условия выплаты гонорара, что и для членов Правления [10].

Принятое участниками СП соглашение предусматривало возможность включение в совместное предприятие других юридических лиц. Сумма вклада юридического лица, включаемого в предприятие, определялась в соответствии с заключаемым договором его старых и новых членов. На третьем заседании Правления «Юганскфракмастер», проходившем в канадском городе Калгари 6-9 ноября 1989 г., было оформлено участие в совместном предприятии компании «Шелл». Англо-голландская компания «Шелл Оверсиз Холдингс Лимитед» стала партнером СП с долей 24,5%. Представителем нового участника в Правление 1 ноября 1989 г. был кооптирован Т.Л.Ван Ваарт [11].

Согласно годовому бухгалтерскому отчету СП «Юганскфракмастер» за 1989 г. и пояснений к нему следует [11], что по состоянию на 1 января 1990 г. численность работников предприятия составила 216 человек: советский персонал – 199 человек и иностранный – 17.

Вклады участников в Уставной фонд СП составили от канадской фирмы «Канадиэн Фракмастер Офшор Лимитед» - 2600 тыс.инв.рублей при обя-

зательстве 2600 тыс.инв.рублей; англо-голландской компании «Шелл» – 2600 тыс. инв.рублей при обязательстве 2600 тыс. инв.рублей; ПО «Юганскнефтегаз» – 4805,5 тыс. руб. при обязательстве 5400 тыс. руб.

Западный участник внес в Уставной фонд совместного предприятия: стоимость технологии по гидроразрыву пластов в сумме 1560,0 тыс.инв.руб., стоимость комплекта оборудования для ГРП – 1228,3 тыс. инв. руб., взнос денежных средств на валютный счет – 2143,2 тыс. инв. руб., стоимость материальных ценностей (химреагенты, трубы и т.д.) – 268,5 тыс. инв. руб.

Вклад советского участника в Уставной фонд совместного предприятия составил 565 тыс. руб., взнос за стоимость гостиницы – 284 тыс. руб, за эксплуатацию транспортных средств и оборудования – 1447,5 тыс. руб., поступления на расчетный счет включали 2509 тыс. руб.

Советский участник полностью сформировал свою часть Уставного Фонда на 1 февраля 1990 г. По договоренности членов правления на его заседании, состоявшемся 6-9 ноября 1989 г. [11], было принято решение о более позднем сроке формирования советским участником Уставного фонда ввиду более раннего срока дополнительного вклада советского участника в 1990 г. по сравнению с западными партнёрами.

Предприятие начало функционировать 1 июня 1989 г. Первый гидроразрыв пластов был осуществлен 31 июля 1989 г. За 1989 г. совместным предприятием «Юганскфракмастер» было произведено 23 гидроразрыва пластов на Мамонтовском месторождении ПО «Юганскнефтегаз». Применение канадской технологии позволило получить значительный эффект интенсификации добычи нефти. С этих скважин было дополнительно получено 28845 тонн.

На 1 января 1990 г. было отгружено 22095 тонн нефти и реализовано через «Союзнефтеэкспорт» 15908 тонн (первые четыре партии нефти). За проданную нефть получено 1295 тыс.инв.руб., полная себестоимость реализованной нефти составила 1811 тыс. руб., в том числе – 1013 тыс. руб. в иностранной валюте. В результате реализации первых четырех партий нефти предприятие получило убыток в сумме 516 тыс. руб. Это связано с изменением курса валют, а также штрафом за простой вагонов. Пятая партия нефти отгружена, но к 1 января 1990 г. не оплачена и ее себестоимость составила 504 тыс.руб. Шестая партия нефти, себестоимость которой составила 651 тыс.руб. добыта, но не была отгружена. Таким образом, убыток по балансу, включающий расходы на оплату заработной платы и отчислений на социальное страхование советского и канадского персонала, сумму за-

долженности за геологоразведочные работы и кредиторскую задолженность на 1 января 1990 г. составил 636 тыс.руб.

Производственные запасы предприятия по состоянию на 1 января 1990 г. составили 5568 тыс. руб. и включали в себя: материалы на сумму 4980 тыс. руб., в том числе импортные на сумму 4908 тыс. руб., в том числе импортные на сумму 4908 тыс. руб., запасы части – на сумму 340 тыс. руб., в том числе импортные – на сумму 314 тыс. руб., топливо на сумму 23 тыс.руб., малоценные и быстроизнашивающиеся предметы на сумму 225 тыс. руб., в том числе импортные, на сумму 153 тыс. инв. руб.

Основной проблемой в деятельности СП за 1989 г. указывается плохое материально-техническое снабжение (оборудование, транспортные средства, материалы). При этом, на основании распоряжений по основной деятельности предприятия за 1989 г. было принято 13 документов «О поставке на учет в ГАИ техники СП», по которым были приняты на баланс и переданы в эксплуатацию 60 единиц техники – прицепы, по-

луприцепы, легковые и специальные автомобили «Вольво», «Форд», «Женворт», «Краз», «Камаз», «Урал», «Зил», «Газ» [12].

Для увеличения объема работ и строительства производственных объектов предприятие испытывало необходимость в получении дополнительных кредитов в твердой валюте и в рублях.

Таким образом, первым совместным предприятием в нефтегазовой отрасли СССР, созданным на территории Ханты-Мансийского автономного округа, являлось советско-канадское предприятие «Юганскфракмастер». Основу его деятельности составляло производство гидроразрыва нефтяных пластов на месторождениях ПО «Юганскнефтегаз» с целью увеличения их нефтеотдачи. По результатам проведенных работ за 1989 г., СП было осуществлено значительное увеличение объемов интенсификации добычи нефти, предполагался выход на другие производственные объединения и предприятия нефтегазового комплекса, осуществляющие свою деятельность на территории Западной Сибири.

Литература

1. Постановление Совета Министров СССР №49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран от 13.01.1987 г.
2. Голландские фирмы проявляют интерес к Советскому Союзу. Интервью с Государственным секретарем Министерства экономики Нидерландов Ивонной М.К.Т. ван Рой // Экономическая газета. 1987. № 15. Приложение. С. 2.
3. Карни Пэт. Торговля между Канадой и СССР: взаимовыгодные отношения // Экономическая газета. 1987. № 17. Приложение. С. 1.
4. Санников Андрей Григорьевич. Совместные предприятия в СССР: опыт и проблемы. С.28.
5. Л.Г.Кропотов. Очерк истории правового регулирования инвестиционной деятельности в России // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2011. Вып. 3. С. 21.
6. Т.Д.Трунилина, А.А.Коноплиник. Совместные предприятия в нефтяной промышленности России: некоторые итоги первых пяти лет новейшей истории. Экономика топливно-энергетического комплекса России. Выпуск 6. Москва, 1994. С. 6. // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2011. Вып. 3. С. 21.
7. Учредительные документы СП «Юганскфракмастер» за 1989 г. Фонд № 124, опись 1, ед. хр. № 1.
8. Годовой бухгалтерский отчет ЗАО «Юганскфракмастер». Фонд № 124, опись № 1, ед. хр. № 8.
9. Учредительные документы СП «Юганскфракмастер» за 1989 г. Фонд № 124, опись 1, ед. хр. №1.
10. Протокол №1 заседания Правления СП «Юганскфракмастер», 24-26 мая 1989 г. Фонд № 124, опись №1, ед.хр. № 2.
11. Протокол № 3 заседания Правления СП «Юганскфракмастер», 6-9 ноября 1989 г. Фонд № 124, опись № 1, ед. хр. № 4.
12. Приказы по основной деятельности предприятия за 1989 г. Фонд № 124, опись 1, ед. хр. № 6.

References

1. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR №49 «O porjadke sozdaniya na territorii SSSR i dejatel'nosti sovместnyh predpriyatij s uchastiem sovetskih organizacij i firm kapitalisticheskikh i razvivajushhihsja stran ot 13.01.1987 g.
2. Gollandskie firmy projavljajut interes k Sovetskomu Sojuzu. Interv'ju s Gosudarstvennym sekretarem Ministerstva jekonomiki Niderlandov Ivonnoj M.K.T. van Roj. Jekonomicheskaja gazeta. 1987. № 15. Prilozhenie. S. 2.
3. Karni Pjet. Torgovlja mezhdu Kanadoj i SSSR: vzaimovыgodnye otnoshenija. Jekonomicheskaja gazeta. 1987. № 17. Prilozhenie. S. 1.
4. Sannikov Andrej Grigor'evich. Sovместnye predpriyatija v SSSR: opyt i problemy.S.28.

5. L.G.Kropotov. Ocherk istorii pravovogo regulirovaniya investicionnoj dejatel'nosti v Rossii. Vestnik SPbGU. Ser. 14. 2011. Vyp. 3. S. 21.
6. T.D.Trunilina, A.A.Konopljanik. Sovmestnye predpriyatija v neftjanoy promyshlennosti Rossii: nekotorye itogi pervyh pjati let novejshej istorii. Jekonomika toplivno-jenergeticheskogo kompleksa Rossii. Vypusk 6. Moskva, 1994. S. 6. Vestnik SPbGU. Ser. 14. 2011. Vyp. 3. S. 21.
7. Uchreditel'nye dokumenty SP «Juganskfrakmaster» za 1989 g. Fond № 124, opis' 1, ed. hr. № 1.
8. Godovoj buhgalterskij otchet ZAO «Juganskfrakmaster». Fond № 124, opis' № 1, ed. hr. № 8.
9. Uchreditel'nye dokumenty SP «Juganskfrakmaster» za 1989 g. Fond № 124, opis' 1, ed. hr. №1.
10. Protokol №1 zasedanija Pravlenija SP «Juganskfrakmaster», 24-26 maja 1989 g. Fond № 124, opis' №1, ed.hr. № 2.
11. Protokol № 3 zasedanija Pravlenija SP «Juganskfrakmaster», 6-9 nojabrja 1989 g. Fond № 124, opis' № 1, ed. hr. № 4.
12. Prikazy po osnovnoj dejatel'nosti predpriyatija za 1989 g. Fond № 124, opis' 1, ed. hr. № 6.

*Prishchepa A.I., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Usmonov A.G., Postgraduate,
Surgut State University*

Yuganskframaster - the first joint venture of the USSR oil and gas industry in the Khanty-Mansiysk Okrug

Abstract: the article is devoted to the issues of organization and activity of joint ventures with the participation of foreign companies on the territory of the USSR. The prerequisites that initiated radical changes in the foreign economic activity of the Soviet Union are considered.

Particular importance is given to the development of new forms of economic cooperation, in particular, the expansion of investment activities, the development of industrial, scientific and technical cooperation. Creation of a joint venture implies organization of the corresponding economic unit on the basis of equity participation of partners, joint management and control over the production activity of the enterprise and distribution of profits and risks associated with its operation. The presented material makes it possible to demonstrate the prevalence of economic interests of the USSR over political ones.

The article reveals the reasons and prerequisites for the creation of a joint Soviet-Canadian enterprise on the basis of an agreement between the founders – the Soviet production association «Yuganskneftegaz» and the Canadian company «Canadien Frakmaster Offshore Limited», gives a brief analysis of its activities in 1989, indicates the number of employees, their labor activity, aimed at improving production efficiency, the volume of oil and its sales for export, provides a classification of joint ventures in the oil and gas industry in 1989-1993.

In the course of the study the archival materials of the history of development of the pioneer of the Soviet-Canadian cooperation – enterprise «Yuganskfrakmaster» were introduced into the scientific turnover for the first time.

The authors made an attempt at political and economic analysis of the content, the main regularities of the emergence and trends in the development of the joint venture. The initial analysis of the enterprise as a form of interaction of several capitals allowed to reveal its role in the mechanism of reproduction of monopolistic capital, to reveal the internal nature and economic content of the relations that develop between the partners.

Keywords: Yuganskneftegaz, production association, joint ventures, oil and gas industry, investments, Yuganskfrackmaster, oil, export, Khanty-Mansiysk okrug

For citation: Prishchepa A.I., Usmonov A.G. Yuganskframaster - the first joint venture of the USSR oil and gas industry in the Khanty-Mansiysk Okrug. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 176 – 180.

Received: June 17, 2023; Revised: July 9, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Хаяров Д.Г.,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Сычева Т.Ю.,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Сотникова Е.В.,
Ступина Н.С.,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий*

Молодежная террористическая деятельность в российском обществе во второй половине XIX века

Аннотация: статья посвящена анализу социально-политических и экономических блоков проблем, связанных с появлением терроризма во время реформ второй половины 19 века в Российской империи. Молодежный терроризм 1860-80-е гг. стал важным революционным моментом в ходе исторического развития России и всего мира. В описываемое время в стране сложилась обстановка, в которой выявились основные политические силы со стороны разных сословий, сложилось новое мировоззрение, появились новые социальные группы и классы. Главной целью революционных террористов была смена власти в России. Большинство из них подразумевали под сменой власти смену самого социально-политического строя. Такими были и террористы-народники, в том числе и народовольцы. Свою идеологию они строили на представлении о крестьянской общине, как об основной ячейке будущего социалистического общества. Научный интерес к изучению терроризма в российской интеллектуальной среде связан с обострением и возрождением забытых человеконенавистнических форм борьбы за изменения окружающей социальной действительности. В статье предпринята попытка на исторических примерах проанализировать терроризм как одно из проявлений экстремизма. Анализируя истоки появления экстремизма и терроризма, особенно среди подрастающего поколения, следует отметить, что большое внимание необходимо уделять работе с молодежью, повышать уровень жизни населения, чем пренебрегало государство в историческом прошлом.

Ключевые слова: крестьянский вопрос, молодежь, реформа, терроризм, экстремизм, деструктивность

Для цитирования: Хаяров Д.Г., Сычева Т.Ю., Сотникова Е.В., Ступина Н.С. Молодежная террористическая деятельность в российском обществе во второй половине XIX века // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 181 – 184.

Поступила в редакцию: 15 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июля 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Введение

Научная междисциплинарная экспертная тревожность обращения к истокам дестабилизирующих вызовов актуализировано пиковыми опасностями существующих в нашем цивилизационном пространстве и нависающими пограничными ментальными вызовами возрождения утраченных антигуманных концепций в мировой людской среде обитания.

Тектонический скачок генерации электронных машин с элементами искусственного интеллекта внутри систем человеческой жизнедеятельности последнего пятилетия привело к шокирующей разбалансировке устоявшегося после второй мировой войны относительного гуманного человеческого бытия и проявилось в лишении доступности различных групп населения к качественным жизненным ресурсам, нарастающему делению по материальным критериям значительной массы общемирового социума. Системный тупик мультикультурализма, появление новых изолированных стран в международной политической среде при-

вело к потенциально опасному росту болезненных пиковых ситуаций социального напряжения и разрушения устоявшихся гуманитарных норм и правил приемлемой сбалансированной человеческой жизнедеятельности. Современные развитые страны, понимая существование проблемы терроризма будут искать пути решения этой сложной политической и социальной болезни человечества.

Методы и материалы

Научный инструментарий работы опирается на методологическом принципе историко-психологического сравнительного изучения проблем терроризма через использование таких категорий, как: отклоняющееся поведение, адаптация, пограничное настоящее.

Результаты

В 1860-х гг. XIX в. началась череда реформенных изменений, ломающих привычный образ жизни в Российском государстве. Перемены – болезненные, мрачные, радостные, апокалиптические – по-разному воспринимались различными социальными слоями населения. Молодые городские жи-

тели царской России – романтично убыстряли события, планируя, чтобы уже завтра в отчизне наступила эпоха социальных изменений и создания государства равных возможностей, равенства и братства. Ментальная граница, отделяющая страну от «мрачного старого периода», отмечена событиями войны за полуостров Крым, смерти царствующих особ и необходимостью реформирования государства.

Оскорбительное унижение окончания Крымского конфликта предвещал трагический конец присутствия Российской империи как ведущей мировой военной и экономической державы. Решение крестьянского вопроса продолжало находиться в сложном клубке неразрешенных социальных и экономических проблем.

Следует отметить, что терроризм как деструктивное порождение, появившиеся в Имперской России во второй половине XIX в., имеет рельефно глубокие и противоречивые исторические корни и необходимо выделить три этапа террористической деятельности в нашем прошлом:

1. «Переломные реформы» и революционное студенчество;
2. 1877-1881 гг.: неприкрытая деятельность молодежных групп против самодержавного режима;
3. 1905-1907 гг.: террористический бунт против жандармерии в Москве и Петербурге.

Сравнительно небольшой временной период реформирования жизнеустройства нашего Отечества во время аграрно-крестьянской реорганизации 1861 г. остается непростым противоречивым периодом в анализе истории преобразований перестроенного государства. Многие десятилетия исследователи различных научных направлений через комплексные междисциплинарные инновационные разработки стараются исследовать этот временной отрезок времени, вычленив главные социально-политические болезненные места функционирования империи, обнаружить логическую связь между эпохами. Длительное время существует родственное сближение терминов экстремизм и терроризм. В работе применяется современный, принятый в научной среде термин терроризм – политика, основанный на систематическом применении террора [1]. В исследованиях используются следующие вариации терроризма: национальный, религиозный, государственный, индивидуальный и т.д.

В исследуемый период в России существовал нависающий комплекс проблем и вопросов: крестьянский, ущемление прав диаспор, конфессиональный, отсутствие развитого гармоничного сообщества граждан, сословная дисгармония, технологическая отсталость в конкурентном кластере, незрелость рынка труда, массовая полуголодная

жизнь перед порогом физиологического выживания, прежде всего, среди рабочих массовых специальностей и крестьян. В исследовании предпринята попытка рассмотреть в другом ракурсе истоки молодежного терроризма – через описание примеров повседневной жизни, а не через анализ известных политических убийств и восстаний в революционной художественной литературе. Основной социальной базой молодежного терроризма было студенчество в императорских университетах, находившихся в Европейской части Российской империи. Высшее университетское образование, как правило, получали только молодые мужчины. Обучающиеся в этих учебных заведениях представляли весь спектр социальных сословий и имели психологические, генетические и социальные корни с русским крестьянским миром. В основной массе многие люди впервые в своих родах и династиях подняли свой стратификационный статус. Впервые стали жить в крупных городах страны и у них шла мучительная адаптация к новой среде обитания.

Описание реальной повседневной жизни студентов можно встретить у известного московского писателя-краеведа В.А. Гиляровского, который отмечал: «Молодые студенты в большинстве происходили из сельских и городских бедняков, из разночинных семей, не знавших богатой жизни, и жили в «Латинском районе» среди разночинного думающих о хлебе завтрашнем и духовном и социальном обновлении православного мира. Зарождалась горькая обида на образованных людей. Разночинец и по материальному уровню, и по духовным ощущениям чувствовал свое противоречие с привычным укладом жизни народа, в котором созрел нигилизм». У студентов на четыре человека нередко было две пары простой обуви и две пары верхней одежды, что определяло своеобразную очередь: сегодня двое присутствуют на занятии, а двое других в квартире сидят, завтра они пойдут на учебу. Питание было нерегулярное, без горячей пищи. Студент Петровской академии А. Сергиевский, обвиненный по Каракозовским событиям, на обычный вопрос охраны, постоянно говорил: «У исповеди и Св. причастия бываю ежегодно, кроме нынешнего года по неимению сапог и за дальностью церкви» [2].

У студенческой молодежи были популярны утопические планы создания рая на земле, заимствованные у интеллектуалов Вольтера и Ж.Руссо, которых читала Екатерина II. Нигилисты искали место человеческих мучений в ужасном несовершенстве системы общественной жизни, устранение которых приведет к справедливому делению материальных богатств.

Огромная известность Н.Чернышевского у студенческой молодежи достаточно общеизвестный признанный факт. Молодое пассионарное поколение 1860-х годов, жило с таким лозунгом: «Было три великих человека на земле: Иисус, святой Павел и революционер Чернышевский», достаточно широко известных у отечественных литературоведов и историков.

Формировался социальный облик и новый психологический тип представителей пассионарно-революционной молодежи в России. Нигилизация молодежи 1860-х годов определялась как революционная модернизация интеллектуальных и моральных представлений. Она содержала в себе не только отрицание. Люди искали истину, основанную на знании и верили в торжество разума, а в не отмирающие морально-церковные парадигмы. Сложные внутренние и внешние проблемы, стоящие перед государством создавали у университетской молодежи состояние отрешенности и тревожности. Многие из них видели, как их сверстники из числа бывших крестьян стали пополнять ряды нового рабочего класса на частных и государственных предприятиях в крупных населенных пунктах, где их ждали новые беспросветные проблемы в виде длительных смен по 15–17 часов, малолетний труд, полуголодное существование, нищенская стоимость рабочего труда. Российская империя в этот период занимается в основном внешними политическими задачами, разносторонне оказывает содействие Болгарии и Югославии и ведет перманентные боевые действия с турками. Происходит военное и религиозно – миссионерское проникновение в Среднюю Азию. Требуются инвестиции для возведения протяженной линии железных дорог. В это время начинается наивысший рассвет террористической деятельности недовольной порядками в стране молодежи, прежде всего студентов императорских университетов. Мир русской деревни был традиционно духовно и экономически связан со всеми социальными страданиями населения.

В соответствии с новейшими терминологическими трактовками слова «терроризм» в 1862 г. гражданином П.Г. Заинчевским в Москве была декларирована письменная записка с воззванием свергнуть самодержавную власть. Создатель политического обращения «Молодая Россия», распространялась на улицах столицы [3].

В документе впервые в истории Российского государства физическое устранение человека из власти признавалось приемлемым и одобряемым в обществе. Главной целью был царь. Иррациональная мысль устранения православного царя – помазанника божьего в реалиях православного религиозного мира становилась ужасной девиантной необратимостью в террористическом функционировании нигилисткой студенческой среды в 1860-1870 гг. Подобного рода воззвания были восприняты с юношеским романтичным озарением экстремистской и террористической студенческой молодежью из разночинных и высшей прослойки населения [4].

Обсуждение

Значительная группа деятелей интеллектуального молодежного студенчества, которая участвовала в незаконной подрывной деятельности, прибывала, на наш взгляд, в состоянии расстройств условного заражающегося психического расстройства, предшествующего аномии. В современном понимании аномия – это социальное состояние, определяемое уничтожением или разрушением каких-либо моральных ценностей, стандартов поведения или указаний для индивидов [5]. Элементы и крайние формы адаптации молодежи к новым социальным реалиям, и проявление террористической деятельности можно трактовать как одну из сторон человеческой деструктивности, описанную Э. Фроммом [6]. Современная молодежь, оказываясь на пороге глобальных социальных изменений в обществе попадает под влияние различных деструктивных влияний (наркотики, деиндустриализация и нестабильность экономики, неустойчивая занятость, политическая отстраненность и т.п.), что обуславливает необходимость организации масштабной целенаправленной работы по организации антитеррористической и анти-экстремистской деятельности в молодежной среде [7].

Заключение

Решение проблем терроризма и экстремизма мировым сообществом находится в цивилизационном тупике. Россия прошла в своей истории массу войн и социальных экспериментов. Опыт борьбы с терроризмом в российском историческом прошлом актуален в настоящее время для органов правопорядка и системы среднего и высшего образования.

Литература

1. Большой толковый социологический словарь. Collins / Гл. ред. Д. Джерри. М.: Вече.Акт, 1990. Т. 2. С. 341.
2. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Наука, 1979. С. 50.
3. Будницкий О.В. Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX-начало XX века). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 399 с.

4. Хаяров Д.Г. Экстремистские точки напряжения в российском обществе во второй половине XIX века. Актуальные вопросы образования. Паритет традиционного и цифрового образования в вузе: приоритеты, акценты, лучшие практики: сборник материалов Международной научно-методической конференции в 3 ч. (Новосибирск, 2-4 марта 2022 г.). Новосибирск: СГУГиТ, 2022. Ч. 2. С. 27.
5. Громов И.А., Мацкевич И.А. Семёнов В.А. Западная социология. СПб., 2003. С. 531.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. С. 6.
7. Беляева Л.А. Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 19 – 32.

References

1. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar'. Sollins. Gl. red. D. Dzherri. M.: Veche.Akt, 1990. T. 2. S. 341.
2. Giljarovskij V.A. Moskva i moskvichi. M.: Nauka, 1979. S. 50.
3. Budnickij O.V. Terrorizm v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologija, jetika, psihologija (vtoraja polovina XIX-nachalo XX veka). M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2000. 399 c.
4. Hajarov D.G. Jekstremistskie tochki naprjazhenija v rossijskom obshhestve vo vtoroj polovine XIX veka. Aktual'nye voprosy obrazovanija. Paritet tradicionnogo i cifrovogo obrazovanija v vuze: prioritety, akcenty, luchshie praktiki: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii v 3 ch. (Novosibirsk, 2-4 marta 2022 g.). Novosibirsk: SGUGiT, 2022. Ch. 2. S. 27.
5. Gromov I.A., Mackevich I.A. Semjonov V.A. Zapadnaja sociologija. SPb., 2003. S. 531.
6. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. Avt. vstup. st. P.S. Gurevich. M.: Respublika, 1994. S. 6.
7. Beljaeva L.A. Rossijskaja molodezh' v jepohu peremen: strukturnye izmenenija i novye vyzovy politicheskoy socializacii. Voprosy filosofii. 2020. № 10. S. 19 – 32.

*Khayarov D.G.,
Siberian State University of Geosystems and Technologies,
Sycheva T.Yu.,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Sotnikova E.V.,
Stupina N.S.,
Siberian State University of Geosystems and Technologies*

Youth terrorist activities in Russian society in the second half of the 19th century

Abstract: the article is devoted to the analysis of socio-political and economic blocks of problems associated with the emergence of terrorism during the reforms of the second half of the 19th century in the Russian Empire. The youth terrorism of the 1860s-80s became an important revolutionary moment in the course of the historical development of Russia and the whole world. At the time described, a situation developed in the country in which the main political forces from different classes emerged, a new worldview developed, new social groups and classes appeared. The main goal of the revolutionary terrorists was the change of power in Russia. Most of them meant by the change of power the change of the socio-political system itself. Such were the narodnik terrorists, including the Narodnaya Volya. They built their ideology on the idea of the peasant community as the basic unit of the future socialist society. The scientific interest in the study of terrorism in the Russian intellectual environment is associated with the aggravation and revival of forgotten misanthropic forms of struggle for changes in the surrounding social reality. The article attempts to analyze terrorism as one of the manifestations of extremism using historical examples. Analyzing the origins of extremism and terrorism, especially among the younger generation, it should be noted that much attention should be paid to working with young people, to improve the standard of living of the population, which the state neglected in the historical past.

Keywords: peasant question, youth, reform, terrorism, extremism, destructiveness

For citation: Khayarov D.G., Sycheva T.Yu., Sotnikova E.V., Stupina N.S. Youth terrorist activities in Russian society in the second half of the 19th century. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 181 – 184.

Received: June 15, 2023; Revised: July 9, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Сотникова Е.В., кандидат исторических наук, доцент,
Хаяров Д.Г., кандидат исторических наук, доцент,
Макаренко Н.Н., старший преподаватель,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий*

Социокультурные аспекты освоения Сибири в XVII веке

Аннотация: целью данного исследования является анализ особенностей освоения Сибири в XVII веке в рамках ретроспективной динамики социокультурного развития. В статье систематизированы имеющиеся исторические данные о формах заселения Сибири, выявлены особенности направлений хозяйственного освоения Сибири в XVII веке. Актуальным представляется системное изучение социокультурной истории Российского государства для определения особенностей регионального развития в условиях современной геополитики, для понимания общемирового цивилизационного развития. Возможность дальнейшего практического применения результатов исследования определяется актуальностью новой Концепции преподавания Истории России в образовательных организациях высшего образования, в которой одним из существенных аспектов исторического знания названа история региональная. Внимание к прошлому своего региона важно для формирования исторического сознания студентов, воспитания общегражданской идентичности и патриотизма.

Ключевые слова: Сибирь, переселение, категория населения, служилые люди, промысел, культура, епархия

Для цитирования: Сотникова Е.В., Хаяров Д.Г., Макаренко Н.Н. Социокультурные аспекты освоения Сибири в XVII веке // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 185 – 189.

Поступила в редакцию: 3 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 24 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Для характеристики исторического расширения территории России на восток современные ученые чаще используют термин «колонизация Сибири», включающий в себя процессы заселения, хозяйственного освоения, присоединения новых земель. Русский историк XIX века В.О. Ключевский характеризовал историю России как историю страны, которая «колонируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [1, с. 26]. На наш взгляд, понятие колонизации, скорее, характеризует западные цивилизационные процессы. В русском языке «освоение», согласно Толковому словарю В. Даля, означает «сделать своим, обычным, обиходным» [2, с. 594.]. Данный термин в нашем исследовании можно соотнести с реализацией определенных жизненных ценностей на новом месте.

Первые исследователи освоения Сибири С.У. Ремезов, И.Л. Черепанов использовали устные предания, сибирские летописи, некоторые государственные акты. В трудах философа, публициста, историка-сибиряка А.П. Щапова решающим в освоении Сибири определена вольнонаемная колонизация, в том числе ее нелегальная форма [3]. Сибирский областник Н.М. Ядринцев указывает на то, что прочное освоение Сибири дала только земледельческая вольная народная колонизация,

правда, вывод этот делает без документального обоснования [4, с. 411]. Миграционные потоки русских на Енисей В.А. Александров рассматривает и как промысловое, и как крестьянское земледельческое освоение [5].

Покорение Сибири сопровождалось массовым переселением русских людей в Сибирь. Земля сибирская, согласно царскому указу, считалась «государевой вотчиной». Перемещение российских людей в восточные районы как в XVII веке, так и в последующее время, можно назвать «государственной мобилизацией» для решения поставленных задач – заселения новых территорий и извлечение доходов государству с богатой окраины.

В XVI-XVII вв. заселение Сибири проходило в трех основных формах – вольное переселение, государственный перевод и ссылка.

Вольное переселение – легальное переселение (с разрешения властей), которого придерживалось большинство вольных переселенцев, и нелегальное переселение (беглые крестьяне, холопы и т.п.). Основную массу вольных переселенцев составляли крестьяне. Государственному переводу «на вечное житие» в Сибирь по царским указам подлежали служилые люди и крестьяне.

Сибирь стала местом ссылки преступников, а также военнопленных иностранцев (в XVII в. в России существовала практика невозвращения военнопленных, которые были вынуждены начинать

новую жизнь в местах своего скопления). Первыми ссыльными в 1592 г. стали участники событий, связанных с гибелью царевича Дмитрия в Угличе (1591). Таким образом, история сибирской ссылки началась до того, как первопроходцы вышли к Тихому океану. Существовало три вида ссылки – «в службу», «в посад», «в пашню».

Благодаря активной переселенческой политике, русское население Сибири стабильно росло. К началу XVIII в. население Сибири насчитывало около 500 тыс. человек, при этом русских было более 300 тыс. Вместе с тем, русские заселяли Сибирь крайне неравномерно. Около 80% из них проживало в Западной Сибири.

Русское население Сибири делилось на три основные социальные группы: «тяглые люди», «гулящие люди» и «служилые люди».

«Тягло» – государственные налоги и повинности в пользу государства – обязаны были отбывать крестьяне, посадские люди, промышленники. Основной категорией русского населения Сибири к концу XVII в. являлись крестьяне, составлявшие более 50% его численности. Сибирские крестьяне делились на чернососных и монастырских. Чернососные крестьяне (87% от всех крестьян) были лично свободны и несли «тягло» в пользу государства. Они подразделялись на пашечных и оброчных. Пашечные крестьяне обрабатывали так называемую «государеву десятину», а оброчные платили ежегодный денежный или натуральный оброк – 40 алтын (1 рубль 20 копеек) или 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса с каждой мужской души [6, с. 214]. Монастырские крестьяне селились на землях монастырей и находились в зависимости от них. Помимо своего основного занятия все сибирские крестьяне несли различные повинности – участие в казенном строительстве, перевозка грузов, посыл служилых людей.

В Сибири XVII в. посадское население городов занималось преимущественно земледелием и несло «посадское тягло», которое фактически никак не регламентировалось. Посадские были обязаны делать все, что сочтет нужным местный воевода – строительство, ремонт, изготовление предметов и продуктов и т.п.

Категорию промышленников составляли люди, занимавшиеся промыслом пушного зверя и платившие налоги в пользу государства, размеры которых сильно колебались. К концу XVII в. эта категория населения сильно сократилась в связи с упадком соболиного промысла. Часть промышленников вернулась в Россию, часть осела в Сибири и перешла в категории крестьян, посадских и «служилых людей».

Пришедшие в Сибирь по собственной воле «гулящие люди», юридически свободные,

бездворные, занимались чем придется. Государство стремилось определить их «в службу» или «в тягло».

Служилые люди состояли на государственной службе: несли военную службу и собирали ясак. Кроме того, служилые люди занимались охраной торговых путей, караванов, складов, государственных учреждений, конвоированием ссыльных и т.п. они были обязаны нести в случае необходимости различные повинности, связанные, например, со строительством. За службу получали жалование денежное, хлебное и соляное. Так, рядовым полагалось в год 4-8 рублей денежного жалования, 30-50 пудов овса или ржи, 1-2 пуда соли [7, с. 119]. Основную часть служилых людей Сибири составляли казаки, делившиеся на «пеших» (большинство) и «конных».

Особую категорию служилых людей составляли дети боярские, являвшиеся их высшей иерархией. В дети боярские жаловали за особые заслуги, независимо от должности. Они занимали ответственные посты – приказчики, начальники гарнизонов, иногда воеводы, а также выполняли ответственные поручения (командование военными и охранными экспедициями, разведка новых земель, дипломатические функции) Из их среды назначались казачьи атаманы и стрелецкие головы (полковники). С 1684 г. детям боярским стали жаловать дворянское звание (так называемые «сибирские дворяне»).

В хозяйственном освоении Сибири XVII века выделим следующие направления.

1. Земледелие. Важнейшим по значимости занятием русского населения в Сибири стало земледелие. Без его развития покорение и освоение Сибири были невозможны, поскольку именно его продукты составляли основной пищевой рацион русских. Земля предоставлялась крестьянам в пользование из расчета 4 к 1. На каждые четыре десятины (десятина равна 1,09 га), данных крестьянину в пользование, полагалась одна «государева десятина», которую крестьянин был обязан обрабатывать и весь урожай с которой шел государству. Крестьяне выращивали ячмень, пшеницу, просо, репу, капусту, морковь. На первые год крестьян освобождали от повинностей. Им также выдавались денежные ссуды для обустройства, и оказывалась помощь продуктами. Размеры суд были различны: от 10 рублей в Верхотурском уезде на самом западе Сибири до 30 рублей в Ленском разряде [8, с. 98].

В XVII веке земледелие в Сибири распространялось с запада на восток по долинам рек Тура, Тобол, Иртыш, Обь, Кеть, Енисей, Ангара, Илим, Лена, Шилка, Аргунь, Амур. В результате активного развития земледелия Сибирь в 1685 году пе-

решла на самообеспечение основными продуктами питания.

2. Промыслы. Важнейшими промыслами в Сибири стали пушной, рыбный и соляной. Русские промышленники, в основном выходцы с русского Севера, применяли навыки артельной организации (до 40 человек), с ловушками, использованием собак в пушном промысле, большие неводы до 100 сажень в длину – в рыбном. В XVII веке из Сибири вывозилось до 150 тысяч шкурок соболя в год, стоимость которых варьировалась от 2 до 500 рублей. Само снаряжение промысловика было недешевым – около 20-30 рублей, многие промысловики были наемными и снаряжались на средства купцов. Для сравнения, годовой оклад стрельца составлял в среднем 5 рублей [9].

3. Строительное дело. В конце XVI в. и в XVII в. Основным способом продвижения русских в Сибири становится строительство острогов. Из 150 острогов-крепостей к началу XVIII века в сибирские города превратились 20: Тюмень, Тобольск, Сургут, Якутск, Иркутск и др.

Помимо острогов появились большие деревни – слободы и маленькие, в несколько дворов, малодворки. Из дерева, как основного строительного материала, сооружали административные здания, церкви, хозяйственные постройки и, конечно, речные суда – средства передвижения по Сибири. Вместо чумов, полуземлянок землепроходцы строили избы, а при них – обязательно бани, которых местные аборигены не знали до прихода русских.

С конца XVII в. началось каменное строительство. Возведенный в Тобольске в 1686 году Софийский собор стал первым каменным сооружением в Сибири.

Развитие торговых отношений между европейской частью России и Сибирью – немаловажный фактор в хозяйственном освоении. В 1597 году были учреждены таможи на границах Сибири, а также между ее разрядами в Тобольске, Верхотурье, Иркутске, Нерчинске. Таможенная пошлина в размере от 5 до 10% от стоимости ввозимых товаров приводила к удорожанию их в самой Сибири, в то же время способствовала развитию местного ремесла, ослабляя зависимость от привозных товаров. Внутренние таможи были упразднены в 1687 году. Если в начале XVII в. в Сибирь из России ввозили 386 наименований товаров, то в конце века только 170 [10, с. 72].

Следует отметить, что в освоении Сибири большое значение имела деятельность Русской православной церкви. В 1620 г. была учреждена Сибирская епархия с центром в Тобольске, архиереем которой стал Киприан Старорусенников (г. рожд. неизвестен – 1635). О его происхождении и

молодых годах жизни сведений не сохранилось. В 1611 г. Киприан был архимандритом (настоятелем) Новгородского Спасского монастыря. Ездил в Швецию на переговоры о шведской интервенции в Новгород, был арестован, подвергался пыткам «за твердость, с которой отстаивал интересы родины». В 1620 г. был посвящен в сан архиепископа Сибирского и возглавил одноименную епархию. В Сибири пытался поднять нравственный уровень русского аборигенного населения, вел борьбу с лихоимством воевод, основал три новых монастыря и две слободы. В 1621 г. Киприан приказал обыскать и собрать уцелевших участников похода Ермака и записать их рассказы, чем положил начало изучению сибирской истории. В 1624 г. Старорусенников был отозван из Сибири в Москву и за заслуги в ее освоении в 1625 г. посвящен в сан митрополита, с 1627 г. стал митрополитом в Новгороде [11, 138-142].

В XVII в. перед Сибирской епархией стояло три важных задачи:

1) Исполнение церковных служб и обрядов. С этой целью строились храмы и монастыри. К концу XVII в. в Сибири насчитывалось 37 монастырей и 200 церквей.

2) Повышение нравственного и культурного уровня сибиряков. В докладной записке Киприан указывал на следующие обстоятельства: «Народ в пьянстве бьется и режется безнаказанно. При собирании ясака с инородцев сборщики лихоимствуют, посты не соблюдаются, в брак вступают без благословения церкви». Церковь пыталась бороться с пороками с помощью проповедей и просветительства. Духовенство, как наиболее образованный слой населения, обучало детей сибирского населения (в том числе аборигенного) при церквях и монастырях.

В Тобольске при архиерейском доме была создана первая в Сибири библиотека. Она насчитывала 77 книг. Помимо религиозных, в ней находились книги по медицине, истории, учебник грамматики «Азбуковник» [12, с. 58].

3) Распространение христианства среди сибирских народов. В XVII в. в реализации этой задачи, несмотря на усилия православных миссионеров, успеха достигнуто не было. Причиной тому стало незнание языков аборигенного населения, сила и влияние шаманизма. Именно православные миссионеры первыми стали изучать сибирские народы, их быт, обычаи и верования.

В XVII в. монастыри давали крестьянам в пользование землю на условиях обработки монастырской земли, тем самым церковь участвовала в хозяйственном освоении Сибири. Так, Вознесенский монастырь к концу XVII в. основал Введенскую и Баклашинскую слободы на реке Иркут и Бадос-

скую слободу на реке Белая [13, с. 98]. Кроме земледелия монастыри занимались строительством, соляным и рыбным промыслами, используя наемный труд.

Патриотизм, дух предпринимательства – основные движущие силы покорения Сибири. Невероятной трудности работу землепроходцев характеризует писатель Валентин Распутин в историческом очерке «Сибирь без романтики»: «Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжёлые грузы, ... не ведая, что ждёт их завтра и послезавтра, они шли всё вперёд и вперёд, всё дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи «расспросных речей», и опыт общения с туземцами, и пашни, и просто затеи, указывающие путь, – для них же всё было впервые, всё представляло неизведанную и опасную новизну» [14, с. 113].

Таким образом, освоение Сибири в XVII веке мы рассматриваем как своеобразный феномен российских цивилизационных процессов. Московское государство прирастало и территориально, и экономически. К концу XVII в. в экстремальных климатических условиях была создана земледельческая система, обеспечивавшая хлебом все население Сибири. Сибирская пушнина поднимала политический вес государства.

В результате освоения Сибири в XVII веке ускорились процессы этнического изменения коренного сибирского населения за счет начавшейся ассимиляции его русскими и взаимоассимиляции.

Русское православие способствовало распространению российской цивилизации вширь, «оно обращало в свою веру многочисленные народы, вливающиеся в ее состав, несло им европейскую культуру и христианскую нравственность, прививая чувство духовности, любви к ближнему, взаимопомощи, милосердия. В ходе колонизации необъятных просторов цивилизации коренные народы, живущие на ее окраинах, не уничтожались, а включались в ее состав, даже в элиту общества. Эти качества, свойственные Российской цивилизации, прошли через века, способствовали ее консолидации и авторитету» [15, с. 66].

Московское государство превращалась в великую державу – не колониальную империю, а унитарное государство, специфическую культуру, объединив на огромной территории этносы и народы для их дальнейшего развития в составе российской цивилизации.

Обобщая вышесказанное, отметим, что освоение Сибири, движение на восток казачьих отрядов, крестьян-землепроходцев, научных экспедиций, носило достаточно целенаправленный характер. И в современных условиях, в XXI веке, подтверждается исторический принцип, что территория превращается в ценность в том случае, если дополняется социокультурным и экономическим результатом.

Литература

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2021. 1197 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 780 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-o/> (дата обращения: 10.06.2023)
3. Кабанов П.И. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Щапова. М., 1954. 89 с.
4. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI-XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.
5. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
6. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. 317 с.
7. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1988. 254 с.
8. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М., Л., 1946. 228 с.
9. Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н. «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 157 – 170.
10. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 196 с.
11. Подвижники, борцы и страдалцы за Веру Православную и Землю СвятоРусскую / сост. М.Е. Едлинский. М., 2008. 362 с.

12. Пузанов В.Д. Русское государство и миссионерство православной церкви в Сибири XVII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6-2. С. 56 – 59.
13. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2012. 321 с.
14. Распутин В.Г. Сибирь без романтики / Сибирь, Сибирь... М.: Издатель Сапронов, 2007. 576 с.
15. Алексеев В.В. и др. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII-XX вв.: пространственно-временной аспект: монография. Екатеринбург, 2011. 384 с.

References

1. Kljuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome. M.: Al'fa-kniga, 2021. 1197 s.
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. M.: Russkij jazyk, 1999. T. 2. 780 s. [Jel'ektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikoruskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-o/> (data obrashhenija: 10.06.2023)
3. Kabanov P.I. Obshhestvenno-politicheskie i istoricheskie vzgljady A.P. Shhapova. M., 1954. 89 s.
4. Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. Aziatskaja Rossija v geopoliticheskoj i civilizacionnoj dinamike. XVI-XVIII veka. M.: Nauka, 2004. 600 s.
5. Aleksandrov V.A. Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Enisejskij kraj). M.: Nauka, 1964. 303 s.
6. Bahrushin S.V. Puti v Sibir' v XVI-XVII vv. Bahrushin S.V. Nauchnye trudy. M., 1955. T. 3, ch. 1. 317 s.
7. Nikitin N.I. Sluzhilye ljudi v Zapadnoj Sibiri XVII v. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otделение, 1988. 254 s.
8. Shunkov V.I. Oчерки po istorii kolonizacii Sibiri v XVII – nachale XVIII v. M., L., 1946. 228 s.
9. Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V., Shumkin G.N. «Volny» kolonizacionnoj aktivnosti v processe osvoenija vostochnyh regionov Rossii (XVI – nachalo XX vv.). Istoricheskij kur'er. 2019. № 6. S. 157 – 170.
10. Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. Sibir', konec XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov. Novosibirsk: Sova, 2005. 196 s.
11. Podvizhniki, borcy i stradal'cy za Veru Pravoslavnuju i Zemlju SvjatoRusskuju. sost. M.E. Edlinskij. M., 2008. 362 s.
12. Puzanov V.D. Russkoe gosudarstvo i missionerstvo pravoslavnoj cerkvi v Sibiri XVII v. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2016. Т. 8. № 6-2. С. 56 – 59.
13. Leont'eva G.A. Sluzhilye ljudi v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XVII – pervoj chet-verti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uездov). M.: Izd-vo Mosk. ped. gos. un-ta, 2012. 321 s.
14. Rasputin V.G. Sibir' bez romantiki. Sibir', Sibir'... M.: Izdatel' Sapronov, 2007. 576 s.
15. Alekseev V.V. i dr. Civilizacionnoe svoeobrazie rossijskih modernizacij XVIII-XX vv.: prostranstvenno-vremennoj aspekt: monografija. Ekaterinburg, 2011. 384 s.

*Sotnikova E.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Khayarov D.G., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Makarenko N.N., Senior Lecturer,
Siberian State University of Geosystems and Technologies*

Sociocultural aspects of the exploration of Siberia in the XVII century

Abstract: the purpose of this study is to analyze the peculiarities of the development of Siberia in the 17th century within the framework of retrospective dynamics of socio-cultural development. The article systematizes the available historical data on the forms of settlement of Siberia, identifies the features of directions of economic development of Siberia in the 17th century. Relevant appears to be a systematic study of the socio-cultural history of the Russian state to determine the features of regional development in the modern geopolitics, to understand the global civilizational development. The possibility of further practical application of the results of the study is determined by the relevance of the new Concept of teaching the History of Russia in educational institutions of higher education, in which one of the essential aspects of historical knowledge is called the regional history. Attention to the past of the region is important for the formation of historical consciousness of students, education of civic identity and patriotism.

Keywords: Siberia, resettlement, population category, service people, craft, culture, diocese

For citation: Sotnikova E.V., Khayarov D.G., Makarenko N.N. Sociocultural aspects of the exploration of Siberia in the XVII century. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 185 – 189.

Received: June 3, 2023; Revised: June 24, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Суровегина Е.С.,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина*

Социалистическое соревнование в промышленности Горьковской области в годы восьмой пятилетки

Аннотация: в данной статье автором были рассмотрены особенности работы трудовых коллективов предприятий города Горького в условиях социалистического соревнования, являвшегося огромным мобилизирующим средством и обеспечивающим постоянное совершенствование производства на основе высоких достижений техники. Целью представленного исследования является анализ основных направлений развития соцсоревнования в годы восьмой пятилетки (1966-1970 гг.). Для этого автором был сформулирован ряд задач, которые позволяют реализовать поставленную цель. В частности: проследить историю развития и становления социалистического соревнования в стране, определить основные направления соцсоревнования на предприятиях города Горького, рассмотреть возможные варианты наград как материальных, так и моральных за победу в том, или ином конкурсе социалистического соревнования, а также проанализировать вклад соцсоревнования в развитие промышленности Горьковской области.

Данная работа позволяет исследовать влияние соцсоревнования на микроуровне, что, безусловно, углубляет наши представления об экономическом развитии региона. Материал статьи может быть с успехом использован при изучении развития промышленности города в указанный период.

Ключевые слова: социалистическое соревнование, восьмая пятилетка, г. Горький, промышленность, материальное и нематериальное стимулирование, трудовые коллективы, эффективность

Для цитирования: Суровегина Е.С. Социалистическое соревнование в промышленности Горьковской области в годы восьмой пятилетки // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 190 – 195.

Поступила в редакцию: 1 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 24 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Сегодня основное внимание уделяется повышению производительности труда, улучшению качества продукции, снижению затрат, а также материального и нематериального стимулирования, что является крайне актуальными, поэтому важно изучать исторический опыт такого социально-экономического механизма как социалистическое соревнование.

В промышленности Горьковской области, в годы восьмой пятилетки, одной из форм активизации производственной деятельности была организация социалистического соревнования. В СССР соревнование в области экономики рассматривалось как массовое движение трудящихся за наивысшие достижения в производстве материальных и духовных благ и производительности труда [19, с. 610]. Основным содержанием соцсоревнования было: повышение качества продукции, ускорение производственных процессов, при сокращении расхода материальных, трудовых и финансовых затрат.

Таким образом, социалистическое соревнование является уникальным явлением в мировой производственной культуре и важнейшим элементом советской экономической системы. Однако в ходе изучения рассматриваемого вопроса, можно отметить наличие существенного пробела в российской исторической науке, касающегося вклада

социалистического соревнования в развитие регионов СССР, в том числе на предприятиях города Горького во второй половине 1960-х годов, в связи, с чем изучаемая тема является актуальной.

Рассматривая историографию вопроса, можно выделить несколько периодов. Первый, советский период представлен большим количеством работ, однако можно отметить их идеологизированный характер, так как существовала необходимость показать соответствие реальной практики первоначальному замыслу соревнования [9]. Второй период, конец – 1980-х годов, также характеризуется наличием многочисленных работ по исследуемой теме [1, 6, 7, 10]. Однако, под воздействием перестройки, начинают выходить работы, содержащие в себе критику соцсоревнования [18]. В постсоветской историографии интерес научной работы по рассматриваемому вопросу упал. В современных работах мотивация советских работников рассматривается многими исследователями, однако вопросы, касающиеся именно соцсоревнования, ими часто обходятся стороной [13, 15, 16].

Источниковой базой статьи являются документы ГКУ Центрального архива Нижегородской области, в частности материалы годовых отчетов заводов касающихся организации и проведения соцсоревнования на предприятиях города за период с 1965 по 1970 гг.

История социалистического соревнования имеет в своем развитии несколько этапов. Первый, ударничество начального периода индустриализации (1920-30-е гг.). В мае 1929 года ЦК ВКП(б) издает постановление «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» [14], после чего «ударническое движение» получило развитие по всей стране. На втором этапе, появляются так называемые хозрасчетные бригады и «тысячники» периода Великой Отечественной войны. В послевоенные годы, на третьем этапе формируется стахановство-ударничество периода восстановления народного хозяйства. С конца 1950-х гг., зарождается «движение за коммунистическое отношение к труду». Официальное оформление патриотического «движения бригад и ударников коммунистического труда» получило на первом Всесоюзном совещании передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда в мае 1960 [8].

Середина 1960-х годов – пятый этап в истории соцсоревнования. С 1965 года в СССР стартовала экономическая реформа, сохранившая в себе элементы социалистического соревнования, однако, теперь оно получает другое название – «экономическое соревнование». Отличительной особенностью данного этапа, стало сведение соревнования к компании за получение высоких производственных показателей приуроченных к какой-либо знаменательной дате советской истории [12, с. 42].

Позднее, с конца 1970-х гг., начала 1980-х гг. социалистическое соревнование фактически превращается в обременительную фикцию, и уже во второй половине 1980-х годов постановлением президиума ВЦСПС практика использования соцсоревнования прекратилась [12, с. 42].

Социалистическое соревнование можно считать формой морального признания трудовой деятельности советского человека. В истории социалистического движения, необходимо рассмотреть формы вознаграждения за передовой труд которые могли получать победители социалистического соревнования. Как правило, вознаграждение делилось на 2 группы: моральная и материальная. К моральной категории вознаграждения можно отнести – статью в заводской газете, выдача почетных дипломов и знаков (например, «Победитель социалистического соревнования»), фото на «доске почета», награждение орденами и медалями, присвоение званий «Герой Социалистического Труда», «Ударник коммунистического труда» и др. », присуждение Ленинских и Государственных премий. Для награждения победителей социалистического соревнования были учреждены: Красные Знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Для коллективов суще-

ствовали переходящие знамена и прочая атрибутика.

Материальной наградой были, выплаты денежных премий, переход на более высокую должность, товары или льготы, разрешение на поездки за границу, можно было продвигаться в очереди на квартиру, машину и т.п.

Таким образом, победа в социалистическом соревновании являлась своеобразным каналом социальной мобильности - работнику могли присвоить почетное звание или ему давалась возможность карьерного взлета, путем перехода на руководящую должность [17].

Говоря об особенностях социалистического соревнования на предприятиях города Горького в период восьмой пятилетки можно выделить основные направления социалистического соревнования. 1. Соревнования, приуроченные к крупным социалистическим и коммунистическим праздникам (50-летие Советской власти). 2. Принятие коллективами «социалистических обязательств» за достойную встречу знаменательных дат (100-летие со дня рождения В.Л. Ленина). 3. Движение наставников, выразившееся в таких формах шефства как: бригады над бригадой, специалиста над рабочим, рабочего над учащимся ПТУ (движение «Ни одного отстающего рядом!»). 4. Соревнование за получение того или иного звания «Лучший рабочий своей профессии», «Лучший молодой токар» и др. [11].

На заводах «Двигатель Революции» и Горьковский металлургический в 1967 году развернулось социалистическое соревнование в честь 50-летия Советской власти. По итогам соревнования администрация и завком профсоюза «Двигателя Революции» наградили памятными знаменами и вымпелами коллективы 3-х цехов, 1 отдела, 3 участков, 3 бригад и 23 человек лучших по профессии [3, д. 852, л. 258].

Горьковский обком КПСС Облисполком и Облсовпроф, отмечая успехи коллектива завода, в соцсоревновании в честь 50-летия Советской власти наградил коллектив дизелестроителей памятным званием с занесением в Книгу почету Обкома профсоюза» [3, д. 852, л. 258].

В 1970 году коллективы дизелестроителей и металлургов, включились в социалистическое соревнование в честь XXIV-го съезда, КПСС приняв повышенные социалистические обязательства, направленные на досрочное выполнение пятилетнего плана [3, д. 961, л. 296].

Инициаторами вступления в соцсоревнование в честь XXIV-го съезда КПСС среди металлургов, являлась бригада вальцовщиков универсального стана прокатного цеха мастера т. Гушарашвили В.И., ст. вальцовщика т. Воронина Е.П. Также

включились в соревнования бригада сталевара электропечи т. Сизова И.В., бригада сталевара мартеновской печи т. Бегоутова С.С., фрезеровщика цеха №3 т. Гикова и др.

Коллективом металлургов были разработаны условия соревнования в честь XXIV съезда КПСС между цехами, сменами, участками, бригадами, которые будут подведены к открытию съезда и победителям в соревновании, будут вручены на вечное хранение дипломы и денежные премии [5, д. 335, л. 61].

Важной составляющей социалистического соревнования были – «социалистические обязательства», например, в период восьмой пятилетки заводы города Горького включились в соцсоревнование в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина.

Заводской комитет профсоюза «Двигателя Революции», совместно с администрацией завода, выработал условия соцсоревнования к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и утвердили положение по подведению итогов соревнования. Положением были установлены такие звания как: «Лучший работник завода», «Лучшая бригада завода», «Лучший участок завода» [3, д. 935, л. 288].

В 1969 году на заводе «Двигатель Революции» «победителям соцсоревнования в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина присвоены звания: «Лучший работник завода» – 124 передовикам производства, ударникам коммунистического труда, «Лучшая бригада завода» – 8 бригадам, «Лучший производственный участок завода» – 3 коллективам участков» [3, д. 935, л. 288].

В ходе соревнования в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина родился ряд ценных начинаний таких как:

- Повешение культуры и эстетики производства;

- За выпуск продукции высокого качества на каждой производственной операции;

- За сокращение потерь рабочего времени;

Инициаторами начинания за повышение культуры и эстетики производства стал коллектив участков ст. мастера т. Пашина (мех.цех №1), и Стрпихина (мех.цех №2) [3, д. 935, л. 290].

Инициаторами почина за выпуск продукции высокого качества на каждой операции явились ударники коммунистического труда т. Преснов, Герой Социалистического труда (формовщик литейного цеха), Вилков (токарь мех. цеха №1), Охотин (расточник мех. цеха №3), Миронычев (фрезеровщик мех. цеха №1), Байдаков (токарь инструм. цеха №6) и др. [3, д. 935, л. 258].

Инициатором соревнования за сокращение потерь рабочего времени и получения юбилейных

наград, явился коллектив бригады слесарей мех. цеха №2 т. Колповского» [3, л. 288].

Дизелестроители боролись за распространение своих починов, поддержанных областными, партийными, профсоюзными организациями и принимал активное участие во Всесоюзном соревновании предприятий машиностроения за повышение культуры производства и внедрения научной организации труда» [3, д. 935, л. 290].

Коллектив завода «Теплообменник» также принял социалистические обязательства, направленные на досрочное выполнение производственного задания в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, за что был награжден Почетной грамотой Министерства и ЦК профсоюза, и Дипломом Горьковского Обкома КПСС, Облсполкома и Облсовпрофа [4, д. 674, л. 29].

Коллективам-победителям завода в социалистическом соревновании в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина были вручены юбилейные памятные Красные вымпелы на вечное хранение и выданы денежные премии. 183 передовикам производства, старейшим работникам завода присвоено почетное звание «Ветеран труда», с вручением нагрудного знака и удостоверения.

Коллективу «Теплообменника» за I, II, и III кварталы 1970 года присуждалось переходящее Красное знамя Райкома КПСС и Райисполкома с занесением на районную доску Почета [4, д. 674, л. 30].

За высокие производственные успехи в социалистическом соревновании в честь юбилейной даты 1132 работника «Теплообменника» были награждены юбилейной Ленинской медалью. За досрочное выполнение 5-и летнего плана коллектив завода был награжден Почетной грамотой Горкома КПСС и Горисполкома [4, д. 674, л. 30].

Коллективам-победителям горьковского металлургического завода в социалистическом соревновании в честь юбилейной даты были вручены вымпелы на вечное хранение и денежные премии:

По металлургическим цехам – коллективу прокатного цеха премия в сумме – 600 руб. По инструментальным цехам – коллективу цеха №3 премия в сумме – 400 руб. По вспомогательным цехам – коллективу теплосилового цеха премия в сумме – 200 руб.

Кроме того, по заводу – 4 бригадам, 3 сменам, 8 участкам победителям в соревновании в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина были вручены вымпелы на вечное хранение и денежные премии [5, д. 334, л. 62].

Начиная с октября 1966 года по почину ударников коммунистического труда Героев Социалистического Труда А.И. Косицына, С.Н. Кузнецовой, И.С. Пермякова и других, на автозаводе воз-

никло новое движение, направленное на повышение производительности труда и получившее название «Ни одного отстающего рядом!». Вскоре почин автозаводцев подхватили на других предприятиях Советского Союза. Опытные производственники брали шефство над молодыми рабочими, делились с ними знаниями и умениями, обучали профессиональному мастерству [2, с. 224-225].

Это новое веяние, внесло коррективы в содержание бригадных и личных обязательств автозаводцев. Раньше планы передовиков производства состояли из двух частей – конкретных социалистических обязательств рабочего или бригады и организационно-технических мероприятий, обеспечивающих выполнение заявленных показателей. Теперь появился третий раздел – «шефство над отстающими».

Широкую поддержку получил почин Горьковских автомобилестроителей среди коллективов завода «Двигатель Революции». Более двухсот ударников коммунистического труда и передовиков производства шефствуют на 250 молодых рабочими, не имеющими достаточного производственного опыта. Шефство над отстающими позволило значительно снизить количество рабочих не выполняющих нормы выработки [3, д. 852, л. 257].

В мае 1970 года XVI съезд ВЛКСМ рекомендовал почин трудового коллектива ГАЗа для массового распространения. А накануне съезда группе автозаводцев – инициаторов массового движения «Ни одного отстающего рядом!» была присуждена премия Ленинского комсомола (А.И. Косицыну, И.С. Пермякову, С.Н. Кузнецовой, Е.И. Кудинову, Л.И. Терентьеву, А.Ф. Дубинину, А.А. Горину, Л.В. Волкову, А.В. Козловой, В.И. Молчину, В.В. Фатьяновой)» [3, д. 852, л. 257].

На предприятиях города Горького получило широкое распространение соревнование за присвоение званий: «Ударник коммунистического труда», «Лучший рабочий своей профессии», «Лучший работник завода», «Чемпион завода», «Мастер – золотые руки», «Лучший молодой токарь» и т.д.

Так комсомольцы завода «Теплообменник» с помощью профсоюзной организации и администрации механического цеха, провели показательные соревнования на звание «Лучший молодой токарь». Победителями оказались т. Сорокин Ю. (ц. 60) и Кашин В. (ц.65.) [4, д. 674, л. 45].

8 передовиков производства, были награждены значком «Отличник социалистического соревнования». 16 человек награждены Почетными грамотами Министерства и ЦК профсоюза: тов. Чеферову слесарю механосборочных работ ц.75 присвоено звание «Лучший по своей профессии Горьковской области».

На заводе «Двигатель Революции» было широко развернуто соцсоревнование на звание «Лучший рабочий своей профессии» и «Лучший рабочий министерства».

Завоевавшим звание «Лучший по профессии», в течение 3-х месяцев подряд вручались почетные грамоты и денежные премии. Лучшими в этом соревновании являлись: (Ермаков – токарь цеха №2, Папилин – токарь цеха №3, Кузнецова шлифовщица цеха №1, Грязнов – токарь цеха №1, Торохов – сверловщик цеха №2, Садова – токарь цеха №4, Малов – токарь цеха №2, Зарудный и многие др.) [3, л. 257]. Победителями на звание «Лучший рабочий министерства» стали 6 человек среди них: расточник т. Охотин (цех №3), токарь т. Локтев (цех №2), токарь т. Гусев (цех №9), и др. [3, д. 852, л. 296].

Подводя итоги можно заключить, что в 1965-1970 гг. в промышленности города Горького социалистическое соревнование являлось огромным мобилизующим средством. Соревнования организовывались по следующим направлениям: соревнования, приуроченные к крупным социалистическим и коммунистическим праздникам, «социалистических обязательств» за достойную встречу знаменательных дат, наставничество, соревнование за получение того или иного звания. В условия соревнований включались требования, способствовавшие достижению высоких конечных результатов. Имелась эффективная система материального и морального поощрения работников.

Практическое значение социалистического соревнования заключалось в том, что передовые приемы и методы труда распространялись среди широких трудящихся масс, обеспечивая постоянное совершенствование производства на основе высоких достижений техники. Участники соревнования должны были добиваться повышения эффективности производства, бережливости и экономии денежных средств, материальных и трудовых ресурсов, использовать всевозможные формы и средства политической, культурно-массовой работы среди населения.

Литература

1. Ахвердова С.Г. Социалистическое соревнование: истоки, традиции, современность. Баку, 1987. 50 с.
2. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод: история и современность. 1932-2012. Нижний Новгород, 2012. 320 с.
3. ГКУЦАНО. Ф.Р. 126. Оп. 4. Д. 852, 935, 961.

4. ГКУЦАНО. Ф.Р. 2069. Оп. 8. Д. 674.
5. ГКУЦАНО. Ф.Р. 2593. Оп.4. Д. 334.
6. Валитов М.Г. Социалистическое соревнование: механизм использования. М., Экономика, 1989. 143 с.
7. Войков М.И. Соревнование и народнохозяйственное планирование. М., Наука, 1980. 149 с.
8. Коллективы и ударники коммунистического труда // Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/062/831.htm> (дата обращения: 15.04.2023)
9. Кузеев Р.Г., Ямалов М.Б. Социалистическое соревнование. Опыт. Проблемы. Суждения. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1976. 191 с.
10. Куропятник И.И. Социалистическое соревнование: эффективность, показатели, стимулирование / Под ред. В.И. Дрица. Минск, 1988. 198 с.
11. На основании данных полученных из следующих фондов ГКУ ЦАНО. ФР. 126. Оп. 4; ФР. 2593. Оп. 4; ФР. 2069.
12. Петров Е.А. Социалистическое соревнование как элемент мотивации работников в эпоху «Застоя» (на примере предприятий города Челябинска) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21. № 1. С. 42.
13. Плещенко В.И. Мотивационный потенциал социалистического соревнования в современных условиях // Мотивация и оплата труда. 2016. № 2. С. 82 – 87.
14. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967 гг.: сб. док. за 50 лет. Т. 2. 1929-1940 гг. Москва: Политиздат, 1967. С. 53 – 55.
15. Семенова Д.Д., Кузнецов С.А., Шамова Н.О. Мотивация и стимулирование труда в СССР и в современной России // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 6. URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=19428> (дата обращения: 17.04.2023)
16. Смольков В.Г., Дремов Г.Г. Возродится ли в России соревнование? // Труд и социальные отношения. 2004. № 3. С. 14 – 23.
17. Соколов А.К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров; ред.-коорд. Е.Н. Рудая. Вып. 9. Москва; Тула, 2010.
18. Стахановское движение: опыт и перспективы: (к 50-летию стахановского движения): науч. тр. / Высш. шк. профсоюз. движения ВЦСПС им. Н.М. Шверника; редкол.: Т.Ф. Юшина и др. Москва: ВШПД, 1987. 110 с.
19. Экономическая энциклопедия: Политическая экономия / Под ред. А.М. Румянцева. М., 1979. Т. 3. С. 610.

References

1. Ahverdova S.G. Socialisticheskoe sorevnovanie: istoki, tradicii, sovremennost'. Baku, 1987. 50 s.
2. Gordin A.A. Gor'kovskij avtomobil'nyj zavod: istorija i sovremennost'. 1932-2012. Nizhnij Novgorod, 2012. 320 s.
3. GKUCANO. F.R. 126. Op. 4. D. 852, 935, 961.
4. GKUCANO. F.R. 2069. Op. 8. D. 674.
5. GKUCANO. F.R. 2593. Op.4. D. 334.
6. Valitov M.G. Socialisticheskoe sorevnovanie: mehanizm ispol'zovanija. M., Jekonomika, 1989. 143 s.
7. Vojkov M.I. Sorevnovanie i narodnohozajstvennoe planirovanie. M., Nauka, 1980. 149 s.
8. Kollektivy i udarniki kommunisticheskogo truda. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/062/831.htm> (data obrashhenija: 15.04.2023)
9. Kuzeev R.G., Jamalov M.B. Socialisticheskoe sorevnovanie. Opyt. Problemy. Suzhdenija. Ufa: Bashkirkoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 191 s.
10. Kuropjatnik I.I. Socialisticheskoe sorevnovanie: jeffektivnost', pokazateli, stimulirovanie. Pod red. V.I. Drica. Minsk, 1988. 198 s.
11. Na osnovanii dannyh poluchennyh iz sledujushhih fondov GКУ CANO. FR. 126. Op. 4; FR. 2593. Op. 4; FR. 2069.
12. Petrov E.A. Socialisticheskoe sorevnovanie kak jelement motivacii rabotnikov v jepohu «Zastoja» (na primere predpriyatij goroda Cheljabinska). Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2021. T. 21. № 1. S. 42.
13. Pleshhenko V.I. Motivacionnyj potencial socialisticheskogo sorevnovanija v sovremennyh uslovijah. Motivacija i oplata truda. 2016. № 2. S. 82 – 87.

14. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam. 1917-1967 gg.: sb. dok. za 50 let. T. 2. 1929-1940 gg. Moskva: Politizdat, 1967. S. 53 – 55.
15. Semenova D.D., Kuznecov S.A., Shamova N.O. Motivacija i stimulirovanie truda v SSSR i v sovremennoj Rossii. Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. 2018. № 6. URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=19428> (data obrashhenija: 17.04.2023)
16. Smol'kov V.G., Dremov G.G. Vozrodivsja li v Rossii sorevnovanie? Trud i social'nye otnoshenija. 2004. № 3. S. 14 – 23.
17. Sokolov A.K. Problemy motivacii truda na sovetskih predprijatijah. Trudy Instituta rossijskoj istorii. Rossijskaja akademija nauk, Institut rossijskoj istorii; otv. red. A.N. Saharov; red.-koord. E.N. Rudaja. Vyp. 9. Moskva; Tula, 2010.
18. Stahanovskoe dvizhenie: opyt i perspektivy: (k 50-letiju stahanovskogo dvizhenija): nauch. tr. Vyssh. shk. profsojuz. dvizhenija VCSPS im. N.M. Shvernika; redkol.: T.F. Jushina i dr. Moskva: VShPD, 1987. 110 s.
19. Jekonomicheskaja jenciklopedija: Politicheskaja jekonomija. Pod red. A.M. Rumjanceva. M., 1979. T. 3. S. 610.

*Surovegina E.S.,
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin*

Socialist competition in the industry of the Gorky region during the eighth five-year plan

Abstract: in this article, the author examined the features of the work of labor collectives of enterprises in the city of Gorky in the conditions of socialist competition, which was a huge mobilizing tool and ensures continuous improvement of production based on high technological achievements. The purpose of the presented study is to analyze the main directions of development of social competition during the eighth five-year plan (1966-1970). To this end, the author formulated a number of tasks that make it possible to realize the set goal. In particular: to trace the history of the development and formation of socialist competition in the country, to determine the main directions of socialist competition at the enterprises of the city of Gorky, to consider possible options for rewards, both material and moral, for winning this or that competition of socialist competition, and to analyze the contribution of socialist competition to the development industry of the Gorky region.

This work allows us to explore the impact of social competition at the micro level, which, of course, deepens our understanding of the economic development of the region. The material of the article can be successfully used in studying the development of the city's industry in the specified period.

Keywords: socialist competition, the eighth five-year plan, Gorky, industry, material and non-material incentives, labor collectives, efficiency

For citation: Surovegina E.S. Socialist competition in the industry of the Gorky region during the eighth five-year plan. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 190 – 195.

Received: June 2, 2023; Revised: June 24, 2023; Accepted: July 14, 2023.

*Турченко Д.А.,
Гимназия № 62, г. Новокузнецк,
Худолеев А.Н., доктор исторических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
Кемеровский государственный университет*

**Анализ источников магистерской диссертации Д.И. Иловайского
«История Рязанского княжества»: к постановке проблемы**

Аннотация: Дмитрий Иванович Иловайский был известным человеком в дореволюционной исторической науке и образовании. Яркий, принципиальный полемист, талантливый учёный-антиноманист, убеждённый монархист, автор десятки раз переиздававшихся гимназических учебников по русской и всеобщей истории, первой историко-краеведческой диссертации «История Рязанского княжества» и фундаментального исследования «История России». К сожалению, его научная концепция, принципы и методы работы, творческая лаборатория изучены слабо.

Цель работы – проанализировать источниковую базу магистерской диссертации Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества». В статье рассматриваются источники, использованные в диссертации. Выделяются виды источников, методы и приёмы работы Д.И. Иловайского с историческими источниками. Проведён сравнительный анализ текста магистерской диссертации Д.И. Иловайского с письменными историческими источниками: летописями, грамотами, монографиями дореволюционных историков, статьями, житиями, отчётами, законодательными актами, выпусками газет и журналов.

В итоге делается вывод, что в период работы над магистерской диссертацией Д.И. Иловайский использовал значительный пласт письменных и устных источников, по крупицам воссоздавая древнюю и средневековую историю своей малой Родины. Это помогло учёному рельефно отобразить Рязанское княжество в общей картине развития древней и средневековой Руси. Следствием этого стал значительный вклад, внесенный Д.И. Иловайским в дело популяризации историко-краеведческой проблематики в научно-исторической мысли России второй половины XIX в.

Ключевые слова: Дмитрий Иванович Иловайский, историческая мысль, дореволюционная историография, Рязанское княжество, исторические источники, историческое краеведение, магистерская диссертация

Для цитирования: Турченко Д.А., Худолеев А.Н. Анализ источников магистерской диссертации Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества»: к постановке проблемы // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 4. С. 196 – 201.

Поступила в редакцию: 2 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 24 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 14 июля 2023 г.

Монография «История Рязанского княжества» стала первой работой, посвященной региональной истории. До Иловайского к истории Рязанской губернии обращались Т.Я. Воздвиженский и А.Н. Пискарев. Но первой в научном смысле монографией, посвященной всестороннему изучению Рязанской губернии, стала диссертация Иловайского. Одним из положительных моментов, вызванных изданием монографии Иловайского, является переворот в отечественной исторической науке, который заключался в обращении к локальной проблематике.

В первой главе Дмитрий Иванович описывает финское население, которое проживало рядом с Окой. Он выделяет три племени: мурома, мордва, мещера. В качестве источника он использует Никоновскую (Начальную, Несторову) летопись. Цитата из летописного источника повествует об уплате дани иноверцами в пользу русского насе-

ления. В данном случае перечисляются следующие народы: чудь, весь, меря, черемисы, зимгола (земгалы), мордва, либь (ливы), емь (ямь), мурома, пермь, печера (печора), литва, корса, норова (норова). Дмитрий Иванович неслучайно использует данную цитату, так как в ней, помимо вышеуказанной информации, есть известия о месте проживания племен мурома, мещеры и мордвы. В летописи также указан ещё один народ – черемисы [18, с. 4-5]. Говоря о быте племени мордва, Иловайский ссылается на «Записку о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Иностранец пишет о том, что данное племя живет в лесах к югу и востоку от реки Мокши, жители являются язычниками или мусульманами. Основные занятия: земледелие и охота.

Герберштейн также отмечает, что инородцы – опытные лучники. Их главные противники – татары [7, с. 134]. Очень краткую заметку о Рязанской области оставил в своей записке Герберштейн. Он пишет, что Рязанская земля находится между Та-наисом и Окой, на её территории есть деревянный город на берегу Оки. В прошлом была крепость «Ярослав» [8, с. 134, 136]. Когда речь идёт об обрядах племени мурома, Иловайский ссылается на «Житие» Муромского Князя Константина. При описании быта славянских племен автор цитирует Лаврентьевскую летопись. Летописец пишет о том, что славяне (радимичи, вятичи, северяне) живут в лесу, иногда из разных сел встречаются для игр, песен и танцев. Проводят также обряды. Например, «умыкаху» т.е. похищение невест. Также в источнике сказано, что славяне были многоженцами: «...имяху же по две и по три жены» [12, с. 15]. Описан также погребальный обряд. После смерти над усопшим проводят тризну, а потом сжигают тело. Оставшиеся кости собирают в сосуд и закапывают в землю. Когда речь в тексте идёт о походах славян из территории юго-западной Руси по Оке и из Новгорода по северо-восток по Волге, автор приводит в качестве доказательства эпизод, связанный со сбором дани Святослава у вятичей в 964 и 966 годов.

В данном случае он полностью не цитирует Никоновскую летопись, а пересказывает её содержание. Летопись сообщает следующие сведения: Святослав разгромил казар (т.к. им подчинялись и были данниками вятичи), а после этого события сам обложил данью вятичей [18, с. 31]. Иловайский утверждает, что вятичи не хотели платить дань Святославу, и он был вынужден с помощью силы и угроз склонить их к этому действию. Во фрагменте, посвященном княжению Ярослава I, Иловайский пишет, что города Муром и Ростов были ссыльным местом для бояр, попавших в опалу. В качестве примера он приводит случай, который произошёл в XI веке. Великий Князь разгневался на посадника из Новгорода Константина и отправил его в ссылку в Ростов. Спустя три года («на третье лето») Князь приказал умертвить его в Муроме, близ реки Оки. В данном случае автор ссылается на Софийскую первую летопись [17, с. 134].

Кроме письменных источников, Иловайский анализирует изображения. Например, когда речь идёт о детях Святослава Ярославича, а именно о самом младшем Ярославе, Иловайский в качестве доказательства приводит изображение из Изборника Святослава 1073 года, на котором Святослав изображен со своей женой и пятью сыновьями. Согласно утверждению историка, Ярослав изображен здесь еще ребенком. Когда речь идёт о за-

хвате Мурома болгарами в 1088 году, Иловайский ссылается на труд «История Российская» Василия Никитича Татищева. В цитате присутствует следующая информация: корабли болгар, торгующих по Волге и Оке, часто грабили. Они просили заступничества у князей Олега и брата его Ярослава, но не получали ответа. Тогда они разграбили Муром и сожгли близлежащие села [21, с. 95-96].

В данном случае Иловайский не дословно цитирует, а пересказывает фрагмент из труда Татищева: «Обиженные обратились с жалобами к Олегу и брату его Ярославу» [11, с. 10]. Автор в своём труде даёт объяснение происхождению слова «Рязань» – ряс, означает болотистое и топкое место, поросшее небольшим кривым лесом или кустарником. В данном случае Дмитрий Иванович ссылается на следующие книгу и журнал: монография «Опыт русского простонародного словотолковника» за авторством Михаила Николаевича Макарова, журнал «Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете». Во фрагменте, посвященном строительству городов Ярославом в своей малонаселенной волости в 1096 г. Иловайский цитирует труд Архимандрита Иеронима (И.С. Алекринского) «Рязанские достопамятности...»: «заложен был град Переяславль Рязанский у церкви Св. Николы Старого» [3, с. 3].

На труд Н.М. Карамзина автор ссылается, когда речь в тексте идёт о письме Владимира Мономаха к Олегу [10, с. 257]. После съезда в Любиче в 1097 году, по утверждению историка Иловайского, Олег получил во владение Северское княжество, Давид занял Черниговское, а Ярослав стал княжить в Муромо-Рязанском. В данном случае в качестве источника Иловайский использует Ипатьевскую летопись: «поставиша Феогноста епископомъ Чернигову, и радъ бѣ князь Давыдъ и княгини» [16, с. 17]. Данный источник подтверждает, что Давид стал княжить в Чернигове. Как утверждает Дмитрий Иванович Иловайский, в Муроме долгое время сохранялся магометанский элемент, занесенный болгарами в следствие постоянных торговых отношений с поволжскими и поокскими племенами. В качестве подтверждения своей точки зрения историк ссылается на «Житие» благоверного князя Константина.

Во второй главе Иловайский пишет, что сыновья Ярослава поделили владения отца таким образом: Ростислав и Святослав заняли Рязань, а Юрий – Муром. В данном случае источником служит Воскресенская летопись. Письменный документ сообщает нам о том, что летом 6635 года великий князь Всеволод Олегович Киевский, внук Святослава Черниговского, выгнал своего дядю Ярослава Святославовича из Чернигова. Ярослав, в свою

очередь, в течение двух лет занимал Муром и Рязань, после чего умер. Его похоронили в Муроме [15, с. 242]. Через два года после смерти Святослава в Муроме Ростислав снова занял или захотел занять его место и посадил своего младшего сына Глеба в Рязани.

Ссылается историк на Ипатьевскую летопись: «Той же зиме умре Святослав, сын Ярославль, у Муроме, а брать его Ростаслав седе на столе; а Рязань послаша меншего Ростиславича Глеба» [21, с. 21]. 30 июня 1177 года Глеб умер в темнице. На данном историческом событии Иловайский останавливается и ссылается на С.М. Соловьева. В сюжете, посвященном князю Всеволоду Глебовичу, Ярославу Всеволодовичу, Владимиру Юрьевичу Муромскому и Всеволоду Глебовичу Коломенскому, которые отправились на Рязань, в качестве нового источника Иловайский использует IV том «Исследования...» М.П. Погодина: ««Всеволодъ» (Суздальский) «из Коломны иде (с союзниками)... «на братью свою» (Рязанских Князей) «и перебродивше Оку, идоша Копонову» [13, с. 249].

В третьей главе, когда речь идёт о каменном соборе имени Бориса и Глеба, сооруженном Глебом Ростиславовичем примерно в 1194 году, автор в качестве источников использует: труд Тихомирова «Сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани», «Письма об археологических исследованиях в Рязанской губернии» Калайдовича, «Историко-критические отрывки» М.П. Погодина. Когда историк размышляет о происхождении названия города Зарайска, то он ссылается на «Книга Большому чертежу...»: «А на реке на Осетре вверх, от Ростиславля 30 верст, город Заразеск [Зарайск]» [11, с. 122]. Также Иловайский в качестве источника использует фрагменты из «Жития» Муромских Чудотворцев: кн. Константина и чад его, кн. Петра и кн. Февронии. Данные источники находятся в монографии «Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума» А. Востокова [6, с. 213]. В сюжете, посвященном созданию Ольгова монастыря, Иловайский в качестве источника использует Рязанскую грамоту великого князя Олега Иоанновича Ольгову монастырю [1, с. 2].

Во фрагменте текста четвертой главы, посвященного нашествию Батые, автор ссылается на Костромскую летопись, которая присутствует в труде Н.А. Полевого «История русского народа», том IV: «И посла сына своего, Князя Федора Георгиевича к нечестивому Царю Батыю, с дары, и с великим молением, дабы не воевал Рязанския земля» [14, с. 21]. В сюжете, посвященном переговорам Батые с рязанскими князьями, упоминается ведьма с двумя мужами (воинами) отправленная к князьям с требованием отдать десятую часть их

имений в виде людей и лошадей. В данном случае автор ссылается на статью «Нашествие Батые на Россию» И.Н. Березина [5, с. 113]. В 1270 году князь Рязанский Роман был схвачен татарами, и они стали принуждать его к своей «бесерменской» вере, но князь не принял её. 19 июля татары подвергли его мучительной и медленной смерти. Источником в данном случае является книга Архиепископа Черниговского Филарета Гумилевского «История русской церкви».

В данном источнике следующий сюжет: в 1270 году хану Менгу-Темиру донесли о том, что князь Рязанский Роман с пренебрежением относится к власти и вере татарского правителя. Татары по приказу своего предводителя пытались заставить Князя принять их веру, но он отказался. Тогда они применили страшную пытку с отрубанием конечностей. Когда осталось одно туловище, то «изверги» содрали кожу и воткнули голову князя на копье [8, с. 18-19]. Иловайский уточняет, что под басурманской (бесерменской) верой не подразумевается магометанская, так как в то время татары поклонялись идолам. Данную информацию он заимствовал из 22 примечания к труду Ф. Гумилевского «История русской церкви». Тезис Иловайского о том, что митрополит Максим назначил епископом Рязани Иосифа, подтверждает «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» Г.А. Розенкампа [19, с. 62]. Князь Юрий, внук Беклемиша, в 1380 году со своим полком помог великому князю Дмитрию противостоять армии Мамае и умер в ходе битвы на Куликовом поле. Данный факт подтверждает Российская родословная книга [9, с. 23].

В книге Иловайского, когда речь идет об Олеге Рязанском, историк привлекает устный исторический источник, посвященный гостеприимству и пирам Олега. Предание рассказывает об угощении, которое он дал татарским послам. В данном фрагменте историк ссылается на другой источник – «Опыт русского простонародного словотолковника» М.Н. Макарова. В данном источнике дается объяснение устаревших слов, которые употреблялись на территории Рязанской губернии. В сюжете о княгине Ефросинии (Епраксии) её монашеском постриге в Зачатейском монастыре, а также о её смерти и захоронении в Покровском храме рядом с супругом после трех лет жизни в монастыре, Иловайский в качестве источника информации использует народные предания, посвященные Епраксии:

Кроме устных источников, Иловайский использует вещественные. Он описывает и анализирует архитектурные памятники, которые сам видел. В данном случае речь идёт о Покровском храме, который посещал Иловайский путешествуя по Ря-

занской губернии. Примечателен следующий факт. Историк, когда анализирует памятник архитектуры, старается по возможности описать его историю, изучить внешнее состояние, определить, что утратил памятник архитектуры, какие произошли изменения в его внешнем облике.

Дмитрий Иванович в тексте своей работы цитирует договор от 31 августа 1449 года, который был заключен между Василием Васильевичем и Казимиром Литовским. В тексте документа упоминается младший брат Василия Васильевича – Великий Князь Иван Фёдорович Рязанский [2, с. 65]. Данный источник находится в сборнике «Акт-ов, относящихся к истории Западной России», том 1, 1340-1506 гг. В сюжете, посвященном татарам и их отступлению домой после попытки взять стены Переяславля Рязанского в связи с действиями крепостной артиллерии, Дмитрий Иванович ссылается на книгу Н.С. Арцыбашева «Повеествование России» том 2, книга 3-4, в которой идёт речь о рассказе, связанном с грамотой, оставленной татарами (Крымским Царем Магмет-Гиреем и его сыном Салтаном Богатырем) Хабару Симскому. [4, с. 107]. Приблизительно в 1534 году умер князь Иван. В качестве доказательства Д. И. Иловайский приводит аргумент, заимствованный из IX тома «Старинной истории народа литовского» Теодора Нарбута.

Д.И. Иловайский при описании Рязанской территории привлекает записки иностранцев: Иосафата Барбаро и Амвросия (Амброджо) Контарини. Записки иностранца Барбаро относятся ко второй половине XV века. Он пишет, что Рязанью правит один из родственников великого князя Российского. Жители города все христиане. Они готовят особый напиток – брагу. Город укреплен деревянными стенами, и все постройки сделаны из древесины из-за недостатка камня. На пути из Персии домой в Венецианскую республику, Контарини присоединился к свите московского и персидского послов. Следующим образом он описывает Рязань: это город, которым правит князь, будучи в родственных связях с московским государем. Он женат на сестре правителя. Все строения в городе деревянные, как и описывал Барбаро. В примечаниях Иловайский отмечает, что несколько храмовых сооружений были сделаны из камня. Иностранец также упоминает национальный напиток русских – брагу.

Характеристику Рязанского края первой половины XVI века оставил в своих записках знаменитый барон Герберштейн. Он пишет, что Рязанская область была расположена между рекой Ока и Доном. В городе с деревянными домами и хозяйственными постройками была возведена крепость, которая называлась Ярослав. Рядом с деревянным

градом посреди Оки есть остров, названный Струбом. Раньше он был независимым великим княжеством со своим правителем. Путешественник отмечает, что на территории Рязани находятся очень плодородные земли, которые дают по три колоска с одного зерна. В лесах близ Рязанщины находятся леса с огромным количеством пушных зверей: белками, куницами, горностаями. Ока богата рыбой: белорыбца, стерлядь, северюга, белуга и осетр. Ещё один иностранец Альберто Кампензе описывает армию Рязанского княжества. В первой половине XVI века численность рязанских конниц достигала 15000 тысяч. В данную цифру входят профессиональные военные. Иностранец пишет, что если взять в расчет мирных жителей, то из их числа получится войско от 30000 до 45000 тысяч человек. Сведения из трудов иностранцев Д.И. Иловайский заимствовал для своей работы из книги «Библиотека иностранных писателей о России» В. Семенова [20, с. 1836].

Одна из ряда проблем, которая волновала дореволюционного историка, была связана со следующим вопросом: существовал ли Рязанский летописец? Д.И. Иловайский считает, что существовали рязанские списки летописей, например, летописи Переяславля Суздальского. Из этих исторических источников были заимствованы отрывочные сведения о событиях, которые происходили в Рязани. В качестве примера Иловайский отсылает читателя к статье Ф.И. Буслаева в журнале «Атеней» за 1858 год №30, в которой присутствует легенда Муромского края о князе Петре и княгине Февронии. Необходимо отметить, что в монографии часто встречаются отсылки к номерам газеты «Рязанские ведомости» и «Московские ведомости».

После сравнительного источниковедческого анализа мы пришли к следующим выводам:

1. В магистерской диссертации Д.И. Иловайский использует устные исторические источники (сказания, песни, предания), письменные исторические источники (грамоты, жития), летописи (Никоновская, Лаврентьевская, Софийская, Ипатьевская, Воскресенская, Костромская, Троицкая, летописец Переяславля-Суздальского), изобразительные источники (изображение из Изборника Святослава за 1073 год), труды историков (Татищев, Карамзин, Погодин, Соловьев, Устрялов), записки иностранцев (Контарини, Кампензе, Барбаро, Герберштейн), массовые печатные издания (газеты и журналы), архитектурные памятники (Покровский храм), сборники с документами (собрание государственных грамот и договоров, акты, относящиеся к истории Западной России и т.д.).

2. Д.И. Иловайский использовал подробную систему ссылок на источники и литературу в сво-

ём произведении, что свидетельствует о высоком научном уровне текста.

3. Дмитрий Иванеович смог из разрозненных фактов, дат и имён написать полноценный труд по региональной тематике.

4. Его исследование открыло новое направление в отечественной исторической науке и стало первой научной работой по локальной истории.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. В 5 томах. СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. 1. 1334-1598. 612 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. В 5 томах. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. 1. 1340-1506. 428 с.
3. Алякринский И.С. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань: Типо-Литография Н.Д. Малашкина, 1889. 129 с.
4. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М.: Университетская типография, 1838. Т. 2. Кн. 3-4. 679 с.
5. Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения 1855. № 5. С. 79 – 114.
6. Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1842. 903 с.
7. Герберштейн С. Записка о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. 430 с.
8. Гумилевский Ф. История русской церкви. М.: Издание книгопродавца М.А. Ферапонтова, 1888. 1302 с.
9. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1855. Т.2. 323 с.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1991. Тома II-III. 832 с.
11. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1838. 261 с.
12. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Андриановой-Перетц. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 404 с.
13. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Период удельный, 1054-1240. М.: Университетская типография, 1850. Т. 4. 463 с.
14. Полевой Н.А. История русского народа. М.: Типография Августа Семена, при Императорской Мед-Хирург, Академии, 1833. Т. 4. 478 с.
15. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. 345 с.
16. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843. Т. 2. Ипатьевская летопись. 377 с.
17. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1833. Т. 6. Софийская летопись. 358 с.
18. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. Т. 9. Никоновская летопись. 256 с.
19. Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М.: Университетская типография, 1829. 317 с.
20. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1836. Т. 1. 627 с.
21. Татищев В.Н. История Российская // Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 2, 3. Часть 2. 688 с.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arheologicheskoy komissiej. V 5 tomah. SPb.: Tipografija Jekspedicii zagotovlenija Gosudarstvennyh bumag, 1841. T. 1. 1334-1598. 612 s.
2. Akty, odnosjashhiesja k istorii Zapadnoj Rossii. V 5 tomah. SPb.: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1846. T. 1. 1340-1506. 428 s.
3. Aljakrinskij I.S. Rjazanskie dostopamjatnosti, sobrannye arhimandritom Ieronimom. Rjazan': Tipografija N.D. Malashkina, 1889. 129 s.
4. Arcybashev N.S. Povestvovanie o Rossii. M.: Universitetskaja tipografija, 1838. T. 2. Kn. 3-4. 679 s.
5. Berezin I.N. Nashestvie Batyja na Rossiju. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija 1855. № 5. S. 79 – 114.

6. Vostokov A. Opisaniye russkikh i slovenskikh rukopisej Rumjancovskago muzeuma. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1842. 903 s.
7. Gerbershtejn S. Zapiska o Moskovii. M.: Izdatel'stvo MGU, 1988. 430 s.
8. Gumilevskij F. Istorija russkoj cerkvi. M.: Izdanie knigoprodavca M.A. Ferapontova, 1888. 1302 s.
9. Dolgorukov P.V. Rossijskaja rodoslovnaja kniga. SPb.: Tipografija Jeduarda Vejmar, 1855. T.2. 323 s.
10. Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo: v 12 t. M.: Nauka, 1991. Toma II-III. 832 s.
11. Kniga Bol'shomu chertezhu, ili Drevnjaja karta Rossijskogo gosudarstva, ponovlennaja v Razrjade i spisannaja v knigu 1627 goda. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Rossijskoj Akademii, 1838. 261 s.
12. Povest' vremennyh let po Lavrent'evskoj letopisi 1377 g. pod red. chlena-korrespondenta AN SSSR V.P. Andrianovoj-Peretc. M.;L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 404 s.
13. Pogodin M.P. Issledovanija, zamechanija i lekicii o russkoj istorii. Period udel'nyj, 1054-1240. M.: Universitetskaja tipografija, 1850. T. 4. 463 s.
14. Polevoj N.A. Istorija russkogo naroda. M.: Tipografija Avgusta Semena, pri Imperatorskoj Med-Hirurg, Akademii, 1833. T. 4. 478 s.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisej. SPb.: Tipografija Jeduarda Praca, 1856. T. 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku. 345 s.
16. Polnoe sobranie russkikh letopisej. SPb.: Tipografija Jeduarda Praca, 1843. T. 2. Ipat'evskaja letopis'. 377 s.
17. Polnoe sobranie russkikh letopisej. SPb.: Tipografija Jeduarda Praca, 1833. T. 6. Sofijskaja letopis'. 358 s.
18. Polnoe sobranie russkikh letopisej. SPb.: Tipografija Jeduarda Praca, 1862. T. 9. Nikonovskaja letopis'. 256 s.
19. Rozenkamp G.A. Obozrenie Kormchej knigi v istoricheskom vide. M.: Universitetskaja tipografija, 1829. 317 s.
20. Semenov V. Biblioteka inostrannyh pisatelej o Rossii. SPb.: Tipografija III Otdelenija Sobstvennoj E.I. V. Kanceljarii, 1836. T. 1. 627 s.
21. Tatishhev V.N. Istorija Rossijskaja. Tatishhev V.N. Sobranie sochinenij: v 8 t. M.: Ladomir, 1994. T. 2, 3. Chast' 2. 688 s.

Turchenko D.A.,
Gymnasium No. 62, Novokuznetsk,
Khudoleev A.N., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute,
Kemerovo State University

Analysis of the sources of D.I. Ilovaisky's Master's thesis "The History of the Ryazan Principality": towards the formulation of the problem

Abstract: Dmitry Ivanovich Ilovaisky was a famous person in pre-revolutionary historical science and education. A bright, principled polemicist, a talented anti-Normanist scientist, a convinced monarchist, the author of dozens of times reprinted gymnasium textbooks on Russian and universal history, the first historical and local history dissertation "History of the Ryazan Principality" and the fundamental study "History of Russia". Unfortunately, his scientific concept, principles and methods of work, creative laboratory are poorly studied [30, 31].

The purpose of the work is to analyze the source base of D.I. Ilovaisky's master's dissertation "History of the Ryazan Principality". The article examines the sources used in the dissertation. The types of sources, methods and techniques of D.I. Ilovaisky's work with historical sources are highlighted. A comparative analysis of the text of D. I. Ilovaisky's master's dissertation with written historical sources: chronicles, diplomas, monographs of pre-revolutionary historians, articles, lives, reports, legislative acts, issues of newspapers and magazines.

As a result, it is concluded that while working on his master's dissertation D.I. Ilovaisky used a significant layer of written and oral sources, recreating the ancient and medieval history of his small homeland bit by bit. This helped the scientist to depict the Ryazan Principality in relief in the overall picture of the development of ancient and medieval Russia. The consequence of this was the significant contribution made by D.I. Ilovaisky to the popularization of historical and local history issues in the scientific and historical thought of Russia in the second half of the XIX century.

Keywords: Dmitry Ivanovich Ilovaisky, historical thought, pre-revolutionary historiography, Ryazan Principality, historical sources, historical local lore, master's dissertation

For citation: Turchenko D.A., Khudoleev A.N. Analysis of the sources of D.I. Ilovaisky's Master's thesis "The History of the Ryazan Principality": towards the formulation of the problem. Historical Bulletin. 2023. 6 (4). P. 196 – 201.

Received: June 2, 2023; Revised: June 24, 2023; Accepted: July 14, 2023.